

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

РЫЦАРЬ из ни $\oplus$ ткуда

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

РЫЦАРЬ из ни $\oplus$ ткуда

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Radio «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.

Сварог тут не исключение.

Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.

FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, когда понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.

Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чёртова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
(готовится к выходу)
Радиант
(готовится к выходу)

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

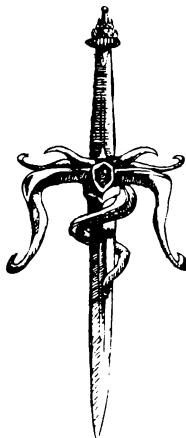

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Рыцарь
из ниоткуда

Роман

МОСКВА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2017

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Б90 Бушков А. А.

Рыцарь из ниоткуда. Роман / Александр Бушков. —
М. : Абрис, 2017. — 368 с. — (Сварог — фантастический
боевик). — ISBN 978-5-00111-172-6.

Скучающий в провинциальной воинской части майор ВДВ Станислав Сварог жаждет битв. Старый монгольский шаман помогает ему обрести желаемое — в один прекрасный день Сварога засасывает страшная воронка, он попадает на планету Талар, в мир, где живут лары — могучие колдуны, правящие миром. Сварог — один из них.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-172-6

© Бушков А. А., текст, 1996
© Торговый дом «Абрис», 2017
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2017
Все права защищены

Человек, хоть однажды сумевший прорваться сквозь бумажные стены обывенной жизни, сквозь эти непрочные стены, которые тем не менее так надежно от рождения до могилы держат многих из нас в плену, неминуемо приходит к открытию: если окружающий мир тебе не нравится, его можно изменить. Надо только принять твердое решение любой ценой изменить его — и ты добьешься своего. Ты можешь оказаться в более неприятном, трудном и даже опасном положении, но может случиться, что жизнь твоя станет ярче, приятнее или, на худой конец, просто интереснее.

Герберт УЭЛЛС
«История мистера Полли»

Пролог

НАД САМОЙ КЛЕТКОЙ ЛЬВА

Восьмого сентября одна тысяча девятьсот девяносто первого года, где-то во второй половине дня, майор Станислав Сварог (для друзей — Стас, для солдат за глаза — Эсэс) окончательно уверился, что сошел с ума. Многие здравомыслящие люди на его месте сделали бы именно такой вывод. Были все основания. Представьте, что вы шагаете по степи и вдруг проваливаетесь по колено в эту сухую твердую землю, причем ноги ваши ниже колен вовсе и не чувствуют ни тесноты, ни сжатия, ни иного неудобства, вообще ничего не чувствуют, словно бы болтаются в воздухе. И вы погружаетесь дальше, медленно, с этакой плавной игривостью аэростата, однако ж неотвратимо, лицо ваше все ближе к земле, становящейся бесплотным видением, лишь зрительно отделяющим вас от загадочной пустоты, в которую вы погружены уже по пояс, по грудь, вы брыкаетесь и бьетесь от ужаса и, будто этого мало, вдруг чуете, что ваши ноги начинают задевать и сшибать какие-то твердые предметы, а порой вас ловят за щиколотки чьи-то руки и тянут, целеустремленно тянут вниз. И все кончается — примерно на уровне нагрудных карманов форменной рубашки, вы вновь обнаружили, что сто-

ите как ни в чем не бывало на сухой твердой земле, и одежда ваша ничуть не запачкана, и благим матом вы не орете лишь из воздушно-десантного гонора. Представьте еще, что эти фантасмагории происходят что ни день, причем исключительно тогда, когда поблизости нет ни души, никто вас видеть не может и потому нет подтверждения, что все это происходило на самом деле. А также добавим, что «погружения» эти случаются не только в чистом поле, но и на бетонированном полу танкового ангаря, и в коридоре третьего этажа, и прямо на лестнице, причем те, кто находился на втором этаже, ваших растущих из потолка ног не видели... Одним словом, вы очень быстро начнете с нехорошим эгоистическим интересом присматриваться к табельному «Макарову». «Макаров», конечно, та еще бандура, и всякий, кто понимает толк в огнестрельных игрушках, согласится, что невероятно трудно попасть из него именно туда, куда целишься, но при всех недостатках «Макара» достоверно известно: себе в висок никто еще из него не промахивался. Осечки случались, а вот промахов как-то не бывало...

Вот так-то. Не ходите к психиатру, если начнете вдруг регулярно проваливаться под землю и в последний момент выскакивать оттуда, как пробка от шампанского. Психиатр все выслушает, но никогда ничему не поверит, а начнет кормить таблетками, от которых хочется лечь, едва встанешь, встать, как только ляжешь, и, что хуже всего, они не совмещаются со спиртным. Для советского человека, даже слегка и развращенного перестройкой и гласностью, добровольно зайти к психиатру столь же жутко и невозможно, как наделать в штаны, едучи в автобусе, — тем более майору ВДВ, который себя в ином качестве и не мыслит...

С учетом вышеизложенного и вышепережитого нетрудно понять, что майор Сварог пошел поначалу по избитому пути великорусского самолечения от всех недугов — то есть принимал национальное лекарство под скучную закуску, а то и вовсе без таковой. Но это было чревато — во многих отношениях. В преддверии вывода войск из неожиданно оказавшейся суверенной Монголии в перестроенную неизвестность начальство зверело; а телепатически чуявшие наличие спиртного друзья, нагрянув незамедлительно, быстро превращали лечение в обычный гудеж, где добывать очередной пузырь предстояло тому несчастливцу, кто уже не мог без запинки выговорить имечко первого монгольского астронавта — Жугдэрдемидийн

Гуррагча. К тому же Сварог ужасно боялся по пьянке проговориться. Ну и жена ныла, конечно. Одним словом, у него помаленьку ехала крыша, и во второй половине дня, ближе к вечеру, майор Сварог философски заключил, что сошел с ума.

Это эпохальное открытие он сделал, как большинство его предшественников — от Ньютона до Эдисона, — в совершенной будничной обстановке, стоя на краю раскопа и тупо пялясь вниз. В раскопе ударно, словно и не советские люди, шурковали археологи, ихние девочки по причине жаркой погоды работали в скучных купальниках, и, когда Сварогу надоедало думать, что он сошел с ума, он смотрел на загорелые спины и думал то, что на его месте думал бы любой нормальный мужик. Впрочем, от хозяйки одной из загорелых спин он уже получил свое в одной из палаток (ну романтика, конечно, палатки, полевой сезон) — правда, в довесок пришлось потом долго слушать, какая свинья оставшийся дома муж (не понимает, не удовлетворяет, изменяет и денег не приносит). Пикантно, но наверняка его собственная жена в тот момент талдычила то же самое Витюше Малову на хате у последнего — в качестве довеска. Ну и хрен с ними со всеми. Все осточертело настолько, что даже разводиться с женой было лень.

Археологи работали в диком темпе, от рассвета до заката. Ходили слухи, что ошалевшая от суворенитета Монголия вскорости начнет драть за позволение на раскопки в валюте, что было вполне логично, — сам Сварог на месте монголов так и поступил бы. Все дерут со всех, и это называется рынок. И все такое прочее. Ленин лезет на броневик, Ельцин лезет на танк, а куда прикажете залезть десантному майору, который любит свое дело, терпеть не может жену и начальство и ничегошеньки не понимает в происходящем? А остается ему разве что залезть на археологическую Свету. Пока дает без валюты. Пока однажды не провалился под землю окончательно.

«А может, там, под землей, что-нибудь хорошее? — уныло подумал Сварог. — Может, не сопротивляться, когда за ноги тащат? Но с каких это пор за ноги тащили к чему-то хорошему?»

Он зло плюнул, огляделся вокруг, подобрал симпатичный легонький камешек и осторожненько кинул его вниз, Свете в загорелую спину, целясь повыше правой лопатки, ну и попал, конечно, зря учили, что ли? Света недоумевающее покрутила головой, узрела его. Сварог изобразил лицом и фигурой

немой вопрос с явственной сексуальной подоплекой. Света черкнула ладошкой по горлу, изобразив лицом и фигурой предельную загруженность работой, и вновь принялась царапать своей кисточкой, помаленьку добывая из земли тесаное бревно. Они там, внизу, обнаружили мавзолей какого-то древнеисторического вождя и сейчас как раз готовились его откупорить. Когда-то устроители задумали его даже покруче ленинского — почетный караул так и остался рядом на века, с конями и оружием.

— На столе горела лампа, но Света не давала, — проворчал себе под нос Сварог один из Штирицевых апокрифов, повернулся через правое плечо и побрел себе прочь к военному городку, уже как-то привычно ожидая, что вскорости опять провалится под землю и будет пинать чьи-то шарящие руки, норовя угодить по пальцам. Шагал и безмятежно напевал:

А вот они, условия,
а вот она, среда,
а в общем, для здоровья
полезны холода...

Но он отмахал половину пути и до сих пор не провалился. Ну что ж, хоть что-то приятное в этой жизни. Он немного воспрянул душой — совсем немного, но все-таки — и шагал себе, пока не услышал за спиной быстро приближавшееся «члак-члак-члак», стук копыт по сухой земле. Тогда он остановился и обернулся.

А это старый Мэлсдорж ехал на монгольской, ясное дело, лошадке, крохотной и лохматой, но выносливой и проворной, как черт. Сварог очень любил на них ездить и очень хотел бы увезти такую домой, да ведь не было дома...

Старый знакомый узнал старого знакомого, дружелюбно оскалился, отчего его косеные глазки совсем было закрылись. И они не спеша двинулись дальше бок о бок — Сварог размашисто шагал, и лошадь шла шагом. Все трое молчали — люди просто так, а лошадь согласно естеству.

— Ты еще имя не поменял? — спросил Сварог.

— Не стоит. Дурная примета, говорят.

Имя у Мэлсдоржа было отнюдь не монгольское, как могло бы показаться несведущему. Монгольским было только традиционное окончание мужского имени «дорж», а «мэлс»

означало — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. Была такая мода когда-то.

— Уходите? — спросил в свою очередь старый знакомый Мэлсдорж.

— Похоже, — сказал Сварог.

— Куда? — из вежливости спросил Мэлсдорж.

— На муда, — проинформировал Сварог.

— Далеко, однако, насяльник... — оскалился стариk, знавший русский не хуже Сварога.

— А вас китайцы слогнут. Звездой гавкнете.

— Выкрутимся, — сказал Мэлсдорж. — И будем Великая Монголия.

Он был большой великомунгольский националист, но как-то скорее теоретически. Или ностальгически, что вернее.

— Для великой Монголии нужен Чингиз, — сказал Сварог. — А где вы Чингиза возьмете? Гуррагча не потянет.

— Тоже верно, — согласился Мэлсдорж. — Никак не потянет.

И они опять молчали. Сварогу полегчало на душе, он знал, что при свидетеle ни за что не провалится.

— Я мимо ехал — копают, — сказал Мэлсдорж, махнув плеткой за спину, в сторону раскопа. — Скоро совсем выкопают. Плохо.

— Почему?

— Таким лучше лежать внизу. Беспокойные. Раскопаешь такого — хлопот не оберешься. Думаешь, они совсем мертвые? Да нет...

— Херня, — сказал Сварог.

— Сам ты херня. Помнишь, где мой сын воевал? У вас на фронте. А почему у вас получилась война с соседями? Забыл? Потому что за пару недель до того Тимурленга раскопали. Потому и никто не скажет, где лежит Чингисхан, — хотя знает немало народу...

— Ну-ну, — сказал Сварог.

Мэлсдорж полез за отворот синего дэли, добыл из-за пазухи мятую пачку «Мальборо», откусил у сигареты фильтр, выплюнул. Щелкнул длинной китайской зажигалкой, пустил дым меж лошадиных ушей и спросил:

— Знаешь, кто на свете самые умные? Пастухи. Как я.

— Почему?

— У пастухов больше всего времени, чтобы думать. Голова свободная, а времени для мыслей много. Темучин, между прочим, тоже когда-то стада пас...

— Интересная версия, — сказал Сварог. — Слушай, а что там за хан? Какой-нибудь Чингизов племянничек?

— Это не наш, — сказал Мэлсдорж. — Они гораздо раньше нас жили. Светлобородые. Очень, очень давно. Когда здесь еще текли могучие реки. Беспокойный каган, не улежит, будет таскать живых...

Сварог невольно вздрогнул. И спросил:

— А как народ назывался?

— Светлобородые, — сказал Мэлсдорж. — И все. Имена забываются. Народов было несметное множество, и часто они уносят с собой свои имена...

— Вот именно, — отрешенно поддакнул Сварог. — Уж сколько их сорвалось в эту бездну, разверстую вдали. Настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли...

Он не любил выходить из образа тупого майора. Но с Мэлсдоржем было можно.

— Хорошая песня, — сказал Мэлсдорж. — Сам сочинил?

— Да нет...

Они опять замолчали и молчали до самой развилки, места, где Сварогу надо было сворачивать к военному городку, а Мэлсдоржу пылить вперед, в недалекий город.

— Водки выпьешь как-нибудь? — спросил Мэлсдорж. — Заходи, юрта пока на старом месте. Водки много.

— Да ну, — вяло сказал Сварог. — И так жить страшно.

— Совсем страшно?

Сварог поднял глаза. Мэлсдорж спокойно смотрел на него сверху вниз — морщинистая рожа, загадочный прищур. Весь он был как таинственный в своем всеведении бронзовый бурханчик. «Мы ж здесь чужие, — прямо-таки панически подумал Сварог, — мы все уйдем с нашими танками, котельными и радиарами, и мы, и аймачные шишки с японскими телевизорами, и Гуррагча со спускаемым аппаратом. И китайцы, если придут, рано или поздно уйдут в ту же бездну. А степь и пастухи останутся, извечные, как закат».

— Нельзя смотреть в глаза, — сказал вдруг Мэлсдорж.

— Что?

— Когда за тобой бегает покойник, нельзя смотреть ему в глаза. Насовсем уволочет.

— Ну, за мной-то покойники не бегают... — слабо усмехнулся Сварог.

— А кто за тобой бегает, живые, что ли?

Сварог дернулся и встал посередине дороги. Он припо-мнил все слухи, создавшие Мэлсдоржу шаманскую славу, — и японский магнитофон, за который жена прапорщика Швыдко вроде бы обеспечила супругу полную и окончательную, колдовского происхождения трезвость на всю оставшуюся прaporу жизнь. И нереально быстро сросшуюся ногу военюриста Нежного, и разные сбывшиеся предсказания. И прочие свершения, в том числе те, что, как бы это выразиться, обладали обратным знаком: у капитана Лазуткина, спяну заехавшего Мэлсдоржу в морду, поселилась в ванной огромная кобра, видимая одному только капитану. Кобра капитана периодически кусала, да так, что он орал на весь дом (причем следов укусов не отыскивалось), потом стала гоняться за ним по всему городку, пока не достала окончательно на штабных учениях. Возможно, все дело было не в колдовстве Мэлсдоржа, а в водке. Но генералу из Москвы, рядом с которым прошли выпущенные Лазуткиным в настырную кобру пули, в любом случае следовало почувствовать. Кстати, лейтенант Круподеров, с одиннадцати вечера и до рассвета искавший в нас kvозь знакомом военном городке свой дом, был непьющим и шпациев из набора противохимической защиты тоже не употреблял. Но все равно чуть не рехнулся — городок был, а его пятиэтажки не было. В детали он вдавался скромно, но ходил потом к Мэлсдоржу просить прощения и кланяться подарком...

Вспомнив все, что болтали о Мэлсдорже, Сварог испугался еще больше. И от испуга бухнул:

— Помочь можешь?

— Помогают человеку, когда он хочет, чтобы ему помогали, — сказал Мэлсдорж.

— А я что, не хочу?

— А откуда ты знаешь, чего хочешь? — сказал Мэлсдорж и поднял плетку.

Лохматая лошаденка обрадованно рванула вперед, и Сварог остался один — правда, в прямой видимости для часового под зеленым грибком, так что погружения пока исключались.

Дома он залез в ванну, вставил пробку, плеснул три колпачка свято сберегавшегося женой дефицитнейшего шампуня. Ванна понемногу наполнялась, пена щекотала плечи, с пола орал паршивенький магнитофон, дешевенький в Японии и стоявший бешеные деньги в Союзе. Сварог курил с закрытыми глазами и пытался представить, что он сейчас в Ницце — но

и саму Ниццу он представлял себе смутно, так что ничего не выходило.

Вообще ничего путного не выходило. А то, что жизнь не вышла, выяснилось уже давно. Стоило ли долбить в училище французский, если не быть атташе ни в Париже, ни даже в Бухаресте, и даже детективов на французском не достать? А те заграницы, где побывать довелось, лучше забыть навсегда. Стоило ли млечь возле ясноглазой студенточки, если из нее через десять лет получилась законченная стерва? Стоило ли становиться хорошим десантником, чтобы удерживать на тронах чужедальних мудаков? Стоило ли читать столько книг?

Все дебеты-кредиты были не в его пользу — поневоле взвольши. Что же тогда удивительного в «погружениях»? Рехнулся он или все происходит на самом деле, ясно одно: к везучему и счастливому человеку такая дрянь определенно не привязывается.

В дверь, оказывается, давненько уже стучали, потом начали барабанить. Сварог протянул мокрую руку через край ванны, не глядя убрал звук.

— Долго ты еще там? — вопросила жена не требовавшим ответа визгливым тоном.

Сварог передернулся и громко, с невероятным удовольствием спросил:

— Ты что, у Витьки подмыться не могла?

Ответа он, понятно, не ждал. Вместо такового грохнула кухонная дверь — а вот этого он и ждал. Закатив глаза, Сварог довольно улыбнулся в потолок, зажег сигарету, закинул голову, шумно выпустил дым.

И провалился в глубину.

Стенок ванны уже не нащупать, он бешено молотил руками и ногами, не находя опоры, в глаза хлынула вода, и пришлось зажмуриться, ничего не соображая от ужаса. Воздуха в груди почти что и не осталось, вода, ставшая холодной, быстро волокла Сварога неизвестно куда. Превозмогая резь, он открыл глаза, инстинктивно рванулся туда, где, казалось, светнее.

И вынырнула под солнечный свет и голубое небо, фыркая, кашляя, отплевываясь, старался удержаться на поверхности, он вообще-то неплохо плавал, течение волокло его то к берегу, то на стремнину, а по берегу за ним неслись азартно вопившие всадники, и что-то свистело у них над головами, а потом свистнуло и у него над головой. Арканы. Полосатые, черно-белые.

Две жесткие колючие петли туго захлестнули поперек туловища, всадники враз остановили коней и потянули Сварога к берегу. Косо волочась поперек течения, давившего на тело упругим напором, выплевывая воду, он смятенно думал одно: откуда в степи такая река? И, только оказавшись на сочной зеленой траве, осознал, какой он идиот, — его ведь достали наконец...

А всадники хохотали от души. И Сварог уже рассмотрел, что их высокие лошади ничуть не похожи на монгольских, а сами они, светловолосые и светлобородые, на монголов. Он сидел на траве, а они высились над ним, люди в чешуйчатой броне, ярких разноцветных плащах и остроконечных шлемах с гирляндами лисьих хвостов. Самые что ни на есть реальные, хотя им никак не полагалось быть.

Потом один из них расстегнул большую затейливую пряжку на правом плече и сбросил свой желтый плащ к ногам Сварога. Сварог встал, закутался в плащ. Подъезжали новые всадники, сужая кольцо вокруг него, и вдруг в одном месте кольцо разорвалось, почтительно освобождая проход кому-то важному, и прямо к Сварогу направился человек с золотой цепью на груди, в золотом широком поясе, с властным лицом начальника. Шлем его был позолочен и украшен черно-бурыми хвостами, а не рыжими, как у остальных. За ним вели белую лошадь, а рядом с лошадью бежал косматый старик без доспехов и без оружия, то и дело разражавшийся ликующими воплями.

— Теперь ты видишь, Великий Меч, что я... — заорал он.

— Что твоя голова пока что остается при тебе, — бросил вождь, не оборачиваясь, и воины расхохотались, качаясь в седлах.

Взмах руки, перехваченной в запястье широким золотым браслетом с дракоными головами, — и всадники рассыпались в стороны, поскакали, сбились табунком метрах в ста, да так и стояли там. Остались только вождь, его коновод и лохматый старик, весь увешанный диковинными амулетами. И Сварог, понятно, запахнувшийся в желтый плащ, из-под которого торчали босые ноги. Сварог оказался выше всех ростом. Он попытался сообразить, почему так вышло, что он прекрасно понимает их язык, но догадки в голову не шли.

— А я совсем собрался было отрубить ему голову, — непринужденно, словно старому приятелю, сказал Сварогу вождь, кивая на старика. — Но он оказался прав. Дым зелий и заклинания и в самом деле позволяют путешествовать во времени.

— Я один помню великое знание, я последний... — завопил стариk, отчаянно тряся амулетами.

— И теперь я буду тебя беречь, успокойся... — сказал вождь, вновь повернулся к Сварогу: — Я Нохор. Великий Меч... и кто-то там еще, есть другие титулы, ничуть не тусклее. Но все они — преждевременная лесть. Великие свершения требуют великих походов. Великие походы требуют не только множества воинов, но и немалого числа военачальников. И если случается так, что сказки про древнее искусство колдунов оказались правдой, можно взять военачальников, которые давно умерли... или еще не родились. Как ты.

— Но я-то родился, — буркнул Сварог, чуточку ошеломленный деловым напором.

— Это неважно. Я умер для тебя, ты не родился для меня, но вышло так, что мы встретились.

Глаза у него были желтые и холодные, рыси. Сварог видывал рысей, а одну даже убил в Забайкалье, хоть и нечестно, из автомата. Сейчас автомата не было, а Нохор опаснее десятка рысей...

Сварог отер ладонями мокрые волосы, мокрые усы. Мыслям далеко до полного сумбура, но все равно потрясение оказалось сильным. И Сварог оторопело молчал. Потом открыл рот. И бухнул:

— Может, это твоя могила и есть...

— Где?

— Там... — Сварог поднял руку, но спохватился, что не знает, в какую сторону показать. — Там, где я был... живу...

— Возможно. У каждого из нас когда-нибудь непременно будет могила. И я не настолько глуп, чтобы рассчитывать прожить... сколько ты говоришь, старый, нас с ним разделяет?

— Две тысячи лет! — ликующее заорал стариk. — Ради тебя я превозмог две тысячи лет! Я...

— Две тысячи лет, — сказал Нохор. — Я не рассчитываю даже на сто лет. — Он улыбнулся одними глазами. — А там, рядом с моей могилой, нет ли случайно твоей?

«А кто его знает, — подумал Сварог. — Может, мы там оба, и Света сейчас нас обоих раскапывает... Кто же это — готы, динлины? Или один из многочисленных народов, от которых не осталось имен? К тому же каждый народ всегда именовал себя совсем не так, как называли его соседи...»

— Я не хочу... — вырвалось у него.

— Может, и не хочешь, — сказал Нохор. — А может, и хочешь. Этот старый болтун, пытаясь мне объяснить свои секреты, твердил, что будто бы не в состоянии увлечь того, кто этого не хочет. Что-то похожее говорил. Он ужасно много болтает, но я не слушаю, признаться, потому что меня интересует конечная цель, а не сопутствующие ей потоки высокоумных слов. Он не врал, что сможет забраться на две тысячи лет вперед и умыкнуть оттуда подходящего человека. Я в этом убедился. И этого мне достаточно. Тебе, я думаю, тоже. Сейчас тебе принесут оружие, одежду, приведут коня. Тебе будет интересно. У меня уже есть трое таких, что умерли сотни лет назад, но ты первый из тех, кто еще не родился...

Глаза, спохватился Сварог, нельзя смотреть ему в глаза, а я смотрю! Он опустил голову, уперся взглядом в сочную зеленую траву, потом посмотрел на реку, широкую, полноводную, быструю, высохшую в незапамятные времена. В те времена, которым предстояло еще наступить тысячи лет спустя. А в «незапамятных» временах он сам сейчас пребывал.

Сомнений в реальности происходящего у него не было решительно никаких. Однажды в далекой жаркой стране — не в той, где Аллах, а там, где посреди столицы, на площади, стоял каменный лев, — он допился до белой горячки и с тех пор считал себя знатоком галлюцинаций. Да наверняка таковым и был, как всякий, кому довелось столкнуться с Белой Леди (как выражался интеллигентнейший алкоголик доктор Зуев, раза три в год тихо гонявший из-под стола опричников, чекистов и вовсе уж экзотическую нечисть вроде друидов). Вокруг, без сомнений, была стопроцентная реальность — с яркой зеленью, шумом реки, запахами конского пота и нагретых солнцем кольчуг, и кожаной сбруи, и пропыленного плаща, в который кутался Сварог. С влажной землей под ногами и ветерком. С неизвестным Истории вождем Нохором, приверженцем крайне оригинальных методов вербовки новобранцев, явно не собиравшимся упрашивать или давать время на раздумье. Единственная поблажка, на которую вождя хватило, — не наезжать, с легкой улыбкой ждать, пока опамятуется ошеломленный небывалым прибытием на сборный пункт очередной рекрут.

«А почему бы и нет? — подумал вдруг Сварог. — Почему бы и не стать генералом доисторической конницы? Как бы там ни обстояло, хуже не будет. Это главное. Хуже не будет. Понижают в должности здесь наверняка просто — булавой по темечку.

Зато и не превращают в деръмо собачье в огромных кабинетах, не заставляют строить социализм на другом конце света, бегать за водкой для столичного генерала и нежно поддерживать его превосходительство за локоток, пока оно блюет с крыльца. Деньги здесь не деревянные, а золотые, а подлецов можно вешать, если найдется поблизости дерево. И все такое прочее. Но самое, самое главное — здесь попросту режут и жгут, не подводя под все это идейную базу...

Вот только — воздух... „Мы обрушились с неба, как ангелы, и опускались, как одуванчики“. Все правильно, и некоторых из наших в самом деле кончали еще в воздухе (отчего оставшиеся в живых им порой завидовали), но все равно непосвященному не понять, что такое для десантника, отнюдь еще не старого, провести остаток дней своих прикованным к земле. К тому же...» Сварог чутко прислушался. Где-то над самым ухом явственно слышалось далекое ворчание моторов, гудение дрянных, советской работы, водопроводных труб, орал магнитофон, под гром оркестра с божественной хрипотцой надрывалась Эдит Пиаф:

Он застонал и упал ничком
с маленькой дыркой над виском.
Браунинг, браунинг...
Игрушка мала и мила на вид,
но он на полу бездыханный лежит.
Браунинг, браунинг...

Звуки его квартиры прорывались сквозь Необычное.

И Сварог понял, что не сможет. Он не в состоянии был уйти от прежней жизни, хоть и похожей на фантасмагорию, от ее идиотизма и надежд. От неба. Высокие слова отчего-то чаще приходят на ум, когда стоишь голый на берегу. Шум утраченного было мира становился все навязчивее, громче, явственнее, и не потому ли лохматый стариашка, на котором амулетов больше было, чем одежды, ошарашенно заметавшись, вдруг побежал к массивной трехногой курильнице, чадно дымившей неподалеку?!

Сварог кинулся к недалекому берегу, заметив краешком глаза, что всадники рванули галопом ему наперерез, и отметив краешком сознания, что они непременно опоздают. Он сам не знал, почему поступает именно так, — его словно бы вела

чужая непонятная убежденность, опытная воля. Плащ полетел в сторону, Сварог прыгнул. В воду он вошел косо, шумно. Целеустремленно и тупо, словно торпеда, пошел на глубину. Сильными гребками разметывая воду, рвался неизвестно куда, плыл словно бы уже не в воде, а в густом синем тумане, липнувшем к телу. Потерял всякую ориентацию, не соображал уже, где он и двигается ли вообще. Разноцветные круги перед глазами превратились в плавающий навстречу бледный свет. Удушье стиснуло грудь, Сварог открыл рот, но не почувствовал хлынувшей в горло воды, совсем ничего не почувствовал, ни воды, ни воздуха, и это оказалось самым страшным. Он дернулся всем телом к свету.

И взмыл из родной ванны, расплескивая воду на пол. В горячке выскочил, перевернув магнитофон, дернул хлипкую задвижку, вывалился в комнату, запаленный, голый и мокрый.

Родная жена, изучавшая в кресле не особенно старый номер «Плейбоя», посмотрела поверх цветной красотки в строгом деловом костюме, но с провокационным вырезом до пупа; хмыкнула, спросила с надеждой:

— Ну что, крыша едет? Зуеву звонить? В трезвой полосе сейчас ваш Зуев, отходняк обеспечит... Вон там, под столом, есть кто-нибудь? Черти, скажем, или душманы?

Сварог, опамятившись, ответил ей простыми русскими словами (правда, по слухам, происшедшими от китайцев) — в том смысле, что под столом нет никого, а в кресле сидит... и... Жена, видя, что с ним все в порядке, разочарованно вздохнула и заслонилась замусоленным прапорами журналом. Сварог вернулся в ванную, быстремко обтерся, наскоро подтер воду и убрался в комнату смотреть телевизор, а точнее — быть на глазах у этой стервы, что исключало новые неприятности в виде удаленного на два тысячелетия, но оказавшегося таким близким вербовочного пункта. Странно... Считалось, что две тысячи лет назад стремян еще не было, не изобрели. Выходит, были, раз Сварог сам их видел, — они и сейчас еще позывкали в ушах, как ни орал телевизор.

Интересно, что делает сейчас лохматый стариашка, крайне озабоченный сохранностью своей головы на шее? «Они ж меня достанут рано или поздно», — подумал Сварог, и эта мысль была сродни устоявшейся зубной боли. Чутье подсказывало, что Нохор в сто раз упрямее любого отечественного военко-

мата. И нет никакой возможности от него защититься. Нельзя всю оставшуюся жизнь провести безотлучно на чьих-то глазах. Хотя бы в туалет нужно периодически забредать.

Было даже хуже, чем в той стране, где вместо Бога был Аллах, чем в той стране, где торчала на площади статуя льва, — в дальних краях, забывшихся так надежно, что даже цветные ленточки на кителе и шрам на бедре с ними никак не связывались. Если прикинуть, там было даже лучше, там в него попросту стреляли, и можно было отвечать, сколько душе угодно, а теперь — словно волна тащила подальше от берега. С волной не договоришься, от нее не отобъешься...

Не отобъешься?

...Он стоял так, чтобы его видел часовой под зеленым грибком, слушал далекое порыкивание танкового мотора и смотрел на дорогу — точнее, скверную колею, пробитую машинами в сухой земле и подпорченную конскими копытами. Таких дорог тут было множество, они сплетались, разбегались, могли завести в самые неожиданные места. Когда-то совершенно трезвый доктор Зуев на старом уазике ухитрился заехать в Китай без всяких пограничных формальностей. Он ехал себе и ехал, заблудился, но ничуть не расстроился, потому что любая дорога куда-нибудь да приведет. И эта старая истина нашла подтверждение, когда впереди показались белые невысокие строения казарменного вида, осененные алым полотнищем на высоком флагштоке. Хорошо еще, остроглазый доктор вовремя заметил, что полотнище-то алое, но вместо серпа и молота на нем красуется большая золотая звезда в компании четырех маленьких, золотеньких... Дело было, между прочим, еще при жизни Мао, когда по обе стороны границы ужасно друг друга не любили. Доктор рванул оттуда быстрее лани, в Китае его никто не заметил, а дома все обошлось, даже потом, когда эскулап проболтался-таки по пьянке, ему никто не поверил, включая бдительного особиста, знавшего по-китайски целых восемнадцать слов.

Сварог стоял и смотрел на дорогу — ничего другого не оставалось. По случаю воскресного дня динамик на столбе орал эстрадные песни, и идеологически выдержанная певица заливалась во всю глотку: «Прощай, король, прощай!» — как будто ее когда-нибудь могли подпустить беседовать к королю да еще разрешили «тыкать». Сварог в уме сказал про певицу матерное, не отрывая взгляда от дороги.

И он был вознагражден, дождался Мэлсдоржа. А тот нисколько не удивился. Просто придержал конька и хладнокровнейшим образом спросил:

— Что, допек каган?

— Допек, — сказал Сварог.

— Я же говорил — беспокойный... Что, помочь надо?

— Надо, — сказал Сварог.

— Россия идет к рынку, Монголия идет к рынку...

— Что надо? — спросил Сварог.

— Автоматных патронов надо. Волков развелось.

— Делов-то, — сказал обрадованно Сварог. — Автомат не надо?

— Автомат мне уже звезданули, — сказал Мэлсдорж. —

А вот золота надо. Не для меня. Для кагана.

— Откупаться? — не понял Сварог.

— Считай, что откупаться...

Если кто-то станет уверять вас, что майору в отдаленном гарнизоне ни за что не звездануть полрюкзака автоматных патронов, пошлите его к черту. Даже не обязательно быть майором. Дело совершенно житейское. Гораздо труднее, не зажигая света и не разбудив жену, ночью отыскать и сгрести в карман ее золотишко. А покинуть ночью территорию, перемахнув через забор из потрескавшихся бетонных плит, и вовсе проще простого, вы не в Чикаго, юноша, вы в советском военном городке...

Эта ночь своей веселой жутью, наверное, запомнится на всегда. Мэлсдорж привел его в какую-то мастерскую, где два монгола только что откупорили водку, совершенно по-русски распотрошив на газете «Унэн» селедку и плавленые сырки. Однако, увидев Мэлсдоржа, они поклонились чуть ли не до земли, убрались в уголок, враз забыв про водку, и пулей выскакивали оттуда, едва Мэлсдорж коротко отдавал непонятные распоряжения. Они разожгли огонь в горне, притащили инструмент и снова пристроились в уголке, испуганно таращась на Сварога, — ему явно перепала доля суеверного почтения.

— Ты тут в законе, я смотрю, — сказал Сварог, неловко топчась посередине и все время натыкаясь на ржавые железяки.

— Много будешь знать, генералом не станешь, — сказал преобразившийся Мэлсдорж, вдруг ставший ловчее, проворнее, даже, похоже, моложе. — Садись туда и пей водку. Вон водка стоит.

— Да как-то... — зажеманился Сварог.

— Ничего. Им на работе нельзя, не хотят они водки.

Он что-то каркнул через плечо, и безымянные монголы подались из угла, отчаянными жестами показывая Сварогу, как им не хочется водки и как они рады его угостить. Сварог без церемоний уселся на пыльный ящик и взялся за водку. В целях успокоения расстроенных нервов.

Но он не дождался никакого колдовства с заклинаниями и таинственными тенями. Тени елозили по стенам самые прозаические — от занятого работой Мэлсдоржа, время от времени помогавших ему безымянных монголов и самого Сварога. Правда, Мэлсдорж все время бормотал себе под нос, но выглядело это вполне обыденно.

Он работал без устали — плавил золото, разливал его в крошечные формы, бормотал над формами. Сварогу все же порой становилось жутковато — то глаза у безымянных монголов закатывались в ужасе под самую черепушку, то из-под стола маячила посторонняя тень, то как-то по-особенному посвистывал ветер, — и он наливал себе еще на два пальца, как истый янки, только содовую, понятно, не лил, откуда здесь содовая? А Мэлсдорж работал, как ювелир. Похоже, здесь помимо прочего делали еще и женские украшения — иначе откуда все эти тигельки и замысловатые инструменты, красивые, неуместные в мастерской, как две капли воды походившей на обиталище советского слесаря.

Когда в бутылке осталась третья, а крохотные отливки остывали, Сварог сообразил, что мастерит Мэлсдорж: пули под макаровский патрон, две штуки. Мэлсдорж, видимо, сделал главную работу — он сел на ящик рядом со Сварогом и выпил водки, а безымянные монголы вытаскивали из Свароговых патронов коричневые пули и осторожненько вставляли на их место золотые, следя, чтобы не просыпать пороха и не помять гильзы.

— Стреляй все равно куда, — сказал Мэлсдорж.

— Ну, спасибо...

— Ладно, чего там. Дело не в тебе, майор, хоть мужик ты и хороший. Порядок должен быть. Если ты мертвый — лежи, а не скитайся по чужим векам. У нас от своих не прдохнуть, скоро и в степи будет тесно, а тут еще и китайцы плодятся...

Сварог осторожно покачал пули кончиком пальца. Они сидели в гильзах крепко, словно генералы из «райской группы»

в московских кабинетах. Мэлсдорж разлил остатки водки в два стакана, зашвырнул свою в рот, не коснувшись губами посуды (Сварог завистливо крякнул), пососал селедочный хвост, держа его за плавники, привычно вытер пальцы о голенище мягкого сапога, подумал и спросил:

— А чего ты, если подумать, ерепенился? Был бы уважаемым человеком, на лошадке скакал, города брал... Все лучше, чем сейчас.

— Да привык я здесь как-то, — сказал Сварог. — Прижился.

Он подозревал, что лукавит — в первую очередь перед собой. Видимо, все дело — в голой степи. Окажись на месте молодого честолюбивого степняка король из высокого замка (водопровод и канализация не обязательны), все прошло бы не в пример легче. Но степь выглядела очень уж пустой, необставленной, скучной. А Сварог был неистребимо городским. Степь (пусть и называвшаяся иначе) старательно и яро пыталась убить его и в стране Аллаха, и в стране Льва, в степи пропал без вести отец, степь уже два года держала его здесь в плоской тюрьме без стен. Степь меняла облики и названия, степь ни разу не задела ни осколком, ни пулей, но всегда оставалась злокозненной плоскостью, богатой лишь необозримыми горизонтами да изредка — горами.

Он шумно вздохнул, защелкнул патроны в обойму, обойму в рукоятку, спросил:

— А еще водка есть?

Безымянные монголы, мешая друг другу, торопливо полезли в шкафчик.

Назад Сварог возвращался тепленьким, бодрым и совершенно бесстрашным. Он передернул затвор, вдобавок еще взвел курок, чтобы не полагаться на самовзвод. Сие было чревато — случалось, «Макар», лежа в кобуре или в кармане, сам собой срывался с предохранителя, бабахал самостоятельно, и хозяин получал пулю — в соответствии с присущим ему везением или невезением. Но Сварог хотел подстраховаться.

Он шагал, браво покачиваясь, держа курс на скучные огни военного городка и услаждая себя песней из французского репертуара:

Его отец был арлекином,
а мать наездницей была.

И с колыбели был подкинут
он в мир добра и зла.
А колыбель его висела
над самой клеткой льва,
и слышал мальчик то и дело
судьбы своей слова:
«Ты был рожден акробатом,
твой долг — менять города...»

Когда-то, в полуза забытые времена больших несбытийных надежд, он пел ее под гитару по-французски, а сейчас помнил только вариант на языке родных осин. Земля под ногами оставалась твердой, разве что норовила,стерва, то и дело вздышаться и заехать под коленки. Нохор не появлялся. Под луной замаячил справа сутулый, чутко присевший снежный человек алмасты — но этот перебросками во времени не занимался и вряд ли сам знал точно, в каком времени живет. Для ученых он был загадкой, для читающей публики сенсацией, а для местных жителей — неопасной вонючей тварью, обитавшей поблизости с незапамятных времен и потому столь же привычной, как закат или понос. Белые люди в военной форме поначалу принимали его за алкогольную галлюцинацию, но потом тоже приобувились, если не считать озверевшего от безделья осоиста, полагавшего здесь замаскированные китайские происки.

Свярого поднатужился и гаркнул:

— Зашибу, сука!

Алмасты отпрыгнул не сгибая колен и припустил во мрак, в котором благополучно и растворился. Он уже успел понять, что от белых людей в военной форме нужно спасаться галопом.

— Это нормально, — сказал сам себе Свярого голосом то ли Горбачева, то ли Кашпировского, идиотски захихикал и пошел дальше под огромными звездами.

В эту ночь его так и не потревожили. Утрецком он отпился холодной водой и поскорее убрался подальше от семейного очага, пока жена не обнаружила исчезновения золота. Насколько позволяли служебные обязанности и распорядок дня, он то и дело уединялся, откровенно нарываясь. Да так и не нарвался. Начал даже подозревать, что удрученный провалом эксперимента шаман умер от инфаркта или был сгоряча укорочен на голову.

Домой возвращаться как-то не тянуло. Он без всякого удовольствия забрел в гости к замполиту Ульянову (ни с какого боку не родственнику). Ульянов без всякой фантазии кушал водку и был мрачен как никогда, — в голову ему стукнуло, что в нынешние бурные психопатические времена его под горячую руку причислят к родственникам вождя трудящихся всего мира и, чего доброго, положат в Мавзолей. Симптомчики были знакомые, означавшие, что к ночи из холодильника полезет Карл Маркс, и придется бежать за доктором Зуевым, который Карлу непременно прогонит, если только сам не будет гонять друзей. Правда, если подумать, для замполитовой печали были все основания — ходили стойкие слухи, что в ближайшее время замполитов ликвидируют как класс, а ничего другого Ульянов как-то не умел, да и не особенно-то порывался учиться, честно говоря. На сковородке у него догорал разодранный по страничкам партбилет — но Ульянов, как выяснилось, к демократам примыкать вовсе не собирался, просто разочаровался в родной партии, разучившейся делать перевороты. Сварог выпил водки, пожелал Ульянову приятной беседы с Карлом Марксом и направился к археологам.

На полдороге его и достало — и качественно. Он вошел в сухую твердую землю, как утюг в ведро с водой, чисто по привычке побарабхтался немного, но потом опомнился, зачем-то поднял руки над головой, решив, что так пойдет легче, — и провалился из солнечного дня в ночь. Поблизости жарко пылали высокие костры, ржали лошади, вокруг стелился странно тяжелый, устойчивый дым из причудливых курильниц на затейливых ножках, и шаман, целехонький и здоровехонький, разразился столь радостными воплями, что голова его, похоже, еще миг назад и впрямь висела на волоске.

А Нохор смотрел на Сварога с нехорошим удовлетворением, как на желанную долгожданную игрушку, улыбался во весь рот, и у висков покачивались черно-бурые лисьи хвосты и еще какие-то плоские золотые висюльки, дракончики и кони. Сварог медленно и плавно, как во сне, опустил руку, дернул большим пальцем клапан кобуры.

— Ну и пришлось же за тобой побегать, — сказал Нохор. — Как за капризной девкой, право слово. Ничего, все позади... — И приказал, не оборачиваясь: — Приведите ему коня.

Кто-то, невидимый за пламенем костров, припустил прочь, отчаянно стуча сапогами. Все так же медленно и плавно Сварог

поднял руку, отводя большим пальцем ребристый язычок, он успел еще испугаться, что по неведомым законам колдовства перенесенный в другое время порох не вспыхнет, а пружина не распрямится, — и тут же, в некий растянутый на долгие минуты миг, ощутил, как освобожденный ударник пошел вперед, и кусочек свинца в обтекаемой медной оболочке ввинтился в нарезы, подпираемый упругим, удлинявшимся цилиндром раскаленного газа, коричневая гильза неспешно ушла вправо по параболе... Кажется, рядом вопили, звенели оружием, выхватывая мечи на бегу, кто-то проломился прямо сквозь костер черным чертом в ворохе ало-золотистых искр — но вокруг Сварога уже смыкалась мутная пелена, и, стреляя второй раз, он уже плыл посреди этой пелены в непонятном направлении, видел еще, как прямо перед ним, перед дулом пистолета, возникла в сером тумане дыра с неровными краями, и в ней виднелись далекие костры с мелькавшими на их фоне черными, неправдоподобно четкими силуэтами — а потом исчезли и дыра, и туман. Сварог стоял почти на том же месте, впереди виднелся раскоп, а пистолет был в руке. Чисто машинально он выщелкнул обойму, большим пальцем вышедши коричневые кургузые патроны. Их оказалось пять. Шестой, дело ясное, сидел в стволе, загнанный туда предыдущим выстрелом, — а две золотых пули остались в неизвестном прошлом. Значит, удалось. Произошло так быстро, буднично и скучно, что на душе стало не радостно, а скучно и больно. Сказкам положено кончаться как-то не так — то ли веселее, то ли необычнее.

Но по дороге к раскопу Сварог пришел к выводу, что сказки всегда кончаются именно так — скучно и буднично. Никто не заглядывал в те будни, что простираются за словами «Тут и сказке конец» — а это еще не конец, там обязательно должно что-то происходить, ведь живы положительные герои и даже часть отрицательных, и удачливому принцу причитается полкоролевства, а спасенной принцессе не обойтись без законного брака, она же не подзаборная какая-нибудь и не кухаркина дочь. Голова дракона (или тролля) валяется в пыли под забором на заднем дворе, куда ее откатили пинками кухонные мужики, чтобы не мешала таскать с ледника говядину и запечатанные жбаны. У царевны (или принцессы) нет ни одного приличного платья, и нужно ее срочно обшивать, старшие сыновья на стенку лезут от злости, и их вполне можно понять: они, скорее всего, старателю и серьезно готовились к восшествию на трон, изучав-

ли экономику, финансы и военное дело, пока младшенький в обществе говорящих серых волков болтался за тридевять земель (к тому же наверняка без паспорта и подорожной, так что дипломатам теперь отписываться не одну неделю). Министры ломают голову, как надлежащим образом разделить королевство пополам, не разрушив устоявшихся хозяйственных связей, не задев границы баронских имений и общинных выпасов. Если там есть биржа, она на всякий случай паникует, и курсы иностранных денежек скачут самым причудливым идиотским манером. Простонародье, усмотрев реальные шансы на лишний уик-энд, гуртуется в кабаках и у дворцовых ворот — вдруг выкатят бочку? Один папаша-король на радостях надрался и тискает фрейлин. А сам принц сидит в горнице и понемногу начинает соображать, что начинается скучная будничная жизнь, потому что спасенная принцесса, став законной супругой, черта с два отпустит освобождать других принцесс и рубить драконов, ибо женщины невероятно практичны. В общем, болото, не зря же умница волк предупреждал, что больше они не увидятся...

Сварог добрел до края раскопа и глянул вниз. Мавзолей был уже вскрыт, бревна убраны, и гробокопатели в полном составе толпились вокруг, восхищенно лицезрея скелет, лежавший меж каких-то чаш, ржавых клинков с уцелевшими тускложелтыми рукоятями (значит, золотыми) и прочего хлама, настасканного когда-то в могилууважения ради. Сварог сначала наблюдал без всякого интереса, высматривая среди загорелых спин Светину, потом вдруг встрепенулся, проглотил подступивший к горлу комок, сбежал вниз по хлипким шатким мосткам и стал проталкиваться ближе под недоуменное оханье тех, кому вгорячах наступал сапожищами на босые ноги.

На запястье скелета тускло желтел массивный браслет с драконьими головами. От черно-бурых хвостов, понятно, не осталось и следа, но обок пустых глазниц лежали плоские золотые висюльки, прикрепленные к шлему, — золотые дракончики и кони. Сварог стал высматривать пули — должны же быть где-то, что им, золотым, сделается? — но на него коршуном налетел ихний главный: бородатый демократ, сидевший на «Огоньке», как наркоша на игле, и оттого питавший к военным людям биологическую ненависть, какую старая дева питает к голым кисулям из «Плейбоя» — по определению доктора Зуева, ерника и консерватора, успевшего с бородатым подраться

в зыбкие дни ГКЧП (правда, не по политике, а из обоюдного пьяного куража). Налетел и стал нудить про нетленные ценности науки, коей не имеют права мешать пьяными визитами представители имперской военщины. Сварог к тому времени давнопротрезвел, но, чтобы не огорчать интеллигента, огрызнулся в классическом стиле:

— Если ты такой умный, чего строем не ходишь? Сталина на тебя нет...

Выбрался из раскопа и потащился в военный городок. На душе было невыразимо мерзко и хотелось переиграть все назад. Как это сплошь и рядом водится, изничтоженный своими руками шанс казался теперь единственным, ради чего стоило жить, а собственная решимость избавиться от лучшего будущего — достойной последнего придурука. При мысли, что он, побывав за таинственной дверью, сам заколотил ее за собой и обречен отныне на этот мир, тоскливо бешенство захлестывало мозг. Нестерпимо хотелось иного — иных миров, иной жизни, иной судьбы.

Неизвестно, успел ли он подумать, что страстные желания имеют пакостное свойство сбываться.

А может, все произошло так быстро, что и не успел.

Потом пьяный доктор Зуев говорил особисту, что в Англии вот ежегодно пропадают без вести двенадцать тысяч человек, и ничего, никто не делает из этого драмы. Трезвый особист послал его подальше и угрюмо сидел над докладной — он вообще-то привычно узрел в бесследном исчезновении майора С. С. Сварога китайские происки, но совершенно не представлял, как это аргументировать на бумаге. Мэлсдорж кое-что чуял, но его никто не спрашивал.

А в общем, пропавшего толком и не искали — на одной шестой части суши закручивались такие дела, что остальные пять частей пребывали в паническом обалдении, и где уж тут помнить о каком-то майоре, пусть даже кавалере парочки экзотических орденов...

Часть I

МИЛОРД

Глава 1

ОН ИДЕТ

Сначала была боль — обжигающая, пронизывающая, залившая тело от корней волос до ногтей на пальцах ног. Боль стала столь невыносимой, что вдруг исчезла, оставив тело в полной одеревенелости, и Сварог, оцепеневший, скорченный, увидел, как сквозь окружающий мрак проступают смутно-голубые и смутно-алые линии, наливаются красками, становятся ярко-синими и ярко-алыми, продлеваются, простираются в беспрепредельность, выгибаются, закручиваются в спирали, синусоиды и кривые, и все это — лишь крохотная часть заполнившего необозримую Вселенную необозримого переплетения.

Он попробовал закричать, но не смог зачерпнуть и глотка воздуха. Правда, и удышья он не ощущал. Тело просто-напросто стало камнем, в котором жило только сознание. Одного он не мог понять: это его несет вдоль разноцветных линий (к синим и алым незаметно добавились зеленые и фиолетовые), кружка и вращая, — или он висит неподвижно посреди этой загадочной необозримости, а разноцветные линии водят вокруг затейливые хороводы? Как бы там ни обстояло, головокружения он не ощущал. Но что он вообще ощущал? Что это не может быть сном, что он прекрасно помнит все предшествующее... И только.

Следовало бы испугаться, но этот то ли полет, то ли висение посреди кружашщейся разноцветной паутины тянулось так

долго, что Сварог, как ни удивительно, не испугался, а заскучал. Он долго ругался, но истощил изобретательность и все старые запасы, пробовал читать стихи, но исчерпал боезапас еще быстрее, потому что ругаться гораздо проще, нежели вспоминать стихи. Принялся мысленно разбирать — в строгой последовательности и до последнего винтика — сначала «Макаров», потом «Манулин» МР-73 «Комбат», но запутался в винтиках, плюнул мысленно...

Мысленно?! Нет, самым натуральным образом. Губы шевельнулись, с языка сорвалась слюна и канула во мрак ртутно сверкнувшим комочком. Сварог осторожно вздохнул. Дышалось. Теперь можно было и кричать, вот только зачем? Он протянул руку, попытался коснуться оранжевой (уже появились и такие) линии.

Руку плавно отвело в сторону. Линии вокруг стали шире, напоминали ленты, и с них срывались искры того же цвета, словно высекаемые невидимым ветром, угасали в черноте, и это прибавляло уверенности, что движутся все же линии, а сам Сварог висит неподвижно.

Насколько он помнил, Бог в такой ситуации воскликнул: «Да будет свет!» Однако Сварог чувствовал, что эпигонство здесь неуместно — на всякий случай стоит воздержаться, — а из исторических афоризмов годится лишь краткий и энергичный, изреченный наполеоновскими гвардейцами при Ватерлоо.

Тут его начало кружить, словно насаженного на булавку жука — вокруг булавки, то по часовой стрелке, то против, то вовсе уж небывалыми выражениями, и стало ясно, что движется все-таки он. Линии стягивались в сужавшуюся воронку с радиужными стенами, где темноты убавилось настолько, что она сама стала лишь узенькими угольно-черными лентами, и в эту воронку засасывало Сварога.

И втянуло головой вперед. Показалось даже, будто воронка явственно булькнула, цинично и торжествующе. И дальше его несло сквозь серо-белесоватую мглу, кувыркая, швыряя и подбрасывая, тыкая под ребра — то чем-то тупым и твердым, то чем-то мягким, упруго поддававшимся, а вокруг мелькали цветные пятна и смазанные силуэты то ли предметов, то ли живых существ.

Хлынул звук — словно врубили клавишу. Выло, свиристело, ухало, скрежетало. Щемяще нежные ноты, обрывки песен на

непонятном языке, чудесные мелодии перемежались с отвратительным хрупаньем и волчым воем. Звук накатывал тутими волнами, уши и мозг едва это выносили.

Потом его швырнуло, бесцеремонно приложило о твердо-упругую поверхность — затылком, лопatkами, всем телом. И на этом, кажется, полеты окончились, он стал неподвижен. Вокруг царила темнота, поодаль светились силуэты, отдаленно напоминающие человеческие, — светились бледным, прозрачным гнилушечным сиянием.

Сварог шевельнул руками, ногами, приподнял голову. Казалось, совсем близко, всего в нескольких сантиметрах над ним, висела неощутимая плита, чуточку поддававшаяся, но тут же замиравшая броневым листом. Ветвистые фиолетовые молнии, шипя и свистя, сорвались откуда-то сверху, впились в лицо, в голову, в грудь, он дернулся, заорал, но тут же осознал, что никакой боли не испытывает. Страха не было, крепла злость. Он понимал, что его вновь настигли невероятные странности, что это наяву и он заброшен неведомой силой неведомо куда, неведомо зачем. И не было ни сил, ни желания ни пугаться, ни удивляться. Сварог перешел в какое-то иное, не прежнее состояние души — попросту воспринимал окружающее, как оно есть, и не более того. Хотя воспринимать особенно и нечего, окружающее не баловало его впечатлениями. Только темнота и маячившие вокруг немые силуэты, походившие молочно-белесым цветом на бледные поганки. Небогато и скучно, даже уныло. Но была во всем этом некая мрачная неотвратимость, убеждавшая, что это — всерьез и надолго. Отчего-то Сварог был в этом уверен. И почему-то ничуть не грустил по этому поводу. Но и не радовался — чему, Господи? Ничего пока не произошло...

Силуэты шевельнулись и словно бы подступили ближе. Сварог дернулся — невидимая преграда держала по-прежнему, равнодушно и надежно.

— Скажи свое имя, — услышал он голос, самый обычный, тусклый и равнодушный до бесполости.

Сварог шевельнулся. Все это было всерьез, окружающее проявляло признаки чего-то разумного, разговаривало с ним членораздельно, одним словом, вступало в игру, в какие-то отношения, а в любой игре есть игроки — и есть спортивный инвентарь. Каковым Сварог становиться никак не хотел. Пусть и не прятал в рукаве пока что никаких козырей, даже правил игры не знал.

— Воспитанные люди сначала представляются сами, — сказал он в темноту.

— А если они хозяева? — бесполым голосом спросила темнота.

— Тем более, — сказал Сварог.

И зажмурился, охнув, — темнота полыхнула багровыми языками пламени, огонь был со всех сторон, жар стягивал кожу, вот-вот, казалось, затрещат и вспыхнут волосы, займется одежда. Это было страшно. Но Сварог, подергавшись в тщетных попытках освободиться, очень скоро определил — огонь словно бы замер на некоем рубеже и дальше не распространяется. Лицо и руки пекло, часы с браслетом охватили запястье жарким кольцом, один нательный крестик на цепочке приятно холодил кожу. Но пламя не переступало границы. Прищуренными глазами Сварог наблюдал колыхание огненных языков вокруг. Багрово-золотистые, они сплетались и дергались, вздымались и опадали и отчего-то ничуть не походили на вырвавшийся на волю пожар. Скорее на дерганье и ломанье марионетки, управляемой ловким и умелым кукольником. Их пляска не повторялась механически — но и кукла в сноровистых руках способна на многое и может показаться живой дикарю, ни разу в жизни не видевшему марионеток. Так вот, огонь был мертвый, как марионетка.

— Назови свое имя, — требовал назойливый голос. — Ты стыдишься своего имени? Ты трус? Твое имя слишком позорно звучит, чтобы произнести его, да? Ты трус! Ты боишься!

Хохот нескольких глоток сопровождал арию невидимого солиста. Хохотали наглые, сытые, уверенные в себе, и Сварог рявкнул в ответ, выкрикивая оскорблений, несравненно более обидные, чем те, какими его награждала невидимая свора. Этот дурацкий поединок длился недолго. Голоса умолкли, исчезло пламя, остался неведомо откуда идущий свет без теней.

И в этом свете над Сварогом склонилось чудовище.

Бледно-синее, безволосое, морщинистое. Лысая голова склонялась к лицу Сварога, ровным желтым светом сияли глаза с вертикальными кошачьими зрачками, щелкала треугольная клыкастая пасть, омерзительно вонявшая гнилью и падалью. Скохшииеся пальцы с черными когтями тянулись к горлу Сварога и никак не могли до него добраться, словно невидимая преграда исправно работала на обе стороны, сковывая Сварога,

но и защищая. Узкий язык, красный, острый, дергался в слюнявом зеве. Чудище раскачивалось, брызжа слюной, орало:

— Скажи свое имя! Имя!

Но напугать оно могло разве что таежного отшельника, не приобщенного массовой культурой к хрипящим монстрам и воющим покойникам. А Сварог, мало того что многое насмотрелся на экране, еще больше жути пережил наяву — и сам творил эту жуть. Чем дальше, тем больше отдавало самой вульгарной комедией, детскими страшилками.

— Пошел вон, — сказал Сварог.

— Это все зря, зря, зря... — забубнили вокруг голоса, словно перекликались.

— Время уходит, уходит, его нет совсем...

— А мы бессильны, бессильны...

— Но мы не можем быть бессильными...

— Не имеем права...

Голоса искаjались странным эхом, плыли, слова растягивались, тягучие гласные и резко, как выстрел, звучавшие согласные превратили шумевшие вокруг разговоры в сущую абракадабру, и Сварог ничего уже не понимал. Чудовище исчезло — незаметно, словно повернули выключатель, только что дергалось и хрипело над самым лицом — и вот его нет. И никто не пришел ему на смену. Ровный неяркий свет без теней поблек, сквозь него там и сям стали проступать непонятные контуры, путаница наливавшихся четкостью и чернотой линий проявлялась в нечто знакомое. Голова ощутила мягкую прохладу податливой подушки, тело — легкое свежее одеяло. Сварог лежал в постели. Белая комната, мирное голубое небо за окном, сирень на столике у изголовья. Человек в белом халате сидел у постели, лицо у него было доброе и заботливое, он радостно, ободряюще улыбнулся, склонился к Сварогу:

— Ну и задали вы нам хлопот... Знаете, сколько вы здесь лежите и бредите? Долгоночко...

Сварог медленно расслаблялся, вытянул руку вверх — ну конечно же, никакой невидимой преграды. Пальцы дрожали — ничего удивительного.

— Бред, — сказал он.

— Бред, — торопливо подтвердил врач. — А теперь напрягитесь-ка, вам следует все вспомнить. Сколько вас было в вертолете? Ну? Вас накрыло почти сразу же после взлета... Вы ведь капитан Лаврин?

— Нет, — сказал Сварог. — Я — майор Сварог. Нас в вертолете...

Что-то странное и неладное случилось с глазами. В той точке, куда он в данный момент смотрел, все виделось резким и отчетливым, но боковое зрение отмечало, что все, оказавшееся не в фокусе, зыбко колышется, расплывается...

И еще он совершенно точно помнил — не было никакого вертолета. Он с полгода не садился в вертолет. Да что же это с глазами такое? Там, куда переводишь взгляд, все вновь становится четким, стабильным — но захваченное краешком глаза лицо врача, такое ласковое, такое участливое, напряженно-внимательное, словно подергивается пеленой раскаленного воздуха, дергается, гримасничает, нос стекает к подбородку, уши оплывають, проваливаются внутрь...

Он моргнул, присмотрелся к сирени. От нее совсем не пахло сиренью.

— Ну же, — торопил доктор. — Значит, в вертолете вас было... Вы майор Сварог... дальше! — В голосе у него промелькнуло что-то визгливое, скрипучее.

— Не было никакого вертолета, — сказал Сварог.

— Был, — мягко сказал врач. — Он упал. Вы хорошо помните, кто вы? Назовите себя!

— Вы не знаете, кто я? — спросил Сварог.

— Знаю. Скажите сами. Ваше полное имя.

— Не было никакого вертолета! — сказал Сварог. — Слышите?

Он приподнялся на постели, вскочил рывком, сгреб за халат этого лучезарно доброго врача с заботливыми усталыми глазами. Врач остался неподвижен, как манекен, а Сварог ощущал, что его рука вместо накрахмаленного белейшего халата намертво ухватила что-то жестокошерстное, мохнатое, горячее, живое, — и оно испуганно рванулось, так, что Сварога дернуло следом, он врезался головой в грудь застывшего на стуле врача. И голова прошла насквозь, Сварог свалился с постели, кудрявая шерсть выскользнула из руки, он барабатился на чем-то твердом и холодном, не мог вскочить, как ни пытался.

Тяжелая тьма обрушилась сверху под зазвучавший со всех сторон вой, посвист, визг.

И он провалился в эту тьму, потеряв опору под ногами, под невыносимый вой и визг, выходивший за пределы слуха, сотрясавший каждую клеточку тела, летел куда-то вниз, как камень;

сердце захолонуло и словно бы перестало биться от дикой скорости падения и бесформенного хаоса вокруг. Тяжелые клубы мрака кружили вокруг, метаясь во всех направлениях, — а может, это его переворачивало и вертело... Призрачно-белый свет прорывался короткими вспышками неизвестно откуда, и в эти секунды Сварог успевал заметить вокруг, на косматых и плоских черных облаках, свое многоократное отражение, нелепо распяленную кружашуюся тень, охваченную плотным кольцом дергающихся нелюдских силуэтов, сопровождавших его с хохотом и воем, писком и царапаньем, их спутанный клубок напоминал странный венок, то и дело менявший очертания, но остававшийся отвратительным для глаза.

Он не знал, сколько продолжалось падение в неведомые глубины. Падал сквозь тьму, сквозь колючие вспышки мертвенно-белого света, отбиваясь от тянувшихся отовсюду лап, тонких, как сожженные сучья, изгибавшихся самым невероятным образом, как не способна изогнуться человеческая рука, царапавших то ли длинными когтями, то ли уродливыми пальцами, оравших и вывихих в уши. Падал сквозь мир двух красок — черной и белой, — сквозь странно изменившийся воздух, врывавшийся в легкие, волной удушливого сухого жара, смердящего так, что вонь понемногу перестала ощущаться, застыла в ноздрях, во рту, в глотке плотными пробками, перехватывавшими дыхание.

Падение оборвалось столь же неожиданно, как и началось, умолкли визги и вой, уродливые тени отхлынули во все стороны и пропали неизвестно куда. Остался смрад, окутавший так плотно, что собственное тело казалось Сварогу пустым мешком, надутым жарким вонючим воздухом. Зато под ногами наконец-то оказалась твердая поверхность, напоминавшая шероховатый, выветрившийся камень, покрытый слоем невероятно сухого пепла, в котором ступни утопали по щиколотку. Пошевелившись и переступив с ноги на ногу, Сварог не услышал звука собственных шагов — все звуки терялись и глохли в идущем неведомо откуда то ли вопле, то ли стоне, столь громким и неумолчном, что он скорее казался составной частью окружающего воздуха.

Осмотревшись, он понял, что стоит на крутом склоне невообразимо глубокой пропасти, исполинской воронкой уходившей в бездну, где дна словно бы и не существовало. Сварог это чуял, хотя и не смог бы объяснить, откуда знает. Повсюду, куда

ни глянь, на фоне прямо-таки космической черноты отблескивало ало-багровое пламя — оно вздымалось лохматыми языками и тут же опадало, чтобы через миг вновь взмыть рваными гигантскими лоскутьями, оно изливалось тяжелыми фонтанами, гнувшимися к земле, струившимися медленными ручьями, оно светило высокими кострами, рассыпалось на мириады пожарищ, сливалось в чудовищные омуты. Но светлее от обилия огня не становилось ничуть — это был мир без теней, без света, мир, состоявший лишь из мрака и огня. И повсюду, куда ни глянь, корчились, бились, метались черные человеческие фигурки — словно мураши в охваченном огнем муравейнике, их было столько в окружающем необозримом пространстве, в реках и струях пламени, что к горлу подступила дурнота и все чувства, казалось, вот-вот откажутся служить, растворившись в безумии огня.

Больше всего это напоминало ад — и Сварог боялся подумать, что так оно и есть. Сознание вяло теплилось, и сам себе он казался песчинкой на дне колодца — над головой, чуялось, нависли неизмеримые выси, соразмерные расстояниям меж звездами, еще немногого — и расстояние меж ним и голубым небом станет непреодолимым...

Он держался, отгоняя пытавшееся заползти в душу безумие. Повторял про себя: это наваждение, мираж, морок, ничего этого нет, а если и есть, не способно ни одолеть, ни проглотить, вот-вот рассеется, как дурной сон, время уходит, они сами говорили, что их время уходит...

Оказалось, он не брошен и не забыт — корявые, дергающиеся, хихикающие тени мелькали со всех сторон меж потоками и озерами дымящегося пламени, дразнили, смыкали круг, плясали на фоне багрового огня, вставали на рогатые головы, дразнились высунутыми языками — и все это в совершеннейшем безмолвии, можно и подумать, что оглох, если бы не долетал отовсюду этот многоголосый стон.

Тени отпрыгнули, прячась за пламенем, припадая к земле, дикий вой пронесся над склоном кратера, словно бы колыхнув повсюду пламя. Кто-то невероятно высокий, черный, неразличимый, окутанный крутящимся маревом багровых искр, шагнул прямо к Сварогу, навис, жуткий и безликий, сотрясая землю и вздымая пепел поступью тяжелых лап. И взвыл, оглушая:

— Назови свое имя! Иначе оставлю здесь навсегда!

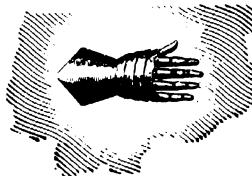
Однако Сварог уже ощущал в себе силы не просто сопротивляться — нападать, фантасмагории и ужасы только злили, минутная слабость пропала начисто, что бы там ни пугало вокруг, как бы ни тужилось. Слишком многое видел и многое прошел, чтобы сейчас сдаваться. Черный еще громоздился над ним, колыхаясь и подрагивая, словно отражение в текучей воде, но Сварог шагнул вперед, чертя в воздухе крест:

— Сгинь, нечистая сила!

Слова приходили сами собой — и черная фигура дернулась, отступая под визг пляшущих дьяволов.

— Сгинь, рассыпься!

Все закружилось вокруг в бешеной карусели, потоки бурлящего пламени, муравьиное скопище черных скрюченных фигурок, тучи сухого пепла, сознание погасло прежде, чем он успел увериться, что победил...

Глава 2

ОН ПРИШЕЛ

Сварог открыл глаза. Над ним был потолок, сводчатый, светло-серый, в ромбовидных черных узорах, словно бы едва намеченных водянистой черной тушью. Стены того же цвета, в тех же незамысловатых, но приятных для глаза узорах. Постель, на которой он лежал, стояла у окна, и за распахнутым окном, на небольшом отдалении, слегка покачивались верхушки деревьев. И никаких странностей со зрением. И на сей раз он ощущал запахи — от окна тянуло едва уловимым свежим ароматом загородного леса. Напрягая слух, Сварог даже различал шелест листвьев, короткое звяканье — словно захлопнулась металлическая калитка, обрывки непонятного разговора.

Сторожко, словно угодивший в незнакомые места зверь, оглядел комнату. Дверь напротив окна — обычная высокая дверь, полукруглая вверху, аркообразная, с фигурной черной ручкой, затейливо выгнутой. Овальное зеркало в желтой металлической раме — оно отражало часть пола и стены, а Сварога не отражало, он лежал в стороне. Пол то ли устлан серо-голубым ковром, то ли искусно раскрашен. Пожалуй, все-таки ковер, решил Сварог, хорошенько присмотревшись. Он долго пытался понять, чего в комнате не хватает. Сообразил вскоре: нигде не видно ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего светильник. Ни электрических ламп, ни канделябров со свечами.

Проходила минута за минутой, и ничего не случалось. Абсолютно ничего. Никто не появлялся — ни люди, ни чудовища.

Едва слышно шелестела за окном листва, легкое дуновение ветерка пронеслось по загадочной комнате.

Сварог решился, откинул пушистое белое одеяло, состоявшее из мириад крохотных белых цветов, неведомым образом удерживавшихся вместе. Опустил ноги на пол. Его первые открытия сводились к следующему: во-первых, он был гол, как Адам, исчезли одежда, часы, обручальное кольцо, только крестик на шее остался; во-вторых, под ногами был действительно ковер, на редкость мягкий. И, разумеется, в-третьих... Самое интересное. Оказывается, за высокой спинкой кровати стоял широкий стол на толстых точеных ножках. Там лежала аккуратно разложенная одежда. Но не она казалась самым интересным, а предмет, как две капли воды похожий на меч в ножнах. Голубые ножны украшены золотыми на вид накладками — листья, стилизованные цветы, звезды с количеством лучей от четырех до семи. Черная рукоять, удобная для ладони, вся в ребристых выпуклостях, с короткой крестовиной. На крестовине и в навершии — красные ограненные камни с фасолину величиной. Хм, рубины? Быть может...

Воровато оглянувшись на дверь, Сварог левой рукой придержал ножны, прижимая их к столешнице, а правой осторожно вытянул меч — длинный, узкий, обоюдоострый. Лезвие зеркально отблескивало. Сварог коснулся им края стола, прижал едва-едва — и осталась глубокая зарубка. Пробормотав смущенно: «Тьфу, черт...», Сварог попытался загладить ее ногтем — не получилось.

Он взмахнул клинком — ну какой же мужик откажется поиграть такой игрушкой? — и опешил. Фехтованием он не занимался сроду, даже в детстве его обошла общая эпидемия — когда в шестьдесят шестом впервые показали французских двухсерийных «Трех мушкетеров» и пару месяцев пацанва лихо сражалась по дворам и улицам кто добrotно выструганными шпагами, кто палками. Логично было бы предугадать, что с мечом он управится не ловчее сельской бабушки, которой сунули автомат с примкнутым штыком и велели поработать с манекеном.

Вышло совсем наоборот. Он как-то удивительно ловко и хватко взмахнул мечом. Непонятно, откуда что бралось, но Сварог почувствовал, что может владеть этой штукой, и не плохо. Он знал, что умеет владеть мечом, хотя не умел этого

никогда. Примерно так можно описать его ощущения и впечатления.

Клинок свистнул в воздухе — Сварог сделал пару выпадов, не суливших ничего доброго противнику, если бы тот оказался напротив, закрылся, нанес сверху вниз косой рубящий удар. И подумал, что выглядит глупее глупого — голый с мечом в руке. Осторожно вложил меч в ножны, приступил к одежде — в конце концов, кому другому она предназначалась, как не ему? Присмотрелся, повертел, приложил к себе — и быстро разобralся.

Трусы были самыми обычными, разве что узковатыми и длинноватыми, чуть не до колен. Носки и белая рубашка с широким воротником раздумий не вызывали. Костюм, светло-серый с красным, заставил его покрутить головой озадаченно — штаны на пуговицах, заправленные в высокие мягкие сапоги, могли в сочетании с рубашкой обратить Сварога и в гусарского ротмистра вне службы, и в принарядившегося ковбоя. Зато кафтан — или камзол — никак не подходил ни двадцатому, ни даже восемнадцатому веку. Хотя и украшенный алым кружевом, золотыми пуговицами и шитьем на общлагах, он не походил ни на один наряд, более-менее знакомый по историческим фильмам. Ровным счетом никаких ассоциаций не вызывал.

— Хотя специалист из вас, майор, в данном вопросе, прямо скажем, хреновый, — сказал Сварог вслух ради вящей бодрости.

Взвесил на руке цепь, судя по тяжести, золотую — ее, ежудетно, следовало надеть на шею, потому что больше просто некуда, не ногу же обматывать? Вряд ли привычки здешних обитателей настолько уж экзотичны. О назначении трех перстней с красным, синим и бесцветным — бриллиант? — камнями мог бы догадаться и дебил. Сварог, чуть повозившись, унизал перстнями пальцы, застегнул литую пряжку широкого пояса с мечом и, твердо постукивая каблуками, прошел к высокому зеркалу.

Ну что ж, могло быть и хуже. Он вовсе не выглядел ряженым. Все было ему впору, костюм сидел, каклитой, сапоги не жали. Присмотрелся внимательнее к своему лицу в зеркале. Это был он и не он — немножко не такой. Волосы и усы стали гуще, кожа слегка посветлела, стала чище и моложе. Словно юность вернулась. В курсантах он был точно таким, даже по-

хуже. Сварог ухарски пригладил усы ногтем большого пальца. Румяный молодец в зеркале ему определенно нравился, несмотря на педерастическую золотую цепь — в конце концов, при таком наряде она кажется самой обычной, и если здесь все так ходят...

Подошел к окну, по пояс высунулся наружу, огляделся во все стороны, вверх, вниз.

Он смотрел из окна второго этажа, и над ним было еще несколько этажей. Как велико здание из темно-вишневого кирпича, определить не удалось — и справа, и слева стены круто изгибались, уходя из поля зрения. Словно он находился в башне. Повторяя очертания стен, вдоль дома тянулась желтая мощеная дорожка. За ней росли деревья, а за деревьями поднималась круглая темно-красная башенка с затейливыми зубцами поверху и узкими стрельчатыми окнами. И безмятежно сияло солнце. И тишина.

Ну и что дальше? Пора поискать кого-нибудь. Не похоже, чтобы он пребывал на положении узника, да и это старинное на вид здание, окруженное безмятежным лесом, не походило на училище.

Правда, есть один нюанс... Именно в таких зданиях любят размещаться Конторы. А Конторы во сто раз опаснее тюрем...

Он заморгал, тряхнул головой, вцепился в подоконник. Нет, не чудится — темно-красная зубчатая башенка вдруг поплыла вдаль, уменьшаясь, а потом провалилась вниз, словно ушла под землю...

Сварог застыл с разинутым ртом. В голове промелькнуло: «Опять начинается?!» Растерянно огляделся, ожидая новых фантасмагорий и превращений.

Но ничего не происходило. Мир был реален, многокрасочен и четок, шелестели зеленые кроны, сияло солнце, из-за круто выгибавшейся стены здания показались два человека в черном и неспешно пошли по дорожке, чинно беседуя.

— То есть подсознательная боязнь океана? Вы полагаете?

— Вполне вероятно. Я могу показать расчеты траекторий.

Сварога охватило странное чувство — он понимал каждое слово и смысл фраз, но твердо знал, что говорят не по-русски и уж безусловно не по-французски. Повторялась история с мечом — он умел то, чего не умел никогда, знал что-то и не понимал, откуда он это знает.

За его спиной серебристо прозвенел колокольчик.

Звук шел от двери. Сварог обернулся туда. Вот они и начинаются, события... Рука каким-то очень привычным жестом легла на рукоять меча, но пальцы тут же отдернулись — у его неведомых хозяев было предостаточно и возможностей, и времени причинить ему вред, пока он то ли валялся без сознания, то ли спал.

Дверь распахнулась плавно, бесшумно, в комнату вошел старый, седой человек в темном костюме того же покроя, что у Сварога, — только вошедший был без меча. Зато на груди у него на золотой цепи висела золотая же эмблема, до смешного, до недоумения знакомая эмблема медиков — змея и чаша. А на левой стороне груди посверкивала красной эмалью и красными камешками то ли звезда, то ли снежинка — нечто весьма напоминавшее орден. С блюдце величиной.

Двигаясь не без грации, но явно суетливо, стариk очутился перед Сварогом, быстро окинул его взглядом и изобразил обеими руками нечто церемониально-галантное:

— Я рад приветствовать...

— Доктор? — вопросительно произнес Сварог.

Стариk радостно заулыбался:

— Вы меня узнаете?

— Не имею чести, — сказал Сварог. — Эмблема...

— Эмблема? Ах да, разумеется... — его улыбка все же оставалась натянутой, как он ни пытался это скрыть. — Эмблема, конечно... Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, — сказал Сварог. — И если бы знал, где нахожусь, чувствовал бы себя вовсе прекрасно... Послушайте, вы тоже горите желанием узнать мое имя?

— О, что вы! — Доктор раскланялся любезнейшим образом. — Какая в том необходимость? Мне нет нужды интересоваться вашим именем, я его прекрасно знаю. Вы — лорд Сварог, граф Гэйр.

— Я? — только и нашелся сказать Сварог.

— Собственно, можно было бы титуловать вас и маркизом Черро, но Геральдическая коллегия до сих пор не пришла к единому мнению в столь запутанном вопросе. Лично я не сомневаюсь, что ветвь Гэйров в вашем лице имеет все права на маркизат Черро, однако до официального решения вопроса я могу высказываться лишь приватным образом, а нынешняя наша встреча носит в какой-то мере официальный характер,

Он плел что-то еще, столь же вежливо и многословно, но у Сварога создалось стойкое впечатление, что доктор просто-напросто не знает, как выпутаться из создавшегося положения. Сварог ему искренне сочувствовал — сам-то он вообще представления не имел, что за положение создалось. Недоразумение? Щекотливая ситуация? А в чем ее щекотливость?

— Извините великодушно, вы не ошибаетесь? — спросил он.

— Простите? — Доктор мгновенно замолчал и принял вид сосредоточенного внимания.

— Извините. Доктор...

— Доктор Молитори, к вашим услугам. Советник одиннадцатого департамента лейб-канцелярии ее величества, вице-камергер...

— Любезный вице-камергер, вы не могли ошибиться? — в тон ему сказал Сварог. — Сварог — это я и есть, но я не лорд и не граф. Не говоря уж о маркизе — вы сами сказали, что с маркизом все в высшей степени сомнительно...

На миг любезное лицо благообразного доктора стало непрекаемо жестким. И Сварог вспомнил.

...Они попросили напиться, и старик принес им воды. Но-венькое пластиковое ведерко, полное до краев прозрачной воды. Но они с Вильчуром служили тут уже второй год, навидались всякого, и Сварог, коверкая чужой язык и помогая себе жестами, предложил: сам, мол, сначала отпей. По старшинству. Старик обеими руками поднял ведерко к лицу, непроницаемому, отрешенному, восточно-загадочному, но в глазах, должно быть, мелькнуло что-то, потому что Вильчур, ухватив за руку одного из стоявших тут же стариковых внучат, другой перехватил ведерко, мотнул старику головой: нет, пусты-ка он...

И тогда старик, не меняясь в лице, но наверняка предвидя дальнейшее, выплеснул воду на пыльную каменистую землю. Все было ясно, как перпендикуляр, и Вильчур, не снимая автомата с плеча, выпустил короткую очередь, «семидесят четвертый» зло тявкнул, подпрыгнув на ремне, и старик медленно опустился прямо на темное влажное пятно, бачата брызнули во все стороны, а в деревне была засада, конечно...

Этот случай как раз и напомнил Сварогу лицо доктора Молитори. Он молча ждал, не отводя взгляда. Доктор произнес вежливо, но твердо, чеканя слова:

— Боюсь, что ошибаетесь именно вы, милорд. Вы — лорд Сварог, граф Гэйр. У вас есть замок и все прочее, приличествующее человеку вашего сословия и принадлежащее именно вам. Вам отведено соответствующее место в обществе. Разумеется, сами вы вправе считать себя кем угодно, это, собственно, ваше личное дело. Не следует лишь делиться этими мыслями с кем бы то ни было. Ради вашего же блага в первую очередь. Вы — лорд Сварог, граф Гэйр. И вы останетесь им навсегда, так как некие процессы необратимы и возврата в какое-либо иное состояние быть не может. Нравится вам это или нет. Нравится мне это или нет. Хотим ли мы с вами этого или нет. Надеюсь, милорд, я выразился достаточно ясно и все расставил по своим местам?

— Безусловно, — кивнул Сварог. И добавил преувеличенно вежливо: — Я просто боялся, как бы не случилось какого-нибудь недоразумения, ошибки, потому и поспешил вас предупредить, как честный человек, что я вовсе не тот лорд и граф, за которого вам было угодно меня принять...

Он замолчал и остался собой чрезвычайно доволен — никогда бы не подумал, что умеет так краснобаистовать.

— Ни о каком недоразумении или ошибке не может быть и речи, — сухо сказал доктор.

— Нравится вам это или нет... — бросил Сварог.

— Совершенно верно. Приватным образом могу вам признаться, что мне это ничуть не нравится.

— Что именно?

— Очень многое, — отпариювал доктор Молитори беспристрастно. — Очень многое, знаете ли.

Он отвернулся и склонился в поклоне — в комнату вошли двое. Прошествовали с величавостью цирковых слонов. Сварогу поневоле захотелось щелкнуть каблуками — они держались с холодной властностью высоких чинов, ставшей привычной, как вторая кожа, и представляли, несомненно, армию. Однаковые бирюзовые с черным костюмы, одинаково расшитые золотыми дубовыми листьями. У каждого на левом плече торчит пышный золотой сultanчик, похожий на георгин. Однаковые мечи в черных ножнах с золотыми накладками-драконами и эфесами, усыпанными зелеными камнями. Почти одинако-

вые наборы орденов — только у того, что с усами, еще и сине-желтый бант на правом плече, приколотый к рукаву мундира золотой брошью в виде короны. Даже лица одинаковые, холеные и высокомерные, пожалуй, даже не генеральские — маршальские. Точно, маршальские, подумал Сварог, вон сколько понатыкано на орденах бриллиантов и прочих самоцветов, куда там дорогому Леониду Ильичу... У этих даже лампасы золотые, а у нас Гречко так и не додумался...

Оба золотоносных вельможи разглядывали Сварога с минами генштабистов, узревших на улице пьяного прaporщика стройбата. Но и нескрываемым интересом. Он не знал, как держаться, поэтому стоял «вольно»: во-первых, они ему не начальство, во-вторых, раз уж он сам лорд и граф...

Тот, что с усами, полуобернулся к доктору:

— Итак?

Сварог ему даже позавидовал: вельможа ухитрился вложить в коротенькое словечко массу разнообразнейших оттенков и нюансов. Тут тебе и снисходительное превосходство, и тень барской фамильярности, и многое другое. Доктор, даром что советник и вице-камергер, являл фигурую неизъяснимое почтение. Он поклонился еще ниже:

— Милорд, граф Гэйр согласился со мной, что является лордом и графом...

— Во-от как? — небрежно бросил усатый. — И это единственное достижение, которым вы можете похвастать после столь долгих и усердных трудов?

На доктора жалко было смотреть. Сварог, так ничего и не понявший, тем не менее сделал вывод, что доктор, весьма похоже, потерпел некую катастрофическую неудачу. Обещал несказанно больше, чем сделал. Даже жаль вице-камергера, право слово. Сразу голову отрубят или бросят в яму к медведям? Эти могут, ох могут...

— Высокий герцог, определенные успехи... — лепетал доктор. — Владение оружием...

— Неужели? — наигранно удивился герцог. — Столь высокие достижения? Гей!

Сварог, уловив краем глаза быстрое движение, отпрыгнул. Два субъекта в черном, неведомо когда вошедшие, надвигались на него с обнаженными мечами, пригибаясь, разведя локти, пошевеливая усами и скаля зубы. Физиономии у обоих были весьма мерзкими. Сварог нерешительно взялся за меч.

— Вот-вот! — подбодрил усатый. — Ну-ка!

Сварог выхватил меч, как раз вовремя — субъекты в черном бросились на него, клинки сверкнули у самого лица. Звон стали, хриплое дыхание... Они хорошо дрались, без дураков, на полном серьезе, но Сварог, что удивительно, им ничуть не уступал и даже ухитрялся сдерживать обоих. Он вовсе не чувствовал, будто кто-то им управляет, будто его телом движет неведомая сила. Он делал то, что умел. И зная, что в состоянии убить обоих, — вот только сможет ли? Вместе с обретенным неведомым образом умением он отнюдь не приобрел сноровки хладнокровно вонзить клинок в живое тело. Так ему убивать не приходилось. Да и комната была самая мирная.

— Убивать не обязательно! — словно прочитав его мысли, командным тоном крикнул усатый герцог. — Кончайте схватку, как хотите, только — не убивать! Ну!

Сварог поднажал — и один меч улетел в угол, а его владелец, зажав ладонью глубокую царапину на плече, нанесенную концом клинка, исчез за дверью. Второй проморгал выпад, и Сварог, выполнив по всем правилам отвлекающий маневр, зацепил клинком его правый локоть.

— Браво. — Герцог два раза приложил ладонь к ладони, что, должно быть, означало бурные рукоплескания. — Насколько я понимаю, на этом и кончаются ваши успехи, вице-камергер?

Он так издевательски подчеркнул это «вице», что даже Сварогу было ясно: Молитори рассчитывал за труды праведные подняться гораздо выше в табели о рангах — но сидеть ему, похоже, в вице-камергерах до самой смерти и в полном бесславии. Если не отнимут и то, что есть.

Жалкий вид доктора подтверждал эту гипотезу. Оба сановника поворачивались к двери.

— Подождите! — Сварог, убрав в ножны меч, рванулся к ним. — А мне... Что мне теперь делать?

Они переглянулись, слегка пожали плечами.

— Да делайте что хотите, право, — сказал герцог. — У вас тут где-то замок, я полагаю? Подробности — у этого вот господина. — Он показал через плечо большим пальцем на доктора Молитори, едва заметно склонил голову и вышел. Следом удалось его спутник, так и не проронивший ни слова во время странной аудиенции. Дверь за ними затворилась как бы сама собой.

— Подробности, — сказал Сварог.

— Что? — Доктор покосился на него непонимающе, зло.
— Герцог вам велел посвятить меня в какие-то подробности.

— Да какие вам еще подробности? — прямо-таки стоном вырвалось из щуплой груди бедняги доктора. — Подробности... Здесь вам, во всяком случае, делать больше нечего. Ступайте в парк и избавьте меня от вашего присутствия...

— Между прочим, я к вам не набивался в гости, — сказал Сварог, чуточку разозлившись. — Так что извольте-ка объяснить взяточно, что мне теперь делать.

— Вот как заговорили, — с грустным сарказмом покачал головой доктор. — Сообразили, что со мной теперь можно не считаться...

— Да бросьте вы, — сказал Сварог примирительно. — Я-то при чем? Должен же я знать, что со мной произошло.

— Провалились в дыру во времени, — отрезал доктор. — Есть такие... Угораздило ступить не туда и не вовремя...

Сварог ни капельки не верил. Но видно было, что большого от доктора не добиться.

— Ну а что мне делать?

— Идите в парк, — сказал доктор. — Я распоряжусь, чтобы вызвали вашу виману. И прощайте, смею думать.

— Я вне себя от счастья, видя вашу столь сердечную заботу обо мне, — сказал Сварог. — Очень вам признателен, милорд вице-камергер...

— Я не милорд, — сказал доктор столь печально, что Сварогу стало его жаль, и он великодушно утешил:

— Ничего, глядишь, и станете...

Судя по лицу доктора, Сварог сболтнул совершееннейшую глупость. И если Сварог хоть чуточку разбирался в людях, у него теперь имелся личный враг — нужно надеяться, не способный на серьезные пакости. Личный враг — с первых минут пребывания здесь, где ничего не знаешь и ни в чем не разбираешься? Черт, скромнее надо жить, скромнее...

Он махнул рукой и пошел к двери. Помедлив на пороге, все же обернулся:

— Скажите хотя бы, где я?

— Это называется Талар. — Доктор раздраженно сделал рукояткой широкий жест. — Или — Великий Талар.

— Страна?

— Планета.

— А когда это?

— Для вас это — будущее. Весьма и весьма отдаленное. —

И доктор выпалил со злобным торжеством: — Впрочем, теперь для вас это, сами понимаете, настоящее. И навсегда. С чем имею честь вас поздравить.

— Спасибо, — сказал Сварог и вышел.

Перед ним открылся длинный, широкий, светлый коридор с белыми статуями в нишах, мозаичным полом и расписным потолком, и он бездумно зашагал по этому коридору, тихому и пустому. Почему-то не тянуло ни удивляться, ни грустить, он не сожалел о мире, который покинул, но и не радовался ничему. Он как-то по-другому представлял себе будущее — мегаполисы, бешеные ритмы, коловоращение загадочных механизмов, яркие краски, суета, неон, синтетика, гигантские объемные телекраны на стенах небоскребов... и тому подобное, потрясающее размахом, пестротой красок и чудесами. Вместо этого — тишина и захолустье, герцоги и вице-камергеры, мечи и лорды... Попахивало чем-то средневековым — не в смысле атмосферы, а в смысле атрибутики и декораций. Впрочем, и атмосфера... Ничего, быть графом посреди средневековья — тоже не самая худшая участь...

Он увидел широкую лестницу с прекрасными малахитовыми вазами на площадках, спустился по ней, не обнаружив у двери ни часового, ни привратника, вышел под открытое небо. Вокруг было тихо и пусто. Сварог попробовал ощутить себя графом, чинно гуляющим у замка, но не смог вжиться в образ — совершенно не представлял, что должен чувствовать и о чем думать чинно гуляющий у замка граф. Да ни о чем особенном, наверное. Сматря по обстоятельствам. В его случае обстоятельства самые загадочные. Такое впечатление, что он прибыл сюда вместо кого-то другого, на чье появление весьма рассчитывали: доктор Молитори по соображениям насквозь меркантильным, а вот соображения и резоны величественного герцога и его безмолвного спутника — полная загадка. Герцог был ужасно разочарован, хотя старался чувствовать своих не показывать...

Замок так замок, решил Сварог. Обживусь. Найду занятие. Вообще-то благородные они люди, эти раззолоченные фельдмаршалы, оба-двою: могли бы и выставить к чертовой матери без всякого вида на жительство и средств к существованию. Нет, ну откуда эта сноровка в обращении с мечом?

И отчего это сначала так стремились узнать его полное имя, а потом, мало того что потеряли к этому всякий интерес, навязали чужое? Наполовину чужое, предположим, и все равно...

Сварог остановился. Задумавшись, он и не заметил, как вышел на опушку леса, и там, за невысокой ажурной оградой темно-красного цвета, был обрыв, высоченный, должно быть: далеко впереди клубились белые облака, гораздо ниже той точки, с которой смотрел Сварог. А еще ниже, в разрывах невесомо-нежной белой пелены, виднелась буро-зелено-серая земля, казавшаяся с птичьего полета, как это обычно бывает, чистеньkim, аккуратным, с любовью изготовленным макетом какой-нибудь обетованной страны. С такой высоты не видно ни грязи, ни мух, ни рыхтвин, ни мусора. Земля кажется прекрасной и благородной с такой высоты.

Именно высота и насторожила Сварога. Чересчур уж высоко. Километра два, самое малое. Пожалуй, даже три лиги наберется. Стоп, каких еще лиг? Да самых обыкновенных, таларских, тут же ответил он сам себе.

Подошел вплотную к ограде, достигавшей ему до груди, посмотрел вниз, перегнулся насколько мог. Ноги сразу стали холодными, ватными, как это частенько случается со многими, хлынуло на миг шальное, безумное, жаркое желание броситься вниз.

Но отшатнулся он не поэтому.

Не было никакого обрыва, никакой горы. Вниз уарда на три уходила вертикальная, угольно-черная плоскость, а ниже, под замком, под лесом был только воздух. И облака. Особняк вместе с окружавшим его лесом парил над облаками, ощутимо перемещаясь, пусть и с небольшой скоростью. Летучий замок. Сварог присмотрелся: далеко справа, чуть пониже, над облаками виднелось зеленое пятно — деревья, и среди них вздымаются молочно-белые башенки другого замка, бесшумно, плавно скользившего в ту же сторону, только помедленнее. Что-то яркое, разноцветное, обтекаемое отделилось от опушки и быстро пошло в сторону, противоположную движению.

У Сварога захватило дух. Ничего похожего на тесные самолеты, где ногам мешает кресло впереди, а пониже спины упираются колени сидящего сзади... Будущее начинало ему нравиться.

За спиной вежливо покашляли. Сварог обернулся. Перед ним стоял молодой человек в таком же, как у доктора Моли-

тори, костюме, только цепь была медная и эмблема гораздо меньше. Он торопливо поклонился:

— Милорд, вас ожидает ваша вимана.

Он смотрел на Сварога с отчаянно скрываемым, но рвавшимся наружу любопытством — как-никак был совсем юный.

— Великолепно, — сказал Сварог. — А что делают с виманой — прогуливаются под ручку? Едят на десерт? Или надевают поверх кольчуги, собираясь в гости?

Судя по лицу юнца, он не хуже Сварога помнил — ни единой живой душе нельзя говорить, что произошла накладка и новоиспеченный граф, строго говоря, не совсем граф... Дисциплина и страх победили. Юнец улыбнулся с таким видом, словно понял и оценил хорошую шутку.

— Ну-ну, — сказал Сварог ободряюще. — В конце-то концов, могут у господина графа быть капризы? Скажем, он вдруг ненадолго забыл, что такое вимана. Как вы думаете, молодой человек, коли уж вы медик, — могут случаться у благородных особ внезапные провалы памяти?

Юнец нерешительно кивнул.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Итак?

Юнец решился, огляделся и тихо сказал:

— Вимана летает.

— Ну вот и отлично, — сказал Сварог. — Любопытно, а будет ли рядом кто-то, кто возьмет на себя труд помочь страдающему выпадением памяти благородному графу?

— На вимане прибыл ваш дворецкий, милорд.

— Отлично, — сказал Сварог. — Ведите.

Он шагал следом за юным эскулапом, позывая кивал мечом и думал, о чем бы спросить еще, пока он не ввергнут окончательно в коловорот новой незнакомой жизни. Вопросов было множество, и оттого они, ясное дело, ужасно мешали друг другу. Наконец Сварог все-таки выбрал самый глупый и легкомысленный вопрос:

— Скажите, а почему все так стремились узнать мое полное имя? И что это были за рожи?

Молодой человек споткнулся, резко повернулся к Сварогу. Лицо у него стало белым от ужаса, так что и у Сварога невольно поползли по коже ледяные мурашки. Он даже остановился, похлопал юнца по плечу, успокаивая. Тот медленно приходил в себя, но дара речи никак не мог обрести.

— Я пошутил, — сказал Сварог, всерьез опасаясь, как бы милого молодого человека не хватил удар у него на глазах. — Успокойтесь, что вы, в самом деле...

— В-вот ваша вимана, — еле выговорил юнец. — Честь имею откланяться, милорд...

Он неловко дернул головой и заторопился прочь. Раза два казалось, что он вот-вот оглянется, но юнец превозмог себя и скрылся за плавно изгибающейся стеной дома.

Сварог посмотрел в указанном направлении. Там стоял на изумрудно-зеленой лужайке маленький двухэтажный домик — прямоугольный, плавно-обтекаемых очертаний, без выступающих деталей, если не считать галерейки на торце, над дверью. На этаже — по восемь окон на длинной стороне и по четыре — на короткой. Сам домик светло-серый, а полукруглая крыша — алая. Цвета лорда Сварога, графа Гэйра, надо понимать. Дверь была распахнута, и возле нее навытяжку стоял благообразный старик самого чопорного облика, в одеянии серого цвета с алыми обшлагами и пелериной, неисчислимым множеством золотых пуговиц. Сварог никогда не видел наяву настоящих ливрея, но это могла быть только ливрея. Он никогда не видел наяву и настоящих, старого закала английских дворецких, но твердо уверен был, что его собственный заткнет за пояс всех бриттов — по всем параметрам. Такой уж у него вид. Одни бакенбарды чего стоят.

Дворецкий склонил голову, ухитрившись в сем незамысловатом жесте совместить величественность и готовность служить сюзерену:

— Прошу пожаловать, милорд.

Сварог вошел в дверь, тут же затворенную за ним дворецким. Посмотрел в окно. Ну разумеется, домик бесшумно оторвался от лужайки и поплыл ввысь. Замок быстро исчез, вимана перешла в горизонтальный полет, скользя над облаками и видневшейся далеко внизу землей. Пару раз там мелькнули скопления крохотных домиков, переплетение ниточек-дорог, участки, выделявшиеся четкими очертаниями и цветом, — поля.

Сварог огляделся, присел в мягкое кресло, отметив при этом, что сумел привычно ловко расположить меч самым удобным образом. Спросил:

— Как вас зовут?

— Макред Двадцать Второй, — склонившись вперед всем корпусом, ответил дворецкий.

— А цифры здесь при чем?

— Двадцать одно поколение Макредов имело честь служить вашим предкам, милорд.

— Ну да? — с любопытством сказал Сварог, впервые узнавший такое о своих предках. Что ж, ясно: вместе с прочими благами ему достался и полный набор благородных предков. Мечта любого нувориша, не стоившая Сварогу ни гроша.

— Именно так и обстояло, милорд. Позволю себе заметить, что ни один из Макредов никогда не обманул доверия графов Гэйров.

— Рад слышать, — сказал Сварог. — Надеюсь, вы не нарушили семейную традицию. Мы летим на землю?

— Нет, милорд. Благородные лары и их особо доверенные слуги обитают в небесах.

— Лары? — спросил Сварог. — Что-то мне напоминает... Ах да, Талар.

— Совершенно верно, милорд. «Талар» на древнем языке как раз и означает «обитель ларов».

— Только ларов? Там, внизу, виднеются какие-то города...

— Милорд, населяющие их варвары недостойны давать планете свое, иное название...

— Ну, вам виднее, — сказал Сварог. — Вы, может, присядете? Ах да, понимаю, этикет... Скажите, а чем мне предстоит заниматься?

— Всем, чем пожелаете, милорд.

— Чем же обычно занимаются лары?

— Они бывают при дворе ее величества, охотятся, развлекаются, иногда посещают другие миры. Порой занимаются науками. Впрочем, науки — как правило, удел младших сыновей.

— Они что же, не получают наследства?

— Отчего же, милорд, получают. Но, видите ли, традиционно считается, что занятия науками — участь, не вполне достойная старших сыновей.

— А я — который?

— Вы — единственный. Следовательно, старший. Более того, вы — последний из рода Гэйров и оттого имеете право на титул «майорат».

— Значит, мои батюшка, матушка...

На лице Макреда не дрогнул ни один мускул.

— Ваши отец и мать давно покинули этот мир. Близких родственников у вас нет.

— Прискорбно, — сказал Сварог. — Значит, я одинок? Мне же будет скучно.

На самом деле он только радовался: могли еще, чего доброго, и супругой снабдить...

— У вас есть домоправительница, милорд.

— Да? Ну, это меняет дело, — изрек Сварог, откровенно забавляясь. — Совершенно меняет... Пушки палить будут?

— Простите?

— В честь моего прибытия.

— Нет, милорд. Будет торжественное построение вашей дружины... и на этом, боюсь, церемонии закончатся.

— Так... — Сварог встал и вплотную подошел к дворецкому. — Любезный мой, а думать вам при вашей должности позволяет?

— Не возбраняется, милорд.

— А высказывать свое мнение?

— Если прикажете, милорд...

— Отлично. Приказываю, — сказал Сварог. — Приказываю вам немедленно признаться: что бы вы мне посоветовали? В данной ситуации. Только без лишней дипломатии. Ну? Увертюры можете опустить.

Если в сознании его собеседника и происходила внутренняя борьба, на обрамленном седыми бакенбардами благообразно-непроницаемом лице это никак не отражалось. Макред сказал:

— Сам я предпочитаю не обсуждать решения и мотивы особ, стоящих неизмеримо выше. Думаю, вам следует избрать такую же линию поведения. И просто жить — не нарушая установлений и традиций, с которыми у вас будет время ознакомиться и усвоить их. Библиотека в замке имеется.

— Вы сущий светоч мудрости, — сказал Сварог. — Постараюсь почтче обращаться к вам за советами. А теперь я хочу посмотреть, как эта штука управляетя. Установлений и традиций это не нарушает?

— Ровным счетом никаких, милорд.

Они вошли в маленькую комнатку с двумя окнами. Из кресла, обращенного к простенку, вскочил человек в костюме цветов Сварога:

— Милорд, ваш пилот Дагоар Восемнадцатый...

— Вольно, — сказал Сварог и осмотрелся.

Пульт управления поражал спартанской простотой. Из стены перед креслом торчали два рычага, больше всего напоминавшие растопыренные осьмипальые птичьи лапы, — и каждый палец, судя по всему, обладал свободой перемещения нескольких степеней. Из стены выступали две прозрачные полусфера размером с футбольные мячи. Правая была заполнена мешаниной находившихся в непрестанном, на первый взгляд хаотичном, движении крошечных шариков — белых, синих, желтых и черных. Вторая — налита непроницаемой чернотой, в которой вспыхивали и гасли, перемещались и кружили золотистые искорки. И ничего более.

— Трудно научиться со всем этим обращаться? — спросил Сварог.

Пилот, не обладавший выпрвкой дворецкого, посмотрел удивленно:

— Двухминутный сеанс соответствующей магии, милорд. Конечно, необходима и короткая практика...

— Понятно, — сказал Сварог, чуточку ошарашенный упоминанием о магии. — Хм... Благодарю за службу. Она что же, летит сама?

— Штурман включен, милорд.

— Понятно, — сказал Сварог. И на сей раз ему действительно все было понятно.

Дворецкий кашлянул:

— Милорд, на горизонте — манор Гэйр. Прошу проследовать на галерею...

Глава 3

... И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ

Сварог стоял у перил узенькой галерейки. Судя по мельканию облаков и земли, вимана шла на приличной скорости, не уступая истребителю, и в первый миг Сварогу даже страшно стало выходить — ждал тутого потока воздуха, бьющего в лицо. Но, странное дело, на галерейке царило полное безветрие. Что, это и называется — соответствующая магия?

Вимана гасила скорость. Она неслась бесшумно, не ревели моторы, не вертелись винты, не стелился сзади инверсионный след — и потому казалось, будто это она неподвижно застыла в воздухе, а манор наплывает снизу навстречу ей. Четко очерченный квадрат со стороной примерно в две лиги, кусок зеленого леса, неведомой силой сорванный с земли, словно скальп, и подвешенный в небе. Замок из темно-вишневого кирпича с черной крышей, поодаль разбросаны еще строения, побольше и поменьше, тоже довольно красивые. На главной башне развевается знамя — на жемчужно-сером поле алый бегущий конь.

— Странная архитектура, — сказал Сварог. Она и в самом деле была странной. Ни одной прямой линии, стены выгибаются дугами и параболами, повсюду плавные кривые, крыши напоминают китайские — чуть вогнутые, с загнутыми вверх краями. Все остальные здания исполнены в том же стиле.

— Простите?

— Странно все построено, — сказал Сварог. — Ни одной прямой линии. Признайтесь честно: никто из моих предков... — Он сделал многозначительную паузу. — На почве архитектуры?

— Архитектура самая обычная, милорд. Старинная, призванная обезопасить жильцов от вторжения злых духов. Видите ли, многие злые духи способны двигаться только по прямой...

Сварог быстро повернулся к нему. Дворецкий был в своем обычном состоянии — непроницаем и серьезен.

— Только этого не хватало, — сказал Сварог. — Злые духи? И много их здесь шляется? Вы-то сами хоть одного видели?

— Разве непременно надо видеть что-то существующее, чтобы поверить в него, милорд?

— Логично, — сказал Сварог, тяжко вздохнув про себя.

Вимана опустилась на лужайку перед стоявшими в безукоризненном строю дружиинниками — десять шеренг по десять человек в каждой. Светло-серые с алым кафтаны, блестящие черные кирасы с золотым силуэтом бегущего коня.

Стоявший на два шага впереди командир — шлем его в знак отличия был украшен белым пером — щелкнул каблуками, и Сварог форменным образом умилился, услышав донельзя знакомое:

— На кр-ра...ул!

Бравое воинство, как один, воздело вверх блестящие предметы, напоминавшие то ли дубинки, то ли эфесы, — и брызнула сотня золотых вспышек, у каждого в руках оказался меч с блиставшим, ярко-оранжевым лезвием, напоминавшим застывшее бездымное пламя.

— Что рубит? — не поворачивая головы, тихонько спросил Сварог.

— Все что угодно, — прошептал Макред.

Воинство замерло. Никакой подсказки от дворецкого так и не последовало, и Сварог, чувствуя себя в родной стихии, набрал побольше воздуха в грудь, рявкнул:

— Благодарю за службу, орлы!

Солдаты без промедления ответили бравым нечленораздельным ревом, в котором легко угадывался вариант извечного: «р-рады стараться, вашество!» Командир, багровея от усердия, проорал приказы, золотистые лезвия погасли, дружиинники

слаженно сделали «кругом» и замаршировали прочь, посрамляя выпавкой караул у Мавзолея.

— Орлы, — сказал Сварог. — Мы что, воюем с кем-нибудь? Старые счеты, родовая вражда?

Только этого не хватало — получить в наследство еще и родовую вражду с кем-то абсолютно ему неизвестным и не сделавшим ничего плохого.

— Ну что вы, милорд, — сказал дворецкий. — Одна из традиций. У благородного лара должна быть боевая дружина. В незапамятные времена дружины, правда, были конными...

— Одним словом, это доказывает, что лары произошли оттуда? — Сварог показал пальцем себе под ноги.

— Да, милорд. Однако с тех пор, как предки благородных ларов ушли в заоблачные выси, пошла шестая тысяча лет...

— Ну, это уже детали, — сказал Сварог. — Что ж, направим стопы свои к родовому гнезду...

Они направились к замку. Вечерело, от деревьев и зданий потянулись длинные тени, но обычной вечерней прохлады не чувствовалось. Переводя на привычные Сварогу мерки, он сказал бы, что сейчас стоит сентябрь, — а ведь на такой высоте независимо от времени года должно быть холодновато... «Соответствующая магия», — пробормотал он с видом знатока. А что же еще?

Над главным входом красовался гербовый щит — пятиугольный, острым концом вверх. Вдруг всплыло странное слово — «дегоар». Сварог откуда-то знал, что именно так называется гербовый щит такой формы. Светло-серый дегоар с алым конем.

В огромной прихожей с каменным полом, покрытым великолепной резьбой, их встретили трое слуг — двое помоложе, один почти ровесник дворецкого. Неизбежные низкие поклоны, конечно. Сварог уставился вверх — под потолком сходились черные балки, с них свисали пестрые вымпелы, знамена, засмотрелся даже, опомнился, повернулся к Макреду:

— Это что, весь штатный расчет? Всего трое слуг на этакую громадину?

— Слуги великолепно владеют соответствующей магией, милорд. И вполне справляются.

— Хорошо, скажите, чтобы шли по местам, — сказал Сварог, уже заинтригованный постоянными упоминаниями о магии. — Что у нас еще? Где моя домоправительница?

Раздался шелест платья, мягкий шелковый шорох подола по каменным плитам.

— Меони, ваша домоправительница, милорд. «Ей-богу, это уж слишком», — подумал Сварог, разглядывая склонившую голову и присевшую в низком поклоне девушку и особенное внимание уделив низкому вырезу ее желтого платья в синюю и красную полоску, щедро украшенного оборочками, кружевами и прочими фестончиками.

Она подняла голову — светлые волосы упали на плечи, — с некоторой робостью улыбнулась Сварогу, не отводя зеленых глаз. Она была такая миленькая, что Сварогу нестерпимо захотелось облизнуться. Он панически искал слова, и дворецкий выручил его:

— Меони, милорд голоден, начинайте готовиться к ужину...

Девушка гибко выпрямилась, улыбнулась уже смелее и ушла. Сварог огромным усилием воли сделал лицо непроницаемым.

— Ну-ну, — сказал он живо. — М-да. И, разумеется, многие поколения ее предков служили верой и правдой...

— Ах, милорд, — философски, с ноткой фривольности сказал Макред. — Это так естественно — домоправительница в замке неженатого благородного лорда...

— Знаете, я с вами согласен, — сказал Сварог и задумчиво покрутил пальцами левой руки в воздухе. — Но что, вот так вот... как само собой разумеющееся?

— Вы полный хозяин в своем замке, милорд. Традиции многих поколений...

— А могу я, простите, повесить вас всех на воротах замка? Там, правда, нет ворот, но сучьев в парке достаточно...

— Как вы, должно быть, понимаете, мне самому это не доставило бы никакого удовольствия, милорд. Но вы, разумеется, в своем праве. Однако должен заметить, что подобные прецеденты случались крайне редко, и слуги благородных графов Гэйров никогда не давали повода...

Кажется, он в глубине души опасался, не собирается ли Сварог зайти в нововведениях чересчур далеко. Сварог же в задумчивости озирал резной каменный пол, широкую лестницу, штандарты на черных балках, гобелены, доспехи на стенах.

Как-то кошка предложила мышке: «Дорогая, пробеги-ка из одного угла кухни в другой, и я тебе отвалю целый кувшин

масла». Мышка подумала и отказалась, заподозрив неладное, потому что работа предстояла чересчур легкая, а плата за нее чересчур высокая. В том-то и дело. Чересчур щедро егосыпали подарками. И ничего не требовали взамен — разве что держать язык за зубами и соблюдать правила игры. Прав был товарищ Сталин, неустанно твердивший о бдительности, или ошибался?

— Нужно решить очень важный вопрос, милорд, — сказал Макред. — Завтра вам предстоит ознакомиться с фамильной книгой заклинаний. В силу... гм, вполне понятных и простиительных причин вам должен помочь в этом маг. Прикажете вызвать мага из Мистериора, или... — Он явственно запнулся, выражая голосом легкое презрение, как солидный человек, которому пришлось говорить о неприличном. — Или из Магистериума? Разумеется, право окончательного выбора за вами, и молодое поколение имеет свои вкусы и пристрастия... но я осмелился бы рекомендовать Мистериор.

— А какая разница? — спросил Сварог.

— Милорд, Мистериор освящен установлениями и традициями, а Магистериум... Эти новомодные заведения... Он отнимет у вас гораздо больше времени, не в пример больше, и в итоге...

— Хорошо, на ваше усмотрение, — сказал Сварог. — Ужин скоро будет готов?

— Милорд, ужин будет готов в любую минуту, когда вам угодно. Меони прекрасно владеет нужными заклинаниями.

— Что-что? — сказал Сварог и понял. — Что же, никаких поваров?

— Именно так, милорд. Вот уже тысячи лет благородные лары не потребляют пищу, приготовленную варварским, то есть естественным, образом. Исключение делается лишь для охотничьей добычи.

— А это...

— Не тревожьтесь, милорд. Все сотворенное при помощи магии делится на иллюзорное и реальное, но могу вас заверить: еда таковая совершенно реальная.

— Прекрасно, — сказал Сварог.

— Насколько я понимаю, вы вряд ли захотите ужинать в главной трапезной?

— Догадываюсь по вашему тону, что это нечто просторное и крайне церемониальное... Сделайте что-нибудь попроще.

Найдется у меня в замке комната, где не нужно пускаться на другой конец стола за горчицей верхом?

— Прошу вас, милорд.

Он деликатно притворил за Сварогом дверь, оставшись снаружи. Комната оказалась небольшая по здешним меркам, с камином, столом и массивными креслами. Стол был девственно пуст. Меони, напряженно ожидавшая у камина, встрепенулась:

— Прикажете подавать, милорд?

— Конечно, — сказал Сварог, сел за стол и вопреки этикету водрузил на него локти.

— Фамильное серебро? Малый сервис?

— На твое усмотрение, — сказал Сварог. — Есть хочется, и вовсе неважко на чем.

Он огляделся: ни люстры, ни свечей — ничего. И все равно в комнате светло, и все предметы отбрасывают тени, словно светильники все же есть, только они невидимы.

Отшатнулся — прямо меж его лежащими на столе руками возникло большое серебряное блюдо. То, что на нем лежало, имело весьма привлекательный вид и распространяло крайне аппетитные ароматы жареного мяса, грибов и неизвестных приправ. Следом появились блюда и тарелочки, массивные золотые вилки, графины с разноцветными жидкостями, бокалы из игравшего сотнями разноцветных искорок хрусталя, тонкого, как мыльный пузырь. Меони стояла, подняв глаза к потолку, беззвучно шевеля губами.

— Хватит! — взмолился Сварог. — Я же столько не сожру, а попробовать всего хочется!

Меони послушно замерла.

— Прошу. — Сварог показал ей на кресло напротив. Она робко присела. В некоторой растерянности Сварог оглядел яства, которых хватило бы на изголодавшийся взвод, и в голову ему пришла совершенно великолепная мысль:

— А начнем мы с вина!

Он нацелился на графин с содержимым благородновишневого цвета, но руку протянуть не успел: графин воспарил над столом, накренился, струя вина полилась в тончайший бокал, украшенный разноцветными стеклянными медальонами. Вслед за тем бокал неспешно проплыл над блюдами, не расплескав ни капли, ловко скользнул в руку Сварогу. Сварог растерянно стиснула витую ножку и осушил бокал до дна. По-

сидел, прислушиваясь к глубинам организма. Организм свидетельствовал, что ничего лучшего в жизни пробовать не приходилось. Сварог только глянул на графин с нежно-зеленым вином — и тот поплыл к бокалу.

После нежно-зеленого, черно-багрового и светло-янтарного вина Сварог откинулся на спинку кресла и сказал:

— Сказка...

— Вам следовало бы сначала поесть, милорд, — тихо промолвила Меони.

— Конечно, — ответил Сварог, сцепил золотую массивную вилку прежде, чем она успела скользнуть в руку, и остался горд этой маленькой победой.

— Прикажете разжечь камин?

— Разжигай. А музыку можешь?

— Какую вам угодно?

— Что-нибудь... романтичное. Скрипки-клавесины. Если только ты знаешь, что такое клавесин.

В комнате стало темнее, дрова в камине вспыхнули ровным, не коптящим пламенем, и по стенам сразу же заколыхались тени. Тихо зазвучала музыка. Почувствовав, что утолил первый голод, Сварог поднял глаза на Меони. Она едва прикоснулась губами к краю своего бокала и ответила чуточку испуганным взглядом. Сварог беспомощно ругнулся про себя. Он никогда не страдал робостью в обращении с прекрасным полом, но трудно было свыкнуться с мыслью, что эта красоточка — его вещь. С обычной доступностью это имело мало общего.

Он вышел из положения наипростейшим способом — придинул бокал, налил до краев особенно полюбившегося черно-багрового и отправил его по назначению. Спросил:

— Слушай, а почему посуда больше сама не прыгает?

— Я заметила, что вам это не особенно нравится. Я неправильно сделала?

— Ну что ты, все правильно, — сказал Сварог. — А то руками шевелить разучишься. Должен тебе сказать, ты идеальная домоправительница.

Он старался не особенно нагло таращиться на низкий квадратный вырез ее платья, обшитый синим кружевом, но глаза поневоле работали в автономном режиме, тем более что музыка лилась, отдаваясь в висках горячей волной, и на юном личике девушки играли тени. Сварог решительно взял ее за руку. Она

чуть заметно вздрогнула и показалась ужасно беззащитной. «Аристократ, бля», — не без самокритики подумал Сварог.

И спросил:

— Ты откуда?

— Из Антлана, — сказала она чуть удивленно. — Как все ваши слуги... Как все слуги здесь.

— И где же этот Антлан? Внизу?

— Нет. На другой планете. На Сильване.

— Это город?

— Континент, принадлежащий ларам. — Она напряженно ждала. — Милорд, что вам еще угодно приказать?

«Нет, это будет даже похуже изнасилования», — подумал Сварог растерянно. Встал, продолжая держать ее за руку, и они оказались лицом к лицу. Глаза у нее стали совсем испуганные.

— А ты-то сама что хочешь делать? — спросил Сварог, взяв ее за локотки. — Что ты хочешь?

Она прошептала что-то, отворачивая лицо.

— Громче, — сказал Сварог.

— Я хочу... чтобы вы больше были человеком, чем господином, милорд, — выпалила она на одном дыхании и вновь взнамерилась отвернуться, но Сварог не позволил. Как это случается с подвыпившими, его бросило из одной крайности в другую — от жуткого нетерпения в заботливую нежность.

— Пойми ты, я все ж не скотина, — сказал он, как ему представлялось, чертовски веско и убедительно, погладил ее по щеке. — Не бойся...

— Я не боюсь. Установившиеся традиции и вассальный долг...

— Плюнь, — великолушно сказал Сварог. — Освоимся, привыкнем, перебедуем... Ты думаешь, мне легко? Зашвырнуло куда-то...

Меони решительно, без тени ласки зажала ему рот ладошкой. Шепнула на ухо:

— Тише... Не надо... Вы же еще не прошли обряда, вас могут слышать, видеть... Милорд, умоляю вас...

— Думаешь? — спросил он шепотом.

— За вами могут наблюдать. Вполне возможно, хотя и не обязательно.

— И все равно готова была...

— Я же обязана вам повиноваться...

— Глупости, — сказал Сварог погромче. — Никому ты ничего не обязана, понятно? Только не надо мне говорить, какой я добрый. Я вообще-то злой. Но я в жизни никого не насиливал. И не привык, чтобы у меня в собственности были люди. А ты мне жутко нравишься вдобавок, и это, оказывается, обезоруживает... Ты когда-нибудь научишься говорить мне «ты»?

— Я попробую. — Она чуть отстранилась, умоляюще заглянула ему в глаза: — Пожалуйста... Я заслоняю комнату, но долго не смогу. Вы должны быть осторожнее, милорд.

— Мне что-нибудь грозит?

— Не знаю. Милорд, я простая девушка из Антлана, где тысячелетиями живут вассалы благородных ларов. И знаю одно: ничто не происходит случайно. Вам следует быть осторожнее и побыстрее овладеть заклинаниями.

— Постараюсь, — сказал Сварог и отпустил ее.

Меони вздохнула с неприкрытым облегчением, опустилась в кресло. Сварог сел рядом, чуя, что некая преграда меж ними рухнула.

— Послушай, а зачем мне заклинания? — спросил он деловым тоном, давая ей понять, что их отношения, каких пока что и не было, на сегодня переходят в другую плоскость. — Звать магов, чему-то там учиться...

— Лары — властители магии. Владение магией — качество, отличающее цивилизованного человека, властителя небес, от земного варвара, — заученно продекламировала Меони.

— Ну, если по уставу положено... — сказал Сварог. — К тому же это, должно быть, интересно.

— Не особенно.

— Почему это? — Сварог даже обиделся чуточку. — Можно делать всякие штуки, пошептав в потолок...

— Конечно, — грустно улыбнулась Меони. — Сначала так и кажется. А потом начинаешь понимать — ничего в этом нет...

— Ну почему? — никак не мог понять Сварог. — Можно ведь делать что-то такое... значительное. Ну я не знаю, вызывать бурю или, наоборот, прекращать...

— А зачем? — тихо сказала Меони. — Если посмотреть в самую суть — зачем вам насыпать бури?

— Действительно, — сказал Сварог. — Маленький зеленый крокодильчик...

— Что?

— Ты знаешь, что такое крокодил?

— Конечно.

— Так вот. Есть огромный остров. Посреди острова — огромный лес. Посреди леса — огромное болото. А посреди болота сидит на крохотной кочке маленький зеленый крокодильчик и печально думает: «Ну и зачем мне все это нужно?»

Меони звонко рассмеялась, и Сварог подумал, что со своим громадным запасом наверняка неизвестных здесь анекдотов он без труда завоюет себе репутацию записного остряка. Хмель у него почти выветрился — тут угощали отнюдь не советской сивухой из старых автопокрышек.

— Вообще-то мне чертовски нужен хороший советчик... — сказал он.

— Я не гожусь, милорд. Что я знаю? В замке есть библиотека и все остальное...

— Библиотека — это прекрасно, — сказал Сварог. — Но мне нужен и доверенный друг...

— А почему вы думаете, что их у вас никогда не будет? — Меони вдруг схватилась за щеки. — Ой! Сегодня же полнолуние, и скоро полночь...

— Ну и что?

— Идите в портретную галерею, милорд. Можно посоветоваться с вашими предками.

Сварог хотел понимающе рассмеяться, но обнаружил, что она говорит серьезно, глядя испуганно и решительно.

— Пойдемте, — сказала она. — Скоро полночь. Если они захотят вам помочь...

— Нет, ты серьезно? Они что... приходят?

— Боитесь?

— Чтобы я боялся собственных предков? — сказал Сварог браво, хотя по спине и пробежал этакий холодок, предчувствие загадочного. — А ну-ка, пошли!

В коридорах царил таинственный синий полумрак, явно имевший своей природой не естественные вечерние сумерки. Сварог не задавал вопросов. Стаяясь ступить потише, он шел за державшей его руку Меони по высоким извилистым коридорам, широким лестницам, сводчатым залам, мимо окон, за которыми стояла покойная звездная ночь, мимо рыцарских доспехов, батальных полотен во всю стену, мозаичных картин от пола до потолка, громадных ваз, чучел тигров, драпировок и ваз. Это было как во сне, про который к тому же неизвест-

но наперед, страшным он окажется или приятным. Наверняка можно было зажечь свет, но Меони отчего-то этого не делала, и Сварог не стал спрашивать почему. Он покорно шел, шарахаясь поначалу от чучел, застывших в крайне натуральных позах, держа теплую ладошку, чувствуя себя отчего-то совсем юным, не отягощенным воспоминаниями и житейским опытом, которые следовало бы выжечь каленым железом.

Ладошка Меони вдруг дрогнула, трепыхнулась в его пальцах. Девушка обернулась, приложила палец к губам, потянула его в полукруглую нишу — быстро, испуганно. Сварог автоматически крутнулся на каблуках, прижался к стене так, словно из коридора навстречу им должен был заработать пулемет. Рука пошарила у пояса, и он не сразу сообразил, что тело отреагировало, как встарь, и пальцы ищут гранату...

— Что такое? — прошептал он.

— Тс-! — вовсе уж беззвучно шепнула Меони. — Домовой!

Сварог осторожно выглянул. Поперек коридора протянулись прямоугольники проникавшего в окна звездного сияния, озарившего синий полумрак. Далеко впереди что-то шевельнулось, пересекло коридор поперек — маленькое, сторбленное, косматое, без четких очертаний, оно скользнуло меж двух высоких ваз на круглых постаментах и пропало куда-то, больше Сварог его не видел, как ни взглядался.

— Ушел, кажется, — прошептал он, чуточку уязвленный тем, что приходится прятаться в собственном замке от какой-то твари. — Он что, сердитый?

— Нет, но все равно... Не принято его замечать, пусть себе идет...

Ее теплое дыхание коснулось щеки. Сварог повернулся к ней, взял за плечи, оцарапав костяшки пальцев о жесткий ковер на стене, и наконец-то поцеловал по-настоящему. Меони закинула голову, не сопротивляясь, отвечала, потом ее пальцы скользнули по плечам Сварога, ладони уперлись в грудь. Сварог неохотно отвернулся, превозмогая откровенно пещерные желания.

— Скоро полночь, — будто извиняясь, сказала Меони. — Вам пора...

Перед высокой двустворчатой дверью она остановилась, тронула витую ручку:

— Идите. Нет, я подожду здесь, мне нельзя...

Высоченная массивная дверь неожиданно мягко и бесшумно закрылась за Сварогом. Он оказался в длинном прямоугольном зале, заканчивавшемся высоким витражным окном. Справа и слева — нескончаемые шеренги портретов в полный рост, в натуральную величину. Массивные золоченые рамы, пылающие факелы на стенах. Факелы? Сварог стоял совсем рядом с ближайшим, воткнутым в затейливую кованую подставку, но не чувствовал жара и не слышал треска пламени. Это была полная иллюзия факела — и только. Но света давала даже больше настоящего.

Изменчивые тени колыхались на потемневших от времени портретах, и неподвижно застывшему у двери Сварогу стало казаться, что портреты шевелятся, явственно меняют позы, двигаются, ожидают...

Багровое сияние проникло сквозь витражи, поползло от окна к Сварогу, и он едва справился с желанием заорать и пуститься наутек — портреты действительно оживали. Туманное свечение словно бы вспыхивало в глубине обретших трехмерность картин и медленно распространялось на все пространство, заключенное в золоченую раму. Фигуры шевелились, выступали за рамы, призрачно полупрозрачные, меж ними и плоскостью картин явственно обозначалось пустое пространство, лица медленно, слепо оборачивались к Сварогу, отыскав его взглядом, замирали. Он поймал себя на том, что тихонько пятится к двери, и застыл — все-таки они не отдалялись от рам, они стояли и смотрели, словно ожидая чего-то от него...

«Конечно, — вспомнил он, — призраки не могут заговорить первыми».

— Простите, — сказал он негромко. — Мне посоветовали к вам... с вами... Но разве такое возможно?

— Это Фатероль, — прозвучал в ответ столь же негромкий голос. — Он был великим живописцем и великим магом...

— Великим...

— Говорят даже, что он продал душу дьяволу, взяв в уплату волшебные кисти...

— Говорят...

— Никто не знает всего — но его полотна стали дверью, способной порой приоткрываться в тот мир, что терпеливо ждет всех, обитающих по другую сторону...

Голоса звучали отнюдь не демонически, они были почти обычными, человеческими, хотя и лишенными чего-то при-

вычного, важного. Сварог немножко приободрился, и тут кто-то резко бросил, почти крикнул:

— Милорды, но разве это граф Гэйр?!

Сварог машинально глянул в ту сторону — бородатый старик в черной кирасе поверх кафтаны и широкой золотой перевязи уставился на него подозрительно и зло.

— Мне представляется, что маршал прав, — сказал сосед старика, человек помоложе. — Но не всецело.

— Вы хотите убедить меня, что перед нами — последний граф Гэйр? — поджал губы маршал.

— И не пытаюсь, дядюшка. Но в этом молодом человеке есть что-то странное, не позволяющее решительно и безоговорочно отказать ему в праве именоваться графом Гэйром. В чем эта странность заключается, я не знаю, но вынужден удостоверить ее наличие...

— Адвокатские штучки. Вся эта ваша казуистика... Последний граф Гэйр исчез три года назад в Море Мрака.

— Повторяю, дядюшка, я вовсе не идентифицирую этого молодого человека с последним графом Гэйром, — не уступал адвокат. — И я помню, что последнего графа Гэйра нет ни среди живых, ни в Царстве Теней, что само по себе достаточно странно... Я могу прозакладывать голову — простите этот оборот из лексикона живых, звучащий в нашем обиходе невысокого пошиба шуткой, — что перед нами не граф Гэйр. И тем не менее... В этом человеке есть что-то от нас.

— Да, я тоже это чувствую, — поддержал кто-то.

— И я, признаться. Маршал, вы всегда грешили поспешностью суждений — и решений, увы...

— Не замечал за собой, — буркнул маршал, буравя Сварога прокурорским взором. — Юноша, не соблаговолите ли объяснить, откуда вы взялись в маноре Гэйров, собственно говоря?

— Из прошлого, — сказал Сварог.

— Точнее?

Сварог называл даты, страны, события — но призраки лишь растерянно переглядывались.

«Это в какую же даль меня занесло?» — смятенно подумал Сварог.

— Здесь необходим учений, — заключил адвокат. — Милорд Орим, не сможете ли внести ясность?

— Боюсь, не смогу ничем помочь, — сказал человек в мантии и большом берете. — Я не могу вспомнить ничего похожего ни

в истории Талара, ни в истории Сильваны, не говоря уж... — Он сделал многозначительную паузу, понятную, очевидно, для всех, кроме Сварога. — Ничего схожего...

— В истории всех планет есть крайне отдаленные периоды, от которых не осталось никаких свидетельств...

— Зато остались те, кто ушел в Царство Теней как раз из таких периодов. Конечно, следует учесть прекрасно известные вам обстоятельства... И все равно в истории человечества нет таких эпох, свидетелей которых мы не встретили бы у себя.

— Вы безукоризненно логичны, братец.

— И прав, смею думать.

— И тем не менее! — не уступал адвокат. — Наш гость — данность, от кой не отмахнуться. Мы должны прийти к какому-то решению, ибо второй раз с этим молодым человеком встретимся нескоро. Нам далеко не безразлично, кто стал владельцем родового замка Гэйров, а ему, думаю, не безразлично, получит ли он наше расположение...

— А если — безразлично?

— Смею заверить, весьма не безразлично, — сказал Сварог. — Поймите, я сюда не рвался. Я не стремился заполучить эти титулы и этот замок. Я вообще не знал, что существуют такие места... Не я все это затеял. И если все это — ваше, мне бы никак не хотелось представлять странным самозванцем... Может, вы знаете, кому и зачем понадобилось меня сюда поселять?

— Увы, — сказал адвокат. — В силу своего положения мы знаем многое о прошлом, но о настоящем знать не можем ничего...

— Есть отличный план! — вмешался молодой, выглядевший ровесником Сварога призрак в щитом золотом мундире, усатый, с тремя пистолетами за поясом и подзорной трубой в руке. — Незнакомец, вам следует прикончить того, кто все это затеял. А уж потом, когда он окажется среди нас, ему будет затруднительно что-то скрыть. И в следующее полнолуние, пусть это и не скоро, мы найдем, о чем поболтать...

— Самый простой способ разделаться с мышью — поймать ее и насыпать на хвост соли... — бросил маршал. — Кузен, вы навсегда остались гвардейским вертопрахом. Прежде чем отправить к нам виновника, его следует обнаружить. А обнаружив его, обойтись и без нашей помощи.

— Черт, верно... Как-то не подумал. Господа, мне этот парень отчего-то нравится. И если он хоть на самую малую то-

лику Гэйр... Не забывайте, три года истекли. Вы хотите, чтобы перевернули герб и манор сам превратился в призрак, плавущий над облаками? Или был присоединен к владениям невероятно дальнего родственника? Из таковых у нас остались только графы Раль, а они все поголовно — сволочь последняя... Уж если этого парня отчего-то согласились признать графом Гэйром...

— Да, но нужно же разобраться, что за всем этим кроется.

— Вот он и разберется. Он мне не кажется размазней.

— И все же — наши чувства, гордость фамилии... — упорствовал маршал. — Я не припомню, чтобы прежде случалось нечто подобное происшедшему с этим молодым человеком, в облике которого, признаю, усматриваются иные фамильные черты...

— И ны е? Да он же вылитый Гэйр! — сказал гвардеец. — Сбрейте мне усы или ему прицепите — и получится полное сходство. Говорите, такого прежде не случалось? А скажите-ка, дядюшка, разве случалось раньше, чтобы из Царства Теней исчезали...

— Лейтенант, молчать! — рявкнул маршал.

Сварог заметил, что загадочная реплика гвардейца словно бы вызвала у призраков легкий переполох. И навострил уши. Но никто не возразил маршалу. Очевидно, растяпа-гвардеец по простоте душевной коснулся чего-то такого, что надлежит тщательно скрывать, — то ли от одного Сварога, то ли от живых вообще.

— Позвольте мне, — вмешался старик в черной кольчуге с золотым гербом на груди. — Я вас всех внимательно слушал. Теперь извольте-ка слушать одного из тех, кто и сделал Талар таким, каков он сейчас есть, — быть может, на беду... Мне давно кажется, что лары мельчают. Что исчезло нечто важное, что впереди нет великих целей. Вы хотите полного вырождения? Вряд ли. Слишком многое тогда канет в небытие. Нужна новая, горячая кровь. И не так уж важно, откуда она приходит. Для чего-то же мы сжигали одни города и строили другие? Совершенствовались в магии и в могуществе?

— Сама История вещает вашими устами, милорд сенешаль, — сказал гвардеец, подмигнув Сварогу, уже полностью освоившемуся в этом странном обществе.

— Щенок, — сказал старик в черной кольчуге. — Я таких на кол сажал, случалось.

— Вот только пропустили того, кто помог вам раньше времени переселиться в Царство Теней...

— Перестаньте, — сказал адвокат. — Неужели никто не в состоянии оценить серьезность момента? — Он повернулся к Сварогу: — Боюсь, молодой человек, в чем-то мы покажемся вам смешными и даже глуповатыми. Что поделать, мы ведь призраки людей. Уходя в мир теней, никто не становится ни умнее, ни талантливее, ни могущественнее. Он всего лишь узнает много нового, но это не добавляет ума, а способно лишь прибавить печали — если бы тени обладали прежними чувствами... Так что мы остались, какими были. В том, что это непреложно, вам, извините за бес tactность, самому предстоит убедиться через несколько столетий. Вы ведь, я догадываюсь, хотели получить какой-то совет? Ответы на некие вопросы?

— Да, — сказал Сварог.

— Прошлое не годится в советчики, потому что оно не знает настоящего. А ответы вам предстоит искать самому. Разумеется, вас никто и ничто не обязывает. Мир, куда вы попали, предоставляет все возможности прожить жизнь беззаботно, приятно и легко. Но вам, боюсь, это не удастся. То, что случилось с вами, никогда не происходит просто так, по слепой игре случая, природы...

— Я догадываюсь, — сказал Сварог.

— Тогда вам следует быть готовым ко всему. К любому. Чем больше вы узнаете об этом мире, тем сильнее станете, когда придет пора...

— Но у меня создалось впечатление, что на меня махнули рукой, когда поняли, что не достигли желаемого, — сказал Сварог.

— Возможно. Или у вас умышленно создали именно такое впечатление. Здесь, за облаками, давно прекратились войны...

— А жаль, — вмешался призрак в черной кольчуге.

— Войны прекратились, — продолжал адвокат. — Но интриги и заговоры — вещь неистребимая. Вас уже посвятили в тайны книги заклинаний?

— Обещали сделать это завтра, — сказал Сварог.

— Конечно, вам будет трудно. Одно дело — овладеть книгой в пору отрочества и совсем другое — человеку более взрослому, по сути — постороннему... Но вам это поможет.

— И не забудь овладеть родовым умением, — сказал черный пращур. — У каждого рода есть свое заклятие, фамильная тайна...

— Какая у вас?

— Мы, Гэйры, обладаем великим даром — можем вернуть к жизни павшую лошадь. Но только на сутки.

— Великолепно, — сказал Сварог.

— Не кривись. Когда-то это чертовски помогало.

— Думаю, что внизу, на земле, это и сейчас может пригодиться, — сказал адвокат. — Итак, граф Гэйр... Надеюсь, присутствующие не возражают против употребления этого имени применительно к нашему гостю? (Судя по лицам, у некоторых имелось на сей счет особое мнение, но вслух они его не высказали.) Если потребуются законные основания, здесь вполне применим Указ о Сыновьях и постановление Геральдической коллегии, основанное на прецеденте Этерскела, — в части второй...

— Говорите, дядюшка, по-человечески, — сказал гвардеец.

— Мы вам и так поверим. Наш гость, думаю, тоже.

— Хорошо. В связи с особыми обстоятельствами обговорено и решено: этот молодой человек признается полноправным графом Гэйром, и на него ложатся все привилегии, преимущества, обязанности, старые счеты, пророчества, родовые заклинания и возможные неудобства, проистекающие из его нынешнего положения. Отныне манор Гэйр становится его домом, он обязуется заботиться о чести рода и фамильной славе, каковую должен по мере возможности приумножать, не допуская ее умаления. Поклянитесь на мече, двадцать второй граф Гэйр.

Сварог растерянно коснулся пояса — меч он давно снял, сядясь за ужин, но призрак в черной кольчуге выбросил перед собой туманное лезвие широкого меча. Пройдя к нему сквозь двойную шеренгу бесплотных зрителей, Сварог притронулся пальцами к мерцающему клинку, и пальцы погрузились в пустоту — невероятно холодную, ожегшую кожу.

— Иши Доспех Дорана, — сказал старик.

— Дедушка, кому теперь нужны эти сказки, — бросил гвардеец. — Главное, пусть он домоправительнице скучать не дает.

— Доспех Дорана — вовсе не сказки.

— Все равно. О нем вот уж которую тысячу лет ни слуху ни духу. Он спасал владельца от многих опасностей, но сам себя спасти не мог. Сейчас он может лежать где-нибудь на дне океа-

на, в чьей-то забытой могиле или под мостовой любого города.

— Или висеть на стене в доме того, кто понятия не имеет, чем владеет.

— Все возможно... Что же, прощайте, граф Гэйр, до следующего полнолуния...

Сварог был немного разочарован — снова все прошло скучно и буднично. Ни великих истин, ни роковых тайн, ни ужасных чудес. Тихие семейные посиделки... Он остался на месте, а полуопозоренные туманные фигуры попытались к массивным золоченым рамам, слились с полотнами, и вскоре остались лишь неподвижные изображения давно умерших людей — старики в броне, сановники в орденах, осыпанные самоцветами дамы и молодые офицеры. Вполне возможно, что запечатлевший их художник и не продавал душу дьяволу, — о многих талантах во все времена кружили такие байки...

Пальцы, которыми он коснулся лезвия призрачного меча, побаливали, будто отмороженные. Сварог хотел подойти и рассмотреть портреты, но решил, что это можно отложить на завтра. Повернулся и вышел. Меони порывисто подалась к нему:

— Что, милорд?

— Благословили, — сказал Сварог. — Никакой я теперь не самозванец, с чем себя и поздравляю.

— Великолепно! Пойдемте, здесь было так жутко...

— Зажгла бы свет.

— Опять домовой ходит. Такое редко случается, мне страшно.

— Глупости, — сказал Сварог.

— Только не здесь. Слышите?

Сварог прислушался — снаружи, из теплой звездной ночи, долетали возбужденные голоса. Меони скользнула к ближайшему окну, Сварог пошел следом, выглянул за широкий парапет. Он хотел посмотреть вниз, откуда слышались голоса, но невольно задрал голову к небу.

В небе висел огромный желтый диск, размером с футбольное поле, казалось, он вот-вот обрушится на голову, затрешат верхушки деревьев, рассыплется крыша... Диск был покрыт туманными параллельными полосами, темноватыми пятнами неопределенных очертаний, а повыше экватора красовалось круглое алое пятно. «Юпитер, чтоб мне провалиться, — подумал Сварог.

мал Сварог. — Нет, ну что у них тут творится? Куда перенесло Землю?»

С трудом оторвавшись от впечатляющего зрелища, Сварог посмотрел вниз. Среди деревьев мелькали большие шары неподвижного сиреневого света, цепочка таких же двигалась к лесу со стороны служб. Хрипло, пронзительно заревела неподалеку труба. И сейчас же коридор ярко осветился.

Сварог невольно зажмурился, а когда открыл глаза, увидел спешившего к нему Макреда. Дворецкий ухитрился сохранить величавость даже при беге трусцой, но выглядел чуточку испуганным. Он остановился в двух шагах, пытаясь отдышаться.

— Ну, что там? — спросил Сварог. — Воры лезут?

— Милорд, ваши гвардейцы уверяют, что в лесу видели Гэйр-Бара.

Меони охнула за спиной Сварога.

— А что это за субъект? — спросил Сварог.

— Фамильный призрак Гэйров, милорд. Безголовый медведь, чье появление случается крайне редко и обязательно предвещает большие перемены.

— К добру или наоборот?

— А вот этого, милорд, никогда наперед не знаешь... Гвардейцы клянутся, что он бродил по лесу...

— Так, — сказал Сварог. — Безобразий и убытков от него много?

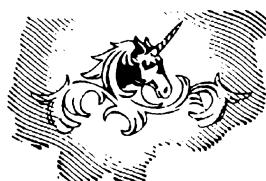
— Никаких, милорд, это же призрак...

— Тогда к чему весь этот цирк с иллюминацией?

Макред помолчал, вздохнул:

— Я и сам не знаю, милорд. Так уж повелось...

— Кончайте этот переполох, — сказал Сварог. — Пусть бродит, если ему так уставом положено. А вы укажите мне немедленно родовую спальню. Колыбельную петь не нужно, я и так усну на совесть, можете не сомневаться...

Глава 4

МИЛОРД ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

Сон, в котором за ним гнались разъяренные титулованные пращуры, а спасал от них почему-то безголовый медведь Гэйр-Бар, растаял, неуловимо перетекая в зыбкие мгновенья пробуждения, когда еще не понимаешь толком, на каком ты свете, а недавние видения кажутся убедительной реальностью. Глаза еще склеивало сонным наваждением, и Сварог подумал сначала — жаль, что придется расставаться с таким великолепным сном. Потом, не открывая глаз, отметил необычную пышность и мягкость подушки. Открыл глаза и понял — ни с чем не придется расставаться. Он лежал в огромной постели, по которой можно было маршировать строевым шагом, стены были затянуты синим шелком с вышитыми золотом узорами, в окна лились солнечные лучи, играя на рыцарских доспехах в нишах, а у изголовья стояла зеленоглазая светловолосая девушка. Она улыбнулась и сказала:

— Милорд, через четверть часа прибывает маг из Мистериора.

И он осознал, что ничего ему не приснилось, что он остается в благодатных краях заоблачного безделья. Блаженно улыбнулся и сказал:

— Иди сюда.

Меони улыбнулась, мотнула головой:

— Маг прибывает.

— А кофе в постель? — спросил Сварог, твердо решив вести самую великосветскую жизнь. — Есть хочу.

Меони улыбалась:

— Есть вам нельзя, милорд. Овладение книгой заклинаний требует пустого желудка, — она лукаво склонила головку к плечу, — и неотягощенной неподобающими побуждениями души...

— Ну, ты мне еще попадешься, — сказал Сварог. — Ладно, готовим встречу. Что там полагается — трубачей на стены? Салют из всех орудий?

— Достаточно фанфар и четырех гвардейцев у входа, милорд. Макред уже распоряжается.

Через несколько минут Сварог стоял на верхней ступеньке парадной лестницы. Дверь была распахнута настежь, и у створок попарно стояли навытяжку четверо гвардейцев. Сияло солнце, небо выдалось безоблачное, внизу виднелись дымки над крохотными крышами неизвестного города, далеко раскинувшегося посреди желтых полей. Интересно, что это за город и над каким он континентом? И как вышло, что земные обитатели деградировали до положения варваров, а меньшая их часть оказалась за облаками?

Гвардейцы слаженно выхватили мечи, и четыре ослепительно сияющих клинка взметнулись «подвысь». Сварог встрепенулся, зашарил взглядом по небу.

К замку приближался странный четырехугольный предмет, в котором вскорости удалось опознать не что иное, как ковер-самолет. Именно так это средство передвижения и выглядело. Посередине темно-красного с серебристыми узорами ковра, поджав ноги и гордо выпрямившись, сидел старик в синей мантии, усеянной золотыми каббалистическими знаками, и остро-конечном черном колпаке, увенчанном золотым полумесяцем. Где-то на галерее зазвучали фанфары. Сварог приосанился, чувствуя себя полным идиотом. Больше всего это напоминало скверный фильм для дошкольников, по недостатку денег бедный эффектами.

Ковер-самолет замер в воздухе у подножия лестницы, повисел пару секунд и мягко опустился на траву. Опереточный звездочет выпрямился во весь рост, прошествовал к Сварогу. «Сейчас, чего доброго, руки возденет», — подумал Сварог и оказался провидцем — старик воздел руки, торжественно объявил:

— Да пребудет над сим замком благодать небес!

— Да пребудет, — согласился Сварог, уже натасканный Макредом и Меони.

Слава богу, на этом торжественная часть и закончилась. Стариk с деловым видом засеменил вслед за Макредом, возглавлявшим шествие, направляющееся в подвалы замка, где Сварог, к своему полному разочарованию, не обнаружил ни прикованных в незапамятные века скелетов, ни раскрытых сундуков с грудами сияющих самоцветов, ни даже паутины. По обе стороны сводчатого коридора было множество низких, окованных железом дверей, но коридор оказался чистым, светлым и сухим, так что вряд ли можно было рассчитывать, что за дверями — темницы с забытыми пару сот лет назад узниками, пыточные и сокровищницы.

Дворецкий остановился перед последней дверью, распахнул ее и низко поклонился. Внутрь он не вошел, притворил дверь за Сварогом и его гостем.

Внутри было интересно. Именно то, чего Сварогу подсознательно не хватало. Со сводов свисала паутина, внушавшая почтение толщиной и обилием, — она скорее напоминала обрывки рыбачьих сетей. Пауков Сварог не заметил, но они вполне могли укрыться по углам, утопавшим в загадочных тенях, — единственным источником света был висевший под потолком тускло-багровый шар, первый увиденный здесь Сварогом настоящий светильник. На полу лежал толстый слой пыли, ноги утопали чуть ли не по щиколотку, и противно першило в горле. Посередине, на небрежно отесанной каменной глыбе лежала толстенная книга, но Сварог лишь мельком глянул на нее и уставился на стены.

На черепа, пожелтевшие, древние, размещенные на толстых кованых крючьях, вбитых меж закопченными кирпичами стен. Черепов было множество, но и свободных крюков хватало. Сварогу стало не по себе от такого множества оскалов и пустых глазниц. На лбу одного из черепов тускло отблескивал золотой обруч с зелеными каменьями. Другой был увенчан самой настоящей короной — золотой, с прямо-угольными зубцами, рубинами и двумя дугами.

— Надеюсь, это не предки? — тихо спросил Сварог.

— Это враги ваших предков, милорд. Наиболее опасные и родовитые, за что и удостоились такой чести. Вот это — подлинная жемчужина, — он указал на череп в короне. — Король Горрота, черный маг полуденных гор. С тех пор как этот череп угодил на крюк, прошло четыре тысячи лет, но королевство Горрот существует по-прежнему, и с вашей стороны было бы

полным безрассудством оказаться в его владениях. Даже несмотря на ваше положение. Тот, кто захочет отомстить, всегда найдет способ. Ваши предки оставили внизу порядочно врагов, и не все счета истлели от времени...

Сварог покачал головой. Нельзя сказать, чтобы такой поворот дела ему особенно нравился, но что поделать, привилегии идут в паре со старыми неоплаченными счетами. Одно утешение: земные кредиторы в замок не доберутся...

— Вот этот — один из стародавних великих герцогов Харланских. — Старик указал на череп с обручем. — Посему...

— Посему мне и в Харлане не стоит появляться?

— Не стоит, милорд. Ничего страшного, есть много других, более богатых и красивых стран, где вы можете пребывать в полной безопасности.

— Я вижу, предки умели и поохотиться, и нажить доброжелателей... — сказал Сварог. — Слушайте, а это еще что такое?

Череп этот ничем не отличался от остальных — если не считать третьей глазницы, расположенной во лбу над двумя традиционными. Это была именно глазница, а не пробитое каким-то оружием отверстие.

— Боюсь, никто этого не знает, милорд, — сказал маг.

— Но Царство Теней... — сказал Сварог с видом знатока.

— Этот череп привез неизвестно откуда ваш предшественник, последний граф Гэйр. За две недели до своего исчезновения.

— В Море Мрака?

— Так предполагают. Где именно он пропал, неизвестно до сих пор.

— Но разве нет способов...

— Маги не всесильны, милорд. В особенности когда им противостоят... не менее могучие силы. В этом мире нет такой монстра, которая могла бы назвать себя всепобеждающей. Подозреваю, ее в нашей Вселенной нет нигде. Есть лишь хрупкое равновесие...

— Интересно, — сказал Сварог. — А скажите...

Вот тут у него по-настоящему сперло дыхание. Рядком висели шесть крохотных черепов, и на лбу каждого, на странно темной кости, — позеленевшая медная цепочка с грязно-желтым камешком.

— Не изумляйтесь, милорд, и не волнуйтесь. Это не дети. Это черепа гномов. Маленький, злобный, колдовской народец.

Хвала богам, он, кажется, сгинул без следа... В соседних помещениях вы найдете не менее интересные трофеи — черепа животных, ценности отдаленных земель. У вас еще будет время... Давайте исполним то, ради чего мы сюда пришли. Откройте книгу. Вот тут. Положите правую руку на страницу, а левую — на грудь, против сердца. Замрите.

Сварог не видел, что делает маг за его спиной, и делает ли вообще. Над книгой вспыхнуло золотистое сияние, повторявшее ее контуры, медленно распространявшееся на Сварога, охватило. Ладони коснулись странное, чуть щекочущее тепло, черные, старинного начертания рунические буквы стали алыми, тепло поползло к запястью, заливая, пронизывая все тело, проникая в каждую клеточку, до мозга костей, до кончиков самых крохотных кровеносных сосудов, играя искрами в крови, покалывая изнутри костей, пенясь под черепом. Волна поднялась, захлестнула, схлынула.

Теперь он знал. Как сотворить из ничего еду и питье, как создать табак и зажечь огонь, как позвать слугу, не прибегая к словам, и какие слова следует произнести мысленно, чтобы открыть дверь в замке, не касаясь ее рукой. Как управлять виманой, ялом и брагантом, какие заклинания требуются, чтобы мгновенно освоить любой незнакомый механизм. Как оживить на сутки павшую лошадь, как обезопасить себя и свой замок от тех, кто подслушивает и подсматривает с помощью магии. Как перемещать вещи у себя в замке, как распознать яд в пище и питье, как лишить предмет веса, как разговаривать со змеями и понимать их язык, как читать на Древнем языке и Древесном алфавите.

И узнал кое-что еще. Что лара можно ранить или убить только предметом, который держит чья-то рука, а любое другое оружие, которое придется метнуть, бросить, выпустив из руки, не причинит никакого вреда — от камня из пращи до пули. Стрелы, пули, камня, копья, обрушившихся стропил и упавших с потолка плит бояться не следует. Как и рукотворного пожара. Опасность для лара представляет лишь пожар, возникший от естественных причин, и падающий предмет, обрушенный самой Природой. Эти свойства лары с помощью магии приобрели в старые времена, когда еще обитали на земле, и, оказавшись внизу, любой лар имел бы массу преимуществ перед тамошними жителями — хотя, конечно, не мог остаться неуязвимым полностью.

Сварог прислушался к себе — он остался прежним, но где-то глубоко внутри почувствовал еле уловимые изменения. Он напрягся — по телу пробежала дрожь, какую нельзя было бы описать обычными человеческими словами, и череп в золотой короне подпрыгнул на крюке, сухо брякнул, корона перекосилась, придавая ему ухарский вид. Пыль в углу взвихрилась и опала.

Маг снисходительно наблюдал за ним, словно за шалящим ребенком, и Сварог, вновь вспомнив о маленьком зеленом крокодильчике, подумал: а зачем все это, если вдуматься?

И спросил:

— Но ведь это, насколько я понимаю, далеко не все?

— Подавляющему большинству ларов на всю жизнь хватает и этого, — сказал маг. — Конечно, это только первая ступенька, а ступенек много. Но высшая магия, неизмеримо превосходящая все эти домашние мелочи, доступна только тому, кто годами будет совершенствоваться под руководством учителей Мистериора...

— А Магистериум? — вырвалось у Сварога.

И он тут же об этом пожалел — маг уставился на него так, словно Сварог вознамерился вытереть сапоги полой роскошной мантии звездочета. Или уже вытер.

— Магистериум — порождение разврата нравов, не признающего традиций и авторитетов, — проговорил маг с видом крайнего отвращения. — Жалкие попытки достичь Высшего Знания с помощью ремесленных ухищрений, мертвого железа... Прекрасно известно, чем такие попытки кончаются...

«Конкуренция здесь на высоте, — подумал Сварог. — Интересно, в каких выражениях отзывается о Мистериоре Магистериум?»

— Простите, — сказал Сварог насупившемуся магу. — Просто к слову пришлося. Не отбедаете ли со мной?

— Благодарю, я спешу, — сухо ответил чародей.

Больше он не произнес ни слова — молча шагал по коридорам, молча прошел мимо салютовавших ему гвардейцев, шурша мантией, умостился на ковре в величественной позе, и ковер-самолет моментально взмыл в небо. Сварог посмотрел ему вслед, хмыкнул и вернулся в замок, на ходу заставляя взглядом подпрыгивать вазы и доспехи, а чучела тигров — бить хвостами по полу. Встретив Меони, не выдержал и сознничал — остановился, уставился на нее, верхняя пуговица

платья девушки вдруг выскочила из обшитой золотой тесьмой петельки.

Меони отшатнулась, ее глаза потемнели.

— Я вижу, вы становитесь настоящим ларом, милорд...

— Брось, чудачка, — сказал Сварог. — А то в мышку превращу. В серенькую, пушистенькую, но все такую же очаровательную...

Она испуганно отодвинулась:

— Вы в самом деле можете?

— Не могу, — сказал Сварог. — И рецептом приворотного зелья меня тоже не одарили, так что можешь не беспокоиться.

Она упорно отводила взгляд, страх в ее глазах не таял. Сварог осторожно, указательным пальцем приподнял ей подбородок:

— Ну что ты? Неужели думаешь, что человек может стать законченной скотиной, освоив какую-то старую книгу?

— Такое слишком часто случалось, милорд...

Сварог сделал вывод, что с правами человека здесь дело обстоит не самым лучшим образом. Потомственные вассалы, лишенные права выбора и собственной воли, как-то не сочетались с межпланетными путешествиями и летающими поместьями. Впрочем, такие вещи — или примерно такие — ухитрялись сочетаться во все эпохи. Начиная с тех времен, когда на высокомудрого Аристотеля работали рабы, считавшиеся одушевленной вещью.

— Не сердись, ладно? — попросил он. — В моем положении чертовски легко делать промашку за промашкой...

Она улыбнулась, почти успокоившись:

— Мне не полагается сердиться... Будете завтракать, милорд?

Сварог, все еще под впечатлением подвала с черепами, мотнул головой:

— Что-то не хочется пока. Пойду-ка я осмотрю свои военно-воздушные силы. Оказалось, у меня на земле хватает врагов, и порох следует держать сухим...

— Лары не воюют с обитателями земли, — сказала Меони. — Нет такой необходимости. Чересчур неравные силы. Если бы вы оказались внизу один, вам пришлось бы нелегко, несмотря на все ваши заклинания. Но с ларами такого просто

не случается, они живут в вышине, недоступные, как боги, а попадая на землю, окружены многочисленной пышной свитой...

— Непременно? — спросил Сварог.

Меони поколебалась:

— Конечно, находятся сорвиголовы, любители приключений... Но они подвергают себя огромному риску. Императорские сановники косо смотрят на тех, кто роняет престиж небожителя перед земными варварами, и тот, кто отправляется вниз в одиночестве, лишается всякой защиты. Есть неписаный закон... Там, внизу, знают, что суровой кары за убийство однокого лара не последует, и потому могут произойти всякие случайности.

— Они что, накидываются на любого лара, стоит ему там появиться?

— Нет, что вы, — сказала Меони. — Просто любой небожитель, спустившись на землю в одиночестве, без свиты, кортежа, рискует тем, что к нему там станут относиться, как к рядовому обитателю земли. И полагаться ему придется только на себя самого. Там, внизу, есть и разбойники, и звери... Это не Антлан.

— Что он, в конце концов, такое — этот твой Антлан?

— Континент на Сильване. Там находятся поместья ларов — и ваше тоже. Там небожители отдыхают и развлекаются, когда им захочется ощутить под ногами твердую землю. А еще там живут те, кому предназначено становиться потомственными слугами новых поколений ларов. Таков давным-давно устоявшийся порядок вещей, и не похоже, что он когда-нибудь изменится...

Она отвернулась, голос слегка дрогнул. Сварогу стало неловко. Дают ли в этом мире слугам вольную и может ли им вольная хоть чем-то помочь?

— Пойду посмотрю корабли, — буркнул он и быстро направился к лестнице.

Вимана, как он успел уже убедиться во время полета сюда, была, по сути, летающим садовым домиком (правда, домик этот, подобно имевшимся в наличии драккар и браганту, мог совершать и межпланетные путешествия). Драккар был машиной посеребренее — похож на виману, только побольше и обтекаемее, этакая небольшая крепостца с наклонными стенами и многочисленными башенками, откуда торчали самые разнообразные дула и жерла. Сопровождавший Сварога пи-

лот, командор его крохотного флота, рослый усатый блондин в серо-алом мундире с серебряной птицей на груди, сначала сыпал экзотическими названиями оружия, а потом высказался по-военному кратко и энергично:

— Милорд, это нужно видеть. У вас в библиотеке можно ознакомиться с подробными описаниями — но это нужно видеть. Если один драккар пройдет, паля из всех стволов, над любым паршивым королевством улиток... Я не поменял бы свой пост на любой улиточный трон.

— Улитки — это кто? — спросил Сварог.

— Это у нас так прозвали низких, милорд. У них там есть воздушные шары и фанерные самолетики, но это не меняет дела...

Сварог с любопытством посмотрел на него. Меони, дураку видно, откровенно тяготилась своим положением. А это был другой тип слуги — верный холуй, презиравший тех, кто стоит ниже, даже сильнее своего хозяина. Тот-то из врожденного аристократизма как раз не тратит времени на презрение...

Командор то и дело старался подчеркнуть, что он хоть и вассал, но все же гвардеец благородного лорда, и не стоит равнять его с дворецким и прочими форейторами. Порой это производило весьма комический эффект, как раз противоположный тому, на какой командор рассчитывал.

— Вы тоже из Антлана? — спросил Сварог.

— Так точно! Ромер одиннадцатый, потомственный пилот графов Гэйров. — Он помялся и добавил с ноткой фамильярности, готовый замолчать в любой момент, если хозяину такой тон не понравится: — К сожалению, милорд, ни моим предкам, ни мне так и не довелось пока что повоевать по-настоящему...

Сварог искоса взглянул на его застывшее-мужественное, глупое лицо. И сказал:

— Вот как? Дорогой командор, война имеет один существенный недостаток: не только вы стреляете, в вас тоже палят почем зря...

На лице командора читалось, что это-то как раз и здорово. Сварог украдкой вздохнул, отошел от серо-стального драккара.

Брагант оказался чем-то вроде шикарнейшего спортивного автомобиля без колес — Сварог даже воспрянул, отыскав наконец хоть что-то, вполне отвечавшее его представлениям о будущем. Бортовым вооружением он значительно уступал драк-

кару, но тоже мог натворить нешуточных дел, если возникнет такая необходимость. Оставался еще ял, служивший чем-то вроде брички для визитов к ближайшим соседям. В межпланетном пространстве он не летал, вооружения на нем не имелось, и больше всего он напоминал изящную лодочку, куда втиснули роскошное кресло. Отягощать его оружием было все равно что ставить пулемет на байдарку.

Обозрев свои военно-воздушные силы (и воскликнув в душе: да на кой они черт, если здесь ни с кем не воюют?!), Сварог направил свои стопы в библиотеку. Она была обширна, красива и выглядела совершенно нежилой, словно туда за все время ни разу не забредал ни один из Гэйров. Стены покрыты книжными полками с сотнями томов и ячейками, где в сотнях гнезд лежали горизонтально синие стержни длиной с авторучку, с черными головками, напоминавшие огромные спички — местный аналог видеокассет. На маленьком столике стоял синий усеченный конус, а рядом — белая клавиатура. Вот и вся здешняя видеодвойка. Другой стол, огромный, дубовый, с вычурными ножками, должно быть, предназначался для ученых занятий — и был девственно чист. Третий стол — собственно, черная рама на прозрачных ножках с примостившимся сбоку пультом — был, как Сварог уже знал, крайне интересным устройством, за которое продали бы душу дьяволу современные Сварогу шпионы и генштабисты. Оно позволяло увидеть и услышать все, что происходило в любой точке Талара — на улицах, на балконах, в чистом поле. Только внутрь домов заглядывать не могло.

Из украшений имелись большие, невероятно красивые модели парусных кораблей, стоявшие на подставках меж полками. К какому времени относятся корабли, Сварог определить не смог — насквозь незнакомые суда. Был еще огромный глобус, то ли в самом деле старинный, то ли отличная подделка: надписи со старомодными кучерявыми завитушками и лихими вертикальными хвостиками у согласных, пышно-вычурные розы ветров, морские страшилища и сухопутные чудища, очертания суши изображены так, как она представлялась малосведущим географам древности. Суша...

Суша. Сварог покрутил глобус — высотой ему по грудь — и уверился, что он изображает совершенно неизвестную планету. В одном полушарии — большой континент, напоминающий широкий осколок снаряда с рваными краями. В другом —

рассыпи островов, несколько крупных архипелагов, два длинных острова, протяженных и широких, которые, если учесть размеры планеты, могли и гордо называться континентами. Второсортными, правда. Вроде Гренландии или Новой Зеландии, каковые, как ни крути, все же не континенты.

Совершенно ясно, что глобус изображал не Землю. Сварог пожал плечами, перешел к черной раме, наугад нажал несколько клавиш. В черной раме возникло удивительно четкое и ясное изображение — кроны деревьев, казавшиеся тугими ключками зеленой ваты, видимая с птичьего полета извилистая лесная дорога, по которой ползли темно-коричневые повозки, запряженные парой лошадей каждая. Казалось, Сварог парит над ними в каком-то бесшумном летательном аппарате, глядя в незастекленный люк в полу. Он крутанул большим пальцем вертикальное хромированное колесико. Теперь какой-то уард отделял его от парусиновых крыш повозок и чуточку большее расстояние — от голов в вязаных колпаках. Двое, сидевшие на облучке, безмятежно беседовали. Гнусавый голос поучал:

— ...это если пшеничка ронерская, дурья твоя голова, тогда и можно пускать ее по два баранчика за гарнец, а над горротской трястись особенно не стоит — мало того что она похуже, народишко против нее имеет жуткое предубеждение, как против происходящей из королевства колдунов. Все это сплошное суеверие, кум, между нами-то говоря. Не настолько, сдается мне, они там в Горроте коварные, чтобы пихать всяющую злую магию в каждое зернышко. Сколько лет Горрот торгует лесом, и что, из бревен черти вылезают? У меня самого амбары из горротского леса, стоят себе двадцать лет, мороком не пугают... Но поди объясни ты это всякой сиволапой деревенщине. Значит, что? Значит, покупателя нужно искать специфического — тюремное ведомство или военного интенданта, их клиент все сожрет и рыло воротить не будет. Понял? Но пока ты его найдешь, семь потов сойдет, другие не дурней тебя, и не ты один имеешь дело с горротской пшеничкой. Да и они, покупатели, будут стараться заплатить подешевле, знают, канцелярские крысы, что выбора у тебя особенного нет. Так что не связывайся ты больше с горротской пшеницей, опять в убыток вгонишь...

Сварог выключил прибор. Безусловно, можно было при должном терпении наткнуться на сцены и поинтереснее. Он собрался было от скуки этим и заняться, но что-то мешало ему забавляться «всевидящим оком», смутное беспокойство тянуло

Обернувшись к ячеистому стеллажу, Сварог задумался, шевеля губами. Наконец протянул руку ладонью вверх. Одна из «спичек» метнулась наружу, словно ракета из кассеты боевого вертолета, проплыла по воздуху, опустилась на ладонь. Сварог вставил ее головкой вверх в отверстие усеченного конуса, тронул клавишу пальцем, запоздало спохватившись — ведь мог включить и мысленным усилием.

Воздух над конусом сгустился, потемнел, превратился в шар бархатистого мрака, усыпанного искорками звезд. В нем возникли золотые буквы, отплыли в глубь шара, уменьшаясь, сложившись в слова: «История Талара. Краткий курс». Потом буквы исчезли, на их месте появилась неспешно вращавшаяся планета, крайне похожая на уменьшенную копию глобуса — правда, очертания материка и островов были несколько иными, да еще добавился большой треугольный остров у северного полюса и другой, формой близкий к кругу, — почти на экваторе. Впрочем... Может быть, это и не острова. Они окрашены в иной цвет, совсем не такой, как прочая суши, и кромка их прорисована как-то иначе...

Ласковый, вкрадчивый женский голос заговорил:

— Мой юный друг! Ты, должно быть, уже знаешь, что именно так выглядит из космоса наша планета, Великий Талар, обитель властелинов-небожителей...

Сварог ударил по клавише. Изображение погасло. Он опустился в кресло, мысли беспорядочно прыгали.

При всем своем невежестве в геологии он помнил: для того чтобы превратить привычные земные континенты в то, что он сейчас видел, потребуются миллионы лет... или страшная глобальная катастрофа. Выбор невелик — неспешная естественная эволюция или катаклизм. Или одно из двух, как говорят в Одессе.

А может, кое-что третье?

Он, не вставая, резко выбросил руку в сторону. Вторая «спичка» спикировала на ладонь, больно царапнув кожу, — так он торопился.

Вновь золотые буквы: «Строение Солнечной системы. Краткий курс». Во мраке вспыхивает косматое, ослепительное солнце. На смену ему возникает планета, наполовину затянутая облаками, но все равно можно разобрать, что она не

похожа ни на Землю, ни на Талар. Вокруг нее кружит крупный, серо-коричневый спутник. Женский голос вкрадчиво сообщает:

— Нериада, первая от Солнца планета, владение Великого Талара, и ее спутник Голг.

На смену загадочной Нериаде появляется бело-голубая планета, кое-где увитая белоснежными струями облаков, — вокруг нее кружит спутник еще крупнее, зеленый.

Женский голос сообщает:

— Сильвана, вторая от Солнца планета, владение Великого Талара, и ее спутник Селена.

Сварог остановил изображение, потом пустил медленнее. Это, несомненно, Земля — только меж Европой и Америкой протянулся с севера на юг неизвестный континент, и еще один, довольно большой, обнаружился в Индийском океане, а третий тянется от северного побережья Азии к Канаде (лишившейся Гудзонова залива), и в океане обнаружились большие, совершенно неизвестные острова, и Австралия сплошной полосой суши соединена с Индией, и от знакомого Сварогу Средиземного моря почти ничего и не осталось, на его месте лишь три озерца, и нет Каспийского моря, зато в Центральной Азии голубеет огромное озеро, и очертания материков иные... Но все же это — Земля.

Сварог почти все уже понял, но все же нажал клавишу.

Появилась светло-рубиновая планета с тремя маленькими спутниками, континентами диковинной формы. Женский голос торопится прокомментировать:

— Тетра, третья от Солнца планета, владение Великого Талара, и ее спутники Бадб, Амрун и Брес.

И, наконец, появился уже знакомый Талар.

— Четвертая от Солнца планета — Великий Талар, Земля Ларов, Обитель Небожителей.

Когда возник Юпитер, Сварог выключил экран, не дожидаясь здешнего названия красного гиганта.

Такая вот космогония. Меркурий нет, Нериада вполне может оказаться Венерой, с Землей и так ясно, а Талар и Тетра (про которую еще неизвестно, мужского рода это название, женского или же среднего) — сплошная загадка. Одна из двух планет — несомненный Марс. Но откуда взялась вторая? Сколько же тысячелетий прошло? Лары ушли за облака пять тысяч лет назад... Судя по очертаниям земных матери-

ков, родную планету в прошлом сотрясали нешуточные катаклизмы...

Сварог помотал головой, пытаясь уместить в сознании груду тысячелетий, о которой подозревал, что она огромна. Рассудком он осознавал, насколько далеко от своего времени оказался, но чувства бунтовали — чересчур уж далек оказался путь, он предпочел бы что-нибудь поближе. Разницы, если подумать, никакой, но он чувствовал бы себя уютнее, окажись поближе к родному времени. Слишком далеко. Невероятная чужбина. Очень уж другое все...

Звон гонга проник в библиотеку. Сварог недоуменно поднял голову.

Дверь распахнулась, и Макред возник на пороге в состоянии полной растерянности. На ливрее у него обнаружилась незастегнутая пуговица, он даже запинался:

— М-милорд...

— Опять безголовые домовые?

— Милорд, вас вскоре навестит императрица! Нас только что известили! Вимана уже показалась! Милорд, невиданная честь, за все время существования манора Гэйр коронованные особы посещали его лишь трижды!

— Готовьте, что там полагается, — сказал Сварог, тоже чуточку опешивший.

— Милорд, все готово, дружина построена, императорские штандарты вывешены. Нас известили, что визит ожидается частный, свиты нет, и потому салют производиться не будет — только фанфары...

...Сварог, следя указаниям Макреда, спустился к подножию лестницы, по обе стороны которой уже стояли гвардейцы в парадных золоченых шлемах и кирасах. Поправил золотую цепь на груди — тоже парадную, настолько усаженную всевозможными драгоценными камнями, что золото едва проглядывало сквозь радужное сияние самоцветов. Впервые в жизни ему предстояло принимать у себя дома коронованную особу, и он немного волновался. И еще ему было тягостно, беспокойство крепло, становясь едва ли не привычной деталью повседневности, такой же обыденностью, как предупредительно-сановитая физиономия Макреда и каменные кони по обеим сторонам парадного входа.

Мышка, мышка, сказала кошка, пробеги-ка из угла в угол, а я тебе дам кувшин масла...

Мышка, в отличие от Сварога, по кухне бегать не стала...

Алое пятнышко быстро росло, превратилось в пурпурного цвета виману с золотой крышей, оконными рамами и галереей. Она опустилась на лужайку, золотая дверь распахнулась, проворно выскочили раззолоченные лакеи и почтительно замерли, придерживая створки. Следом за ними появился субъект, до того украшенный золотым шитьем, алыми кружевами и пышными перьями, что способен был вызвать у свежего человека самый непочтительный смех. Сварог, понятно, сдержался, хотя далось это нелегко. В руке этот павлин держал золотой жезл выше собственного роста, заканчивавшийся вырезанной из огромного рубина фигуркой диковинной геральдической птицы. Каковым жезлом торжественно ударил оземь (что не прозвучало должным образом на заросшей мягкой высокой травой лужайке), напыжился и возгласил:

— Ее величество Яна-Алентевита, императрица четырех миров!

Макред, не шевелясь, взглядом подал знак Сварогу. Встутили фанфары. Ослепительно сверкнули мечи дружинников. Сварог двинулся вперед, старательно придерживая парадный меч, зачем-то считая про себя шаги. Он прошел восемнадцать, остановился перед павлином в человеческом облике — тот выполнил своим жезлом несколько сложных церемониальных приемов, отступил назад и влево, отведя жезл так, словно отдавал караул по-ефрейторски.

У Сварога едва не отвисла самым предательским образом челюсть.

Перед ним стояла девчонка в коротком, воздушном алом платье и пурпурном плаще, расшитом золотом, тяжеленном на вид, но двигавшемся за ней, когда она шла, так легко и послушно, словно он был невесомым. Волну великолепных светлых волос, падавших до пояса, перехватывал надо лбом филигранный золотой обруч с четырьмя шариками — белым, голубым, зеленым и красным. В ушах, на шее, на груди, на пальцах красовался добрый килограмм брильянтов. Точеное лицико, от лицезрения коего холодело в сердце, было, как пищется в старинных романах, исполнено подлинного величия — Сварог лишь теперь понял, что имели авторы в виду, увидел, как это выглядит в жизни. Огромные синие глазищи смотрели на Сварога лишь самую чуточку благосклоннее, чем на облака и траву под ногами.

И все равно это была почти девчонка — уже можно думать о ней, как о женщине, не рискуя угодить в сексуальные маньяки, но рановато, пожалуй, претворять думы в жизнь. Сварог чуть опустил глаза — ножки в чулках из розового тумана были, надо признать, безукоризненными и, если так позволено думать в сей торжественный момент, весьма приманчивыми, под стать всему остальному. А сама девица, голову можно прозакладывать, капризна и надменна, как сто чертей: трудно ожидать чего-то другого от императрицы такого возраста, владычицы четырех планет. И совершенно непонятно, почему эта холеная очаровательная куколка решила вдруг самолично наведаться в гости к ничем не примечательному графу.

Сварог поклонился, примяв подбородком пышные синие кружева. На сей раз красноречие его решительно подвело, но сказочная принцесса с большим, надо отдать ей должное, тактом поторопилась его выручить:

— Рада вас приветствовать, граф. Я столько слышала о вашем славном замке, но бывать здесь пока не доводилось...

— Прошу вас, ваше величество, — опомнился Сварог.

Она торопливо прошла вдоль строя гвардейцев, словно все эти церемонии успели надоесть ей до смерти. Наверное, так оно и было. Сварог шел следом, отступив на шаг, а за ним бесшумно скользили два сановника в золотом шитье и орденах, словно получили приказ его конвоировать. Макред успел объяснить, чем отличается частный визит от церемониального, но вести юную императрицу все равно предстояло в главный зал замка, ибо так и следует принимать коронованных особ, если они заглянут на огонек. Самому Сварогу этот зал категорически не нравился — слишком большой, слишком высокий, совершенно идиотское количество доспехов и штандартов, а мебель рассчитана то ли на великанов, то ли на хмельных гуляк — чтобы не доводить их до греха и заставить во время застольных свар рассчитывать лишь на собственные кулаки. Казалось, даже с помощью заклинаний невозможно сдвинуть неподъемные кресла с высоченными спинками.

Похоже, сказочная принцесса была одного с ним мнения — она с тоскливой обреченностью оглядела все это великолепие и решительно присела на табурет в углу — массивный и вычурный, но все же не столь громоздкий. Неожиданно, насквозь

знакомым Сварогу по прежним временам движением, положила ногу на ногу («не введи нас во искушение», — ханжески подумал он), взглянула чуточку лукаво:

— Вы можете сесть, граф.

Оба царедворца остались за дверью, и Сварог заметил, что девчонка выглядит теперь не столь надменной. Она сидела, откинувшись на низкую спинку, разглядывала Сварога с жадным любопытством, коего ничуть не пыталась скрывать. Сварог же чувствовал себя крайне неуютно — то ли обезьянкой в зоопарке, то ли вызванным к доске нерадивым учеником. Он смутно помнил, что с коронованными особами вроде бы не полагается заговаривать первым, а следует ждать, когда они сами зададут вопрос. Он и ждал.

Должно быть, здесь правила этикета были иными — она вдруг недоуменно подняла пушистые ресницы:

— Почему вы молчите, граф?

— По невежеству, — сказал Сварог. — Я даже не знаю, как к вам следует обращаться.

— На людях — «ваše величество» или «ларисса императрица». С глазу на глаз можно «Яна» и «вы». Достаточно близкие знакомые могут называть меня на «ты», избегая, понятно, любых проявлений фамильярности. Возможно, я и допущу вас в число моих близких знакомых, граф. Есть у меня такие намерения. Точнее, каприз. Когда все твои капризы моментально выполняются, очень трудно не стать капризной. Так что в этом отношении я особа достаточно испорченная, — сообщила она с очаровательной улыбкой.

— А головы вы не рубите? — спросил Сварог.

Она рассмеялась:

— Боитесь?

— Просто хочу знать, что мне может грозить в случае крупной провинности.

— Последнюю благородную голову у нас отрубили при моем дедушке, более тысячи лет назад. Сейчас могут отправить в ссылку на другую планету, но это случается крайне редко — у нас просвещенная монархия, такая скуча... Обычно провинившихся не допускают ко двору, лишают орденов и придворных званий — и, знаете ли, великолепно действует. Но у вас пока нет ни чинов, ни званий, ни орденов, вам бояться нечего. Разве что опасности лишиться моего общества. Серьезная угроза?

— Серьезная, — сказал Сварог.

— Я вас забавляю? — видя его замещательство, она звонко рассмеялась. — Успокойтесь, я не читаю мыслей. Читать чужие мысли можно, но это превратило бы жизнь в сущий ад для того, кто читает, потому что нет заклятий, способных отгородить человека от потока всех чужих мыслей. Просто ваши мысли легко прочитываются по вашему лицу. Учтите это. И срочно учитесь быть чуточку непроницаемее. — Она приняла самое невинное выражение лица. — Иначе вы для меня моментально отодвинетесь в длинную шеренгу придворных хлыщей, которые мне взглядами все коленки исцарапали...

— Носите платья подлиннее, — расхрабрился Сварог.

— Не могу. Во-первых, у меня великолепные ноги, а во-вторых, такова мода. Давайте оставим эту тему, иначе я, как любое создание нежного пола, буду болтать о нарядах до бесконечности. А вы, как мужчина, не сможете оценить должным образом сей увлекательный разговор. Давайте лучше поговорим о вас. Как вам у нас нравится? Очень непривычно?

Сварог осторожно сказал:

— Меня крайне настойчиво предупреждали, что я отроду был графом, и другие точки зрения чреваты...

— На меня общие правила и запреты не распространяются, — сказала Яна.

— В таком случае... Быть может, вы объясните мне, что же произошло?

— Если я правильно их поняла, они собирались путем какого-то сложного и замысловатого научного опыта вернуть последнего графа Гэйра, неведомо куда пропавшего. А получились у них вы. И с вами творится что-то совершенно непонятное — вы безусловно не он, но в то же время по иным характеристикам и параметрам с ним ассоциируетесь. Вас это, возможно, удивит и обеспокоит, но вы — научный феномен. Вот вам и вся суть. Остальное — пространные и неудобоваримые научные подробности в виде формул, расчетов и жутких фраз, которых ни один нормальный человек не поймет... Я и не пыталась. Вряд ли вы захотите во все это вникать, если только не питаете патологического интереса к науке.

— Не пытаю.

— Вот и прекрасно. Когда встал вопрос о вашем будущем, сходство с графом Гэйром сыграло немаловажную роль. Здесь вновь начинаются сложные подробности, на сей раз не науч-

ные, а геральдические. Я, с вашего позволения, опущу и их. Будем надеяться, со временем что-нибудь прояснится. Не беспокойтесь, вам это не грозит лишением нынешних прав. Граф Гэйр, похоже, исчез безвозвратно.

— А могу я о нем узнать побольше?

— Увы, не от меня. Я сама его плохо помню, почти не видела. Говорят, он пропадал на земле, вечно затевал какие-то рискованные предприятия. Вот и не вернулся из последнего. Не вздумайте последовать его примеру.

— Ну, я даже не знаю, что здесь считается рискованным предприятием...

— В таких делах мужчины быстро осваиваются. Слышите? Не вздумайте ввязываться в авантюры. У нас и без того хватает неприятностей с любителями приключений...

— А мне казалось, что жизнь здесь размеренная и тихая.

— Здесь, в небе, — безусловно. Однако хватает сорвиголов, не способных смыкнуться с размеренной тихой жизнью. То, что многие гибнут, других не останавливает. Есть иные планеты, варвары внизу... — Она с чисто женской непоследовательностью призналась вдруг: — Каюсь, я сама иногда люблю выкинуть что-нибудь шальное. К сожалению, мне никогда нельзя остаться без присмотра и охраны, стоит мне показаться за пределы обитаемых небес... Но я стараюсь. Мне простиительно, потому что все смирились с неким неизбежным этапом, и повсеместно известно, что я взбалмошная, своенравная и капризная.

— А на самом деле?

Яна глянула на него укоризненно:

— Граф! Я, конечно, весьма юная особа, без опыта определенного рода, но уж вам-то следовало бы знать, какое это пустое и бес tactное занятие — доискиваться касаемо женщины, какая она на самом деле...

— Как бы там ни было, я вижу, что вы умны...

— То есть — отнюдь не дура? Комpliment принят. Открою вам страшную правду, граф, — я и в самом деле жутко капризна. Что вы хотите, столько поколений предков — самодержцев, а то и вульгарных тиранов...

— И я должен считать себя вашим очередным капризом?

— Ну, не дуйтесь. Вы все-таки не безделушка и не собачка. Считайте, что вы мне очень интересны. Между прочим, это чистая правда. У меня хватает и льстивых интриганов, и влюблен-

но плящихся повес... Вы — совсем другой, вы пришли из такого страшного далека... И хотите, чтобы мне было неинтересно? Нет, в самом деле?

Она говорила серьезно, ничуть не ломаясь, и Сварог в глубине души соглашался с ее доводами. Императрицам тоже бывает скучно и одиноко, особенно таким вот очаровательным девочкам без опыта определенного рода.

— Итак, я нежданно-негаданно получил шанс попасть в фавориты? — спросил он.

Яна поморщилась:

— Не будьте вульгарным. Фавориты — это из древней истории. Любовники, казнокрады... Любовников у меня пока что нет, а казнокрады у нас немыслимы, потом сами узнаете почему. У меня есть круг друзей, которых я выбираю сама. Считается, что они смогут благотворно влиять на капризную девицу, иные и в самом деле так полагают в невежестве своем... Хотите попасть в этот тесный круг?

— Хочу, — сказал Сварог.

— Основные правила: не опускаться до фамильярности, не лгать, не выпрашивать почестей и наград, не пожирать влюбленными взглядами. Почестями я вас одарю сама — не щедро и не скучно, ровно настолько, чтобы в соответствии с придворным этикетом получили доступ во дворец. Но предупреждаю сразу: если будете ввязываться во все эти старинные глупости с дуэлями — обижусь и рассержусь всерьез. Дуэлянтов изгоняю беспощадно. Ну посудите сами: какой смысл забираться в глухие уголки парка и драться из-за меня на мечах, если я сама не собираюсь давать никаких шансов ни проигравшему, ни победителю? Хорошо еще, вы не читали всех этих старых романов — звон клинков, серенады под окнами, оброненные платки...

— Увы, у нас таких романов тоже было множество, — признался Сварог. — И не скажу, что я ими пренебрегал.

— Час от часу не легче, — вздохнула Яна. — Ну, тем более. Учтите, дуэлей терпеть не могу.

«Просто ты не вошла еще в тот возраст, в каком ужасно нравится, когда из-за тебя дерутся мужики, — подумал Сварог. — Правда, ходят легенды, что есть и зрелые женщины, которым это не доставляет никакого удовольствия, но такие слухи следуют проводить по одному ведомству с рассказнями о деревьях-людоедах и порядочных премьер-министрах...»

— И еще, — сказала Яна. — Вы хорошо понимаете, что это навсегда, что пути назад нет?

— Кажется, да, — сказал Сварог.

— Отлично. Теперь вы — неотъемлемая частица этого мира. И я сегодня же жду вас во дворце. Сейчас уладим формальности...

Она посмотрела на дверь, и сейчас же появились оба сановника. Величаво выпрямившись, Яна сказала с великолепной небрежностью:

— Я сочла нужным даровать графу Гэйру звание лейтенанта лейб-гвардии и титул камергера. Указы подготовить немедленно. Доступ за Бриллиантовых Пикинеров. И все сопутствующее. Виману к отлету. Проводите меня, граф. И не забудьте — нынче же вечером жду вас во дворце.

Он стоял на лужайке и бессмысленно смотрел вслед быстро уменьшавшейся пурпурной точке на фоне безукоризненно чистой небесной лазури. Ему было грустно — какая-то тупая, апатичная грусть, словно фантомные боли в отрезанной ноге, к отсутствию которой на ее законном месте со временем привыкают, но вот от болей порой не удается отделаться никогда. Летучие замки. Императрицы. Заклинания. Черепа древних королей в паутине и пыли подвалов. Гербы и потомственные домоправительницы. И это — итог? Нет, в самом деле? Зачем же тогда горящие вертолеты рушились на каменистые склоны, две сверхдержавы швыряли миллиарды на ветер, силясь напакостить друг другу во всех уголках света, и прапорщик Вильчур сгорел в бэтээре?

«А-а, в бога душу мать, — подумал он. — Зачем? А потому что все эти тягостные вопросы родились не сегодня и не вчера, а теперь они и вовсе потеряли всякий смысл, канув в забвение вместе с породившим их историческим периодом. И не перешли плестью обуха — даже с помощью магии...»

Меони ждала его в холле.

— Ну вот, меня приглашают во дворец, — сказал ей Сварог. — На роль экзотической игрушки, сдается мне. Придется ехать.

Меони взглянула на него так, словно он отправлялся в замок людоеда:

— Лучше бы вам туда не ездить...

— Почему?

— Говорят, там упыри водятся...

- В императорском-то дворце?
- Очень уж он древний.
- Люблю старые дома, — сказал Сварог.
- А еще говорят, что легкость нравов там необыкновенная...
- Ревновать изволите, прелесть моя?
- Конечно, я не имею права...
- Брось, все нормально, — сказал Сварог.
- Боги, ну зачем я такая уродилась? — вздохнула она горестно. — Все обыкновенные, нормальные, принимают мир таким, каков он есть, и никаких драм...
- Вот за это ты мне и нравишься, — сказал Сварог, погладил ее по щеке. — Постараюсь не поддаваться легкости нравов...

Закрывая дверь, он оглянулся — Меони казалась очень маленькой и печальной на фоне огромного батального полотна, где конники в синих плащах и конники в красных плащах яростно истребляли друг друга неизвестно из-за чего, и какая-то девица в лазурных одеждах, с еще более грустным, чем у Меони, лицом реяла над побоищем — местная валькирия, надо полагать.

...Он летел, и небеса были пустынными, как и полагается небесам. Лишь однажды далеко слева показался крохотный замок, как водится, окруженный парком. Несколько тысяч поместий, даже весьма обширных, были разбросаны над планетой, словно редкие юрты в бескрайней степи, так что в регулировщиках движения нет никакой нужды...

Интересно, видят ли его с земли? Ял шел на большой скорости, но сопротивления воздуха не было, в точности как на галерее виманы, дым от сигареты Сварога безмятежно клубился, словно на земле в безветренный день... Черт, это еще что такое?

Левее, гораздо ниже, почти параллельным курсом шел небольшой черный коврик, на котором восседал человек в темно-коричневом одеянии. Еще один звездочет куда-то шествует по старинке. Только одет скромно — должно быть, в повседневную форму, синяя хламида с золотым шитьем у них — парадновыходная...

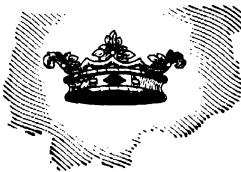
Коврик-самолетик значительно уступал в скорости и вот-вот должен был остаться за кормой, но Сварога охватило озорное желание пообщаться со случайным попутчиком. Он сбросил скорость и стал снижаться, однако произошло что-то стран-

ное — заметив его, человек в коричневом встрепенулся, быстро зашевелил пальцами, коврик камнем упал вниз и мгновенно затерялся в редких облаках. Сварог недоуменно пожал плечами. Должно быть, некие сложности здешнего этикета...

Он махнул рукой и тут же забыл об этом — внизу показалась резиденция юной императрицы. Зрелище было впечатляющее. Над облаками парила крохотная страна — огромные парки, заключенные в рукотворную сеть аллей и дорожек, диковинные цветки десятков фонтанов, поросшие лесом холмы, зеленые поля, скалы с водопадами и гrotами, изумрудные лужайки, широкие каменные лестницы, спускавшиеся уступами к тихим речкам и заводям, десятки красивых домиков, разбросанных в дубравах. Над окружающим великолепием господствовал замок — огромный, без четких очертаний лабиринт зданий самой разной высоты (и, похоже, самых разных архитектурных стилей), внутренних дворов, крытых галерей и открытых лестниц, квадратных и круглых башен с островерхими, плоскими, зубчатыми крышами, куполов, шпилей, затейливых флюгеров, темно-алой и темно-серой черепичной кровли, золотых крыш, алых крыш, даже зеркальных. Сотни окон отражали лучи заходящего солнца. Вся эта пышность выглядела чуточку варварской, но красивой, и другого дома у Сварога отныне не имелось.

Он вздохнул и пошел на посадку.

Глава 5

РАЗВЛЕЧЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ

Фейерверк рассыпался в ночи мириадами разно-цветных огней — одни тут же гасли, взрываясь снопами молниеносных искр, другие медленно чертили сложные кривые, вспыхивали загадочными фигурами, превращались в призрачные парусники, разноцветных чешуйчатых драконов, сложнейшие орнаменты. На кронах деревьев внизу играли тени, ежесекундно менявшие направление и цвет. Сварог смотрел, не в силах оторваться. На широких перилах галереи рядом с его локтем стоял высокий бокал — он моментально наполнялся вином, сам собой, стоило его осушить. В ярко освещенном зале за его спиной играла музыка; аллеи внизу, насколько хватало взгляда, светились рядами разноцветных лампочек, свободно плававших в воздухе над дорожками, лужайками, лестницами и прудами, скопищем светлячков отражавшихся в темной воде.

Он был спокоен и безмятежен. Он никуда не спешил, никому ничего не был должен, свободен от каких бы то ни было обязанностей и дел. Такого с ним давненько не случалось, и оставалось лишь с полным на то правом тихо блаженствовать. И, честно говоря, чтобы достойно завершить вечер, оставалось снять говорчливую ляльку, с чем не было никаких проблем. Вполне естественный ход мыслей, свойственный и десантному майору и придворному графу...

Прелестниц здесь хватало. А прочно устоявшейся моды, похоже, не имелось. Сварог видел красоток в невероятно пышных, громоздких и затейливых нарядах, которые непонятно как и снимать. Видел красоток в отчаянно коротких и открытых платьях. Мужчины тоже блистали разнообразием фасонов. Многие из костюмов, он уже понял, были маскарадными нарядами минувших эпох — но не знал которые, все были для него одинаково экзотичными. Зато стиль галантного обхождения ничем особенным не отличался, и не было нужды переучиваться заново — несколько раз быстроглазые красавицы делали Сварогу вполне недвусмысленные намеки, но он не спешил в здешние блудуары, хотел набраться впечатлений елико возможно больше.

Он допил вино, полюбовался, как искрящаяся пузырьками зеленоватая влага, возникшая из ниоткуда, наполняет бокал, поднимаясь к сине-красному ободку на кромке, выполненному тончайшей, как крылья бабочки, мозаикой. Поставил бокал на перила, взглянул вверх.

Юпитер висел в ночном небе, огромный, ало-полосатый. Казалось, до него можно дотронуться, Сварога так и подмывало протянуть руку, но он боялся, что кто-нибудь заметит. По обе стороны алого гиганта выстроился десяток спутников — желтых, белых и зеленых, и самый маленький был размером с привычную Сварогу луну на земном небе.

Над темными кронами вспыхнули исполинские снежинки, переливаясь зеленым, фиолетовым, золотым.

— Интересно, внизу сейчас что-то из всего этого видно? — спросил Сварог соседа.

Сосед, мужчина средних лет с длинным меланхоличным лицом, уже довольно долго стоял на галерее поодаль от Сварога, не навязываясь в собеседники и не пытаясь обратить на себя внимание, — просто убивал время на свой лад, задумчиво глядя вниз. Возможно, это был чиновник королевской канцелярии, отыхавшийся от дел. Возможно, поэт, рождавший очередной шедевр. Сварог пожил достаточно, чтобы убедиться: хороший поэт — это не обязательно бледный юнец с горящим взором и буйными кудрями, а хороший полковник — вовсе не обязательно двухметровый верзила с физиономией дебила.

— Снизу все прекрасно видно, — сказал сосед, ничуть не удивившись, столь непринужденно, словно охотно поддержи-

вал давно начавшийся разговор. — Если небо безоблачное, зрелище получится впечатляющее. К сожалению.

— Почему — к сожалению?

— Все было бы гораздо проще, окажись там, внизу, полные дикари, считавшие бы нас богами. К сожалению, они цивилизованы настолько, что не верят в нашу божественную природу и умеют завидовать. А зависть, о которой известно, что утолить ее ни за что не удастся, — чрезвычайно опасное чувство. Зависть разжигает изобретательность. Тот, кто не опасен сегодня, может стать опасным через век, через тысячелетие... Вы еще многого не усвоили, граф Гэйр.

— Вы меня знаете?

— Кто другой будет задавать вопросы, моментально изобличая себя, как новичка? Вам следовало бы держаться осмотрительнее. — Он улыбнулся уголком рта. — Я вовсе за вами не слежу. Когда вы сюда вышли, я уже здесь стоял, не обратили внимания? Позвольте представиться: лорд Гаудин, герцог Фергал, надворный советник. Заведую департаментом одной из канцелярий.

— И чем занимаетесь?

— Как и любая бюрократическая контора, сохранением равновесия. Все государственные учреждения, сколько их ни есть и чем бы они ни ведали, стоят на страже равновесия. Ну а детали вас, человека непривычного, утомят, да и к чему они молодому придворному кавалеру, имеющему доступ за Бриллиантовых Пикинеров? Кстати, вы не подумывали о службе?

— Признаться, как-то не думал. Не успел освоиться...

— Резонно. Однако рано или поздно вам надоест вся эта суэта. — Он вяло повел рукой. — Конечно, многие, точнее будет сказать, подавляющее большинство, так и проводят жизнь в веселых забавах, но у вас не может быть привычки к праздности, воспитанной с детства. Вы не родились ларом, а это делает вас другим...

— Я берусь только за то, о чем знаю все наперед, — сказал Сварог.

Вся его сознательная жизнь в том и заключалась, что его швыряли в бой, задурманив мозги высокой болтовней, ничего общего не имевшей с реальным положением дел. И он решил, что с него хватит. Если уж предоставляется выбор.

— О, я и не собираюсь втягивать вас во что-то без вашего ведома.

— Я не имел в виду...

— Имели, — мягко сказал Гаудин. — Конечно же имели. Любой здравомыслящий человек на вашем месте опасался бы, что его во что-то втянут. Вам и надлежит быть осторожным.

— Мне что-нибудь грозит?

— Не знаю. Но очень хотел бы узнать. — Гаудин задумчиво поиграл висевшей на груди черной полумаской. — Причем узнать до того, как вы угодите в неприятности.

— Как называется ваш департамент? — спросил вдруг Сварог.

— Скучно, — сказал Гаудин. — Исследовательский департамент канцелярии земных дел. Восьмой департамент.

— Ну да, — кивнул Сварог. — Я, как вы изволили подметить, в здешних делах неопытен, но там, откуда я пришел, за такими скучными и безобидными названиями обычно и пряталось...

— Это лишний раз доказывает, что бюрократия ужасно консервативна и иные традиции вечны, как небеса...

— Значит, я угадал.

— Угадали. Если хотите, считайте мою скучную контору тайной полицией. Если и ошибетесь, не во многом. Или вас отпугивает название и вы предпочитаете более благородное?

— Нет уж, хватит, — сказал Сварог. — Не гожусь.

— Даже не узнав, о чем идет речь?

— Боюсь, везде одинаково. За вход берут золотой, а за выход — десять. Интересно, при отказе у вас принято мягонько пугать?

— Помилуйте, — широко улыбнулся Гаудин. — Ну разве я осмелюсь пугать придворного, к которому проявляет интерес императрица? Кроме того, принуждение страхом — негодный метод. Мы же маги, не забывайте. Здесь любые попытки давления обернулись бы нескончаемым поединком, незримым и безмолвным... Да вы сами ко мне придетете. Слишком много загадочного в обстоятельствах вашего появления, чтобы не последовало продолжения... Я могу просто-напросто откланяться и уйти. Вас это устроит?

— Нет...

— Вот видите. Логика событий заставляет вас искать друзей, способных многое объяснить и от многоного защитить. К сожалению, последний граф Гэир придерживался других взглядов. Он любил действовать в одиночку. Все делал один...

— Что именно?

Гаудин тихо, серьезно сказал:

— Граф Гэйр вбил себе в голову, что способен в одиночку бороться с дьяволом.

Сварог ошеломленно воззрился на него:

— Вы что, хотите сказать, что в самом деле...

Гаудин, в свою очередь, уставился на него столь же удивленно:

— А в ваше время сомневались в существовании дьявола?!

— Только этого мне не хватало, — сказал Сварог. — Черт...

— Не к ночи, любезный граф, не к ночи, — мягко сказал Гаудин. — Учитесь следить за словами. Конечно, мы в замке Келл Инир, великолепно защищенном, и все же не стоит к ночи... Дьявол не всемогущ, но это весьма достойный противник, к которому следует относиться чрезвычайно серьезно. Наши далекие предки в свое время проявили изрядное легкомысление, и за это до сих пор приходится расплачиваться. Боюсь, у графа Гэйра хватило времени, чтобы осознать эту истину и о многом пожалеть. Ну нельзя же заниматься такими вещами в одиночку...

— Так, — сказал Сварог. — Мне, дураку, следовало бы сразу подумать — где заклинания, там и...

— Вот именно. У всего в этом мире есть свой хозяин. В том числе и у тех заклинаний, что служат злу... Ну как, вы все еще считаете, что со мной не следует водить компанию?

— Нет, — сказал Сварог. — Теперь я так не считаю. Если только вы не врете, конечно...

— Зачем мне вам врать, если вы в самом скором времени можете проверить любые мои слова? Подождите, обживетесь немного, и поговорим более серьезно... Нет, правда, у вас не верили в существование дьявола?

— Кто как, — сказал Сварог. — У нас затуманивали мозги всякими красивыми словечками, отрицая существование за ними какой-то конкретной фигуры с собственной волей и побуждениями...

— Еще одно доказательство того, что образ мышления с веками не меняется. Как и человеческая глупость. Дьявол — это не просто зло, это творец зла. И при увеличении зла в мире следует не только воевать с частностями, но и искать корень зла. Одна из коварнейших штучек дьявола — убедить, будто его вовсе и не существует.

— Признаться, вы меня ошарашили, — сказал Сварог.

— А вы с самого начала были настроены невероятно благостно?

— Ну, не совсем... — Он кое-что припомнил. — Вы хотите сказать, что в моем случае не обошлось без...

— Я ничего пока не знаю. И нахожусь в том милом состоянии, когда подозревать хочется всех и вся.

— Но магия...

— Не считайте ее универсальной отмычкой, — сказал Гаудин. — Прежде всего потому, что нам противостоят силы ничуть не слабее наших, а в чем-то, надо признать, даже сильнее... Нам следовало бы о многом поговорить долго и подробно, лорд Сварог. Но время неподходящее. Не смею вас больше задерживать. Веселитесь. Вот только... — Его голос звучал совершенно спокойно, даже небрежно, но улыбка показалась Сварогу волчим оскалом. — Поосторожнее с Яной.

— Что вы имеете... — начал Сварог недобро.

— Право же, ничего конкретного. Просто хочу, чтобы вы помнили: она обладает большой магической силой, способной проявиться в самом ближайшем будущем, но сейчас в ней многое от обычновенной девчонки с ветром в голове. Ну, не смотрите на меня зверем. Должность такая: просчитывать все возможные сложности и в связи с этим регулярно навлекать на себя недовольство окружающих...

Сварог поймал себя на том, что этот человек ужасно его раздражает и злит, но чем-то определенно нравится. Еще и потому, что занимается серьезным делом посреди беззаботного веселья. Глядя вслед удалявшейся сухопарой фигуре, Сварог покачал головой: он верил и в Бога, и в черта, но когда тебе столь скучно и буднично сообщают, что дьявол — не абстрактный обитатель таинственной, далекой бездны, а существо, находящееся где-то рядом и склонное то и дело вмешиваться в окружающую тебя жизнь... Честное слово, это многое меняет.

Он вернулся в зал. Зал был исполинских размеров, в нем преспокойно могла бы вести воздушный бой парочка истребителей, не чувствуя себя особенно стесненно. В глазах рябило от сотен разноцветных костюмов, причем гости вели себя так, словно обычной силы тяготения здесь не существовало — танцующие пары там и сям порхали в воздухе, как яркие мотыльки, другие прогуливались словно бы по невидимым лестницам, не глядя под ноги — и не падая. В одном углу кружился в быстром танце хоровод пестрых фигурок, в другом танцевали

попарно под медленную томную мелодию, в третьем пары под бравурные такты летели вперед змейкой, выписывая зигзаги, рассыпаясь и смыкаясь. И у каждой группы была своя музыка, словно ее сопровождал неотступно невидимый оркестр, окруженный незримым барьером, чтобы его игра не мешала другим. Меж танцующими, ухитряясь не задевать их и не нарушить сложных фигур, расхаживали парами и кучками заоблачные жители, хозяева летающих замков, — чинно беседовали, флиртовали, смеялись.

Сварог никак не мог найти себе места в этом многолюдном чужом веселье. Он был без маски, но лишь раз или два перехватил заинтересованно-любопытные взгляды. Большинство гостей не обращали на него внимания — ларов всего несколько тысяч, но вряд ли все знают всех, молодежь взрослеет и выходит в свет, появляются порой на людях затворники, мизантропы и домоседы, семьи тех, с кого снята немилость... Тем, кто живет более семисот лет, свойственна некоторая рассеянность (он поначалу изумился, узнав, сколько предстоит жить ему самому, но потом свыкся).

Что дальше? Ничего этого он танцевать не умел — подсобных заклинаний на сей счет почему-то не отыскалось. Можно бы поиграть в карты или какие-то сложные настольные игры со стариками, удобно расположившимися на внутренних галереях, но он не знал и здешних игр. Оставалось подпирать стенку да время от времени выходить под ночное небо полюбоваться Юпитером. А когда надоест, искать женского общества. Беглые наблюдения за здешними холеными красотками с деланно наивными глазами и их кавалерами быстро убедили его, что легкость нравов не уступает версальской. До бесстыдной не-принужденности, прилежно запечатленной древнеримскими историками, было, конечно, далеко, но это означало лишь, что внешние приличия строго соблюдались, и только.

Сварог чувствовал легкие угрызения совести при воспоминании о грустных глазах провожавшей его Меони, но извечное мужское легкомыслие быстро взяло верх. В конце-то концов, если строго разобраться, Меони ему не жена и даже пока что не любовница, а то, чего она не знает, ей не повредит. И он решил для себя проблему так, как решали ее бесчисленные поколения мужчин во все эпохи.

Обретя ясную и конкретную цель, он воспрянул духом, даже приосанился, и походка приобрела охотничью упругость.

— Граф Гэйр!

Сварог обернулся, на всякий случай вежливо раскланялся, выставив вперед правую ногу, согнув колено и прижав руку к сердцу. Ему приветливо улыбалась из-за карточного стола незнакомая старуха, в длинном, вопреки моде, платье, невероятно дряхлая на вид, но державшаяся удивительно живо.

— Граф Гэйр, рада вас видеть! Здесь про вас рассказывали всякие небылицы — будто бы вы отправились в Море Мрака ловить то ли Великого Кракена, то ли самого дьявола, будто бы вас там превратили в водяного или во что-то похуже... А вы в полном здравии, я рада!

— Эти слухи... — сказал Сварог небрежно, словно заправский светский лев. Он нетерпеливо переступил с ноги на ногу — пару минут назад с удовольствием остановился бы побеседовать, но теперь его влекло шуршанье платьев и звонкий смех поодаль. К тому же старушка могла и разобраться, что беседует не с тем...

— Не спешите, не спешите, — укорила зоркая старуха, подметив его нетерпение. — Успеете еще потискать этих... — И она выразилась о ближайших красавицах с вольной непринужденностью старого драгуна. Решительно смешала в кучу лежавшие перед ней диковинные восьмиугольные карты, фишки, золотые монеты, повернулась к соседу, столь же ветхому стариичку: — Вы знаете, барон, бабушкой этого шалопая могла оказаться я, если бы на достопамятном балу в Аркетане...

Судя по безнадежно-унылому лицу барона, историю эту он слышал столько раз, что давно выучил наизусть.

— Ну вот, барон пригорюнился, — сказала старушка. — Нет бы сказать прямо, что память меня вновь подводит и я в сотый раз вспоминаю одно и то же... Как будто у вас самой память лучше. Граф Гэйр, а ну-ка, куда это вы?! Нет, вы уж оставайтесь с нами и поговорите после столь долгого отсутствия со скорбной памятью герцогиней Рудар, вашим искренним другом и доброжелателем, если не забыли, с вашей несостоявшейся бабушкой... Вы и в самом деле плавали в Море Мрака ловить Великого Кракена? Мой дедушка тоже ловил Великого Кракена, а чем все кончилось? Неужели я вам не рассказывала, как он сгинул неизвестно где? (Сварог машинально мотнул головой.) В самом деле, не рассказывала?! Ну-ка, присаживайтесь! Только сначала вы мне расскажете, где странствовали и что вытворяли!

Спасения не было. Сварог приготовился неуклюже врать с последующим неизбежным разоблачением. Обреченно вздохнул и шагнул к свободному стулу — к великой радости вмиг повеселевшего барона.

Какая-то маска налетела на него, обдав нежным ароматом незнакомых духов, схватила за руку и потащила прочь, через плечо крикнув старушке:

— Извините, герцогиня, похищаю! Нравы у нас, нынешней молодежи, самые ужасные!

Сварог послал герцогине обаятельную улыбку вкупе с пожатием плечами, лицемерно притворяясь, будто ужасно огорчен разлукой. И поспешил вслед за синей маской — по лестнице вниз в аллею, в какие-то закоулки аккуратно подстриженных кустов, белых статуй на черных постаментах и звонких фонтанчиков. Мaska остановилась, мимоходом шлепнула по лбу зеленую малахитовую лягушку на круглом постаменте, повернулась к Сварогу лицом:

— Ну как, ловко я вас похитила?

— Весьма изящно было проделано, — поклонился Сварог, откровенно разглядывая ее.

На ней была воздушная белая блузка с глубокими вырезами спереди и сзади, открывавшая круглые плечи и прочее, достойное внимания. Красная юбка вверху тесно облегала, а внизу свободно ниспадала — недолго ниспадала, впрочем, открывая стройные ножки на значительном протяжении. Роскошная золотистая коса переброшена через плечо на грудь, в косу вплетены золотые монеты, и на шее ожерелье из таких же монет. Незнакомка заложила руки за спину, прислонилась к постаменту и столь же откровенно разглядывала Сварога.

— Интересно, что это за костюм? — спросил он для разминки.

— Крестьянки в Пограничье так носят. Только материал другой. Мне идет?

— У меня такое впечатление, что вам идет все.

— Тебе.

— Что тебе идет все, — охотно поправился Сварог.

— Итак, граф Гэйр, расскажите, как вы плавали ловить Большого Кракена... — Она звонко расхохоталась. — Да нет, я шучу. Не собираюсь слушать ни о каких плаваниях.

— Сними маску.

— Ничего подобного. Так гораздо интереснее. Если бы ты подольше посидел с герцогиней, она непременно рассказала бы тебе историю, как лорд Ратер где-то в этих самых аллеях очаровал прекрасную незнакомку в маске и шелковистая трава стала свидетельницей страстных объятий... — Маска фыркнула. — А потом оказалось, что это его собственная жена. И она долго сетовала, что супруг ни прежде, ни после не приводил ее в такое восхищение... Между прочим, история невымышленная.

— Охотно верю, — сказал Сварог, протягивая руки.

— А где же поэзия? — Маска ловко увернулась, крутнувшись на каблучках, и коса улетела за спину. — Шепни мне сначала что-нибудь возвышенное, чурбан. Скажи, что сразу заметил меня, выделил из толпы и понял, что я прелестнее всех, даже надутой куклы Яны, долго следил за мной украдкой, не решаясь приблизиться... — Она была не то чтобы в подпитии, но вряд ли себя ограничивала. — Ну?

— Твои губки словно кораллы... — сказал Сварог. Она ничуть не удивилась — значит, в этом мире знали, что такое кораллы. Закинула голову, откровенно забавляясь:

— Неплохо. Продолжай. Зубки, разумеется, как жемчуга. Ладно, не стоит тебя мучить, раз натура ты не поэтическая... — Она гибким движением подалась к Сварогу. — Обними меня за талию, прозаическая натура, только нежно.

— Так?

— Ну, примерно. Стоп, тебе известны границы талии? — Она передвинула ладонь Сварога повыше, положила голову ему на плечо. — Теперь удалимся в глубь таинственных аллей. Границы талии, я сказала... — Она передвинула ладонь Сварога пониже.

Сварог, держа ладонь в установленных границах, полуобняв девушку, медленно шагал в глубь аллей, где, честно говоря, не было ничего таинственного — слишком много разноцветных звездопадов фейерверка над головой, слишком близко от нависавшей над парком блистающей громады дворца, которыйничуточки не удалился, словно они стояли на месте. Маска постукивала каблучками, стараясь идти в ногу со спутником, молчала. Сварогу почудилась в ней некая скованность. Над головой лопались разноцветные огни. Аллея отлого спускалась к озеру, но маска вдруг остановилась, потянула Сварога в тень огромного дуба. Он следом за ней присел на траву, оказавшуюся уютно-

теплой, вовсе не прохладно-сырой, как следовало бы в ночную пору. Мaska щелкнула пальцами, и в руках у обоих возникли высокие бокалы.

— Кто ты? — спросил Сварог.

— Фрейлина ее величества. Графиня. Об имени умолчу — муж ужасно ревнив... А ты — граф. Неужели тот самый Гэйр?

— Гэйр, только не тот самый.

— Ну да, старушка вечно путает... — Незнакомка подняла обнаженные руки, сняла маску и отбросила в траву. — Вот это я. Нравлюсь?

— Еще бы, — сказал Сварог. Она и в самом деле была чертовски красива.

— Я красивее императрицы? Если дерзнуть и сравнить?

— Каждая женщина — единственная и неповторимая, — осторожно сказал Сварог. — Зачем сравнивать?

— Молодец. Изящно выкрутился.

— Я серьезно...

— Я тоже. — Она ослепительно улыбнулась. — Ты и в самом деле изящно увернулся от прямого ответа. — В ее глазах отражались огни фейерверка, и Сварогу вновь показалось, что она не знает, как себя теперь вести. — Мой рыцарь, займите же чем-нибудь даму!

Сварог рассказал ей парочку анекдотов — сначала нейтрально-приличных, потом перешел к более фривольным, принятым, в общем, благосклонно. Красавица полулежала, опираясь на локоть, смотрела сверху вниз ему в лицо и смеялась. Сварог замолчал, осторожно взял ее за руку, и тонкие пальчики в его руке дрогнули.

— Ты что, боишься? — спросил Сварог.

— Я?!

Но прозвучало это чуть фальшиво. Со стороны замка доносилась тихая, печальная музыка. Незнакомка мягко высвободилась, закинув руки за голову, тихо пропела, глядя в небо:

Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
печalen, бледен, одинок?

Поник тростник, не слышно птиц,
и поздний лист поблек.

Э лон аллэ, э лон аллэ,
и поздний лист поблек.

Я встретил деву на лугу...

И замолчала, посмотрев на Сварога чуть беспомощно. Бог его знает, как следовало все это расценить. Сварог, не глядя, отшвырнул бесшумно канувший в траву бокал, склонился над ней. Тонкие руки сомкнулись у него на шее. Глупо было думать, будто она не понимает, чего хочет, и Сварог, как привык, прошелся губами по нежной шее, по щеке, дыша ее запахом, припал к губам. Тонкая ткань легко сминалась под ладонями, но, несмотря на шумевшее в голове вино и стучавшую в висках кровь, Сварогу становилось не по себе, чем дальше, тем больше. Под его губами неумело шевелились плотно сжатые губы, ее пальцы ужасно неуклюже ерошили ему волосы, и после особенно смелого движения его ладоней незнакомка дернулась в непрятворном испуге, уперлась ладонями ему в грудь. Тут и дурак понял бы. Сварог отпустил ее, сел и сказал не без раздражения:

— Слушай, девочка, мама тебе никогда не говорила, что маленьким девочкам не стоит ходить с мужчинами ночью в лес? Ночью в лесу мужчины, знаешь ли, предприимчивые...

— Значит, ты меня узнал?

— Глупости. Я тебя впервые вижу.

— Но...

— Киса, я не великий мудрец, но в силах отличить неопытную девочку от...

— Ну ладно, я сама виновата. Я тебя разочаровала, да? Ты отчего-то вдруг погрустнел...

— Как-то не приходилось совращать малолетних, — сказал Сварог. — Даже если они строят из себя опытных шлюшек.

— Обижусь!

— А мне, по-твоему, на такие спектакли обижаться не следует? Совсем?

Она шевельнула пальцами. Сварог едва удержался от смачной, но совершенно неуместной и непозволительной в присутствии коронованных особ фразы.

Перед ним сидела юная императрица, поглядывала чуть виновато, но не особенно уж смущенно.

— Я восхищен, ваше величество, оказанной мне честью.

Вы...

— Мы, кажется, перешли на «ты»?

— Вот как? — сказал Сварог. — Хорошо, можешь отнять у меня все титулы, звания и доступ за бирюзовых лакеев, но сказал бы я тебе...

— Догадываюсь.

— Вот и прекрасно. У вас розги не в ходу?

Она гневно сверкнула глазами, и Сварог чуточку сбивил обороты — все-таки это была императрица. Аж четырех планет.

— Что тебя больше всего раздражает — то, что стал жертвой розыгрыша, или то, что дело сорвалось?

— В присутствии вашего величества хотелось бы воздержаться от вульгарностей...

— А мне интересно.

— Ну, маскарад... — покачал головой Сварог. — Ведь рисковала...

— Я? — искренне удивилась Яна, и Сварог вдруг почувствовал, что его руки словно схвачены намертво невидимыми тисками. И тут же это прошло. — Понял? Риска не было...

— И часто ты так забавляешься?

— Не очень. — Она тихо засмеялась. — Правда, редко. Потому что другие, в отличие от тебя, могут легко распознать подмену... Ну не сердись. Все вокруг влюблются, крутят романы, уединяются в аллеях...

— И тебе тоже хочется.

— Что же я, монстр? Или урод?

— Не спеши, — сказал Сварог крайне миролюбиво.

— Да, а все вокруг?

Сварог благоразумно промолчал. Сейчас это опять была невероятно капризная девчонка, понятия не имевшая о процедуре под названием «ставить в угол», не говоря уж о добротно просоленных розгах.

— Когда ты понял неладное?

— Как только сообразил, что ты абсолютно не умеешь целоваться. Заклинания в таких случаях не помогают?

— Ничуть. За мной так надзирали... Знаешь, что мне понравилось? Как изящно ты увильнул, когда я саму себя обозвала надутой куклой? Другие, как правило, уверяли, что совершенно со мной согласны. Великолепное средство сбивать спесь с иных самоуверенных хлыщей... — Она опустила глаза. — Послушай, я все-таки не маленькая. И все понимаю. Если ты горишь нетерпением удачно завершить веселую ночь, иди, я не обижусь.

Сварог упал в траву и искренне расхохотался, чувствуя, как уходят напряжение и тоска.

— Что тут смешного?

— Хочешь чистую правду? — Сварог приподнялся. — Кажется, я буду ждать с большим нетерпением, когда ты немного подрастешь...

— Этого многие ждут, граф, питая вздорные надежды... — лукаво посмотрела Яна. — Вот только никто из них не хранит целомудрие, ожидая... Но я уже успела понять, что мужчин не переделаешь. Пойдем? — Она гибко поднялась и подала ему руку. — Между прочим, я не особенно и виновата. Это у меня фамильное. Мой дедушка любил развлекаться именно так. В решающий момент разнеженный кавалер обнаруживал у себя в объятиях сурового императора...

— Боже ты мой, — сказал Сварог. — Развлечения... Так импотентом можно стать.

— И становились порой. Хорошо, заклятья выручили... Кстати о заклятьях. Хочешь, полетим к колдунье? Самая настоящая, ее отыскали где-то на земле и поселили здесь. Судьбу она предсказывает, тени мертвых вызывает... Или боишься?

— Летим, — согласился Сварог, решив, что вечер все равно пропал.

Яна остановилась, подняла глаза к небу. Не прошло и минуты, как над лужайкой возникло невиданное еще Сварогом диво — летучий корабль старинного облика. Крутые бока, золоченая фигура русалки под бушпритом, черные рыла пушек в распахнутых портах, высокая крма, паруса полупрозрачные, призрачные, словно сотканы из мерцающего тумана.

С борта им сбросили трап — веревочный, с широкими деревянными ступеньками и перильцами.

На корме у штурвала стоял человек в высокой шляпе, но Сварог подозревал, что штурвал служит исключительно для завершенности колорита. Они остановились у борта. Корабль взмыл ввысь, потом стал опускаться, огни дворца и буйство фейерверка остались далеко вверху. Внизу простиралась темная земля, кое-где светились тусклые, зыбкие огни, а однажды показались крохотные язычки пожара.

Яна быстро проговорила, глянув снизу вверх и тут же отвернувшись:

— Не нужно думать, что ты вместо игрушки. Я не играю людьми.

Сварог осторожно обнял ее за плечи и коснулся губами щеки. Она не противилась. Сварог не находил в себе и капли отцовских чувств, все его мысли были прямо противополож-

ными. Не заводись, сказал он себе, просто тебя очень давно не гладили по головке, давно тебе не попадались хорошие чистые девочки — если они вообще были когда-нибудь в твоей жизни. Твоя жизнь старательно делала тебя сволочью все эти годы, слишком мало от тебя зависело, а грязи было слишком много...

Корабль шел над довольно большим скопищем мерцающих огоньков. Сварог присмотрелся — угадывались цепочки тусклых фонарей, улицы, дома с высокими островерхими крышами.

— Они нас видят? — спросил он.

— Если кому-то именно сейчас вздумалось смотреть на небо, — сказала Яна. — Это Сноль, столица Снольдера. Вон там — королевский дворец. Видишь?

Сварог различил темные здания, окруженные парком и тонкими сторожевыми башнями.

— Не попугать ли нам ночную стражу? — Яна оглянулась через плечо на человека у штурвала. — Нет, снова наядедничает канцлеру, будут унылые поучения о традициях и императорском достоинстве... А заставить его все забыть — тут где-то спрятана штучка, которая все запоминает, в Магистериуме постарались, умельцы...

— Слушай, в чем, собственно, разница между Магистериумом и Мистериором?

— Когда-то постижение магии опиралось лишь на разум человека. Это изначальное мастерство и собрано в Мистериоре. А Магистериум постигает тайны мироздания и магии с помощью техники.

— А мне-то казалось, что магия и техника — вещи несовместимые.

— Старики в Мистериоре и по сей час так считают, — рассмеялась Яна. — Отсюда и происходит заклятая дружба...

— А кто прав?

— И те, и другие. То, чем я владею, как раз изначальное, наследство предков. Но наши летающие поместья, виманы, этот корабль — дело рук Магистериума. Ты чувствуешь тягу к ученым занятиям?

— Не знаю пока, — сказал Сварог. — Не осмотрелся... — Летучий лесок, на опушке которого приземлился корабль, отчего-то показался ему ужасно знакомым — видимо, по многочисленным фильмам ужасов. Голые корявые деревья пере-

плели уродливые ветки, щедро украшенные паутиной, еще более густой и мохнатой, чем у него в замке. Тропинка была узкая и петляла так, словно ее прокладывали после недельного запоя. Сварогу пришлось идти вслед за Яной, потому что бок о бок не получалось, не хватало места. В глубине лесочка то и дело ухало, нелюдски посвистывало, то тут, то там загорались желтые глазищи и тут же гасли, ветви вдруг принимались пронзительно, противно скрипеть и раскачиваться, с костяным стуком ударяясь друг о дружку, а иные склонялись, норовя ухватить за одежду, — но как-то обходилось. Яна уверенно шагала впереди, не обращая внимания на адский концерт, Сварог тоже держался спокойно, но когда нечеловеческий вой и мяу раздался над самым ухом, он поневоле дернулся, налетел на Яну. Яна фыркнула, не оборачиваясь.

— Декорации... — сказал Сварог смущенно.

— Сущее варварство, — согласилась Яна. — В незапамятные времена все скорее всего именно так и выглядело — зачарованные страны, чародейские леса, края нечистой силы... Мне приходилось видеть иные обители волшебства, и могу заверить, что выглядят они весьма уныло — до поры до времени, впрочем... Но у нашей колдуны вкусы насквозь старомодные. Старики иначе не могут. Когда побываешь в Мистериоре, сам убедишься. Но ведьма она настоящая, сильная. Потому сюда и взяли. Мы стараемся, чтобы там, внизу, о магии забыли, но если уж неожиданно проявляются древние способности, их обладателей приходится срочно изымать.

— Почему?

— Для порядка, — сказала Яна уклончиво. — Ничего хорошего занятия магией варварам не принесут, печального опыта достаточно. Пришли. Держись с ней повежливее, не любит она нахалов и скептиков...

Сварог посмеивался про себя: он понимал, что оказался в роли взрослого гостя, которому ребенок вывалил на колени груду своих игрушек и принялся упоенно ими хвастаться. Но что тут прикажете поделать, если ребенок носит императорский титул? Восторгаться и ахать старательно...

Избушка, конечно же, была покосившаяся и ветхая. И внутри все было выдержано в стиле, который здесь именовался варварским: гирлянды сухих трав, черепа, хрустальный шар на грубом столе, толстые растрепанные книги, чучела каких-то омерзительных тварей, крылатых и бескрылых. Обнаружился

и громадный черный кот — он бесшумно убрался в угол и недобро зыркал оттуда зелеными глазищами, сметая хвостом паутину со стен. Старуха смотрела не добрее, она так и просилась на костер со своим крючковатым носом, длинным подбородком, волосатыми бородавками и глубокими морщинами. Мечта инквизитора. Глаза у нее были умные и пронзительные, так что Сварог вскоре почувствовал себя неловко, словно его вдумчиво разглядывали в оптический прицел, не забыв привинтить к прицелу автомат.

Яне, правда, старая ведьма поклонилась весьма почтительно и старательно смахнула пыль с предназначенного для нее табурета. Сварог таких почестей не удостоился, и табурет ему достался пыльный. Они сидели посреди комнаты, тускло освещенной красноватым пламенем очага, а старуха сидела напротив и бормотала что-то под нос с видом крайней сосредоточенности.

— Грельфи, предскажи ему судьбу, — тихо сказала Яна. — Ты ведь можешь.

— Судьба — не погода, чтобы ее предсказывать, — сварливо откликнулась старуха. — Судьба, как ее ни прозревай, все ж не всегда следует прозрению... Милорд, тебя щадить или не особенно? Да руку дай, темнота...

— Ты, главное, правду говори, — сказал Сварог.

— Отыскала же ты рыцаря, светлая королева... — Старуха не выпускала руки Сварога, чуть ли не чертя по ней кончиком носа. — Опасность ему грозит и в воздухе, и на земле, и на воде. Проще сразу повесить, чтоб не мучился потом...

— Добрая ты, бабушка, — сказал Сварог. — Я это сразу понял.

Старуха так цыкнула на него, что он прикусил язык.

— Удивительная у него способность ввязываться во что попало и все подряд, — сообщила она Яне так, словно Сварога здесь вообще не было. — И если что написано ему на роду, так это череда авантюр, которые могут называть приключениями только юные шалопаи. И все его победы — в неотступном сопровождении утрат, ибо так исстари повелось и останется навечно. Вижу успех, вижу горе, вижу радость, вижу слезы, вижу раны, нанесенные им, и раны, нанесенные ему, вижу короны, вьющиеся над его головой, как пчелы, и иные из тех корон несут беду... Он проникнет туда, куда мало кто проникал, и жизнь его будет нелегка, ибо он попытается изменить жизнь других,

а судьба станет то и дело вести его по следу Исчезнувшего... — Она выпустила руку Сварога и закончила весьма прозаично: — Если мне, обломку мертвого прошлого, позволено будет употребить ученое слово «резюмируя»... В чем-то необычная судьба, в чем-то невероятно банальная, ибо все, что прозвучало, применимо ко многим до него и ко многим после, таков уж наш мир... — Она уставилась на Сварога слабо светившимися глазами. — Бойся поспешности, бойся сильных, притворившихся слабыми, бойся коварных, прикинувшихся дураками, а пуще всего бойся тех, кто не предался всецело добру либо злу...

— Что-то очень уж туманно, — сказал Сварог.

— Так оно всегда и бывает, любезный мой. Мудрость туманна. И держись подальше от мостов. Ничего хорошего тебя на мостах не ждет, а плохого может встретиться сколько угодно. Опасайся мостов, не прогадаешь... И надейся на зеркала. А встретишь бабку-гусятницу — передай поклон от старой пряхи.

Кот заорал из угла, старуха выпрямилась на табурете, и Сварог понял, что сеанс прозрения окончен. Он поколебался и спросил:

— А как насчет моих отношений с дьяволом?

Кот взвыл благим матом, старуху подбросило наверх вместе с табуретом, и он со стуком приземлился, едва не сломав ветхие ножки.

— Ходят же такие болваны по свету, — прошипела ведьма. — Хоть к ночи не поминай, балда. Что ищешь, на то и напорешься, любезный мой, вот тебе и вся житейская премудрость, проверенная на астрономическом количестве и умных, и идиотов... Чего еще изволите, нечаянные гости? Предсказания судьбы — вещь туманная, сами видите. Может, чью-то тень вызвать? Это, говоря ученым языком, не в пример конкретнее...

Сварог не успел ничего сказать, Яна опередила:

— Грельфи, хочу видеть капитана Вентраса!

Старуха буднично, словно горшок с кашей, поставила на стол хрустальный шар, покоившийся в позеленевшей медной подставке, опиравшейся на драконьи лапы. Яна привычно придвигнулась ближе, положила ладони на стол, не сводя глаз с шара:

— Во имя четырех мудрецов земли и трех духов моря, мы призываем вас, капитан Вентрас!

Сварог затаил дыхание. Туманный шар засветился изнутри, стал наливаться ровным зеленоватым сиянием, и в нем вдруг четко проступило грубое, решительное лицо мужчины в синем берете с большим пером.

— Капитан Вентрас, — сказала Яна, наклоняясь еще ближе. — Отыскали ли вы Винету?

Губы капитана шевельнулись, и явственно прозвучал глухой, безжизненный голос:

— Я всегда находил то, что искал. К сожалению...

— Значит, вы — там?

— Да.

— Судя по вашим словам о несчастье, легенды лгут?

— Те, что предупреждают о таящемся в морских глубинах зле — ничуть. Лгут те, что описывали безмятежно счастливые города, укрывшиеся в пучине от царящего на суше зла. Все не так. Берегитесь Винеты.

— Но у вас же был талисман? Ожерелье Дийама?

Капитан грустно усмехнулся:

— Моя прекрасная собеседница, Ожерелье Дийама лежит где-то на дне, примерно в сорока морских лигах к полночному восходу от мыса Ларги. Вместе с половиной команды «Морского коня» и с ним самим. Я был чрезмерно самонадеян, войдя в пролив Бехари без талисмана. Когда везет слишком долго, теряешь осторожность и удача подводит в самый неожиданный момент...

— Значит, Великий Кракен...

Лицо капитана исказилось.

— Красотка, я уже не прежний. У меня новые хозяева. Никогда бы не поверил, что у меня может оказаться хозяин, но так уж вышло... Не спрашивайте. Берегитесь Винеты.

Сияние медленно погасло.

— Я же не все спросила...

— Значит, над ним теперь чужая власть, — сказала старуха. — Ничего не поделаешь, светлая королева. В морских глубинах наше искусство бессильно...

— А кто такой Великий Кракен? — полюбопытствовал Сварог. — Что-то я про эту персону уже не первый раз слышу...

— Великий Кракен — злой дух моря, повелитель глубин, — рассеянно ответила Яна. — Неизвестно, есть ли он на самом деле или его создала молва. Некоторые считают, что он навсегда уснул в глубинах, даже если и существовал, и это

больше всего похоже на правду. В стародавние времена произошло... одно событие, погрузившее в вечный сон многих чудовищ.

— Вечный? — хмыкнула старуха. — Тысячелетия — это еще не вечность...

— Одним словом, граф Гэйр искал Великого Кракена, — сказала Яна. — Капитан Вентрас — тоже. И Винета существует...

Казалось, она потеряла всякий интерес к колдовским забавам.

— Ну а ты, любезный мой? — спросила старуха. — Тоже хочешь кого-нибудь увидеть?

Сварог подумал и решился. Он сообразил, что выпадает случай разгадать многие исторические загадки, казалось бы, навсегда покрытые мраком.

Пошептавшись со старухой, он склонился к шару:

— Во имя четырех мудрецов земли и трех духов моря, мы призываем вас, Рудольф Дизель!

Потому что это была одна из самых дразнящих загадок: изобретатель названного его именем мотора сел на пароход на одном берегу Ла-Манша, но среди тех, кто сошел на другой берег, его не оказалось...

Шар оставался тусклым: темным, мертвым.

— Напутал ты что-то, любезный мой, — сказала Грельфи. — Нет такого.

— Как это — нет, если он был?

— Не все мертвые могут приходить, далеко не все... Но тут случай другой. Его в о о б щ е нет.

Сварог растерянно пожал плечами. В конце концов, хватало и других знаменитостей, похороненных неизвестно где, сгинувших без вести... Он называл имя за именем, но шар оставался тусклым, как бельмо.

— Не было такого, — в десятый раз сказала старуха.

— Ну, это уже вздор! — разозлился Сварог. — Бабушка, Березняка убило в двух шагах от меня, понятно? Мы лежали рядом, могло угодить в меня, а зацепило его, я сам видел!

Старуха, что-то про себя соображавшая, вдруг огрызнулась, словно замотанная продавщица:

— Где я тебе возьму мертвых, которые еще и не умирали? Думать надо! И я тоже хороша, сразу не сообразила...

Сварог считал, что ничто уже не в состоянии его поразить. Ошибся, выходит.

Теперь головоломка идеально укладывалась, камешек к камешку, картинка к картинке — иные очертания земных континентов, иной набор планет, мертвые, еще, оказывается, и не родившиеся...

Это не будущее. Это прошлое, о котором никто в покинутом Сварогом настоящем и понятия не имел. Неизвестное, непонятно откуда взявшееся прошлое, сгинувшее без следа. Прошлое, которому не полагается быть, если правы школьные учебники и науки двадцатого века. А если они ошибаются, ответ один — это прошлое осталось неизвестным, потому что оно невероятно далекое и не осталось ни камней с надписями, ни книг, ничего...

Видимо, он успел привыкнуть к чудесам за последние сутки. Он принял все довольно спокойно, не стал паниковать, не загрустил особенно, не испугался — что могли изменить его слезы или восторги? Он просто сгорбился на жестком табурете и сказал:

— Значит, меня утащили в прошлое?

— А разве тебе не говорили? — Яна была изумлена даже больше, чем он. — Не может быть!

— Мне сказали, что я — в будущем. В далеком будущем.

— Быть такого не может!

— Спроси у доктора Молитори.

— Будь уверен, спрошу. И строго. Если ты не врешь... — Яна мельком взглянула на него. — А ты не врешь. Какой ему был смысл тебе врать, если ты очень скоро мог узнать правду?

— Может, он хотел выиграть время. Вот эти самые сутки. А зачем — решительно не представляю.

— Предупреждала же я — что-то неладно... — проворчала старуха. — Да кто меня слушает?

— Завтра я разберусь, — Яна решительно встала. — До свидания, Грельфи.

— Всегда к твоим услугам, светлая королева. А этого рыцаря лучше бы держать во дворце под надежной охраной и не отпускать никуда для его же блага... — Она наклонилась к Сварогу и прошептала на ухо: — Берегись мостов.

— Постараюсь, — пообещал Сварог.

На обратном пути вокруг опять подывало, ухало и тарахтилось желтыми немигающими глазищами, но Сварог уже не обращал внимания. Когда летучий корабль взмыл в ночное небо, он спросил:

- И много веков вас от меня отделяет... отделяло?
- Не знаю точно, — сказала Яна. — Длиннющая череда тысячелетий. А что о нас помнят там, откуда ты пришел?
- Ровным счетом ничего, — сказал Сварог. — Возможно, тебя это и удивит, меня самого удивляет...

— Не так уж все и удивительно, — тихо сказала Яна. — И на Таларе, и на других планетах были когда-то могучие страны, ушедшие в небытие. И никто о них ничего не по-мнит. А ведь от нас их отделяет в сто раз меньшее расстояние, чем от своего времени. Но молчат даже тени, или их нет, теней, хотя достоверно известно, что им полагается быть. — Она помолчала. — Получается, что наше будущее для тебя покрыто неизвестностью точно так же, как для нас самих... А неизвестное будущее всегда можно изменить... Любопытно...

«Хватит, — сказал себе Сварог. — Знания, знания, знания — вот девиз на ближайшее время. Иначе любой обведет вокруг пальца, словно слепого котенка, пихнет мордочкой в блюдце с касторкой вместо молока, и дай-то Господи, чтобы ограничились касторкой... Решено. Бросаю всякую светскую жизнь и начинаю поглощать знания, как сухая губка — воду».

...Ему следовало бы помнить хорошенъко, куда ведет вымощенная благими намерениями дорога. Потом он оправдывался перед самим собой, что вовсе и не забывал эту истину, а виной всему затянувшийся до утра бал. Расставшись с Яной, он отправился во дворец запить очередные сногсшибательные новости парочкой бокалов. С которых все и начинается, особенно если опустевшие бокалы моментально наполняются сами.

Глава 6

ОТКРЫТИЯ И ОПАСНОСТИ

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко и рядом с ним на невероятно мягкой подушке покоилась чернокудрая головка, вся в твердых мелких локонах, перевитых алмазными цепочками. Кукольное лицико, длиннющие ресницы — его новая знакомая безмятежно дрыхла, не позабывши хоть чем-нибудь прикрыться. Правда, он тоже не позабылся.

— А поутру они проснулись... — пробурчал Сварог, с тоской оглядывая необъятную постель. До столика с желанными графинами шагать и шагать. Здешнее вино было прекрасным, но любому опытному человеку известно, что великолепное качество можно после упорных трудов перешить количеством. Голова раскалывалась, но Сварог, в отличие от кое-каких аналогичных ситуаций из житейского прошлого, все прекрасно помнил. Увы, особо сладостными его воспоминания никак нельзя было назвать. Эта кукла с длинным, нежно звучащим и уже забытым именем весь остаток ночи, словно заведенная игрушка, отрабатывала на нем разнообразные постельные эксперименты, и все было настолько скучно, несмотря на ее изощренную и болезненную фантазию, что к рассвету он прimitивно надрался и выпал в осадок, смутно сознавая сквозь сон, что его продолжают использовать.

Он затейливо, с неподдельным чувством выругался про себя. Балы, фейерверки, небеса, бомонд — а голова точно так же раскалывается по утрам, и до столика с графинами не ближе, чем до магазина с пивом... Тьфу, болван!

Он пробормотал заклинание, графин колыхнулся, взмыл со столика и поплыл к нему над разбросанной одеждой и смятыми воздушнейшими покрывалами.

— Посадка производится в заданном квадрате, — воспрянув духом, сказал себе Сварог, заранее протягивая руку.

— Стоит ли? — спросил кто-то за его спиной.

Сварог резко обернулся и охнул — засевшая в голове боль от резкого движения качнулась, словно язык колокола, грохнула по затылку изнутри.

Из-за раздвинувшейся портьеры вышел молодой красавец в сиреневом с черным костюме, при мече, по-кошачьи мягко, неспешно направился к Сварогу. В руке он держал узкий графин с чем-то розовым, небрежно помахивая им.

Сварог растерянно таращился на него. В голове зловеще вертелась классическая фраза из анекдотов: «Муж вернулся из командировки». Незнакомец ничуть не выглядел слабачком, был красив резкой, хищной, мужественной красотой, синие глаза смотрели холодно-насмешливо, густые черные волосы словно бы не пострижены, а отхвачены над плечами лезвием меча. В левом ухе в золотой серьге посверкивал синий камень.

Совершенно не замечая смущения Сварога, нежданный гость швырнул ему графин, проплыvший по воздуху и влипший в подставленную ладонь, со скупой улыбкой посоветовал:

— Глотните.

Сварог послушно поднял к губам тонкое горлышко и отхлебнул. Розовая жидкость холодным, щекочущим шариком провалилась в желудок и, прибыв на место, растеклась жаркой волной.

— Черт... — только и выговорил Сварог, еще не веря.

Он чувствовал себя так, словно в жизни не пробовал ничего крепче кефира. Похмелье сгинуло бесследно. И этот волшебный бальзам, подумать только, канул в забвение вместе с Таларом! Самая вопиющая историческая несправедливость всех времен...

— Вот вы и родились заново, — сказал незнакомец. — Давайте знакомиться. Я — лорд Ноут, герцог Орк. Взял на себя смелость вас побеспокоить, чувствуя, что вы не особенно обидитесь. — Он присел на край постели, непринужденно закинув на воздушные покрывала ноги в высоких мягких сапогах. — Вы ведь и сами вскоре начали бы обдумывать, как потихоньку убраться отсюда...

— Не без этого, — сказал Сварог, неуклюже потянулся на себя покрывало, оглянулся на спящую нимфу.

— Одевайтесь непринужденно, — махнул рукой Орк. — Я порочных наклонностей не имею, так что ваши обнаженные прелести меня не волнуют. А прелести вашей романтической подруги изучил лучше вас — что, надеюсь, вас не особенно огорчает, ибо особа сия в постели скучна, как философский трактат о пользе добра.

— Негодяй, — не открывая глаз, сладко зевнула нимфа.

— Спите, наша прелесть, спите, — отмахнулся Орк. — Граф Гэйр, я имею честь принадлежать к узкому кругу друзей императрицы. Вы обо мне еще не слышали, но спешу предупредить заранее — если услышите, что я первый авантюрист Талара, знайте, что это сущая правда. И я никому не намерен уступать столь почетный титул.

— По-моему, я у вас его и не оспаривал, — сказал Сварог.

— Кто знает? Чутье мне подсказывает, что в пустых увеселениях вы не погрязнете. Поэтому нам следовало бы поскорее подружиться. Я давно ищу достойного напарника, но вокруг — такой мусор...

— Что ж, в компании всегда веселее, — сказал Сварог. — Можете предложить что-нибудь интересное?

— Моментально и безотлагательно. Яна мне рассказала об обстоятельствах вашего... прибытия. О том, что доктор Молитори вел себя с вами как-то странно, наврал с три короба. Но пока раскачиваются наши почтенные стражи... Хотите, полетим к доктору и возьмем его за глотку?

— А это удобно?

— Помилуйте! Мы же имеем дело не с ларом. Доктор Молитори — выслужившееся антланское быдло, и людям нашего положения с ним можно не церемониться. Летим?

— Летим, — сказал Сварог, заклинанием заставив разбросанную как попало одежду взмыть в воздух и слететься к нему.

— Авантюристы, — лениво бросила нимфа, блаженно потягиваясь, не открывая глаз. — Граф Гэйр, я вас еще увижу?

— Милая, для оживления светских сплетен тебе следовало бы хоть разок изменить нам всем с собственным мужем, — хохотнул Орк, увлекая Сварога к балкону. К перилам был прившвартован брагант с откинутым верхом. — Прощай, несрав-

ненная! Садитесь, граф. Надеюсь, вы на меня не сердитесь за столь бесцеремонное похищение?

— Нет, — сказал Сварог. — Но, может, предоставить доктора естественному ходу событий?

— Это означает, что им займутся другие, а мы останемся в стороне. Вы как-никак лицо заинтересованное. К чему нам узнавать из вторых рук ровно столько, сколько нам сочтут нужным сообщить? Я с этим решительно не согласен. Впервые за последние несколько столетий обнаружен интриган и заговорщик, связанный с внешними силами...

— Вы уверены?

— Уверен. Странности, сопровождавшие ваше прибытие, — не галлюцинации. С вами пытались что-то сделать, вопреки запланированному эксперименту.

— А откуда вы знаете, что со мной пытались что-то сделать?

— Тыфу ты! — в сердцах сказал Орк. — Совсем забыл, насколько вы неопытны... Когда вы упомянули при Яне о неких странностях, подстерегших вас на пути, она деликатно извлекла из вашего мозга конкретную информацию. Чего вы, разумеется, и не заметили. Не зря именно ее предки стали императорами Талара, милейший граф... У нее потрясающие возможности.

— Но она же говорила, что не умеет читать мысли...

— Она и не читала, — терпеливо разъяснил Орк. — Она просто взяла конкретную информацию, а это разные вещи... Словом, Молитори — настоящий, неподдельный заговорщик. Такого давно не случалось. Я рискую напрочь подорвать свою репутацию, если немедленно не окажусь в гуще событий.

Сварог расхохотался:

— Вы мне определенно нравитесь, герцог...

— А вы бы посмотрели, каков успех у женщин и какова репутация там, внизу, — скромно сказал Орк.

— Вы бываете внизу?

— Да я там провожу больше времени, чем здесь!

— Но это опасно...

— Знаете рецепт против опасностей? Как только кто-то сберется вас убить, побыстрее опережайте его. Со временем с этой вашей привычкой свыкнутся и перестанут вам надоедать... Вы здесь были?

Сварог сразу узнал темно-красный замок с башенками и кивнул.

— Всю инициативу — мне, — быстро сказал герцог. — Вы еще неопытны. Молчите, держите ушки на макушке, а при необходимости рубите всех подряд, потом разберемся с правыми и виноватыми.

В холле навстречу им кинулся лакей в черной ливрее с вышитым золотом изображением змеи и чаши:

— Милорды, господин вице-камергер проводит важный опыт и убедительно просил...

— По-настоящему важный опыт сейчас как раз и начнется... — Орк ловко двинул лакея рукояткой меча пониже пояса, подхватил, когда бедняга с воплем скрючился, оттолкнул в угол и помчался вверх по главной лестнице. Сварог старался не отставать. Они взбежали на третий этаж, пронеслись по длинному коридору, расталкивая изумленно шарахавшихся встречных, и Орк рванул дверь.

На огромном столе лежало что-то ярко-алое, неопределенной формы, окруженное игольчато-острым, ядовито-зеленым свечением. Доктор Молитори стоял у окна лицом к ним, его лежавшие на столешнице ладони подрагивали, он зачарованно впился взглядом в непонятное и, по мнению Сварога, ничуть не интересное зрелище.

— Гость в дом — удача в дом, — громко сказал Орк. Молитори рассеянно поднял голову. Узнал Сварога. И сломался в долю секунды. Был благообразный сановник и ученый муж — и вмиг не стало. Остался насмерть испуганный старикашкой.

— В штаны вроде бы не наделал, — громко сообщил Орк Сварогу, не оборачиваясь. — Благоухания не чую. Но муки совести явственно изобразились на его достойном лице, убеленном благородными сединами. Вам не кажется, граф?

— Весьма похоже, герцог, — согласился Сварог. — Однако, сдается мне, вы ему льстите, называя эту богомерзкую харю достойной.

— Вы правы, — сказал герцог. — Теперь я и сам вижу, что был излишне мягок в суждениях... — Он медленно, не без театральности вытянул меч и невероятно быстро крутнул его в воздухе, так что клинок со свистом описал сияющий полукруг. — А потому, доктор, извольте отвлечься от этой научной пакости на столе и расскажите внятно и подробно, что за гнусности вы проделывали над моим благородным другом. Не дожидаясь

приятной беседы с лихими ребятами из восьмого департамента.

Как ни странно, доктор Молитори моментально успокоился и даже повеселел. По-прежнему отделенный от них широким столом, он выпрямился, приосанился, заложил руки за спину и хладнокровно спросил:

— Герцог, а вам никогда не говорили, что вы — невероятнейший болван?

Сварог наблюдал за герцогом сбоку — тот сдержался страшным напряжением воли, только ноздри недобро раздувались, и клинок чуть приподнялся. Молитори смотрел на них насмешливо и дерзко. Он держался, словно заранее уверенный в своем превосходстве, и Сварогу это начинало не нравиться. Украдкой он оглянулся — нет, в комнате, кроме них, никого не было, и за спиной никто не стоял. Все же Сварог передвинулся так, чтобы видеть дверь, положил руку на пояс поближе к мечу.

— Правильно, — быстро сказал заметивший это Орк. — Когда такая мразь, пойманная на горячем, вдруг начинает дерзить в лицо, жди подвоха... Итак, любезнейший доктор?

— Жаль, у меня мало времени, — сказал доктор с искренним сожалением. — Как жаль... Могу вам сказать одно, милорды: придет день, крайне грустный для вас, когда мы встретимся и поговорим иначе...

Молниеносным движением он вырвал руку из-за спины и поднес ко рту, ударив себя ладонью по губам от порывистости жеста. Сварог с Орком бросились к нему вокруг стола, с двух сторон, а он уже падал навзничь, рухнул у их ног, лицо его застыло в жуткой гримасе, синело на глазах: изо рта толчками поползла зеленая пузырчатая пена.

— Что-то нечисто... — Орк склонился, напряженно всмотрелся и вдруг отшатнулся: — Граф, прочь!

Сварог отскочил к распахнутому окну. Тело доктора дымилось — бесчисленные струйки черного, смердящего дыма клубились, пока совершенно не скрыли мертвеца колышущимся продолговатым облаком, карикатурно повторявшим очертания распростертого тела. Вместо того чтобы взмыть к потолку, как полагается дыму, облако стало опадать, съеживаться, растворяло без следа, открыв смятую, пустую одежду доктора. И никаких следов трупа.

— Я о таком только слышал, — сказал Орк.

— Что это?

— Эликсир...

И тут загадочный предмет на столе взорвался.

Возможно, это был вовсе не взрыв, что-то другое — но когда Сварог опомнился, в ушах еще вязнула короткий мощный грохот. По комнате плавали лохматые черные клочья, вот они рассеялись — и стал виден лорд Гаудин, он с ледяным выражением лица стоял у двери, а за его спиной в комнату проскальзывали, рассыпаясь на обе стороны, рослые парни в черносиней форме. Их набралось человек десять, они поигрывали короткими блестящими предметами и смотрели на Сварога с Орком зорко, равнодушно-чутко, как опытные сторожевые псы, готовые по команде хозяина и завилять хвостом, и перехватить горло.

— Где Молитори? — резко спросил Гаудин.

Сварог растерянно показал на пустую одежду, Орк развел руками:

— Эликсир Сторга...

И тогда Гаудин заговорил. Его речь ограничилась нескользкими краткими эпитетами в адрес Орка и Сварога, с присовокуплением цветистых глаголов и прилагательных. Орк, белый от ярости, шагнул вперед, нашаривая эфес:

— Милорд, я никогда и никому...

— Молчать, — спокойно обронил Гаудин, и Орк, к удивлению Сварога, мгновенно превратился в образец благонравия, только пальцы на эфесе побелели от напряжения, но тут же разжались.

Гаудин обошел стол, наклонился к пустой одежде, выпрямился:

— Ну что ж, милорды, вы существенно облегчили мне работу, лишив преступника, с которым пришлось бы долго возиться, забыв покой и сон... Не смею вас больше задерживать.

Орк шагнул вперед, и Сварог, не поднимая глаз, устремился следом. Гаудин небрежно задержал его:

— Граф Гэйр, я понимаю ваше положение, но все же считал вас чуточку умнее... Отправляйтесь в императорский замок и ждите там, пока я не прибуду.

Сварогу казалось, что у него задымились от жара кончики ушей. Он опомнился только в коридоре.

— Скотина, — сказал Орк. — Наглец чертов...

— Мне показалось, вы очень хотели сказать ему это в лицо, но...

— Но испугался? Дорогой граф, признаюсь вам честно: авантюризм не имеет ничего общего с безрассудством. Есть четкие границы, есть скалы, несокрушимые гусиным пером... А милейший Гаудин — скала. Я пока что не готов сойтись с ним один на один, — он мечтательно-хищно повторил: — Пока что... Но доктора, если взглянуть правде в глаза, мы с вами бездарно упустили. Вернее, упустил его я, с вас-то никакого спроса.

— Что это за эликсир?

— Мертвца в большинстве случаев можно допросить. Как и грешную душу. Но, как вы видели, от трупаничегошеньки не осталось. Боюсь, и душа для Гаудина недосягаема. Упорхнула к хозяину.

— К...

— Называйте его лучше Великим Мастером, — быстро сказал Орк. — Так спокойнее.

— Почему?

— Многие верят, что Единый Творец, создав этот мир и человека, полностью отстранился от дальнейшего, и всю оставшуюся работу взял на себя Великий Мастер. Оттого человек и вышел... таким.

— А как обстоит на самом деле? — спросил Сварог.

Орк покосился на него, хмыкнул и промолчал. На обратном пути они не разговаривали. Только во дворце, когда брагант приземлился у одной из бесчисленных боковых лестниц, Орк отозвался первым:

— Мне, право, очень неловко. Поверьте, не все мои предприятия кончаются столь печально. Далеко не все. Сегодня вы были свидетелем ошеломительной неудачи — вещи в моей жизни чертовски редкой...

— Бывает, — искренне сказал Сварог.

— Навестите меня в замке. Побыстрее. Право, не пожалеете.

Сварог пообещал, и в самом деле собираясь навестить неожданного приятеля. Они вежливо раскланялись, бело-черный брагант герцога взмыл в небо, промелькнул над башенками и исчез вдали. Сварогу вновь стало неуютно и одиноко, он решительно не представлял, куда себя деть. Отправиться, что ли, к караулам Бриллиантовых Пикинеров — особо доверенной страже, охранявшей личные покои императрицы, и проверить, как действуют его привилегии? Неловко как-то... И появление слуги, целеустремленно направившегося прямо к нему,

Сварог воспринял, как перст судьбы. Неважно что, но что-то должно произойти.

Слуга низко поклонился:

— Милорд, ее величество ждет вас в зале исторических игр.

Видя легкое замешательство Сварога, он молча поклонился еще ниже и зашагал впереди. Сварог шел следом сквозь череду великолепнейших покоев, превосходивших красотой и роскошью все его представления о дворцах, механически сворачивал, поднимался и спускался по лестницам, и за все время ему не встретилось ни единой живой души. Пожалуй, заблудиться здесь — все равно что оказаться на необитаемом острове...

Зал исторических игр, как и следовало ожидать по названию, таил в себе сплошные неожиданности. Он весь был заставлен столами вроде бильярдных, только раза в два побольше, с пестрыми крышками. Слуга раскланялся, молча удалился. Сварог растерянно оглянулся, прикидывая, в чем же заключаются исторические игры. Яна не появлялась — должно быть, запаздывала, как особа женского пола. Точнее, соизволила задерживаться, как особа венценосная. Заложив руки за спину, Сварог направился к ближайшему столу. Вгляделся и приник надолго.

То, что показалось сначала пестрой крышкой, было на самом деле зеленым холмистым полем с протекавшей посередине синей речушкой, выстроившимися по обе ее стороны военными отрядами с походными шатрами позади каждого. Все крохотное — всадники, пехотинцы с пиками и двуручными мечами, горбатый каменный мост, яркие шатры, — но благодаря непонятному волшебству видимое во всех деталях, вплоть до пряжек на сапогах, какие, если прикинуть размеры фигурок, человеческий глаз и рассмотреть-то не должен по причине полной микроскопичности.

Вкрадчивый голос произнес над самым ухом, заставив Сварога вздрогнуть от неожиданности:

— Двадцать пятое ревуна, две тысячи шестьсот сорок пятый. Река Торм, первый день Банарской битвы.

С правого фланга занимавших позиции на левом берегу войск двинулся к реке конный отряд. Всадники в синем, не сбивая аллюра, кинулись в воду, преодолевая брод, должно быть заранее разведанный — потому что для противника лихая атака оказалась полной неожиданностью, и «оранжевые» с правого берега ничего о нем не знали, иначе постарались бы

заранее поставить там заслон, а не стягивать всю конницу к мосту. У места прорыва «синих» оказался лишь небольшой отряд пехоты. Конники, взметая мириады микроскопических брызг, с маxу вынеслись на берег, врубились, опрокидывая пехоту всей мощью таранного удара. Сварог заранее мог сказать, чем все кончится: конница «оранжевых» бездарно сгрудилась у хорошо укрепленного с «синей» стороны моста, чтобы вернуться к броду, ей придется рассеять свою же пехоту и обоз, а вслед прорвавшемуся «синему» отряду, закрепляя успех, через реку переправляются все новые и новые эскадроны...

— Вы пожелаете досмотреть до реально-исторического конца или захотите вмешаться? — поинтересовался голос.

Сварог с удовольствием вмешался бы, но не знал, как это сделать, а спрашивать у невидимки отчего-то постеснялся — быть может, автомат не рассчитан на совершенного невежду и диалог выйдет нас kvозь нелепым. Оказаться в дураках перед роботом, особенно после сегодняшних событий, — нет уж, увольте.

И он отошел на цыпочках. Наклонился над другим столом.

— Шестое фиона, восемьсот пятый, взятие Дерридора, — сообщил голос.

По узкой улочке, застроенной узкими высокими домами, отступали кучки воинов в медных кирасах и остроконечных шлемах — то и дело оставляя на булыжной мостовой убитых, тщетно пытаясь сомкнуться в боевые порядки. А вслед им, рекой вливаясь в проломленные ворота, осыпая бегущих стрелами, ощетинясь длинными пиками, надвигались густые шеренги всадников в черных кирасах, черных шлемах бочонком и белых плащах с золотым тройным языком пламени, обведенным алой каймой. Шансов у защитников было мало, и никакой возможности изменить ход битвы не видно.

Сильный удар в спину швырнул Сварога вперед, он потерял опору под ногами и провалился куда-то, ушиб колени, локти, свалился на бок, запутавшись ногами в собственном мече. Вокруг лязгало, звенело, грохотало.

Сварог поднялся. Голова гудела. Он стоял на узкой улочке, застроенной узкими высокими домами. Его толкали, задевали древками копий пробегавшие мимо солдаты в медных кирасах. Совсем близко, метрах в двадцати, надвигались оскаленные конские морды — головы покрыты железными налобниками с шипами и дырками для глаз, меж ушей колышутся султа-

ны — и щетинились пики черно-белых всадников. Широкие, тяжелые наконечники их посверкивали крайне грозно и убедительно.

Он был внутри игрушки. И отнюдь не в качестве стороннего наблюдателя — его задевали, пихали бегущие, чуть не сшибая с ног. Мелькнула летящая прямо в грудь стрела — и отскочила, словно ударившись о невидимую преграду. Лара нельзя разить метательным оружием, вспомнил он. С этим все в порядке. Но вот пики...

Он огляделся. Убитые умирали весьма натурально, струилась кровь, вылезали внутренности, но никаких запахов Сварог не ощущал — куклы, конечно, великолепные имитации, игрушки. Все, кроме него. Но вряд ли это способны понять приближавшиеся всадники. Или это очередная здешняя забава? Сейчас все кончится, над ним беззлобно посмеются... Хотется верить, и все же...

Всадники припустили рысью, настигая бегущих, шеренги рассыпались на увлеченные охотой кучки. Сварог дернул огромное литое кольцо двери, к которой прислонился, но дверь не шелохнулась, словно составляла одно целое со стеной, с домом. Копыта стучали все ближе. Сварог обернулся, успел уклониться.

Наконечник копья распорол ему правый рукав, сорвал кожу на плече. Жгучая боль окончательно убедила Сварога, что он здесь на положении остальных пешек и никакими привилегиями не пользуется.

Всадник, едва не приковавший его копьем к стене, развернулся коня и готовился нанести второй удар. Все решали секунды, и Сварог вместо того, чтобы выхватить меч, наклонился, подхватил валявшееся копье и выпрямился, держа его обеими руками за середину.

Всадник-робот замешкался на миг — его, как любого солдата этой эпохи, незнакомого с китайским боем на шестах, смущила непонятная поза противника. Потом программа, должно быть, взяла свое — копье метнулось вперед, но Сварог уже сам действовал, как автомат. Противник не стоял напротив с таким же шестом, а сидел на неуклюжей лошади, что облегчало задачу.

Черно-белый идиот повторяет удар в правое плечо, не ведая, что существует классическая защита против такой именно атаки.

«Леопард перепрыгивает черный ручей» — так это зовется. Поворот тела, резкий отбивающий удар, тычок другим концом

в лицо, в глаз. Изменение стойки, хотя в этом уже нет нужды — всадник выронил копье, всем телом посунулся влево, и рубящий удар древком окончательно выбивает его из высокого седла, он, гремя, рушится на булыжник...

Выпустив копье, Сварог подпрыгнул, перевалился в седло, забрасывая ногу в стремя, натянул широкие поводья, расшищенные жестким серебром. Конь подчинился, и Сварог погнал его мимо бегущих защитников взятого города, чтобы убраться подальше от свалки, а там и поискать какой-то выход. От коня не пахло живым существом, сзади стучали копыта, пешие отшатывались, а кто-то и не успевал, нигде не видно тихого уголка, куда ни сверни — суета, лязг железа, беготня, схватка...

Когда конь вдруг завалился с двумя длинными стрелами в шее, Сварог понял, что миг удачи миновал, и, едва успев выдернуть ноги из широких стремян, умудрился соскочить, не запутавшись в мече. Уложка. Далеко впереди — бегущие, далеко позади — черно-белые конники. Ну где здесь прикажете искать выход?

Его резко, сильно потянуло вверх, словно подъемным краном, мелькнули внизу узкие и острые, словно рыбьи хребты, крыши, мир вокруг неизвестно исказился на миг, обернулся мешаниной цветных пятен, причудливых контуров — и Сварог обнаружил, что вновь стоит на сине-красном мозаичном полу, возле стола, на котором продолжается Дерридорская битва. Плечо жгло, рукав помаленьку намокал кровью, а рядом стояли Яна в воздушном зеленом платье и меланхоличный Гаудин, молча хмыкнувший.

— Знаете, герцог, старуха Грельфи советовала его сразу повесить, чтобы не мучился, — сказала Яна. — Честное слово, мне начинает казаться... И кровь, конечно! Стойте спокойно!

Она провела ладонью над раной, пошевелила губами, и боль тут же стихла, даже голова больше не кружилась.

— Ну а кафтан уж поручите кому-нибудь починить, — сказала она так, словно показала язык. — Нет слов... Зачем вы туда полезли? Вы же не знали заклинаний, могли погибнуть!

Сварог огрызнулся:

— Когда я найду того, кто меня туда скинул, непременно узнаю, зачем ему это понадобилось...

Яна и Гаудин переглянулись. Гаудин кивнул:

— Ваше величество, я ничуть не сомневаюсь в ваших магических способностях, но когда я говорю, что во дворце начинает твориться неладное, опираюсь, как видите, на факты.

— Вы считаете...

— Да. Лазейка отыскалась. Конечно, это не страшно, все необходимые меры будут приняты... Сложность в другом. Центральной фигурой всех странностей упорно оказывается граф Гэйр, который, похоже, раздражает кого-то уже самим фактом своего существования. Поскольку у меня есть основания подозревать, что меня самого граф может и не послушать, прошу вас, отдайте приказ вы. До выяснения всех загадок его следует взять под усиленную охрану. Ради его же блага.

— Ну разумеется, — сказала Яна. — Граф, извольте подчиняться.

Сварог пожал плечами. Тут же за его спиной выросли двое в черно-синей форме.

— С вашего позволения, я его похищаю ненадолго, — сказал Гаудин и, не дожидаясь согласия ни Сварога, ни Яны, взял его за локоть сильными пальцами и подтолкнул вперед. Двое в черно-синем бесшумно направились следом.

— Меня в самом деле толкнули, — сказал Сварог в коридоре. — Мне и в голову не пришло бы...

— Охотно верю. Задумано было неплохо. Как и вчерашнее покушение.

— На меня никто вчера не покушался...

— Это вам так кажется. Прошу сюда.

Он открыл неприметную дверь. Глянув внутрь, Сварог попятился, но Гаудин бесцеремонно втолкнул его в комнату, вошел сам и захлопнул дверь.

На полу лежала очаровательная темноволосая девушки в белом открытом платье. Широко распахнутые синие глаза мертвого смотрели в потолок, на груди темнели две небольшие ранки.

— Прелестна, не правда ли? — ухмыльнулся Гаудин. — Молитесь на императрицу, граф... Вы ее вечный должник — и ее, и счастливого случая. Если бы вечером в парк вас увела не императрица, а эта красотка, вы бы пошли?

— Н-ну да...

— Да, как любой. Даже человеку, несравненно лучше вас владеющему магией, не придет в голову проверять всех, с кем он сталкивается на балу, а уж младенцу вроде вас... Теперь взгляните, как эта прелесть выглядит на самом деле. — Он наклонился: — Бароги эт шалотари лайз!

Сварог охнулся. На полу лежал человекоподобный монстр, весь мохнатый, кривоногий, на узловатых пальцах чернеют

жуткие когти, в приоткрытой пасти белеют загнутые клыки. Сварог понял, что эта морда с острыми ушами, выпущенными зелеными глазищами и собачьим носом будет сниться ему долго.

— Вообще-то ничего страшного, — сказал Гаудин. — Паршивый вампир из Ямурлака, почти совершенно вымер, разве что десяток-другой еще хоронится по тамошним лесам. Подлинный облик посвященному распознать легко — запомнили заклинание? — серебро валит его наповал. Но если бы он оказался вчера ночью с вами в парке... Кто-то, умеющий обращаться с подобными тварями, привез его сюда. И пустил по вашему следу. Это не зверь, вполне разумное создание, какого-то тупиковый побег эволюции, но, чтобы с ним договориться, нужно кое-чем владеть...

— Вот почему Молитори смотрел на меня, как на выходца с того света...

— Да, несомненно. Он был уверен, что вас уже нет. Меня утешает одно: силы, действующие против вас, не могут похвастать особым могуществом. К нам проникли пока что мелкие, слабые исполнители, прислуга низшего разряда. Но следует ждать появления кого-то более сильного. А вы крайне уязвимы. Вас нужно немедленно отослать в Магистериум.

— Зачем? — невольно спросил Сварог.

— Не в качестве экспоната, не беспокойтесь. Вам срочно нужно вложить в голову минимальный набор знаний, приемов защиты...

— Но почему же только теперь...

— Я ведь не провидец, — сказал Гаудин с виноватой улыбкой, но у Сварога все равно осталось ощущение некой недоговоренности, словно в рукаве у Гаудина все еще уютно покоялась парочка тузов. — И тороплюсь исправить свой невольный недосмотр. Отправляйтесь в Магистериум, я с ними свяжусь немедленно. Вашей охраны вы по пути не увидите, но это не означает, что ее не будет. Вот, возьмите на всякий случай.

Он положил в ладонь Сварогу небольшой черный предмет размером с пачку сигарет, овальный, скругленный, столь рациональной и продуманной формы, что лег в руку, как влитой.

— Направьте в стену тем концом, где прорезь. Большим пальцем прикоснитесь к кругу.

Сварог подчинился. Пронзительно вжикнуло, светлая молния метнулась через комнату, звучно ударила в стену. Сварог

подошел посмотреть. Из резной панели, наполовину в нее уйдя, торчало зубчатое колесико величиной с пятак.

— Идеальное оружие против любой нечисти. Кстати, и человеку придется несладко, если хорошо прицелитесь.

— Спасибо, — сказал Сварог. — Сколько здесь зарядов?

— Что? — не сразу понял Гаудин. — Ах да... Заряд всего один. Когда он вылетает, другой возникает на его месте.

— Магия? — с видом знатока спросил Сварог.

— Техника.

Сварог поднял голову и глянул собеседнику в глаза:

— Слушайте, а вы имеете на меня виды?

— Вы же не юная фрейлина, граф.

— Не надо. Вы меня прекрасно понимаете.

— Ну да, — сказал Гаудин. — Такова уж моя служба, граф, — иметь виды решительно на всякого, кто попадет в поле зрения. Учитывая дичайший кадровый голод. Я, например, имел в свое время виды на Орка, но он решительно неспособен к серьезной работе с регламентом, планами, отчетами и дисциплиной. И если вспомнить... Ну, вам это неинтересно. Старые дела. Конечно, я имею на вас виды. Но все зависит только от вас — ведь еще неизвестно, подойдет ли вы мне... Счастливо.

— Знаете, у нас в ответ на такое пожелание принято было посыпать к черту.

— Значит, у вас понятия не имели, как опасно даже в шутку так говорить, — сказал Гаудин без улыбки.

...В отличие от замков и дворцов, непременно окруженных лесами и парками, замаскированных под кусочки обычной земли с аллеями и прудами, Магистериум был исполнен холодного рационализма — в небе висело на разных уровнях десятка полтора огромных зданий, в основном серо-стального цвета, хотя попадались и светло-синие, и белые. Никаких архитектурных излишеств — стены, окна, крыши, причалы для летательных аппаратов, и все. Даже скучно становилось. Унылые фабрики научно-технического прогресса и передового колдовства. Право же, старомодные маги чем-то ближе...

Сварог, как его напутствовали, направил ял к белой огромной цифре «пять», нарисованной на длинной стальной полосе причала неподалеку от входа. И сразу же из дверей вышел, направился к нему человек в строгой синей одежде, напоминавшей военную форму и украшенной на груди золотым изображением колбы, заключенной в полумесяц, в точности такой,

как на колпаке у посетившего Сварога мага. «Похоже, конкурирующие фирмы не стремятся быть оригинальными в выборе эмблем», — подумал Сварог. Он стоял возле яла и разглядывал встречавшего — его ровесник, лобастый, неулыбчивый, как проповедник при исполнении служебных обязанностей. Меча при нем не было. Не было ни перстней на пальцах, ни золотой цепи на шее. Антланец?

— Граф Гэйр? — спросил тот, подойдя, быстро глянул на меч Сварога — чуть насмешливо, с легким превосходством. — Магистр Ронтег. Собственно, лорд Ронтег, маркиз Виней, но у нас здесь несколько иные установления, традиции и манера обращения...

— О, меня это не коробит, — сказал Сварог. — Я, понимаете ли, не вполне... — Он спохватился и замолк.

— Знаю, — сказал магистр. — Ваш случай меня крайне интересует. К сожалению, все связанное с вашим появлением здесь стало еще и наглядным примером того, что бывает, когда крайне серьезные эксперименты поручают отжившим свое реликтам вроде Мистериора...

Он немного пыжился, но показался Сварогу, в общем, неплохим парнем — просто чересчур уж старался произвести впечатление. Сварог с удовольствием подразнил бы его, но не стал лезть на рожон — позарез необходимы были знания. И он сказал:

— Я надеюсь, когда-нибудь мы с вами долго и серьезно будем беседовать о превосходстве научно-технического прогресса над живыми анахронизмами. Но сейчас мне бы хотелось...

— Понимаю. Прошу. Для начала я вам покажу... ну, хотя бы хранилище апейрона. А по дороге начну рассказывать, если вы ничего не имеете против.

— Наоборот, — сказал Сварог. — И крайне буду признателен, если вы не забудете, что я — совершеннейший невежда.

— Постараюсь. Если увлекусь и погружусь в дебри, не стесняйтесь переспрашивать, — благосклонно кивнул магистр. — Так вот, магия, волшебство, колдовство — лишь определенные проявления определенных законов природы, потому что во Вселенной нет ничего, что не подчинялось бы законам природы. Другое дело, что законы эти крайне многочисленны, по-разному проявляют себя и требуют разных затрат, разных видов энергии. И не имеют ничего общего с так называемой мистикой. То, что серебро для вампира смертельно опасно, — не мистика, а результат

особого рода взаимодействия ионов, биополей, молекулярных реакций и тому подобного. Когда человек произносит заклинание, выстраивая в определенном порядке буквы и слова, в его мозгу происходят определенные изменения, слова и буквы — еще и комбинации энергетическо-полевых структур, оказывающих соответствующее влияние на другие энергетически-полевые структуры. Дикарю с островов может показаться, что решающее значение имеет само слово, потому что он представления не имеет, какие процессы стоят за каждым произнесенным словом: физические, биохимические, квантовые, гравитационные, иные... Ничего этого маги прошлого не знали и не понимали — они, подобно зонарям, на вкус пробующим целебные и ядовитые травы, вслепую, крохотными шажками овладевали знаниями, научного механизма которых не в силах были постигнуть. Конечно, они добились определенных успехов, но выше своего предела подняться не могли. Пример. Какой-нибудь колдун прошлого, потратив полжизни, методом проб и ошибок мог на старости лет отыскать заклятье, способное... ну, скажем, стряхивать с деревьев спелые вишни. Наши компьютеры и аналитические машины проделают эту работу за считанные минуты.

— Великолепно, — сказал Сварог. — А если мне, например, потребуется отыскать такое слово, чтобы... чтобы с каждого, кто без спроса войдет ко мне в комнату, падали штаны?

— Если такое заклинание не будет противоречить законам природы, машины его для вас подберут столь же быстро. Все упирается в степень сложности. Если мы возьмем так называемого Великого Мастера, или дьявола — это не более чем явление природы, правда обладающее разумом и определенной злокозненной мощью. Сегодня мы еще не в состоянии посадить его в клетку и показывать экскурсантам, но все, повторяю, упирается в степень сложности. Рано или поздно мы решим и эту, сугубо научную, проблему.

— Даже так? — сказал Сварог. — А Богу у вас клеточка в таблице отведена?

— Ну что вы! Творец Вселенной — это уже по ведомству мистики. А мелкие боги живущих на земле варваров — это всего лишь материализовавшиеся образы, овеществленные мыслеформы, живущие за счет энергетической подпитки. Когда число искренно верующих падает до определенного предела, Бог дематериализуется. Проверено многочисленными экспериментами.

— Лихо, — сказал Сварог.

— И строго научно, смею заверить.

— Но тени мертвых...

— Царство Теней — явление, чье существование точно так же можно объяснить с помощью научных трудов, расчетов и формул. Вас удовлетворяет такое скольжение по поверхности или хотите опуститься поглубже?

— Не рисую пока, — сказал Сварог, всерьез опасаясь, что его могут привязать к креслу и насилино пичкать строго научными знаниями. Он то и дело оглядывался украдкой, но не видел вокруг ничего интересного — скучные светлые коридоры, чистые и пустые, двери, окна, лестницы. — Кое-что я уловил, и этого пока достаточно.

— Вы не испытываете желания серьезно учиться? Неужели собираетесь и дальше сидеть в замке, отдавшись растительно-му существованию?

— Знаете, не нужно меня торопить и слишком много го требовать с первых минут... — сказал Сварог.

— Ну что ж... Теперь — обещанные эффекты.

Серо-стальная дверь ушла в стену, и они оказались в огромном куполообразном зале. Занимая почти все его пространство, мягко золотился исполинский шар, добрых пол-лиги в диаметре. Казалось, он налит пламенем — неярким, не ослепляющим, нежные переливы света медленно, неспешно, широкими полосами без четких границ проплывали во всех направлениях, вспыхивали, блекли, гасли, наливались ярко, игра золотых струй всех мыслимых оттенков, от нежно-лимонного до густо-оранжевого, напоминала немую музыку, шар менял краски и очертания цветных пятен, сочетания колоров, словно невиданный калейдоскоп, он излучал тепло, завораживал, притягивал. Сварог невольно пошел вперед, не пугаясь нависающей громады, протянул руку...

— Вы ничего не почувствуете. Магнитная ловушка. Силовое поле. — Суховатый голос магистра вернулся в холодную научную реальность, но он еще долго стоял, не в силах оторвать взгляда от наплывавших из глубин шара золотистых волн, переливчатых потоков, водопадов, завихрений, клубящихся разливов золота.

— Что это?

— Апейрон, — сказал магистр. — Растения живут за счет хлорофилла, перерабатывающего солнечное излучение. Жи-

вотные получают необходимую для функционирования энергию за счет других биохимических реакций — опять-таки перерабатывая излучение Солнца. Апейрон — это вид излучения, идущего из ядра Галактики и служащего питательной средой магии. Если применить аналогию с электромагнитной индукцией, то апейрон играет роль источника тока, замкнутого контура, а заклинания — роль введенного в этот контур проводника. Аналогия, разумеется, довольно груба и притянута за уши для вящей легкости изложения.

— Понятно, — сказал Сварог с умным видом. — Но для меня и электромагнитная индукция — чересчур высокомудрая вещь. Питательная среда — вот это гораздо понятнее.

— Древние маги, те из них, кто был одарен соответствующими способностями, могли использовать лишь чрезвычайно слабый поток естественного излучения... правда, ради объективности стоит заметить, что они добивались неплохих результатов. Для своего времени, конечно, — торопливо пояснил Ронтер. — Наука нашла способы аккумулировать и накапливать апейрон, что, как вы, должно быть, понимаете, дает фантастические возможности и позволяет удовлетворять любые потребности. Увы, существует и оборотная сторона медали. Вам это может показаться странным, но потребности обитателей замков не столь уж и высоки и довольно примитивны...

— Согласен.

— Рад, что вы понимаете. В сущности, они ведут столь же примитивный образ жизни, как их далекие предки. С минимальными отличиями. И потому многое остается невостребованным. Можно хоть завтра создать тысячу межпланетных кораблей — но где вы найдете экипажи для них?

— Постойте, — сказал Сварог. — Но есть же Антлан. И те, внизу...

— Есть вещи, которым пока что не стоит учить...

— Варваров?

— Ну, что вы. Скажем так — людей, которых прежде временно знакомить с вершинами техники и науки. Когда-нибудь, через много поколений...

— Значит, копить знания и мощь ради самого накопления?

— Бывают такие неизбежные этапы, — сказал магистр, смутившись самую чуточку. — Поймите, устоявшиеся порядки никогда не удавалось изменить без крупных потрясений, и еще древние мыслители задавались вопросом, стоит ли проблема-

тичная цель разгула этих потрясений... Мало того, нам известен печальный опыт прошлого...

Сварог слишком мало знал, чтобы очертя голову бросаться в столь сложный спор. Он сказал:

— Хорошо, оставим это. Гаудин говорил, что здесь мне впрыснут порцию необходимых познаний...

— Конечно, — с некоторой скучкой в голосе отозвался магистр. — Пойдемте. Немного истории, географии, приемы защиты от опасностей...

Сварог вышел следом за ним, оглядываясь на золотой шар с непонятной жалостью, как на посаженную в клетку птицу, которой бы порхать и петь на воле.

Он ожидал чего-то необычного и чудесного, но магистр усадил его в синее металлическое кресло, ловко опустил два торчащих из спинки кольчатых гибких шланга, так что венчавшие их многогранные шары, словно бы из фиолетового стекла, оказались у самых висков Сварога. Сам уселся за пульт, не особенно и сложный.

— Так просто? — с сомнением спросил Сварог, кося глазом влево, на фиолетовый шар, от которого словно бы веяло теплом. Самовнушение, скорее всего, ничего еще не включено.

— Чем совершеннее техника, тем она проще. Самое трудное изобрести и усовершенствовать. Все, не шевелитесь. Итак... Магические приемы защиты, краткие курсы... Заклинания от повешенья хотите? На случай, если вздумаете путешествовать по грешной земле. Болтайтесь себе в петле хоть до будущего тысячелетия...

— Давайте, — сказал Сварог.

— Дышать под водой хотите? — магистр определенно рисовался.

— Давайте, — сказал Сварог. — Я не жадный, я предусматриваю... Какие будут инструкции?

— Сидите спокойно, вот и все. Начали.

Сварог ощутил себя радиоприемником, который вопреки конструкции вдруг мгновенно принял все диапазоны, сколько их ни есть, — лавина образов, лиц, пейзажей, карт затопила мозг, он видел одновременно десятки улиц, домов, гор, островов, сотни голосов выкрикивали ему в уши сотни имен и названий. Сознание не выдержало дикой перегрузки, и он провалился во мрак, где не было ни зрения, ни слуха, ни вкуса, ни осязания.

Придя в себя, он не ощутил никаких болезненных последствий. И остался совершенно таким, каким был прежде. О чём тут же и сообщил магистру. Тот свысока улыбнулся:

— Повторите-ка мне краткий курс истории Талара.

Сварог, к своему изумлению, четко отбарабанил:

— В незапамятные времена, когда Творец поднял из покрывавшего Талар океана землю и заселил ее людьми, в неизреченной милости своей он одарил их и способностью к магии, волшебству и иным искусствам, постигаемым и достигаемым с помощью потока Золотого Апейрона. Увы, люди в гордыне своей и порожденных ею пороках долгие тысячелетия ученили лик подаренной им планеты, создавая ложных богов, наполняя землю, воздух и воду сонмищами гнусных чудовищ, удовлетворяя с помощью магии самые низменные желания, пренебрегая науками и искусствами, погрязнув в невежестве. Так длилось их безрадостное бытие до тех пор, когда божьи избранники, принадлежавшие к лучшим дворянским родам Талара, прервали порочный путь невежества и греха. Именно они, благородные лары, проникнув в тайны науки, создали сияющие небесные обители, покончили с распространившейся на все планеты злокозненной магией, истребили ложные учения, питавшиеся кровью и человеческими жертвами, и в неустанных трудах воздвигли Империю Четырех Миров, став ее мудрыми и милостивыми правителями.

— Вот видите, — сказал магистр. — Могут в Ронеро награждать гражданских Орденом Алого Пламени?

— Нет, — сказал Сварог. — Этот орден только для военных.

— А солдатская Медаль Процветания?

— Это для купцов.

— Какой чин следует за канцелярии советником?

— Департаментский секретарь.

— Сколько островов содержит Инбер Колбта?

— На сегодняшний день — восемьсот сорок один.

— Дальше можно не проверять, — с довольным видом кивнул Ронтер. — Знаете, я не удержался и снабдил вас даже большим, чем у обычного лара, объемом знаний по географии и земному укладу жизни. Такое впечатление, что Гаудин именно этого и хотел. Вы не в претензии?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Послушайте, вы говорили об учебе. Но почему бы попросту не натолкнуть мне в голову необходимых знаний? Чтобы я вышел отсюда готовым магистром?

— Готовых магистров не бывает, — усмехнулся Ронтег. — Потому что это не будет о б у ч е н и е м. Увы, в этой области ничто не изменилось с древних времен и, наверное, не изменится. Можно вложить человеку в память гигантские вороха справочников, географических атласов, руководств по управлению аппаратами и агрегатами. Но подлинно профессиональные з на и я он должен получать обычным путем, осмысливать их; впитывать, делать частью своего мозга и только после этого переходить к следующей порции. Пример. Вы сейчас знаете названия всех ветров, главных созвездий, мелей и островов. Сможете провести корабль от Инбер Колбта в залив Даглати в пору осенних штормов?

Сварог призадумался и смущенно пожал плечами:

— Не получается что-то...

— Вот видите. Здесь уже нужно поработать головой. Личный опыт и выработанный долгими годами практики профессиональный нюх не программируются.

— Понятно, — сказал Сварог. Встал. — Ну, мне пора, пожалуй. Не смею отнимать у вас время, всецело отданное познанию тайн природы. Ибо мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача...

— Кто это сказал? — заинтересовался магистр, пропустив мимо ушей иронию, которую не мог не распознать в голосе Сварога.

— Один ученый. То есть ему еще суждено сказать это через неизвестное количество тысячелетий...

— Великолепный афоризм. Что ж, желаю удачи.

Сварог размашисто шагал по узкому причалу, не огражденному хотя бы символическими перилами — но теперь он знал, в чем причина такой беспечности. Лар не может упасть на землю, даже если он сиганет вниз без парашюта — пролетит уарда полтора, а там его мягко подхватит и вернет назад система спасения, коей оборудованы, говоря сухим языком науки, все летающие жилые объекты. Прочие летающие объекты, служащие для перемещения по воздуху, никогда не могут упасть, как не способно рухнуть на землю облако. Если только в них находится лар. В довершение всех благодатей, лар может спокойно прыгать с высоких башен, ибо опустится на землю мягко, как сухой лист. Его можно сбросить с горной вершины в обыкновенной бочке — и эффект будет тот же. К сожалению, покопавшись в новообретенных запасах памяти, Сварог так

и не обнаружил ни намека на способность лара летать самостоятельно. Конечно, и на солнце бывают пятна. Жаль. Но, в общем, ему понравилось быть ларом.

Он оглянулся на здания Магистериума, едва маячившие у горизонта. По совести, ни здания, ни их обитатели ему не понравились. Потому что они были ничуть не лучше тех, что убивают жизнь на королевские охоты и балы. Одни копят знания и мощь ради самого процесса накопления, другие не хотят ни знаний, ни прогресса, третья и от знаний, и от прогресса просто-напросто отсечены. Это даже не кастовое, не феодальное общество, это гораздо хуже. Плоскости не пересекаются. Средневековый сеньор держал своих вилланов на положении скота, но сам он вовсе не обладал источником знаний и чародейского могущества, откуда мог бы черпать при необходимости.

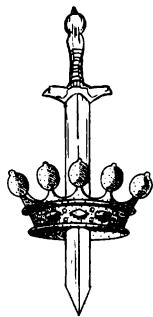
И эти высоколобые... Им важно одно — утолить любознательность за государственный счет. А потом получается, что атомная бомба для них — великолепная физика, и не более того. И не меднолобые генералы, а высокомудрый интеллектуал настаивает, чтобы первая атомная бомба была сброшена непременно на город, чтобы эксперимент получился завершенным, а генералы-то как раз и настаивают на демонстрационном взрыве где-нибудь в глухи, но кто их слушает, если подвернулась прекрасная возможность поэкспериментировать на двуногих мышках и ничего за это не будет...

Он уловил краем глаза движение слева, за левым плечом — на фоне облаков молниеносно промелькнула узкая, хищная тень. Но повернуть туда голову так и не успел — ял словно грязнулся о невидимую стену, едва не встал на дыбы, клюнул носом, провалился вниз, в облака, пробив их насеквозд. Земля внизу неслась стремительной полосой смазанного, неопределенного цвета, стремительно приближалась.

Часть II

БРОДЯГА

Глава 1

ЗЕМЛЯ, ВОДА И ИХ ОБИТАТЕЛИ

Сварог дергал рычаги, беспорядочно перебирал «птичьи лапы», крутил — все напрасно. Оба бортовых компьютера погасли, стали пустыми стеклянными полуширьами, слепыми бельмами. Его стала засасывать слепая паника. Такого не должно было случиться...

Ял не летел вниз камнем, даже не пикировал, но траектория спуска все же была довольно крутой. К тому же его мотало во все стороны, швыряло и разворачивало, несколько раз сменилось направление полета, внизу мелькали, тут же пропадая за спиной, размытые пятна и полосы, земля разрасталась, горизонт все более суживался, стягивался...

Сварог ощущал машину, как мертвый, совершенно мертвый кусок железа, лишь его присутствие на борту удерживало ял в воздухе — лар не может разбиться, упав с высоты, чересчур уж это фундаментально...

Сварог таращился вниз, смаргивая слезы и щурясь, — защита исчезла, тугой поток воздуха безостановочно хлестал по лицу, обжигая, ослепляя. Мелькнула широкая река, пронеслись совсем близко высокие склоны скальных отрогов, ял едва не чиркнул по ним брюхом, скалы взметнулись над головой, машина плюхнулась оземь, под дикий скрежет, высекая искры днищем, взметывая полосы песка и крупной каменной крошки, пробороздила сухой каменистый грунт. И замерла, сдохнувши окончательно.

Шляпы на голове не было — сдуло неизвестно когда. Сварог долго не решался перекинуть ногу через низкий борт — ял показался вдруг родным домом, уютным и спасительным, просто невозможно было его покинуть.

И все же он решился. Вылез на землю. Дрожащими пальцами сунул в рот извлеченную из воздуха сигарету, пробормотал заклятье. На кончике указательного пальца вспыхнул невысокий огонек. Сварог жадно затянулся. Огляделся вокруг. Сухая земля и безжизненные бурые скалы. Ни травинки, ни деревца.

Отшвырнув окурок, Сварог зачем-то тщательно размял его каблуком, словно опасался зоркоглазых индейских следопытов. И тут же зажег новую сигарету. Коснулся кожуха. Откинулся квадратный кусок лакированной обшивки, в образовавшемся углублении было пусто и темно. Вот так...

В двигателе каждой машины ларов золотисто светился шарик апейрона размером с грецкий орех, обладавший сроком жизни, сравнимым с возрастом секвойи. Ял Сварога был совершенно новеньkim, мог послужить без замены питания и его далеким правнукам — даже учитывая, что средняя продолжительность жизни лара составляла около семисот лет. И Сварог ни от кого не слышал о силе, способной уничтожить конденсированный апейрон...

— Когда нас бьют, нас бьют серьезно... — проворчал он под нос.

Несомненно, он приземлился на Харуме, единственном континенте Талара, где во всех без исключения странах, даже крохотных королевствах, графствах и княжествах Вольных Майоров, хватает агентов Гаудина, где в каждой стране есть императорский наместник и при нем — канцелярия. Так что на первый взгляд задача кажется простой — следует добраться до населенных мест и торжественно объявиться, где надлежит. Но нельзя забывать, что в великом герцогстве Харлан и королевстве Горрот нет более верного способа самоубийства, чем появиться в одежде цветов графов Гэйров, при накидке и мече, украшенных их родовым гербом. Сварог знал лишь самое необходимое — помнил карты и мог найти дорогу, знал, как отличить по одежде дворянина от члена городской гильдии или сословия, как к ним ко всем нужно вежливо обращаться, а как — презрительно, но представления не имел о здешней повседневной жизни, чего не смогут заменить самые подроб-

ные справочники, каталоги и атласы. Но делать нечего. Нужно идти.

Почему-то он был уверен, что не стоит торчать возле яла, дожидаясь спасателей. Они давно появились бы, окажись авария замечена. С опекавшими его людьми Гаудина определенно что-то случилось. Если помошь не пришла немедленно, может не появиться вовсе. Рассчитывать нужно только на себя.

Странно, но эта печальная истина успокоила Сварога. В конце концов, он был обут, одет, вооружен мечом и шауром — устройством для метания серебряных звездочек. Голод и жажда ему не грозили, он мог создать себе любую еду и питье, от походного сухого пайка до изысканных яств. Его нельзя ни повесить, ни утопить, ни сжечь на костре. Скверная ситуация, но отнюдь не безвыходная. Бродяга, одаренный таким умением и способностями, — и не бродяга вовсе...

Сварог стал карабкаться вверх по наиболее подходящему для этого склону, предварительно сбросив церемониальную накидку — нечто вроде понcho до колен, перехваченное золотым поясом, украшенное спереди и сзади гербами. Он ободрал пальцы, испачкался, вспотел, но довольно быстро выбрался на вершину. Мельком замеченная с воздуха река оказалась именно там, где он рассчитывал ее увидеть. Ител, могучая, широкая река, охватившая рукавами весь континент. Двигаясь вниз по течению, рано или поздно попадешь к людям. Вокруг не видно ни деревца, так что на плот рассчитывать не приходится — к тому же нечем было бы его связать. Остаются ноги. Если, спустившись с другой стороны, свернуть в тот распадок, пройти по нему, свернуть налево — до реки прошагать предстоит лиг двадцать. Неплохо. А дальше — бережком...

Он оглянулся назад, в противоположную от реки сторону, — и невольно охнул. Впору было вопить. Чересчур много для одного раза.

Там, вдали, за нагромождением буроватых скал вздыпался исполинский пик, и вечные льды на его вершине отливали белым, синим, голубым, а пониже зеленели густые леса. Гундеми-Тенгри, Гора Грязящих Небу Демонов. Уж лучше бы Горрот или Харлан, пусть даже войти туда предстояло с огромным плакатом: «Я — граф Гэйр. Господ палачей просят в очередь».

Он был в Хелльстаде — проклятой святыми стране зла, духов и демонов, последнем заповеднике нечистой силы, сохранившемся на Таларе. Вовне свои щупальца этот заповедник не

протягивал, в свое время чувствительно получив по таковым, но жил своей, загадочной жизнью, остававшейся тайной даже для Магистериума с Мистериором. Одно из тех мест, куда крайне просто войти, но почти невозможно выйти. Самые страшные сказки, какие только есть на планете, — о Хелльстаде. Самые жуткие легенды посвящены этим местам. Из сотни рыцарей, согласно традиции избиравших Хелльстад в качестве полигона для испытания молодецкой силушки, возвращался в лучшем случае один — и сплошь и рядом с помрачившимся рассудком. Случалось, вернувшись становились королями — один такой и сейчас восседает на престоле в одном из Вольных Майоров под бдительным присмотром врачей. Несколько экспедиций Магистериума сгинули без следа, потому что проследить за ними не удалось бы — над Хелльстадом переставали действовать системы наблюдения, те самые «волшебные столы»...

Так что Сварог имел все основания зачислить себя в славную когорту отважных первопроходцев — но не чувствовал никакого восторга и немедленно отказался бы от этой чести, подвернувшись только возможность. Гун-Деми-Тенгри вздымалась к небесам совсем близко — значит, до границ Хелльстада, если идти вдоль реки, лиг сто. Но в любую другую сторону — гораздо больше. Так что ему еще повезло. Можно было угодить на морское побережье Хелльстада, к Фалейскому заливу, куда не заходят корабли — разве что раз в год объявится скрывающийся от погони пират. Нет, определенно повезло...

Выкурив еще сигарету, Сварог стал спускаться к облюбованному распадку. Возвращаться за брошенной у подножия скалы накидкой он не стал. Он шагал и старательно пытался забыть, что поставленная задача — добраться до берега реки — лишь первый шаг на долгом пути; где в любую минуту...

Подумал мельком, что брошенная накидка способна стать следом, который его выдаст здешним обитателям, что надо бы вернуться и подобрать, — но тут же пришло на ум, что еще более заметным следом станет ял, а уж с ним-то ничего не поделать...

Ничего?! Он остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и, поднимая каблуками облачка сухой пыли, стал спускаться назад. Подобрал накидку, свернул ее в ком, сунул под сиденье и произнес заклинание.

Ял, ставший невесомым, взмыл вверх, словно мыльный пузырь, повисел немного, сверкая лакированными боками и по-

золотой гербов, стал подниматься все выше и выше, слегка отклоняясь к закату под легоньким напором слабого ветерка. Порядок. Вскоре унесет неизвестно куда...

Сварог отправился в прежнем направлении. Минуты за минутами, незаметно сливаясь в квадрансы, улетали в безвозвратное прошлое, а он все еще был жив. Мало того — пребывал в полном одиночестве. Никто на него не бросался из засады, окаймлявшие неширокую долину скалы выглядели обыденно и скучно. Веселья это не прибавляло, но и повода для паники или смертной тоски пока что не имелось. Извилистая долина с крытыми откосами крайне походила на русло высохшей в незапамятные времена реки, но в душе у Сварога, понятное дело, не зажглось ничего похожего на азарт исследователя, программа была незатейлива; унести ноги, крайне желательно — в комплекте с головой. Это он вспомнил жуткую легенду из наспех пролистанной как-то на сон грядущий старинной книги о Хельстаде, о некоем незадачливом рыцаре, покинувшем эти места разъятым на части — отдельно шагали ноги, отдельно ползло, цепляясь руками, туловище, а голова где-то запропастилась... Попытался вспомнить, что там еще было веселое и располагающее к себе. Семиглавый змей Лотан, чьи головы поочередно (и на том спасибо) задают страннику загадки, одна заковыристее другой; Прожорливое Озеро — таящийся по впадинам сгусток живой, хищной и вроде бы не лишенной разума субстанции, способной прикинуться то зеленым болотцем, то чистейшим прудом; Голова Сержанта, бегающая по лесам на паучьих ножках... И прочие прелести, милые в общении. Нет уж, лучше не вспоминать...

За очередным поворотом он увидел стену, перегородившую долину по всей ширине, то есть уардов на двести. Подошел и предусмотрительно остановился чуть поодаль. Сложенная из плоских коричневых камней, стена едва доходила ему до пояса и выглядела невероятно древней. Ни следа цемента или иного строительного раствора — камни попросту уложены один на другой, но перед тем обтесаны и старательно подогнаны, так что и кончик меча меж ними не просунешь. И примитивная на первый взгляд кладка до сих пор не лишилась ни одного камня, разве что верхний ряд изрядно разъеден ветрами и дождями. Похоже, когда-то на иных камнях были высечены руны — но ничего уже не разобрать.

Сварогу пришло в голову, что причина такой сохранности — здешнее волшебство. Увы, выяснить это со всей определенностью он не мог, скуден был запас заклинаний. Одно можно с уверенностью сказать: стена — именно то, чем предстает взору...

А другой дороги все равно нет. Вздохнув, он перелез на ту сторону — и ничего не произошло. Разве что долина стала гораздо шире.

Вскоре он увидел дверь. Разместилось это сооружение у самого откоса и выглядело довольно странно: каменное крыльце, дверная рама из отесанных серых камней, дверь из солидных дубовых досок, скрепленных кованными полосами, — и ни дома, ни стены поблизости. Никаких развалин. Дверь вела из ниоткуда в никуда. А на том месте, где полагается быть ручке или замку — круглое отверстие, куда свободно пройдет кулак, окаймленное проржавевшими шляпками гвоздей, слишком правильное для того, чтобы оказаться последствием буйства стихий. В дыру виднеется откос, камни, темно-зеленый куст.

Сварог обошел ее кругом — дверь как дверь, — подивился, плюнул и направился дальше. Солнце уже скрылось за скалами, следовало поторопиться — ночь в этих широтах наступает мгновенно, словно дернули выключатель...

А потом он увидел скелет. Решил сначала, что это статуя, но когда подошел поближе, неясностей не осталось... Выглядит так, словно самый обычный всадник остановился отдохнуть и окинуть взором окрестности в поисках пресловутого камня, на котором начертаны жуткие предупреждения насчет дорог. Конь в богато украшенной сбруе, на всаднике кольчуга и шлем с высоким гребнем, в руке копье, меч на перевязи... вот только и конь, и всадник — белые скелеты, непонятным чудом застывшие один в стоячем, другой в сидячем положении. Большим знатоком анатомии Сварог себя не считал, но это были именно скелеты со множеством косточек, непонятно как державшихся на невидимых каркасах. Доспехи нисколечко не тронуты ржавчиной, правда и новыми не выглядят.

— Могучий ты мужик, — сказал Сварог негромко, обойдя вокруг странного всадника.

Звук собственного голоса бодрости не прибавил. Всадник все так же неподвижно сидел в красном кожаном седле, чуть склонив вперед копье, от него тянулась длинная тень, оба черепа щерились застывшим оскалом, и понемногу подкрадыва-

лась жуть. Кончиком меча Сварог осторожно потрогал лошадиный череп — звук был глухой, костяной, какого и следовало ожидать. Ни конь, ни всадник против такой бесцеремонности не протестовали.

Сварог еще долго оглядывался, быстрыми шагами удаляясь от загадочного всадника. Терзал совершенно детский страх — а если оживет, пустится следом на всем галопе, целя копьем в спину? В этих местах все возможно...

Обошлось. Довольно скоро поворот скрыл от его глаз останки неизвестного рыцаря, похоже так и не обретшего полного покоя после смерти, — но Сварог еще долго оглядывался, порой чувство, будто в следующий миг на плечо опустится чья-то невидимая ледяная рука, становилось столь саднящим, что он вертел головой во все стороны, ругаясь про себя и стискивая в кулаке шаур. Тени становились все длиннее, а вскоре одна легла поперек дороги. Тень от высокой полуразрушенной башни, окруженной стеной с круглыми башенками, — башня вздымалась справа, у откоса. Когда она еще стояла целехонькой, верхушка, очень похоже, вздымалась над берегами высохшей реки. Сварог уже не сомневался, что это высохшая река: кое-где валяются окаменевшие раковины, каменистая земля под ногами гладкая, словно ее тысячи лет шлифовала текущая вода. Но вода исчезла в столь древние времена, что сюда успели прийти люди или кто они там были, построить стены и башни, в свою очередь пришедшие в упадок тысячелетия назад...

Решительно свернув в ту сторону, Сварог приблизился к арке ворот и заглянул внутрь. Из боковых стен торчали насквозь проржавевшие крюки — то ли держатели факелов, то ли петли ворот, — по двору там и сям валялись припорощенные пылью тесаные камни. Полное запустение. Ни звука. Под аркой лежат ржавые железные клетки странного вида, плоские и широкие, как конфетные коробки, — тьфу ты, да это остатки ворот, дерево давно стнило, уцелела лишь оковка створок... Полукруглую дверь, ведущую в башню, постигла та же судьба — правда, железная коробка уцелела, косо висит на нижней петле...

Сварог присмотрелся. И понял, что ему не мерещится — в темной пасти башни сияло слабенько, неподвижное радужное мерцание, веером разноцветных лучиков поднимавшееся от пола. Так сверкает в полумраке горсть драгоценных камней, куча бриллиантов — он помнил по собственной фамильной

сокровищнице в замке. Правда, здешняя куча, пожалуй, будет человеку по пояс, самоцветы ведрами можно черпать...

На это и рассчитано, что ли? Сверкание манит радужными переливами, так и подмывает зайти, посмотреть только, во все не грабить покойников... а внутри ждет что-нибудь веселое вроде упрыя или чудовища, сгребет — пискнуть не успеешь...

— А вот те шиш, — шепотом произнес Сварог, отступая по дальше от заманчивого мерцания.

Спиной вперед прошел под аркой, держа руку на мече и твердо решив не отвлекаться на придорожные странности, — ненароком влипнешь во что-нибудь такое, от чего уже не отвяжешься...

Шарахнулся влево, выхватив меч, ему не почудилось, он точно видел, что на темно-серой стене слева от арки дернулись две тени — его и чужая...

Остановился в боевой позиции, заслонившись изготовленным к рубящему удару мечом. Огляделся.

Рядом никого не было. И до него понемногу стало доходить: учитывая положение скрывшегося за скалами солнца, на стенах никак не могла оказаться его собственная тень... Осторожно сделал два шага влево, то и дело поворачиваясь в стороны, готовый к бою.

Тени виднелись на прежнем месте, они выглядели гораздо темнее, чернее обычных теней, этакие пятна космического мрака, аккуратно вырезанные ножницами. Они двигались. Они жили своей жизнью. Их прибавилось. И они, такое впечатление, никакой угрозы путнику не представляли, занятые своими заботами...

Сварог засмотрелся. В профиль к нему стояла женщина — нет, дама в длинном платье и затейливом головном уборе, из-под него опускаются на плечи то ли уложенные кружками косы, то ли украшения. Голова надменно вздернута, руки сложены на груди, она застыла, с превеликим самообладанием слушая беснующегося перед ней мужчину в столь же пышном костюме неизвестного фасона — вот кому самообладания не хватает, немо открывает рот, явно вопя, потрясает кулаками, топает ногой. За спиной его стоят еще несколько человек, сливающиеся в сплошное пятно причудливых очертаний.

Ух ты! Один вдруг отделился от толпы, упругим кошачьим шагом ринулся вперед, черной полосой, пропавшей на миг, метнулся длинный узкий клинок, вошел в спину... Дама ни

на миг не изменила величественной позы, только подбородок задрался еще надменнее — а вот для сторонних зрителей все случившееся то ли явилось полной неожиданностью, то ли нервы у них слабые. Мечутся, бестолково сталкиваясь, всплескивая руками, кто-то рванулся в сторону и мгновенно пропал с глаз — хотя на стене еще достаточно места — словно картина ограждена невидимой рамкой экрана. Убийца стоит в вольной, непринужденной позе, уперев кончик меча в носок сапога, не похоже что-то, чтобы его мучили раскаяние или хотя бы неловкость. А дама — очень похоже, она совсем молодая, — величественно переступив через труп, движется к нему, грациозно протягиваая руку — пышный рукав взметнулся плавной дугой, от силуэта неизвестной красотки прямо-таки веет облегчением и злорадством... Любовная драма со старым мужем и юным амантом? Смерть надоевшего фаворита королевы? Неведомые дела чести? Сварог зачарованно смотрел, как удаляется дама под руку с убийцей, так и не убравшим меч в ножны, как суетятся оставшиеся тени, боязливо приближаясь к убитому. Всадник в шипастом шлеме вдруг появился справа, натянул поводья и что-то стал кричать, потрясая рукой в перчатке с широким раструбом, но Сварог уже зашагал прочь. Темнеет, привидения зашевелились, лучше отсюда убраться...

А потом? У реки он будет не в большей безопасности, чем здесь, как ни крути, а заночевать придется в Хельстаде... Сварог потрогал ожерелье-цепь на шее — меж самоцветами в филигранной оправе и золотыми бляшками имелось немало серебряных колечек. Та самая инкунабула советовала, коли уж вас застала в Хельстаде ночь, оградить себя серебром и щелкать зубами от страха до самого утра в относительной безопасности, но тут же оговаривалась, что совет таковой, судя по иным свидетельствам, сплошь и рядом бесполезен...

Долина раздавалась. Тогда, с горки, Сварог окинул окрестности лишь беглым взглядом и не помнил всех хитрых изгибов русла, а потому какое-то время стоял в нерешительности. Прямо перед ним, словно острый нос корабля, вздымалась скала, высоко над головой в ней зияло несколько пещерок.

Поразмыслив, Сварог зашагал направо — благо долина тянулась, в общем, в нужном ему направлении. Все то же самое — гладкая каменистая земля под ногами, кое-где — россыпи скатанных камешков. Долина расширялась и расширялась, вскоре Сварог уже шагал по обширнейшему полю — и впереди вдруг

вновь замаячила стена. Сущий близнец первой — те же камни, тот же способ кладки. На сей раз он не колебался, одним прыжком оказался по ту сторону и браво двинулся дальше.

Пока впереди не встала новая стена. Повыше, по грудь. И на вид совершенно иная, отчего-то казавшаяся угрюмой — сложенная из огромных черно-серых камней, бугристых, заплесневевших. Преодолеть ее было гораздо труднее, носки сапог соскальзывали, Сварог перемазался склизкой плесенью — но упрямо лез, бормоча про себя: «Нет таких крепостей, которые бы не развалили большевики, знаете ли...»

Дорога вела под уклон. Темнело. Сварог размашисто шагал, не утруждая себя мыслями о жизненных сложностях, но по-немногу начал тревожиться. Он и сам не понимал, что ему в окружающем не нравится, но чем дальше, тем сильнее в душе крепло некое неудобство. В конце концов он понял, что ему просто-напросто не хочется идти дальше. Не хочется, и все тут. Хоть режьте.

Остановился и огляделся. Впереди ничего не удавалось рассмотреть — в сгущавшемся мраке земля сливалась с небом, горизонт неразличим, вдали, на пределе зрения, словно бы колюче сияют звезды, необычно низко, будто склон ведет все ниже и ниже, в пропасть. После иных приключений, пережитых на пути в этот мир, Сварог в глубине души преисполнился стойкого недоверия ко всему, напоминающему пропасть, да и легенды иные гласили о провалах, ведущих в подземный мир, о котором не известно ничегошеньки, кроме плохого... Показалось, в лицо дует едва заметный ледяной ветерок. Оглянувшись, Сварог узрел, что вдали, далеко за спиной, небо по-прежнему синеет светлой полосой — там сумерки еще не наступили, и это было странно, словно он миновал некий рубеж меж двумя совершенно иными мирами. Смеяться над своими страхами как-то не тянуло. Прежняя дорога стала опасностью привычной, а то, что виднелось — вернее, как раз не виднелось — впереди, прямо-таки отталкивало.

Поблизости росли невиданные прежде цветы — бледно-белые высокие стебли и стрельчатые листья, синие и желтые бутоны выглядят странно блеклыми, будто нарисованными жиденькой акварелью. Впереди, подальше, их все больше и больше, сущие заросли. Превозмогши себя, Сварог опустился на корточки и потрогал стебель. Кончики пальцев явственно

ощутили прохладу. Стоило чуть посильнее свести пальцы, стебель беззвучно переломился, нелепо повис, невероятно хрупкий, руку испачкало бесцветным прозрачным соком, и Сварог долго вытирал ее о кафтан. Цветы выглядели так, словно их никогда не касался лучик солнечного света, не говоря уж о том, что белый здесь считался цветом смерти.

Сварог решительно повернулся назад, спеша и поругивая себя за эту нервную спешку, добрался до развилки и двинулся другой дорогой, уже прекрасно понимая, что не успеет до темноты выйти к реке.

Темнота, как он и ждал, обернулась полным мраком совершенно неожиданно, будто упал великанский занавес. К этому времени Сварог шагал уже по редкому лесу, покрывавшему широкую долину, — лес, надо отметить, вел себя пристойно, деревья не трогались с места и не пытались ухватить ветвями за шиворот. У Сварога не хватало знаний, чтобы определить, отличается ли звездное небо над ним от того, которое можно увидеть за пределами Хелльстада, но не удивился бы, окажись, что так оно и есть. Мрак для него не представлял досадного препятствия — обучили видеть в темноте не хуже кошки, только заклятье пробубни, но поневоле вспоминалось, что во всяком лесу есть обитатели, с темнотой покидающие логова в рассуждении, чего бы пожрать...

Над горизонтом поднялся желтый серп Юпитера, стало гораздо светлее, все вокруг залили серебристые отсветы, а тени стали черными, густыми и четкими — но Сварог «кощачьего зрения» не отключал для пущей надежности. Временами мерещились быстрые тени, мелькавшие поодаль меж деревьев, — а может, и не мерещились. Но не нападали, и то ладно. Признаться честно, он немного устал, сапоги и меч казались пудовыми — но шагал вперед, как автомат, на упрямом автопилоте, надеясь, что вот-вот увидит реку, забивая нещадным куреньем назойливо требовавший ужина желудок. Ни в каких спасателей он уже не верил, как в старь, полагаясь только на себя, благо имелся большой опыт.

И когда уголком глаза узрел шевеление справа, ничуть не испугался, лишь напрягся, как почувявший волка конь.

Нечто большое, косматое, длинное, на четырех лапах, двигалось уардах в пятидесяти от него параллельным курсом. Для пробы Сварог свернулся, сделал крюк, отклонившись немножко от избранного маршрута, — мохнатое создание, не приближаясь

и не отдаваясь, повторило маневр, словно двигаясь на невидимой привязи.

Так они шли довольно долго — временами, бросив взгляд украдкой, Сварог успевал заметить фосфорически-желтый блеск глаз, но тварь тут же отворачивала голову, демонстрируя как отличную реакцию, так и наличие в башке некоего количества мозгов. Упорно не желала встречаться взглядом — и не отставала, успев за какой-то час надоесть смертельно.

Он не хотел нападать первым — где гарантия, что это не местный безобидный хомячок? — но безмолвный спутник опостыл хуже горькой редьки как раз из-за своей загадочности.

Впереди показалось нечто высокое, на распаянных тоненьких ножках, кажется, полосатое, направилось было навстречу Сварогу, перебегая от дерева к дереву, больше всего смахивающее на куриное яйцо, вставшее на ходули, донеслось басовитое ворчанье, что-то крайне напоминавшее лязг зубов, но мохнатая тварь бдительно выдвинулась вперед, издала плаксивый вой. Яйцо на ходулях застыло как вкопанное, потом с воем кинулось в лес. Нет, пожалуй, не хомячок. И уж конечно, не благородный самаритянин, провожающий по ночам одиноких путников, чтобы их, паче чаяния, не обидели здешние хулиганы, — что-то не слышно было о подобных хельстадских благотворителях...

Решаться пора, вот что. Заприметив слева невысокий пригородок, Сварог поднялся на вершину, уселся под деревом и, с удовольствием вытянув натруженные ноги, задымил очередной сигаретой.

Мохнатая тварь бродила вокруг холмика, как заведенная механическая игрушка. Теперь Сварог рассмотрел ее чуточку получше — нечто среднее меж вставшим на четыре лапы шимпанзе и некрупной гиеной, хвоста не видно, голова — сплошной комок спутанной длинной шерсти, откуда сторожко поблескивают желтые блестящие глаза (теперь она уже не таилась, то и дело таращилась на Сварога), косолапая походка. То и дело она похныкивала, всхлипывала, бурчала что-то неразборчивое — но вовсе не казалась жалким, забытым, боязливым существом, наоборот, было в ней что-то липко-подловатое. Сварог и не заметил, как она, сужая спираль, оказалась ближе на добрый десяток уардов. Забормотала требовательно, жадно. Категорически не нравилась — и в роли ночного спутника, и в общефилософском плане.

Решив наладить общение, Сварог запустил в нее извлеченным из воздуха куском жареного мяса — авось нажрется и отстанет. Мясо упало прямо перед мордой. И тварь, даже не наклонив башку, с такой брезгливостью отбросила его лапой, что стало ясно: если и голодна, жарким по рецепту императорских поваров не прельстится. Но не травоядная же? Не похоже что-то...

Точно такая же участь постигла аппетитную поджаристую булочку...

— Какого ж тебе рожна? — вслух спросил Сварог.

Вместо ответа последовало ворчанье и хныканье — злое, нетерпеливое. Вновь в ее бормотанье послышались членораздельные слова, Сварог стал старательно прислушиваться и тут же понял свою ошибку — тварь, без сомнения, каким-то образом туманила ему мозги, давила на подсознание, гипнотизировала хныкающими стонами и размеренными перемещениями, опять вдруг возникла гораздо ближе, и он не успел заметить, когда это произошло...

Сварог начал беспокоиться. Лучше пересолить, чем недосолить. Похорохотать над своими страхами можно потом, в уютной каминной фамильного замка, а сейчас его явно пытаются одурманить с неизвестными целями, все ее бормотанье и гибкие, плавные пирамиды вызывают в памяти подползающую к птичке змею... Вот опять показалось, что на миг она растаяла в лунном свете и возникла в другом месте, ближе, по ногам начинает рас текаться странная истома, и это не фантазии возбужденного сознания...

Он не собирался быть птичкой. Достал шаур, уже чувствуя и в руках странную вялость, ползущую от кончиков пальцев к локтям, повел запястьем — кисть описала плавную дугу вопреки его намерениям, — нажал на спуск.

Словно молния мелькнула — тварь молниеносно сделала кувырок, скользнув в сторону от Сварога по склону холма, с дьявольским проворством уйдя от серебряной звездочки, летящей немногим медленнее пули. Полное впечатление, что она сбросила личину — уставившись на Сварога злыми круглыми глазами-фонариками, утробно рявкнула. Впервые он увидел ее зубы — неплохую коллекцию игольчатых клыков, влажно сверкнувшую в разинутой пасти. Какое, к черту, травоядное, тут и Кювье не нужно было...

Сварог дважды выстрелил — и снова безуспешно, тварь, крутнувшись клубком, ушла с линии огня так ловко, что в серд-

це понемногу начал закрадываться страх: она не собирается снимать осаду, а легкой победой для него и не пахнет, тут ноги бы унести...

Тварь вновь принялась выписывать неуловимо для глаза сужавшуюся спираль, воя, мурлыча, подскуливая, ни на миг не сводя с него зла сверкающего взора, готовая в любой миг отскочить, ее клокочущие всхлипы сливались в мелодию, липкой паутиной оплетавшую тело и сознание.

Пора было как-то спасаться. Сварог медленно вытянул — что не произвело на его загадочного противника никакого впечатления, разве что самую чуточку прибавило прыти — и почувствовал, что кружится голова, а окружающее все гуще подергивается туманной пеленой.

Поднял руку к горлу, рванул тугой высокий ворот парадного кафтаны, освобождая дыхание. Посыпались самоцветные пуговицы, от сильного рывка лопнуло ожерелье-цепь и длинной струйкой стекло к ногам. В приливе отчаянного бешенства Сварог, собрав его в горсть, запустил к подножию пригорка, целя чудищу в морду.

Промазал, конечно, оно увернулось грациозно, гибко, похожее сейчас скорее на вихрь или смерч, чем на живое существо. И тут же застыло в довольно нелепой позе, присев на задницу, подняв передние поджатые лапы. Вялость в теле мгновенно сгинула, Сварог, выпустив рукоять меча, полез за шауром. Рука запуталась в кармане. Когда он извлек овальный предмет, мохнатая тварь уже сидела к нему вполоборота, словно бы и забыв о нем вовсе. И медленно, можно бы даже сказать, отрешенно, самозабвенно перебирала цепь, словно четки. Сварог оторопело смотрел, как она, пропустив меж когтями драгоценную безделку, начала перебирать ее заново, прямо-таки священное действуя, тихонечко повизгивая с несомненным восторгом.

Некогда было раздумывать. Тихонечко засунув в ножны меч, он бочком-бочком спустился с пригорка, то и дело оглядываясь. Тварь и не заметила его ухода, сидела на том же месте, скрючившись в прежней позе, пребывая словно бы в восторженном трансе. Первое время он еще подозревал коварный подвох, но, удалившись уардов на сто, поверил, что произошло нечто неопределенное и удача вновь обернулась к нему лицом, обратив более вульгарные детали фигуры кое к кому другому.

И наддал, припустил меж деревьев что есть мочи, придерживая болтавшиеся ножны, стараясь не задевать ими за ство-

лы, не шуметь. О следопытских способностях странной твари он не имел ни малейшего понятия, так что следовало убраться подальше, прежде чем ей надоест забавляться с драгоценной безделкой. Может, это такая особая порода хельстадских чудовищ, на которых драгоценные камни действуют гипнотически? Вводят в транс точно так, как они сами вульгарным подобием пения сирен завораживают других?

Продравшись сквозь жесткие кусты и оставив на длинных колючках вырванные с мясом ключья одежды (парадный наряд был сшит из тончайшего бархата, нисколечко не приспособленного к пешим прогулкам по земным дебрям), Сварог оказался на широкой дороге. На ней повсюду росли низенькие, то по колено ему, то по грудь, пушистые елочки, но все же это была пришедшая в запустение дорога, сразу видно. Особо не раздумывая, побежал по ней, уже экономя дыхание, войдя в ритм. Отстраненно подумал, что скоро придется шлепать босиком, парадные сапоги долго марш-броска не выдержат — но остановливаться, ясно, не стал. В конце концов, и босиком люди ходят, тут нет ни битых бутылок, ни ржавых консервных банок, как-нибудь выдюжит...

Замедлил бег. Остановился и прислушался. Показалось сначала, что привязалось очередное наваждение. Где там, песня ему не почудилась, впереди чистый и высокий мужской голос забуенно, весело, ни черта не боясь, выводит во всю глотку:

Ах, это всех касается...
Как шел к себе домой
ты в обществе красавицы.

Пение приближалось. Тот, кто двигался Сварогу навстречу, держался так, словно был у себя дома, в насквозь знакомых и безопасных местах, где нет нужды таиться и опасаться... Держался хозяином. А значит, был опасен...

Сварог на цыпочках сошел с заросшей молодым ельничком дороги. Оказалась вокруг сосны, пришлось бы похуже, а если — просто клад для ищущего укрытия... Осторожненько, спиной вперед, он пролез меж колючих лап к самому стволу, чуть повозился, выбирая место, откуда сможет видеть кусочек дороги, безбожно пачкая спину смолой, держа шаур на изготовку.

Странно, залихватская песня доносилась откуда-то снизу, словно ночной певец полз... или росточком вышел пониже пня...

Ах, это всех касается...
Как посреди невзгод
тебя твоя красавица
лишила всех свобод!

На дороге замаячило нечто белое, быстро приближавшееся... У Сварога мурашки поползли по спине.

Он наконец-то увидел лицо певца — совсем не там, где ожидал узреть. Лицо как лицо, грубоватая физиономия мужчины лет сорока, бесшабашного любителя гульнуть и поволочиться за девчонками, всклокоченная шевелюра, крупная голова...

А кроме головы, ничего и не было. Человеческая голова проворно скользила над самой землей на толстых паучьих лапах, которые Сварог зачем-то попытался сосчитать, но тут же забыл об этом. В ней не было ничего демонического — всего лишь живехонькая голова, семенившая паучьими лапами, полуза��рыг глаза, играя густыми бровями, распевавшая:

Ах, это всех касается...
Как ты живешь с красавицей
в высоком терему,
похожем на тюрьму!

А следом, держа шеренги, держа четкий строй, слаженно, в ногу, шагали белые костяки, скелеты, иные в кольчугах и разномастных кирасах, иные в продранных кафтанах, кто с мечом у пояса, кто с алебардой на плече, кто безо всего, и без доспехов, и без одежды, и без оружия, они печатали шаг, словно кто-то невидимый проворно управлялся с массой невидимых же ниточек, двигались безмолвно, только временами слышался костяной бряк или короткое лязганье оружия, задевшего соседские доспехи. Конец колонны скрывался за поворотом, но все равно Сварог видел, что их там чертовски много...

Он замер, не в силах, кажется, вдохнуть. Впервые в жизни казалось, что волосы на голове зашевелились, — а может, и не казалось... Прямо напротив него гремел на весь лес задорный голос:

Ах, и мне б, смеясь и плача,
от души, душою всей,
песни петь — и пунш горячий
разливать в кругу друзей!

Насчет Головы Сержанта древняя книга нисколечко не со-врала...

Пение вдруг оборвалось. Едва слышно царапнули хвою паучьи ноги — это голова повернулась вправо-влево, потом опять вправо, таращась прямехонько на то место, где притаился Сварог. Скелеты, словно получив неслышнюю команду, замерли на месте в идеальном строю. Томительно долгий и жуткий миг. Время остановилось.

Потом голова наморщила брови, лицо исказилось быстро сменявшими друг друга гримасами — казалось, соответствовавшими жестам обычного человека, когда он встряхнет головой, чтобы избавиться от наваждения, бросит: «Тыфу, почудилось...» Но тут не было ни туловища, ни шеи, так что голова-паук, погримасничав, еще раз повернувшись на лапах вправо-влево, двинулась с места, заскользила дальше, восвояси, с прежним задором горлана:

И красавицу хмельную
под покровом темноты
уносить любой ценой
в край загадочной мечты!

Скелеты, печатая шаг, шеренгами потянулись следом, конца им не было, четверка за четверкой, побрякивая и постукивая, с деревянной тупостью манекенов переставляя ноги и взмахивая руками, маршировала мимо Сварога — а у него рубашка прилипла к спине и ноги подгибались сами по себе. Все же он, не потерявши головы окончательно, смотрел во все глаза и подметил интересную особенность: в голове колонны шагали самые ободранные, если можно так выразиться: одежда в лохмотьях или вовсе отсутствует, оружия у многих нет. Зато чем больше проходило шеренг, тем новее представляла одежда, самые последние маршировали уже полностью обмундированные, при сапогах, шляпах и шитых перевязях мечей. Означает ли это, что он видел пленников, жертв, и те, что попались позже, еще не успели истrepать одежонку?

Песня давно уже умолкла вдали, затих стук и лязг, а он все еще не мог заставить себя выйти на дорогу — и выбрался из-под склонившихся к земле колючих еловых лап, лишь убедившись, что пакостная слабость в ногах прошла. Распахнул каftан, чтобы остудить разгоряченное тело, но рубашка

еще долго липла к груди и спине. Если оказался правдивым рассказ о Голове Сержанта — на дороге может попасться и Лотан или Бабка-хихикалка... А от них, согласно тем же источникам, под елочкой не спрячешься... Одно хорошо: по легендам, Лотан «семью семь уардов длиною» — и вряд ли станет заползать в лес, а и заползет, наделает столько шуму и треску, валя вековые деревья, что издали будет слышно, успеешь удраТЬ.

...Он не сразу заметил, что лес вокруг изменился самым кардинальным образом. Стал другим. Не до того было — смотрел во все глаза, не появится ли меж стволами что-нибудь живое, а на сами стволы внимания не обращал...

Лес стал другим. Кора на ствалах раза в три потолще еловой или сосновой, бугристая, образовавшая то ли странную чешую, в которой угадывалась определенная гармония, то ли скопище странных барельефов, похожих на черепаший панцирь. Сплошной сетью бугрились толстые корни, почти скрывшие дорогу, так что Сварог то и дело спотыкался, ежеминутно ожидая, что оторвутся подошвы. Ветви непонятных деревьев были покрыты пучками длинных, чуть ли не в локоть, игл. Сварог не удержался, потрогал — оказалось, не иглы, а узенькие жесткие листья, под нажимом пальцев издававшие сухой шорох, то-ненькое позвякивание, словно были сделаны из какого-то минерала. В свое время в одной далекой стране он видел деревце-бонсай, выращенное из каких-то кристаллов, — на ощупь было чертовски похоже. В отличие от ельника, здесь даже шум легкого ветерка в кронах был другой — сверху доносилось то же немелодичное позвякиванье-шуршанье. Но странный лес не проявлял поползновений его обидеть, так что Сварог немного успокоился душой. Шагал, высматривая дорогу, порой исчезавшую под скопищем толстых корявых корней, уже не менее получаса двигаясь среди незнакомых деревьев, а конца-краю им все не было. Он старательно отгонял подозрения, что мог сбиться с пути, что окружающее может м е н я т ь с я, став совсем другим, не тем, что он видел со скалы. А подозрения такие были...

Справа раздался то ли хохоток, то ли ворчанье. Мгновенно развернувшись в ту сторону, Сварог выхватил меч. Булькающие звуки повторились, еще больше напоминая глумливое хмыканье. Он смотрел во все глаза. Левой рукой нашарил в кармане шаур — и тут же отметил шевеление на поляне, среди редкого

невысокого кустарника, тоже совершенно незнакомого, немногого напоминавшего кривой камыш — только продолговатые шишки покрыты вертикальными густыми веерами листьев-игл.

Показалось сначала, что к нему ползет с полдюжины осьминогов. Присмотревшись, он понял, что имеет дело скорее с растениями, хоть и диковинными: то, что поначалу принял за щупальца, оказалось корнями, двигавшимися с ритмичностью механизма, а над ними, на короткой толстой ножке, бугрилась полукруглая шишкa, сверкающая двумя глазами-полумесяцами. Это были именно глаза, сиявшие волчьей желтизной. Поднимая шаур, Сварог подумал: где глаза, там и пасть...

Парочка странных созданий заходила слева, явно пытаясь отрезать его от дороги, а остальные целеустремленно перли гурьбой, и их проворство Сварогу очень не нравилось. Он прицелился и выстрелил.

Без толку. Явственно слышал деревянный звук удара, но серебряная звездочка наполовину торчала из ближайшей шишки, возле зла сверкающего глаза. Тварь, ничуть не смущившись такой встречей, приближалась к нему — значит, к нечисти не относится. А твердостью немногим уступает камню...

Говоря по секрету, он с превеликой охотой уклонился бы от боя, ограничясь эти создания парочкой угрожающих выпадов, как бывает у диких зверей, прогоняющих вторгшегося на их территорию чужака. Но они недвусмысленно пытались окружить, а шаур их не брал...

Переднее вдруг подобрало лапы, приподнялось на них... Что, прыгать будет? Сварог машинально заслонился мечом по всем правилам. И вовремя — тварь прыгнула, целя ему в грудь чем-то вроде трезубца, враз выросшего на макушке, словно лезвие выкидного ножа. Клинок встретил ее в полете — и отбил, как теннисный мяч. Ощущение было, будто он отразил мечом летящее полено. И все же рану нанес: на месте удара слабым, гнилушечным мерцанием засветился разрез, тварь издала короткий вопль — и тут же на Сварога кинулись все, мешая друг другу, с сухим стуком перепутываясь ногами, он увидел совсем близко злые желтые глаза, призрачно мерцающие трезубцы, почувствовал боль в ноге и боку, отчаянно завертел клинком, отмахиваясь, прыгая в стороны, сообразив, что проще отсекать им лапы-корни.

Отчаянно боролся за жизнь, вертясь волчком посреди вихря прыгавших ему на грудь проворных созданий, — кажется, их полку прибыло, трезубцы жалили тело, жесткие щупальца тянулись к горлу, взлетали, вертесь, отсеченные лапы, в воздухе повис незнакомый приторный аромат странных смол, за ноги цеплялись сразу несколько тварей, пытаясь вскарабкаться выше, оплести руки, повалить. Сварог уже потерял счет жающим уколам, лишь отмечал машинально, яростно рубя, что серьезных ран ему пока что не нанесли...

Вокруг него уже сплетался сплошной клубок корявых лап, шишкообразных голов, горящих глаз. Где-то в глубине сознания ослепительно полыхнула мысль: огонь!

Левая рука была оплетена лапами-корнями, как веревками. Он, задыхаясь от дурманящего запаха, окутавшего дождем невесомых капелек, прокричал заклинание — и ткнул возникшим на кончике пальца пламенем в переплетение голов и лап, почти заслонившее от него залитую лунным светом поляну.

Сверкнуло так, словно вокруг воздух был насыщен растертым в пыль порохом. Клубок распался ворохом огненных лоскутьев, снопами искр, твари пылали, как попавшие в пламя свечи пауки, катались по поляне, постепенно замирая. Лишь несколько, до того то ли державшиеся поодаль, то ли поздно прибывшие к месту схватки, улепетывали прочь. В горячке боя Сварог кинулся следом — нельзя было оставлять в тылу ученевших...

Они бежали недолго — остановились, все пятеро, сомкнулись, словно бы преграждая дорогу к небольшому уродливому бугру, похожему на полустгнивший пень, выстроившись перед ним полукольцом, угрожающе шипя, подпрыгивая. Для пробы Сварог попытался зайти справа, пробиться мимо них к этому странному пню, чересчур правильными очертаниями напоминавшему скорее крохотный домик неизвестной архитектуры. Ну так и есть — твари передвинулись по дуге, заграждая дорогу, не попятившись даже при виде огня. Нечто вроде пчелиной матки?! Тем более нужно прикончить...

Ах, как они дрались! Почище, чем вся немаленькая стая... Порой Сварогу казалось, что его запихнули в мешок к дюжине разъяренных кошек. И все же настал момент, когда он обнаружил, что рубить больше некого — они больше защищали пень, чем кидались на грудь, и Сварог поочередно разделялся со все-

ми, заработав еще уйму ссадин и порезов. И обрушил меч на загадочный пень.

Клинок неожиданно легко, почти не встретив сопротивления, рассек сверху донизу уродливый пенек, словно гнилую дыню. В воздухе повис протяжный звон, наружу, будто рой разбуженных шершней, рванулся фонтан желто-бурых огней, и Сварог отпрыгнул подальше, хрипло и шумно хватая ртом воздух.

Ничего жуткого не произошло. Остатки пня больше всего напоминали груду прогоревших угольев, кое-где еще багрово рдели головешки — это догорали твари, — а фонтан тусклых огней, поднявшись выше верхушек деревьев, повис над кронами плоским облаком и медленно растаял.

Сварог перевел дух. Вытер лоб рукавом каftана, зиявшим неисчислимymi прорехами, бормоча:

— Если это не победа, какого вам еще хрена...

Шумно выдохнул, помотал головой. Казалось, все тело покрыто саднящими порезами, но не видно ни крови, ни ран — твари царапали и жалили, словно сотня спятивших вилок, но мало-мальски ощутимыхувечий нанести не смогли. Выходит, здесь и впрямь можно порой выйти победителем из драки, легенды не врут...

Бросив в ножны меч, он присел под деревом и дрожащими пальцами сунул в рот сигарету, самую чуточку гордясь собой. И тут же вспомнил: ночь только началась. Если до самого рассвета ему навстречу будут высказывать зловещие сюрпризы, дело дрянь, уже сейчас чувствуешь себя выжатым лимоном, последние недели о тренировках и думать забыл, жил в пошлой праздности, чревоугодничая, листая книги, болтаясь по балам...

По спине прошла длинная судорога. Яд?! Что, если...

Сигарета выпала из пальцев. И Сварог, еще поднимаясь на ноги, понял, что с ним самим все обстоит нормально — ни корчей, ни судорог. Это бугристый ствол дерева содрогнулся, словно бы сократившись на миг, пройдясь по спине рядами чепаших панцирей-барельефов, оттолкнув...

Вышел на середину поляны, смятенно огляделся.

Лес о ж и в а л.

Вокруг величаво колыхались ветки, сталкиваясь, перекре-шиваясь, но отчего-то не издавая уже прежнего стеклянного трезвона; стволы в три обхвата качались, словно легкие трости-

ночки под ветром, могучий шелест доносился со всех сторон. Прямо перед Сварогом, заслонив от него звездное небо, проплыла длинная ветвь, колыша иглообразными листьями, плавно потянувшись к плечу...

Он отскочил, мгновенно и думать забыв о победе. Не вышло победы, ноги бы унести... Рядом звонко треснуло, разверзлась земля — это над ковром палых листьев, роняя рассыпчатые комья, поднимался дугой толстый корень, а повсюду на поляне, куда ни глянь, дергались другие, медленно сокращаясь, шумно высвобождаясь из земли. Звезды над головой, казалось, скачут в сумасшедшем танце — это качались кроны, заслоняя созвездия.

Сварог немного опамятивался — и кинулся бежать по дороге, петляя, как заяц, уворачиваясь от тянувшихся наперерез ветвей, с сонной словно бы медлительностью загораживавших путь. Лес был полон могучего шуршанья и шелеста, крепнущих, распространявшихся волнами, но Сварог, мчавшийся со всех ног, эти волны, похоже, опережал. Сообразив это, наддал, силы брались неведомо откуда, и каким-то чудом ухитрился ни разу не споткнуться — а деревья, мимо которых он проносился, стояли смирнехонько, как им и положено испокон веку, но сзади волной взбесившегося прилива накатывался шум ожидающей чащобы...

Он уже не выбирал направления, следя прихотливым изгибам дороги, надеясь, что она выведет из леса. Так и случилось. Деревья расступились, Сварог оказался посреди широкой долины — и еще долго бежал по ней, пока в ушах не стих шум оживающего леса. Посеребренная лунным светом равнина показалась райским местом: здесь царило полное безмолвие, и вокруг, насколько хватало взгляда, — ни малейшего шевеления, необитаемая тишина...

Облегченно вздохнув, он рухнул на спину и, раскинув руки, уставился в звездное небо — и долго лежал так, пока не ощутил, придя в себя и отдышавшись, сырую прохладу земли. Встал, осмотрелся.

Собственно, выбор был небогат — либо блуждать до утра, рискуя вновь и вновь наталкиваться на здешних обитателей, либо затаиться где-нибудь до рассвета. Вот только где? Там, впереди, вроде бы чернеет лес. Но если он окажется столь же странным, оживет? Очертить нательным крестом круг, произнеся старинное: «Бог в черте, черт за чертой»? А если на всю

з д е ш н ю ю нечисть не подействует? Кусты-осьминоги ничуть не испугались серебра, значит, к нечисти не относятся...

И все же не стоило рассиживаться посреди голого поля. Судя по темным пятнам над горизонтом, зиявшим посреди звездной россыпи, там то ли горы, то ли холмы — осмотреться, может, река и недалеко...

Подкрепившись как следует и выкурив пару сигарет, он со вздохом поднялся и не спеша направился в сторону далекого леса. Светло было — хоть газету читай, за Сварогом послушно скользила длинная черная тень, ныряя в ямки, изламываясь на бугорках.

Первый скелет он обнаружил шагов через сто — голый, не обремененный остатками одежды или оружием. Он не бродил по долине и не торчал на ногах, неведомо какими силами подпиравшийся, — смирнехонько лежал, щерясь в ночные небеса, как приличному скелету и положено. Сварог постоял над ним, пытаясь определить, что вызвало безвременную кончину — крепкие, молодые зубы наглядно доказывали, что покойный был в расцвете лет, — но так и не доискался. Все кости целы, не поломаны и не изгрызены, просто скелет, и все тут...

Пройдя еще немного, нашел второй — выглядевший точно так же. И чуть подальше — третий. Все это категорически не нравилось. Что-то же должно было их убить? Или — кто-то... Которая версия предпочтительнее в его положении? Он не знал. Прежнее деление на одушевленное и неодушевленное, сдается, не годилось — как и надлежит в месте вроде Хельстада...

...Потом он вышел к башне. Вернее, сначала заметил тень — узкий черный язык, протянувшийся ему навстречу по равнине, залитой чуточку нереальным лунным сиянием. Свернул, чтобы обойти слева эту тень, и вскоре разглядел сооружение в виде пирамиды с усеченной верхушкой, высотой уардов десять. По углам площадки, всем четырем, торчали какие-то непонятные, невысокие предметы, и в центре возвышалось что-то, напоминавшее то ли широкий крест, то ли язык пламени.

Птица, разглядел он, подойдя совсем близко. Высокая статуя распространенной крылья птицы. И те, по углам, — тоже птицы, но они сидят, плотно сложив крылья, и, похоже, другой породы, знать бы только, какой...

На площадку вела каменная лестница с высокими ступеньками, выглядевшая целехонькой, как и сложенная из продол-

говатых каменных блоков пирамида. Сварог в задумчивости постоял у подножия. Самым разумным было бы взобраться наверх и занять оборону — однако трудно оказалось бороться с дурацким убеждением, будто он пребывает в безопасности, лишь двигаясь без устали. Меж тем с точки зрения холодной логики лишь увеличиваешь число подстерегающих тебя опасностей, болтаясь по равнинам и лесам...

Конец колебаний настал, когда Сварог приметил в отдалении, у кромки леса, перемещение слабо светившихся пятен. Сработал инстинкт — он кошкой взлетел по высоким гладким ступеням, на самый верх, на площадку, окаймленную, как оказалось, невысоким парапетом, не доходившим ему и до колен.

Там было сухо и чисто, площадка выглядела монолитной — нигде не видно хода в глубь пирамиды, люка, проема. Шаги почти не слышны: под ногами, определенно, сплошная кладка без пустот. Пять изваяний, тонкий слой пыли под ногами — и все. Если это что-то вроде кумирни или храма, то в святилище царил довольно-таки аскетичный стиль. А может, в незапамятные времена отсюда унесли все, что можно было унести. Или это гробница, вот только зачем к ней пристроили лестницу? Ну, в конце концов, Мавзолей, с которого вожди принимают парад, мог оказаться вовсе не большевистским изобретением, и патент взят давным-давно под другими звездами...

«Археолог хренов», — одернул себя Сварог. Подошел к парапету и стал высматривать источник свечения. У опушки уже не было никаких огней, но он и не подумал спускаться — пирамида в одночасье показалась родной и обжитой, уходить отсюда уже не тянуло. Он был здесь один, это были его владения... Шагов по десять в длину и ширину, пусть и без крыши. Огромная каменная птица с выветрившейся поверхностью, больше всего походившая на орла — а может, и не орел, — враждебности не проявляла и оживать вроде бы не собиралась. Задрав голову, Сварог разглядывал мощный загнутый клюв и вырезанные с величайшим тщанием перья на груди. Птица была высотой в три человеческих роста, на крыльях виднелись какие-то знаки, не пробудившие в памяти никаких ассоциаций.

Что-то длинно скрежетнуло под каблуком. Нагнувшись, Сварог поднял квадратный кусочек металла с выщерблеными краями — с одной стороны половинка обломившейся дужки, на квадратике глубоко выгравирован какой-то знак, напоминающий не руны или Древесный алфавит, а скорее иероглиф

с обилием косых черточек, слегка смахивающих на шумерскую клинопись, спиралек и рогулек вроде тех, какими пользуются лозоходцы. Пожав плечами, Сварог бросил пыльную безделку в угол, к парапету, стал разглядывать окрестности.

Если только зрение его не обманывало и Хелльстад не обманывал миражами, далеко на горизонте, там, откуда он пришел (деликатно выражаясь), звезды то и дело пропадали, вновь появлялись, словно их заслоняла размеренно колыхавшаяся полоса. Похоже, оживший лес никак не мог успокоиться. Что-то такое на сей счет было у Шекспира, тамошний лес куда-то отправился семимильными шагами — вот только Сварог совершенно забыл, что это должно было предвещать. Какое-то предсказание определенно имелось. Когда Бирнамский лес пойдет на Дунсиан... И что? А, не стоит ломать голову. Вряд ли здесъ работают шекспировские каноны...

Ну вот, наконец. На полночи, далеко-далеко, по земле словно бы протянулся второй Млечный Путь — тускловато-зыбкий поток отражений звезд в неспешно текущей воде. Река. На расвете достаточно будет еще одного хорошего марш-броска...

У подножия башни послышался чистый высокий звук, похожий на звон гонга, поднялся до самых высоких нот и рассыпался переливами серебряных колокольчиков.

Сварог одним прыжком оказался у парапета. У нижней ступеньки в невысоком куполе бледно-золотистого света стояла обнаженная девушка, глядя ему в глаза, весело, доброжелательно улыбаясь.

Черные волосы спускались до пояса, глаза были зеленые, огромные, на смуглой коже сверкало алыми и зелеными самоцветами затейливое ожерелье из золотых треугольников с подвесками.

Он молча ждал, стоя в тени, отброшенной гигантской птицей. Девушка переступила с ноги на ногу, улыбнулась еще шире и спросила:

- Что ты там делаешь?
- Живу я тут, — сказал Сварог.
- Ты там собрался ночевать?
- Есть такая задумка, — ответил он кратко, сторожа каждое ее движение.

— Там холодно и неуютно. — Ее улыбка стала еще шире и обольстительнее. — Мы можем предложить тебе гостеприимство в наших шатрах, это наш старинный долг — заботиться

о попавших в беду путниках... Здесь много чудовищ и нечисти, а мы умеем от них защищаться...

— Кто ты? — спросил Сварог.

— Мы живем здесь испокон веков. — Голос был нежный, как краски на крыльях бабочки. — Переселились в эти края даже раньше, чем тут завелась нечисть. Мы самые древние, путник, и наши законы, принятые на заре времен, повелевают нам помогать всем попавшим в беду...

— А кто тебе сказал, что я в беде? — спросил Сварог не без интереса. Девочка была — с ума сойти.

Серебряным колокольчиком прозвучал нежный смех:

— Я видела, как ты бежал по равнине... Тебя преследуют, верно ведь? Они скоро будут здесь, и эти древние развалины тебя от них не спасут... Ты же видел скелеты? Так кончают те, кто оказался застигнут нечистью ночной порой... Спускайся, я отведу тебя в шатер, а утром ты пустишься в дорогу... Ты ведь к реке идешь?

— Допустим.

— К реке, — улыбаясь, промурлыкала девушка. — Я тебя провожу утром, дальше начинаются наши земли... Или я тебе не нравлюсь?

— Поднимайся сюда, — сказал Сварог.

Она покачала головой:

— Мы передвигаемся только по земле, так уж заведено... Мы не любим зданий, особенно таких, как это, пропитанное черным волшебством. Совсем скоро тебе придется плохо, ты и не представляешь, куда попал. Как только закатится Йагутта, — она грациозным жестом указала на сияющий серп Юпитера, — проснутся здешние духи... Спускайся ко мне, рыцарь. Неужели ты боишься пройти рука об руку с хрупкой девушкой?

Пора было и посмотреть, что представляет собой эта хрупкая девушка...

Он произнес заклинание. Ожидал, конечно, «ряд волшебных изменений милого лица» — но реальная сущность ночной гостьи оказалась такова, что Сварог испытал весьма сложные чувства. Ему пришло в голову: было бы даже лучше, окажись у подножия лестницы целиком и полностью отвратное чудовище...

В общем, красавица осталась почти такой же пленительной — лицико, прическа, ожерелье и фигура особых измене-

ний не претерпели. Вот только зрачки огромных зеленых глаз превратились в вертикальные щели вроде кошачьих или змейных.

Змейных, конечно... Чуть повыше колен ноги неуловимо переходили в толстое змейное туловище с крупными чешуями, покрытыми зигзагообразным черно-желтым узором, длиной уарда в три, оно плавными изгибами протянулось по земле в сторону от ступенек (словно стрелка компаса, отклоненная магнитным полем), и острый кончик, покрытый толстыми роговыми кольцами, в точности как у гремучки, ритмично и неустанно колыхался над травой, подобно стрелке метронома...

Должно быть, он чем-то выдал себя: лицо девушки-змеи (и в новом облике оставшееся обольстительно-наивным) вдруг напряженно застыло.

— Что с тобой, рыцарь?

— Да ничего особенного, — сказал Сварог. — Стою, смотрю... Что это у тебя там, сзади, болтается? На змейный хвост похоже...

— Ах, вот ты о чем... — Она моментально справилась с собой, смотрела с прежней улыбкой, ангел честности и доброты. — Я не хотела тебя пугать... Вы, люди извне, так быстро пугаетесь всего непонятного... Что во мне тебя страшит? То, что я на тебя не похожа? Что же здесь странного? Просто я другая... Это еще не означает, что от меня нужно ждать плохого, верно ведь?

— Убирайся, — сказал Сварог. — Сгинь, рассыпься... Иначе получишь серебром в лоб.

— Ты не рыцарь, — сказала она грустно. — А серебра я не боюсь... Хочешь убедиться? — Улыбка была чарующей, на Сварога ни одна женщина в жизни так не смотрела. — Я хочу тебя, рыцарь, хоть ты и груб... Спускаясь ко мне. Там, наверху, одиноко и холодно... Мои поцелуи горячат кровь... Если я тебе не нравлюсь, есть другие, еще красивее...

Осененный внезапной догадкой, Сварог отбежал к противоположной стороне парапета. Так и есть: вдоль стены медленно скользили еще четыре таких же создания. Две девушки, ничуть не уступавшие прелестью его собеседнице, мужчина с густой курчавой шевелюрой и растрепанная старуха с обвисшими грудями, но столь же роскошным ожерельем на шее. Увидев, что обнаружены, они ничуть и не смущились, похоже, девушки заулыбались, замахали руками:

— Спускайся к нам, рыцарь! Мы рады гостям и умеем любить! Не пугайся непонятного, разве оно непременно должно стать враждебным?

— Золотые слова, — проворчал Сварог под нос.

Вообще-то в этом была сермяжная правда. Возможно, змеевлюди — добрейшие создания с тысячелетними традициями щедрейшего гостеприимства. Непонятное и в самом деле не обязательно враждебное...

И все же на равнине валяются скелеты. А вокруг простирается Хелльстад. Не время и не место для доверчивости...

Вернувшись к лестнице, он глянул вниз. Девушка стояла на том же месте, увидев Сварога, медленно подняла над головой тонкие руки, грациозно выворачивая кисти, прошлась в танце — даже теперь, когда он видел, что это танцует на хвосте змея, танец завораживал...

Завораживал?! Вот именно!

Отступив к изваянию птицы, он сел на прохладный камень, опустил голову, зажал ладонями уши, но все равно явственно различал неизвестно откуда льющуюся нежнейшую мелодию, прекрасную, как радуга, и девичьи голоса, проникавшие, казалось, под череп:

Во сне и наяву, едва глаза прикрою,
пульсируют, звучат два сердца, два птенца.
Со мной ты танцевал над солнечной страною —
и все-таки, увы, не разглядел лица...
Слепил полярный день истомою полночной,
сверкая, таял снег, и музыка лилась.
Во сне и наяву мы танцевали молча,
сначала в первый раз, потом в последний раз...

Он боялся чего-то страшного, ждал, что ноги сами шагнут к лестнице, — но довольно быстро понял, что гипнотического влияния песня на него не оказывает, хотя, несомненно, должна, не зря же так стараются, взлетая до немыслимых пределов нежности и печали, голоса девушек-змей...

Покуда два птенца, крича, рвались друг к другу,
мы, нежно обнявшись, кружились над землей,
со мной ты танцевал под солнечную выногу,
во сне и наяву она была со мной.

Покуда длился танец, покуда мы молчали,
покуда длился день, и ночь, и явь, и сон,
два выросших птенца с окрепшими крылами
рванулись в вышину, под синий небосклон...

Они не могут подняться, облегченно вздохнул Сварог, привалившись спиной к постаменту. Как знать, возможно, все дело в птице — он смутно помнил, что в древней мифологии чертовски много места отводилось битве змеи и птицы, и в здешней тоже, змея и птица — постоянные противники...

И сам не заметил, как стали слипаться глаза.

...Проснулся он от зябкого холода, ошелошло вскочил на ноги, подброшенный памятью о последнем растаявшем кошмаре из сна, — и вспомнил сразу, где он, кто он, что с ним.

Прямо над головой виднелся клочок нежно-голубого утреннего неба. Прямо над головой. А вокруг, словно стены колодца, вздымались зелено-желтоватые кроны, куда ни глянь — ломанные линии толстых веток, покрытых пучками похожих на иглы листвьев...

Он стоял у подножия каменной птицы с распростертыми крыльями. Другие, все четыре, сидели по углам площадки, плотно прижав крылья к телу. Башня ничуть не изменилась — но вокруг был тот самый лес. Либо башня переместилась неведомым образом, либо лес в полном соответствии с Шекспиром сдвинулся с места и ночью замкнул кольцо...

Хорошо еще, никаких змеев людей не видно. Сварог топал ногами, махал руками и ежился, пока не вспомнил про заклинания. Одну за другой торопливо осушил три чашки горячего кофе — хорошо все-таки быть магом, пусть и недоучкой, и в приступе нерассуждающей решимости спустился с башни. Дневной свет подействовал на него, как хлыст. Над деревьями сияла ало-золотая полоса восхода, сориентировавшись по ней, Сварог быстрыми шагами направился в ту сторону, где вчера видел реку.

То и дело приходилось переступать через толстые корни, змеившиеся прямо по земле, — да, лес, никаких сомнений, умел ходить не хуже его самого...

Недосмотрел, споткнулся, и тут же, словно это послужило сигналом, лес стал оживать. Кроны зашевелились, ветки плавно опускались к земле, словно бы ища Сварога на ощупь, но он, плюнув на графское достоинство, припустил, как заяц, уклоня-

ясь от шаряющих ветвей, насколько удавалось. Несколько раз налетал лицом на пучки листьев, выставив перед лицом согнутую в локте руку, несся зигзагами, а в кронах уже слышался ропот и шум, вроде бы даже членораздельный — нет, на эти штучки нас не поймаешь, подите вы все с поющими змеедевами и говорящими деревьями...

Опомнился, выскочив из леса на равнину, обеими руками отряхнул волосы от запутавшихся листьев. Увидел еще один скелет и почти равнодушно прошел мимо — впереди, среди окаймлявших долину откосов, виднелся широкий проход, вполне подходящий для человека, но узкий для живого дерева с раскидистой кроной...

Оглянулся. Сзади шумело и шелестело, над равниной пронесся странный звук, напоминавший длинный призывный крик, крайние деревья, кажется, сдвинулись с места — но Сварог уже нырнул в проход, почти бегом пустился среди голых граненых скал. Нет, деревья сюда не пролезут. Зато могут выйти навстречу местные обитатели, а деваться-то и некуда, по скалам не вскарабкаешься...

— Ну вот, — грустно-философски констатировал он, выхватывая меч. Опомнился, перебросил его в левую руку, достал шаур, держа палец над самым спуском. Похоже, это и называется — упомяни о черте...

В узком скальном проходе шириной уарда в два, загораживая ему дорогу, лежал лохматый черный пес.

— Вот и свиделись, — громко, прогоняя испуг, сказал Сварог, прислонился спиной к скале, чтобы сзади не зашел ни один неожиданный сюрприз, стал ждать.

При звуке его голоса пес торопливо поднял лобастую голову, завертел ею вправо-влево, словно бы прислушиваясь. Глаза у него оставались закрытыми. Потом он рухнул на бок, открыв голый розовый живот, засучил лапами и жалобно захныкал. Попытался неуклюже встать, упал на землю и заскулил громче.

Сварог перепробовал все известные ему заклинания, но никаких изменений не произошло. То, что он видел перед собой, было истинным обликом неизвестного зверя, который, несмотря на размеры взрослой овчарки, всеми своими повадками и видом чрезвычайно напоминал оставленного матерью без присмотра щенка. Судя по нераскрывшимся глазам — не старше двух недель. Но какова же тогда мамаша?

Сварог выжидал. Непонятного возраста зверь хныкал все жалобнее и громче, упрямо подползая все ближе. Если это и в самом деле щенок, мамаша соответствующего роста, вернувшись, закатит такой концерт посягающему на чадо...

Потом он решился. Осторожно обошел зверя, чутко прислушиваясь. За поворотом проход расширялся, выводя в ущелье. Сварог остановился, огляделся, присвистнул. Скулеж за его спиной приближался — щенок полз за ним, теперь Сварог не сомневался, что это и в самом деле щенок, а мать за ним уже не вернется.

От нее почти ничего и не осталось — клочья черной шерсти в кровавых лужах, оторванное ухо размером с газетный лист. Должно быть, она затащила малыша в проход, слишком узкий для напавшего на нее противника, вернулась в ущелье и приняла бой. Либо ее враг не уступал ей силой и размерами, либо врагов была целая стая. Оба варианта не сулили Сварогу ничего приятного. Кровь еще не успела свернуться окончательно — те, кто это сделал, могут отираться неподалеку...

Вернувшись к щенку, Сварог присел на корточки. Веки наконец-то разомкнулись, на Сварога таращились совершенно бессмысленные, мутно-фиолетовые глазищи. Мокрый нос требовательно тыкался в ладони. Щенок уже не хныкал — надрывно орал. Просил есть. То, что перед ним не мать, его ничуть не заботило. Он еще не знал, что таких, как Сварог, здесь не должно быть. И сырое мясо, извлекаемое Сварогом из воздуха, глотал, не жуя, пока не налопался. Затих, завалился на бок и стал неумело ловить ногу Сварога лапищами с полупрозрачными, налитыми розовым когтями.

— Навязался на мою голову, — сказал Сварог озадаченно.

Оставить здесь нельзя — сожрут в два счета.

— Меня самого того и гляди сожрут, — сказал Сварог. — Если не хуже. Но для тебя это слабый аргумент. И для меня это слабый аргумент. — Он говорил громко, чтобы не так тоскливо было посреди бурых скал: — Все дело в том, что наши собаки подрывались на минах, мы их туда привезли и заставили искать мины, так что благодаря, сопляк, этих собак, которые еще не родились, потому что мы перед ними чертовски виноваты, может, даже больше, чем перед людьми...

Он долго возился, пока оторвал от кафтана две узких длинных полоски золототканой тесьмы. Одну обмотал вокруг шеи щенка вместо ошейника, другую привязал к ней вместо повод-

ка. Впервые в жизни воспользовался заклинанием, лишавшим предметы веса. Правда, это годилось только для мелких предметов, а щенок весил немало, и оттого Сварог почувствовал себя так, словно затащил пятипудовый мешок на пятый этаж — оказывается, у заклинаний были и побочные эффекты... Отдохнув немного, зашагал вперед. Щенок плыл в воздухе, но не похоже, чтобы он от этого испытывал какие-то неудобства.

Короткое мощное шипенье пригвоздило Сварога к земле на открытом месте. Он остановился, завертел головой, высматривая источник звука. Мельнула дикая мысль — паровоз. Именно на паровоз это больше всего походило, а если искать другое объяснение, заранее жутко делается...

Он так и стоял, когда справа, не так уж далеко от него, поднялась над каменной осыпью черно-зеленая змеиная голова величиной с троллейбус.

Уму непостижимо, сколько успевает человек сделать за считанные секунды. Сварог совершенно не помнил, как он оказался за отдаленным валуном, когда лег, намотав на кулак тесьму, держа щенка у земли.

Змея поводила головой, медленно вытягивая тело на осыпь. Шуршали, похрустывали, скрежетали камни под грязнобелым брюхом. Сварог, не сдержавшись, пощупал ладонью штаны меж ног. Сухо. Но он не удивился и не застыдился бы ничуть, окажись там мокро.

К нечистой силе, мгновенно определил он, змея не имела никакого отношения. И меч, и шаур для нее немногим опаснее булавок, очень уж громадная. Самое подходящее в такой ситуации — мужественно застрелиться... Попробовать отпугнуть ее слабеньkim огнем, годным только на то, чтобы прикуривать?

Щенок недоумевающе заскулил. Ему очень понравилось плавать по воздуху, и он сердился, что забава кончилась.

— Молчать... — умоляющее прошептал Сварог.

Змеи не слышат. У них нет ушей. Но относится ли это к черно-зеленому чудищу, длинному, как предвыборные обещания?

Голова размером с троллейбус раскачивалась вправо-влево уардах в пятнадцати над землей. Черный раздвоенный язык скользкой лентой выскочил из пасти, затрепетал в воздухе, втянулся назад. Глаза, словно прожекторы, вдруг испустили два конуса бледно-зеленого света, ощупывавших землю и скалы. И Сварог со страхом увидел, как оставленные им, едва види-

мые следы наливаются угольно-черным, попав в это свечение, и проявляется вся их цепочка, ведущая за валун.

Змея оживилась, теперь все ее тело вытянулось на открытое место. Слепой ужас понемногу овладевал Сварогом, еще миг, и он сделает что-то непоправимое, окончательно потеряет себя, побежит в панике, ничего вокруг не видя и не слыша, и это будет конец.

Холодный мокрый нос ткнулся ему в ухо, скользнул по щеке, и он очнулся. Он был графом Гэйром, и он знал змейный язык. Вспомнив это, он выпрямился во весь рост, прижимая сапогом к земле импровизированный поводок, рявкнул:

— Что тебе нужно, тварь?

Риск был немалый. Знание языка ничегошеньки не гарантировало. Даже люди, цари природы, разговаривавшие на одном языке, веками лупили друг друга по головам мечами и прикладами. Но другого выхода он не видел. Заболтать и поискать уязвимое место...

Бледно-розовое сияние метнулось к нему, залило с ног до головы, вызвав странное покалывание в висках. Он ждал с колотящимся сердцем. Змея не шевелилась, и это прибавляло надежды. Наконец, после показавшихся веками минут, где-то под черепом у него зазвучал невыразительный, глухой голос, в котором, однако, явственно различалось удивление:

— Ты говоришь на языке глорхов. Ты не похож на глорха. Как это может быть?

Похоже, особым интеллектом змеюка не блистала.

— Просто я так со стороны выгляжу, — сказал Сварог. — А на самом деле я побольше тебя буду.

Змея неуверенно сказала:

— Я всех ем. Я самый большой. Я самый сильный.

— Я тебя сам съем, — сказал Сварог. — Я сам гад ползучий. Огнем сожгу, если рассержусь. Видишь?

И он заставил вспыхнуть самый большой огонь, на какой был способен — язык пламени величиной с ладонь. В висках мучительно заныло от перенапряжения. Он помнил, что у змеи есть какие-то органы, которыми они с изощреннейшей чуткостью видят тепло.

И эта не была исключением — она резко отдернула голову, жутко зашипела, припала к земле. И сказала:

— Никто не умеет делать огонь. Только люди Повелителя. Ты из его людей?

У Сварога был большой соблазн объявить себя правой рукой неведомого Повелителя. Но он побоялся запутаться. И сказал:

— Я не из его людей, но я тоже умею делать огонь. И если не отвяжешься — сделаю очень большой огонь, и он тебя сожжет.

Змея не шевелилась, сбитая с толку. Наверняка такого с ней еще не случалось — чтобы кто-то, не принадлежавший к ее породе, да еще такой маленький, говорил с ней на ее языке. Вполне возможно, со зверем поумнее такой номер не прошел бы, но чудище оказалось слишком тупым, чтобы уметь сомневаться и ловить на противоречиях.

— Слышала? — Сварог не давал ей времени опомниться и подумать. — Я сам огнедышащий змей, огненный гад.

Со змеей происходило что-то странное: Сварог мог бы поклясться, что она пытается вжаться в камни.

— Значит, ты пришел из моря?

Сварог рискнул:

— Конечно. Едва обсохнуть успел.

— Значит, ты слуга Ужасного?

— Считай, я его друг, — сказал Сварог. — Самый близкий.

Змея вдруг затараторила:

— Господин друг Ужасного, огненный гад, позволь мне уйти. Я не хотел тебя есть. Совсем не хотел. Ты пошумил, прикинулся этим двуногим, маленьким. Я сразу догадался. Позволь мне уйти.

— Убирайся, — сказал Сварог.

Заскрежетало, полетели камни — со всей скоростью, на какую она была способна, змея развернулась на месте, извиваясь, заструилась прочь, моментально скрывшись с глаз, только острый кончик хвоста мелькнул. Удалявшийся хруст щебенки возвестил, что она не хитрит, а искренне торопится прочь. Будь у нее ноги, она неслась бы со всех ног.

Сварог опустился на землю, опершись спиной о скалу, его била дрожь. Он выстрелил с завязанными глазами и угодил в десятку. Что за ужас обитает в океане, если он способен внушать панический страх таким вот монстрам?

— На этот раз мы выкрутились, малыш, — сказал он, борясь с приступом идиотского хохота. — На этот раз. Но дорога у нас длинная...

Он поднялся, зажал в кулаке тесемку и быстро зашагал вперед. Самые безопасные места в Хельльстаде — берега реки. Нечисть предпочитает держаться подальше от текущей воды. Правда, судя по первым впечатлениям, здесь хватает и вполне плотских страхов...

Увы, у него не было ни лодки, ни корабля, и не из чего смастерить плот. Возможно, и существовали заклятия на сей счет, но они покоились где-то в архивах — ну зачем лару бревна или лодки?

Сварог стоял на каменистом берегу, у его ног тихо поплескивали невысокие зеленоватые волны, а на противоположном берегу, далеком, подернутом дымкой, виднелись те же скалы. Стояла первозданная тишина, предстояли долгие дни пути, а у дней были ночи — время нечисти.

— Если мы отсюда выберемся, малыш, мы будем героями, — сказал Сварог.

Он безрадостно смотрел на широкую спокойную реку — и вздрогнул, протер глаза.

Нет, никаких сомнений — по течению плыл трехмачтовый корабль. На мачтах поднято только по одному парусу, самому верхнему — Сварог не знал, как они называются, — и парус на бушприте, под которым красовалась золоченая конская голова. Корабль был большой, океанский, с двойным рядом распахнутых пушечных портов.

Над водой вдруг пронесся тягучий, раскатистый грохот — и далеко за кормой корабля взмыл белопенный столб. Почти сразу же грохот повторился, и снова, и снова, поднятые взрывами водяные конусы, казалось, протянулись по ниточке, словно шеренга солдат на смотру. От неожиданности Сварог выпустил тесьму, легкий ветерок понес щенка над рекой. Сварог, опомнившись, забежал в воду по колени, поймал конец, сгоряча выкрикнул заклинание. Вмиг отяжелевший щенок рухнул ему на грудь, сшиб в воду и негодующе завопил. Промокший насквозь Сварог выволок его на берег, пробормотал:

— Полежи пока...

И заорал так, что его, должно быть, слышали на том берегу, побежал следом, вопя, как сто Робинзонов, размахивая руками. Благонамеренных людей, законопослушных бурггеров никак не могло занести в Хельльстад, но выбирать не приходилось. Пираты, авантюристы, контрабандисты, жаждущие подвигов

и приключений, бесшабашные оборванные рыцари Вольных Майоров — все лучше, чем здешние чудовища.

Он заорал еще громче, но уже от радости — его явно заметили. На фоне путаницы снастей промелькнули быстро карабкающиеся снизу вверх фигурки, захлопотали, свертывая паруса, до берега донесся грохот якорной цепи. Вскоре от борта отвалила большая шлюпка и взяла курс прямо на Сварога.

Сварог ждал, весь подобравшись. Щенок, оставшийся у воды уardaх в ста от него, вопил, как резаный. Шлюпка остановилась недалеко от берега, хрустнула днищем по песку мелководья, тот, что сидел на носу, небрежно и умело навел на Сварога арбалет. Стрела была с серебряным наконечником — вполне понятная и уместная здесь предосторожность. Судя по физиономиям, самой разнообразной одежде вместо морской формы и богатому ассортименту навешанного на каждого оружия, народ был видавший виды и напрочь лишенный сентиментальности. Тот, что с арбалетом, выглядел чуточку интеллигентнее, но и он не казался чужим в компании — этакий бакалавр неизвестных наук, в силу сложности жизни и непредсказуемости ее течения давно и бесповоротно прибившийся к пиратской вольнице. Залысины открывают высокий лоб, на плечи падают пряди седеющих темных волос. Этот человек и нарушил напряженную тишину:

— Ну, и что вы нам интересного скажете?

Кто-то жизнерадостно заржал, но тут же утих.

— Мне бы убраться отсюда, — сказал Сварог. — Тут неуютно.

На этот раз заржали все, кроме человека с арбалетом, принялись толкать друг друга локтями, орать наперебой: «Нет, слышал? Неуютно тут!» и вновь заливаться хохотом. Тут во всю мочь взвыл щенок, обиженный отсутствием внимания, и гогот сразу стих.

— Добыл-таки! — громко удивился кто-то, и на Сварога стали посматривать с уважением. Человек с арбалетом опустил оружие, что-то решая про себя. Наконец сказал:

— Забирайте собаку и лезьте в лодку. Живо!

Сварог опрометью кинулся за щенком. В шлюпку его пришлось тащить на плечах — Сварог не хотел показывать свои способности, открываться. Пока что все козыри у них на руках, так что не мешает и ему утаить парочку в рукаве...

Он сидел на корме и смотрел, как приближается светлокоричневый с синими полосами борт корабля, начищенные медные буквы на носу: «Божий любимчик». Флаг на корме — красно-зеленый с тремя золотыми стрелами штандарт княжества Ортог, одного из Вольных Майоров, даже если и подкреплен был должностными документами, означал примерно то же самое, что во времена Сварога панамский и либерийский. Из-за отсутствия других источников дохода имевшее доступ к морю княжество торговало своим флагом, выдавая патенты порта приписки без особо придирчивых расспросов, за что неоднократно ограблено резкие дипломатические ноты. Но в таком положении дел были заинтересованы и судовладельцы крупных держав, обделывавшие под удобным флагом дурно пахнущие делишки, так что дело всегда как-то улаживалось. Возможно, пираты. Или пираты не каждый день, совмещавшие это занятие с купеческими делами (здесь, как когда-то на Земле, такое совместительство кое-где процветало и считалось самым житейским делом). Как бы там ни было, и тем, и другим вроде бы незачем забираться в Хелльстад. Странно. Одно ясно — с нечистой силой они не имеют ничего общего, спасибо и на том...

Не такая уж это была вольница — подняв на талях шлюпку, гребцы дисциплинированно улетучились куда-то, остался только человек с арбалетом. Сварог украдкой огляделся — палуба была чистая, недавно надраенная. Свистела боцманская дудка, хлопали распускаемые паруса. Сварог уложил щенка у борта и вопросительно взглянул на человека с арбалетом. Тот мотнул головой в сторону:

— Капитан. Боцман.

К нему приближался здоровенный краснолицый мужик, чисто выбритый, с роскошными бакенбардами. В левом ухе у него сверкала целой пригоршней разноцветных каменьев замысловатая серьга, больше похожая на головоломку, расшифрованный золотом вишневый бархатный каftан, надетый на голое тело, являл зрителю мощную волосатую грудь, на коей красной тушью наколота русалка в объятиях осьминога — тремя щупальцами морской житель лапал деву, а в остальных держал бутылки и штопор. Пониже, только на сей раз синим и зеленым, была изображена еще одна бытовая сцена из морской жизни — на краю огромной бочки, свесив в нее ноги, восседал моряк, имевший некоторое сходство с капитаном, а плававшая

в бочке русалка ублажала его, как выражаются дипломированные сексологи, орогенитальным способом.

За капитаном, отступив на шаг, возвышался над ним головы на две боцман — в кожаных штанах, обнаженный по пояс, не то чтобы страшно мускулистый, но ужасно жилистый. Голова выбрита наголо, а свисающие на грудь усы тщательно перевиты золототканой ленточкой. На шее висели серебряная боцманская дудка и тонкой работы золотое ожерелье с изумрудами, явно украшавшее прежде какую-то знатную даму. На широком кожаном поясе богатая коллекция разно-образного оружия — словно ходячая реклама оружейной лавки. Вот только татуировка у него на груди оказалась скромнее — синий рыбий скелет, державший во рту кортик.

Словом, это была прямо-таки опереточная парочка — пока не рассмотришь хорошенъко их дубленые лица и не заглянешь в глаза. Сварог попытался угадать, откуда они. Капитан, темноволосый и синеглазый, вполне мог оказаться гланцем, ронерцем с юга, а то и горротцем. Происхождение лысого, как Фантомас, боцмана, определить было невозможно — глаза светло-серые, холодные, но это еще ни о чем не говорит. Обоим лет по сорок и, что немаловажно, ни у капитана, ни у боцмана не видно ни шрамов, ни следов от пулевых ран. Плаивают они явно не первый год. Добраться до своих нынешних постов в этом далеко не самом спокойном ремесле и не заполучить ни единого шрама — значит, оба моряка были крайне ловкими в обращении с оружием и к тому же людьми незаурядными во многих других отношениях. И чертовски везучими, конечно.

Капитан всмотрелся в него и удивленно вытаращил глаза:

— Ты откуда здесь взялся?

Человек с арбалетом быстро зашептал ему на ухо. Боцман подобрался, глядел на Сварога так, словно прикидывал, что из своего богатого арсенала следует использовать в первую очередь.

— Ничего не понимаю, — сказал капитан. — Это его цвета. Его герб на мече. Даже физиономия его. — Он присмотрелся. — Вот только шрама нет, и вообще он другой какой-то, то ли помоложе, то ли благополучнее...

Сварогу захотелось выругаться от отчаяния. Положительно, здесь нельзя было шагу ступить, чтобы не наткнуться на людей, з纳вших его предшественника...

— Ну, незнакомец! — рявкнул капитан. — Язык проглотили? Какого рожна вам здесь нужно?

— Единственное, что мне нужно, — выбраться из Хелльстада, — сказал Сварог. — Быть может, мы обговорим, на каких условиях вы согласились бы взять меня пассажиром?

Моряки переглянулись.

— В мешок — и за борт, — сказал боцман. — Его милость намеревается смыться из Хелльстада, и его, как по заказу, выносит на берег именно там, где проплывает «Божий любимчик». А подделка, между прочим, довольно бездарная. Граф Гэйр никогда не стал бы спускаться на землю в одежде своих цветов.

— Между прочим, он и не пытался выдать себя за графа Гэйра, — сказал человек с арбалетом. — Он себя пока что никак не называл. Самозванец непременно бросился бы мне на шею и стал укорять, что я не узнаю старых друзей. А он смотрел на меня, как на чужого.

— Вообще-то я тоже мог бы поклясться, что на нас с Блаем он таращился, как на случайных соседей за трактирным столом, — сказал капитан. — Блай, если бы нам хотели подсунуть подделку, работали бы тоньше. Наконец, это несомненный лар — уж я-то вижу... Ну, незнакомец, что мы решим? «Божий любимчик» пассажиров не возит, а если уж и берет, то тех, в ком ничуть не сомневается. А вы — ходячая загадка. Вы не бойтесь, Блай шутит. В мешке мы вас за борт выкидывать не будем, не палачи же, в самом-то деле. Бережно отвезем на берег и отпустим на все восемь сторон света, шагайте, куда вам больше нравится. Скажете, это все равно будет убийство? Наверняка. Но мы в Хелльстаде, а не в веселых кварталах Дарга. Я отвечаю за свой корабль и экипаж, вплоть до корабельного кота, еще и оттого, что корабль мой собственный. И не могу взять на борт подозрительную личность, к тому же двойника человека, о котором у меня остались самые хорошие воспоминания.

— Вы никогда не слышали такую пословицу: «Не спрашивай, и мне не придется врать»? — спросил Сварог.

— Не слышал, а жаль. Пословица, признаться, неплоха. Но мне больше нравится другая — «Только от мертвых не бывает неожиданностей». — Он подошел поближе. — Незнакомец, мы живем в суровое время и на суровой планете. Будь у меня сердце из чистого золота пробы балонгского Провизориума, я все равно не годился бы на роль благородного дурака из ры-

царского романа. Я человек недоверчивый. Благодаря чему и дожил до своих лет, стою на мостице моего красавца, а не гнию где-нибудь в серой гостинице, и не в моем черепе морские рыбки мечут икру... Короче, иногда я беру пассажиров. Но плата за проезд у меня особая — полная откровенность. И я не собираюсь ради вас менять устоявшиеся привычки. Более того, ваше поразительное сходство с известной особой заставляет заломить двойную плату. Будете платить или прикажете подать шлюпку?

— Боюсь, у меня нет выбора, — сказал Сварог.

— Это означает, что Блаю нет нужды распоряжаться насчет шлюпки?

— Я восхищен вашей проницательностью, — сказал Сварог.

Щенок, о котором как-то забыли, взвыл. Они обернулись туда, и Сварог увидел удивительную вещь — щенок поднял голову и, должно быть унюхав своего спасителя, вдруг затрясся, весь подался вперед, превратился в зыбкую полуопрозрачную тень, растянувшуюся от борта до того места, где стояли люди, и через миг как ни в чем не бывало лежал у ног Сварога, тычась мордой в его сапог.

Сварог шумно выдохнул воздух. Похоже, только он один был поражен увиденным.

— Силы небесные! — сказал боцман Блай. — Да он, сдается мне, и в самом деле не знал, что это за зверушка!

— Что это? — спросил Сварог растерянно.

— Гарм, хельстадский пес, — сказал человек с арбалетом. — Мечта многих. Зверь, обладающий властью над пространством. Всю жизнь будет верен тому, кто окажется рядом, когда щенок впервые откроет глаза. Но чтобы оказаться первым, кого увидел щенок, нужно сначала разделаться с мамашей. А это задача не из легких, даже учитывая, что на время кормления щенка она многие свои качества теряет... Как вам удалось?

— Если честно, я его просто нашел, — сказал Сварог. — Мать погибла.

— Ладно, — сказал капитан. — Охотничьи рассказы оставим на десерт. Меня зовут капитан Зо. Это, как вы успели услышать, — боцман Блай. Это — штурман Борн. А как зовут вас, незнакомец, и все остальное вы нам сейчас расскажете подробно и обстоятельно. Давайте спустимся в каюту. Я распоряжусь, чтобы зверю дали жратву.

Они спустились в капитанскую каюту на корме. Сварог откровенно осматривался. В каюте царил образцовый порядок, изящная прочная мебель явно изготовлена не корабельным плотником, одна стена занята книжной полкой, вторая увешана оружием, а на третьей, над постелью...

В стену накрепко заделаны пять позолоченных крюков, и на четырех — человеческие головы, каким-то чудом выглядевшие совершенно живыми. Казалось, вот-вот откроют рот, шевельнут губами, переведут взгляд... Очаровательная синеглазая женщина с копной золотистых волос, свисавших едва ли не до покрывавшего постель яркого ковра. Смуглолицый мужчина, черноволосый, чернобородый, с рубиновой серьгой в ухе. Длиннолицый старик. Тонкогубый мужчина средних лет с тщательно прилизанными волосами и желчным лицом канцелярской крысы в высоких чинах. Все лица выглядели спокойными, только в глазах у женщины словно бы навеки застыло удивление.

— Любуетесь? — спросил капитан Зо. — Что поделать, есть у меня маленькая слабость, одна-единственная — люблю перед сном выкурить трубочку-другую и распить бутылочку-другую, глядя на эти милые лица и вспоминая, сколь многое меня с ними связывало, как бурно протекали наши встречи и как мы жаждали этих встреч...

— Но она... — показал Сварог на золотоволосую.

— А вот она-то, незнакомец, была самой опасной из всех — прелестница, сука такая, при том, что остальные отнюдь не являли собой образец благонравия, добра и чистоты... Видите пустой крюк? Есть еще одна голова, пока что крепко сидящая на плечах. Это будет жемчужина коллекции, если только удастся ее обрести. Не смотрите на меня так. Любой из этой милой четверки проделал бы со мной то же самое, и моя кончина была бы не в пример мучительнее. Мне повезло больше, вот и все. Игра была честная.

Сварог вспомнил про черепа в собственном подвале. Что ж, в каждом монастыре свои уставы... Он подошел к высокому кормовому окну — настоящему окну с резными рамами — и смотрел, как пенится за кормой кильватерный след и зеленоватые волны убегают к берегам. За его спиной позвякивала на столе расставляемая посуда.

— Ну, садитесь, — сказал капитан Зо. — Хлебните рому и начинайте исповедь.

Он так и не встал со своего кресла, пока Сварог говорил, а длилось это долго, — сидел и слушал, ни разу не вмешавшись и не перебив. Боцман Блай переживал все гораздо непосредственнее — крякал, ухал, стучал кулаком по столу, испускал то недоверчивые, то изумленные возгласы. Штурман Борн часто задавал вопросы — и когда речь шла о ключевых моментах, и когда дело касалось малозначащих подробностей.

— Вот... — сказал Сварог. — Больше вроде бы и нечего добавить, хоть режьте...

— Мне тоже так кажется, — сказал капитан Зо. — А вам, друзья?

— Лихо закручено, — покрутил головой Блай. — Лучшее, что я в жизни слышал.

— А главное, во всем этом есть одна чрезвычайно важная деталь, — задумчиво сказал штурман Борн. — Эта история, будь она вымышлена, не могла бы принести нашему герою ровным счетом никакой выгоды — одни хлопоты. Даже если бы мне пришлось гадать, врет он или нет, я бы сказал то же самое. Но гадать нет нужды, я и так знаю, что он говорит чистую правду. Увы...

— Почему — увы? — спросил Сварог.

— Потому что ваше появление причинит нам одни лишние хлопоты. А у нас, поверьте, хватает и своих. Взять на борт человека, против которого что-то замышляют подручные Великого Мастера...

— Надеюсь, вы меня все же не высадите? — натянуто улыбнулся Сварог. — По-моему, я заплатил, сколько с меня запросили...

— Никто вас не высадит, — заверил его капитан Зо.

— Потому что неизвестно еще, кому из нас следует больше жаловаться на судьбу, — усмехнулся Борн как-то грустно. — Нам на то, что мы вас подобрали, или вам — что попали к нам...

— Мы тоже не в дружбе с Великим Мастером, вот что, — сказал боцман Блай.

— Но я-то с ним вроде бы нессорился... — пожал плечами Сварог.

— Быть может, вы бросаете ему вызов самим своим появлением, — тихо сказал Борн. — Мне только что пришло в голову... Вы вполне можете оказаться тем, кого одни пророчества именуют Серым Рыцарем, а другие — Серым Ферзем. Конеч-

но, ошибки бывали и раньше, за Серого Ферзя принимали не тех, что им принесло крупные неприятности, но все же...

— О чём вы?

— Как-нибудь на досуге почитайте старинные книги. Там немало любопытного, а начав толковать пророчества самостоительно, натыкаешься на еще более любопытные вещи...

— Ладно, — сказал капитан Зо. — Потом дадите ему книги и пусть читает, коли охота. Я сам люблю ученые материи, господа, но высокомудрые книги читаю только на отдыхе, когда впереди нет никаких дел, позади не видно погони... Сейчас у меня одна задача — успешно закончить экспедицию... которую следовало бы именовать эскападой. В связи с чем хочу сказать нашему пассажиру несколько слов. Граф Гэйр, нам предстоит выполнить определенную работу. Перед нами — крайне рискованное предприятие, в случае успеха коего Великий Мастер весьма на нас осерчает. Но мы уже столько раз давали ему повод гневаться на нас, так что не стоит особенно ужасаться и жалеть нас, бедняжек. Как-никак все еще живы... Граф Гэйр, хотите сделку? Вы отправитесь с нами и примете самое деятельное участие. А мы за это облегчим вам возвращение туда. — Он указал большим пальцем в потолок. — Поверьте, я вас вовсе не шантажирую. Дело в том, что, когда мы причалим в определенном месте в Пограничье, я с частью людей продолжу путешествие по суше, а «Божий любимчик» останется на якоре. Вы, разумеется, можете в том же самом месте рас прощаться с нами и в одиночку пробираться к ближайшему наместнику, никто вас удерживать не станет. Пограничье — не Хелльстад. И все же при таком раскладе вы останетесь один, без денег, без коня. Мы — не исчадия зла, но из-за вас не станем откладывать свое дело и разбиваться в лепешку, чтобы помочь вам побыстрее вернуться в замок.

— Понимаю, — сказал Сварог.

— Рад, что понимаете. Должен честно предупредить — поездка нам предстоит крайне опасная. И ваши качества, коими вы, как лар, обладаете, могут нам пригодиться.

— А что мы будем делать? — спросил Сварог.

— «Мы»? Уже неплохо, — рассмеялся капитан Зо. — Так вот, нам предстоит отыскать группу людей, точно так же выполняющих определенное поручение, захватить одного из них и допросить. И только-то. Детские забавы.

— А они, конечно, постараются не попасть вам в руки и выполнить свое задание? — усмехнулся Сварог.

— Уж это точно, — осклабился боцман Блай. — Из кожи вон вылезут, скоты...

— Но...

— Вы хотите совершенно точно знать, что правда на нашей стороне? — мягко спросил Борн. — Не так ли? А если правды нет? Или обе стороны уверены, что за нее-то и сражаются? Вы разве в жизни не сталкивались с такими ситуациями?

— Очень часто, — сказал Сварог, ни на кого не глядя.

— Вот видите... «Правда» — слишком большое слово. Мы просто собираемся на самую малость преуменьшить количество зла. И наступить на хвост слугам Великого Мастера, не в силах по своей малозначимости чувствительно наступить на хвост ему самому...

— А хотелось бы? — спросил Сварог.

— Ужасно. Так вы колеблетесь?

— Нет, — сказал Сварог.

— Прекрасно, — кивнул капитан.

— Но — за плату, — поторопился Сварог добавить.

— За плату? — Капитан удивленно поднял брови.

— Да. Ту же самую, какую требовали от меня. Откровенность.

— Хотите больше узнать о предстоящем деле?

— Нет, — сказал Сварог. — Сами расскажете, когда сочтете нужным и сколько захотите. Сейчас меня интересует одно: граф Гэйр, мой предшественник. Я знаю, что моя судьба почему-то оказалась тесно связанной с его судьбой. И хочу узнать побольше. Насколько я понял, он плавал с вами...

— А не боитесь?

— Чего?

— Что, побольше узнав о нем, можете сами оказаться на той же дороге? Которая неизвестно где закончилась для него...

— Черт возьми, а откуда я знаю, где моя здешняя дорога? — сказал Сварог, разгоряченный добрым ромом. — Может, моя судьба в том и состоит, чтобы идти по пути предшественника?

— А действительно, кто его знает, — сказал боцман Блай, на которого ром тоже подействовал, сделав самую чуточку сентиментальным. — Думаете, я хотел стать чем-то вроде благородного странствующего рыцаря? Я хотел стать обычным корсаром, а получилось черт-те что...

— Вы только не подумайте, что мы и в самом деле какие-то странствующие рыцари, — сказал Сварогу капитан Зо. — Мы в общем-то обычные морские бродяги. Можем подхватить, что плохо плавает, без особых зверств и излишеств, у джентльменов удачи с хорошей репутацией зверства и излишества не в ходу. Швали хватает, правда... Можем взять честный купеческий фрахт — что подвернется, друг мой, что подвернется, иные фрахты оплачиваются лучше иных абордажей... Иногда оказываем за хорошую плату разные услуги тем, кому понадобятся ребята, прошедшие огонь и воду. И бываем не особенно щепетильны, хотя за очень уж смердящие дела не беремся. Таких, как мы, хватает на всех морях. Мы не лучше и не хуже, мы очень типичные, как выразился бы мой ученый штурман. Категорически не способны жить по расписанию. Вот только как-то так стало складываться, что в последнее время мы ввязываемся почти исключительно в те дела, что оказываются направлены против Великого Мастера. И как ни объясняй, что делаем мы это за плату, у нас стала складываться определенная репутация. Иногда это помогает, иногда мешает и в любом случае не прибавляет у Великого Мастера дружеского расположения к нам. Ну что ж, до сих пор нам удавалось избегать связанных с этим хлопот — Великий Мастер уже не тот, что в минувшие эпохи... — Он постучал костяшками пальцев по столу. — По крайней мере, на наших доходах такое положение дел не оказывается, в нищету не впали...

— Ты уж не старайся казаться хуже, чем ты есть, — набычился Блай.

— Я и не стараюсь, — сказал капитан. — Но и лучше, чем я есть, выглядеть не хочу. Хочу быть самим собой. А наш гость должен знать о нас побольше и принимать такими, какие мы есть, как-никак ему с нами идти в дело...

— Мы начали о графе Гэйре, — попытался Сварог переменить тему.

— Граф Гэйр... Знаете, не так уж мало ларов болтаются по суше и по морям в поисках приключений... или выполняя шпионские задания. Граф Гэйр от них весьма отличался. Я бы сказал, в лучшую сторону. Во-первых, он сражался только за себя и потому был родственной душой. Во-вторых, он всерьез боролся с Великим Мастером. И зашел слишком далеко — за ту границу, где Великий Мастер перестает посыпать против

своего врага слуг и вступает в бой сам. А это поганый рубеж, знаете ли, из-за него мало кто возвращается.

— Но ведь возвращаются?

— Редко... — печально усмехнулся капитан.

— Я слышал, он плавал ловить Великого Кракена...

— И это оказалось его последнее плаванье. Поймите меня правильно. Я три раза возил его на «Божьем любимчике» — и только. Мы на многое смотрели одинаково, но меня никак нельзя назвать его другом — у него вообще не было друзей. И никто не посвящен был в его дела. Просто... просто все знали, против кого эти дела направлены. Когда по пятам за человеком мчится стая нечисти, понятно, что он собой представляет. Он был на виду, его многие знали — но могут сказать то же самое, что я сейчас. По слухам, имелись и сподвижники, нельзя, в конце концов, прожить жизнь одиноким волком, — но и о них ничего толком не известно. Я склонен думать, что объясняется все вовсе не какой-то там нелюдимостью — человек, посвятивший себя определенного рода деятельности, должен вести определенный образ жизни... Болтают что-то о монастыре святого Роха и Крепости Королей — но монахи тамошнего братства ребята неразговорчивые, а Крепость Королей до сих пор остается сказкой. — Капитан помолчал. — Однако случилось так, что именно со мной он плыл на Стагар. Оттуда я готов был отвезти его на Инбер Колбта, но он отчего-то изменил решение, пробыв день на берегу. Я ушел к Темайру, а потом узнал, что он на «Синей жемчужине» покинул Стагар. С тех пор никто больше не видел ни его самого, ни «Жемчужины». Неизвестно точно, куда она взяла курс — то ли в Море Мрака, то ли к Катайр Крофинду. Рассказывали, что он отыскал удочку, на которую можно поймать Великого Кракена или хотя бы выманить его из глубин. Конечно, это не удочка в обыденном смысле этого слова — то ли заклятье, то ли некая магическая вещь. Некоторые считают, что эта удочка и Копье Морских Королей, каким только и можно убить Великого Кракена, — одно и то же. Стагарцы так уверяют, а они лучше всех на Таларе знают морское волшебство.

— А что такое этот Великий Кракен? — спросил Сварог. — Видел его кто-нибудь?

Его собеседники, все трое, помрачнели.

— Великий Кракен — это ужас бездны, — сказал капитан Зо. — Он не показывался много тысяч лет, но в том, что он

существует, сомневаться не приходится. Вот только неизвестно, сдох ли он в пучине или крепко спит. Тем, кто его будто бы видел, серьезные люди не верят. Он никогда не поднимался на поверхность полюбоваться солнышком и волнами, глотнуть воздуха и погрузиться в глубины. Если он поднимется, с ним вместе поднимутся жуткие несчастья, способные потрясти всю планету. Так написано в древних стагарских хрониках, а стагарцам я верю, потому что те летописцы отнюдь не предназначали свои труды для посторонних глаз... Там написано еще, что Великий Krakен — морской дух зла из тех времен, когда на планете еще не существовало даже Изначальных...

— Кого?

— Изначальные — это древнейшее население Талара, — сказал Борн. — Те, кто жил на планете, когда сюда еще не прибыли с Сильваны наши предки. А вовсе уж седые легенды смутно упоминают, что и до Изначальных на планете жили совершенно неизвестные народы, о которых даже говорят, что они не были людьми.

— Постойте, — сказал Сварог растерянно. — Там, наверху, мне говорили, что нынешние обитатели Талара — дети именно этой планеты...

— Там, наверху, много могут наговорить... — усмехнулся Борн.

Капитан Зо продолжал:

— Говорят еще, что Великого Krakена давным-давно загнали в глубины легендарные Морские Короли. Можете представить, какими легендами и байками история Великого Krakена обросла за тысячелетия. Которые к тому же отмечены и войнами, уничтожавшими целые библиотеки, и систематической охотой за этими библиотеками — но отнюдь не из любви к бесценным рукописям... Ох! Черт!

Он резко обернулся к двери, сметая локтем бутылки, выхватил кортик. В руке у Блая мгновенно, откуда ни возьмись, появилось нечто напоминавшее крючковатый бumerанг, и он отвел руку для удара. Но тут же опустил, витиевато выругавшись.

Проникшее сквозь плотно закрытую дверь туманное свечение приобрело очертания собаки, протянулось через всю каюту, пронизав на своем пути стол, бутылки, застывшего Борна — и щенок материализовался у ног Сварога. Облизал ему сапог,

удовлетворенно заурчал и раскинулся на полу, ловя лапами ножны меча Сварога.

— Тыфу... — с чувством сплюнул капитан Зо. — Старею. Сдаются нервы. Очень уж приятный завязался разговор... Ваш кутенок вырастает, граф, это у них быстро получается. Еще немножко подрастет — и станет обходиться без этих штучек, просто напросто возникать и исчезать, как козырная роза из рукава шулера. Повезло вам с приятелем, ничего не скажешь...

— Он сильно вырастет? — спросил Сварог, вспомнив оторванное огромное ухо.

— Не то слово. Видел я их издали, на берегу. Зверюга чуть пониже лошади. И убить ее адски трудно — попробуйте поразить мечом молнию, всегда ускользающую за миг до удара. Огнестрельное оружие, конечно, дает чуточку больше шансов, но не намного. Лет шестьсот назад один дворянин из Демура, голоштанный ловец удачи, стал королем благодаря такой вот собачке, притащив щенка из Хелльстада. К сожалению, это не спасло впоследствии основанную им династию... Знаете что? Попробуйте и вы, право, когда зверь подрастет. Снольдер, конечно, чересчур силен и цивилизован, Ронеро тоже не возьмешь голыми руками, но где-нибудь в Харлане или в моем родном Глане стоит попытать счастья. Тем более что в Глане есть пророчество — однажды королем станет рыцарь с хелльстадским псом, победивший мертвое войско оружием мертвеца. Пока что рыцарь, отвечавший бы этим признакам, не объявлялся.

— Боюсь, это не обо мне, — сказал Сварог. — Сомневаюсь, чтобы мне удалось победить целое войско — все равно, живое или мертвое. Как это, кстати, понимать — насчет мертвого войска и оружия мертвеца?

— Кто знает? — пожал плечами капитан Зо. — Правильно истолковать пророчество — наука сложная. Обычно весь смысл, заложенный древним прорицателем, становится понятным только тогда, когда пророчество сбывается. Ничуть не похожее на все прежние толкования. Да, ведь есть еще Вольные Маноры, которые лет двести никто не пытался объединить. Может, стоит попытаться? Хоть это и нарушит равновесие среди великих держав...

— Нет, спасибо, — сказал Сварог. — Что-то престол меня не слишком прельщает. В особенности если королевство придется сколачивать из Вольных Майоров — чересчур буйная вольница.

— Тогда попробуйте Глан. Прекрасная страна. Правда, сам я давненько там не был — нынешний король меня отчего-то не взлюбил и соизволил внести мое имя в список «злодеев короны». Но все равно моя родина — прекрасный край. А король, должен вам откровенно признаться, большой негодяй, и вряд ли его можно назвать государственным деятелем, способным привести страну к процветанию. Попытайтесь удачи. Всегда найдется достаточное количество предводителей кланов, готовых вас поддержать. У вас, как у лара, есть некие преимущества. Кроме всего прочего, ваши предки родом из Глана.

— Слушайте, вы серьезно?

— Да черт его знает, — сказал капитан Зо. — Понятия не имею. Пытаюсь помочь вам определиться в здешней жизни и найти себя. По-моему, там, за облаками, чертовски скучно, вот и Борн того же мнения.

— И все равно меня что-то не тянет в короли, — сказал Сварог.

— И правильно, — поддержал побагровевший и повеселевший боцман Блай. — Торчишь себе на троне, как дурак, а каждый герцог спит и видит, как бы тебя прирезать. А там, где герцогов приструнили и срыли фамильные укрепления, другие напасти — парламенты созывай хоть для видимости, ломай голову над большой политикой, фаворитки из казны гребут, склоки на каждом шагу. В море лучше. Там тебя в спину ну никак не зарежут.

— Уверен? — иронически усмехнулся капитан Зо.

Боцман подумал, понурился:

— Могут, конечно, и на море сунуть нож в спину... Однако ж все лучше, чем торчать на престоле.

— Можно подумать, ты был наследным принцем, но предпочел папиной короне славную судьбу джентльмена удачи... — засмеялся капитан Зо. — Ладно, друзья мои, приканчивайте бутылку, и будем расходиться — вечереет, а у графа Гэйра уже слипаются глаза, денек у него выдался бурный. Да и нам не стоит засиживаться, не на рейде Сегулы стоим...

Глава 2

ВТОРАЯ КАВАЛЬКАДА

Взрыв, глухой и мощный, раздался, когда Сварог натягивал второй сапог. За ним — второй, третий...

Пробежав по коридору, он вылетел на палубу. Огляделся. Не было ни суматохи, ни оживления. Программировал четвертый взрыв. На сей раз Сварог увидел сквозь путаницу такелажа, как далеко за кормой взлетел белопенный столб — в точности, как вчера, когда он впервые увидел корабль.

У выреза в борту стояли трое матросов. Двое держали узкий жестяной желоб, уложив его второй конец на планшир, а третий укладывал небольшой бочонок. Что-то сделал, стоя спиной к Сварогу, над бочонком взлетело облачко белого дыма, те двое приподняли желоб, и бочонок, оставляя за собой сизую струйку дыма, с рокотом улетел за борт. Все уставились за корму. Сварог машинально стал считать. На десятой секунде громыхнуло, прямо в кильватерном следе взлетел столб воды. Все трое переглянулись с чувством исполненного долга, положили желоб и праздно расселись на палубе, двое вытащили короткие трубочки, третий принял лениво пощипывать струны виолона (Сварог уже успел заметить, что у здешних морячков есть два любимых способа убивать свободное время: дымить табаком и тренькать струнами.).

— Все нормально, милорд, — бросил один, заметив Сварога. — Так, балуемся для порядка... Вы нам не покажете ли фокус с табачком? Очень он у вас духовитый...

Сварог, оделив их извлеченными из воздуха сигаретами, присел рядом на бухту каната и тоже задымил первой утренней. Кроме них, никого на палубе не было, «Божий любимчик» шел под тремя верхними парусами довольно ходко.

— Кто-то вам определенно ворожит, милорд, — сказал сосед. — Мы тут промеж себя как раз говорили. Чтобы вот так из Хелльстада выбраться — везение нужно в кармане носить нешуточное...

Сварог и сам так думал. На душе стоял блаженный покой, вдали проплывали зеленые берега. Взяв у соседа виолон, он побрякал по струнам, разминая пальцы, поинтересовался:

— А вы не слышали, случайно, что это в Хелльстаде за девицы, которые ниже пояса — змеи? И песни вдобавок поют...

— Ну, не то чтобы ниже пояса... — раздумчиво сказал матрос, — чуть пониже, чем ниже пояса, болтают, находились смелчаки, которые их даже и отговаривали, поскольку повыше змеи — очень даже добрый товарец. Только сам я сомневаюсь что-то, чтобы имелась у них женская потаенка...

— Имеется, — сказал Сварог. — Сам видел.

— А, все равно. Ты ей всадишь с полным прилежанием, а она тем временем голову откусит, на то и змея...

— Все бабы — змеи, — философски сказал второй.

— Вот я и говорю.

Сварог, перебирая струны, нашупал, кажется, мелодию самого необычного в его жизни ночного концерта:

Покуда два птенца, крича, рвались друг к другу,
мы, нежно обнявшись, кружили над землей,
я с нею танцевал под солнечную выюгу,
во сне и наяву она была со мной...

Матросы вскочили с изменившимися лицами — из-за спины Сварога появилась огромная жилистая лапа и прихлопнула жалобно звякнувшие струны. Лапа принадлежала боцману Блаю, он возвышался над Сварогом, прямо-таки лязгая зубами от ярости.

Сварог медленно поднялся, от растерянности едва не встав на вытяжку, как проштрафившийся юный лейтенант. Явно он сделал что-то не то — очень уж испуганно смотрели матросы — на него, не на боцмана.

— Охренели? — злым шепотом рявкнул наконец Блай. — Совсем уж? Мы уже не в Хелльстаде, бабку вашу вперехлест через клюз... Кончай серенаду. С милорда взятки гладки, а выто? — Он всерьез замахнулся. — Марш вниз!

Все четверо гуськом потянулись на нижнюю палубу.

— Что это он? — с искренним недоумением спросил Сварог.

— Да нельзя, милорд, таких слов под открытым небом вслух произносить... — оглянувшись, пояснил матрос.

— Каких?

— Хоть и милорд, а темнота... — он посунулся к уху Сварога: — Забудьте слово «вьюга»...

— Почему?

— А потому, — он говорил тихо и серьезно. — Вы про Шторм слышали?

— Ну.

— А Вьюга будет еще почище. Только про Шторм поминать не запрещается, а насчет Вьюги велено считать, что ее отроду не бывало и никогда не случалось... Ясно?

— Ясно, — сказал Сварог, немногое поняв.

* * *

«Ко мне», — приказал Сварог мысленно и заранее отодвинулся назад, но все равно не рассчитал — молнией метнувшаяся сквозь закрытую дверь каюты туманная полоса ударила его в грудь, отшвырнула к стене и обернулась весело гавкавшим щенком.

— Сидеть! — рявкнул Сварог вслух, с усилием отклеивая себя от стенки. Щенок торопливо плюхнулся на зад, взляял, но, конечно, долго не сидел — тут же вскочил и бросился лизать лицо. Сварог тщетно уворачивался, приговаривая: «Тихо, тихо, Акбар, сидеть!» — но туманная полоса улетучилась наружу.

Звереныш взрослел невероятно быстро. Прошло всего двое суток, а он уже вырос вдвое, крепко стоял на ногах и целыми днями носился по кораблю — то обычным способом, то возникшая вдруг в самых неожиданных местах, вплоть до крюйт-камеры, не говоря уж о камбузе, попавшем под постоянную угрозу вторжения с последующим разграблением. Капитан Зо крепился, но по лицу его читалось, что «Божий любимчик» еще никогда не опускался до жалкой роли плавучего зверинца.

Сварогу было неловко, но поделать он ничего не мог — в конце концов, это был обычный месячный щенок со всеми вытекающими отсюда хлопотными последствиями. Штурман Борн, как выяснилось, знакомый с колдовством не понаслышке, второй день сидел над книгами, пытаясь отыскать заклятья, позволившие бы немного утихомирить буяна или сыграть роль привязи, но ничем пока похвастать не мог. А Сварог самостоятельно, совершенно случайно открыл, что щенок выполняет мысленные команды, причем исключительно его собственные.

Сварог распахнул створку окна — до иллюминаторов здесь еще не додумались. «Божий любимчик» уже покинул пределы Хельстада и шел на всех парусах вниз по течению. По обе стороны тянулись зеленые равнины, перемежаемые кое-где поросшими лесом округлыми холмами, река была пуста. На палубе меланхолично позванивали струны виолона, и кто-то лениво напевал старинную балладу «Былые годы Сегулы»:

Были бурными года,
скалы — белыми.
Только все уж, господа,
ставки сделаны.
Дремлют скучные года
немо, глухо,
пусть вода вам, господа...

Вдруг песня смолкла. На палубе забегали, начиналась суeta. Дважды коротко свистнула боцманская дудка.

Сварог выскочил на палубу. Виновником переполоха на сей раз оказался не Акбар — он мирно лежал у мачты, обстоятельно догладывая кость от здоровенного окорока. Кок Мышиный Соус, на сей раз ничуть не обратив внимания на очередную реквизицию его запасов, вместе с другими стоял у правого борта. Моряки возбужденно орали, пихая друг друга локтями, вытянув руки, указывали друг другу куда-то.

Сварог отыскал свободное местечко у фальшборта, достал подзорную трубу, выменянную у судового плотника на десяток серебряных звездочек из шаура (стрелять пришлось в подушку).

На небольшом расстоянии от реки, заметно отставая от «Божьего любимчика», но двигаясь параллельным курсом, скользило над землей нечто странное. Черный прямоугольник плыл в воздухе, волнообразно, плавно, едва заметно выгинаясь, а над

ним, словно прикрепленный невидимым шпеньком к определенному месту этой непонятной штуки, висел белый шар, и на его боку, обращенном к кораблю, немигающе пялился глаз — без век и ресниц, с желтой радужкой и белым кошачьим зрачком. Зрачок то сокращался, то разбухал. Сварогу почудился в этом некий ритм, и тут же кто-то вырвал у него трубу.

— Осторожнее! — сказал штурман Борн. — Не стоит смотреть на него слишком долго. Значит, они продвинулись дальше... — В его голосе звучала гостливая обреченность.

— Кто? — спросил Сварог.

Штурман промолчал. Свистнула дудка, на реях перекликались матросы. «Божий любимчик» ощутимо замедлял ход.

— Канониры, к орудиям! — прогремел с мостика усиленный рупором голос капитана Зо. — Верхняя палуба, три орудия поочередно, от юта — огонь!

Корабль слегка качнуло, под ногами трижды прогрохотало, над рекой поплыл густой пороховой дым. Раздался посвист картечи.

Первый заряд прошел впереди загадочного создания — гораздо правее от него, по его курсу взлетела земля. Остальные, то ли один, то ли оба, накрыли цель. Там, где только что были прямоугольник с шаром, закрутился спиралью столб густого черного дыма, пронизанный ядовито-зелеными вспышками, раздался отвратительный, злобный, жалобный вой, издать который могло лишь живое существо, — и тут же оборвался. Дым превратился в антрацитово-черный, почти материальный, неподвижный столб, тут же осевший на землю кучей пыли с далеко разнесшимся сухим скрежетом.

— По местам! — заорал капитан Зо. — Черта не видели?

Люди стали расходиться, возбужденно гомоня.

— Бог ты мой, что это такое было? — спросил Сварог.

Борн ответил вопросом:

— Вы помните, что изображено на картах на севере континента?

— Конечно. Необитаемые земли.

Борн горько рассмеялся:

— Пресловутый школьный курс... Необитаемые земли, занимающие едва ли не пятую часть континента... Это весьма обитаемые земли, лорд Сварог. Но единственные их обитатели — вот такие создания. Когда-то там были обычные страны. Три королевства. Теперь там живут эти демоны, появившиеся

неизвестно откуда полторы сотни лет назад. Города понемногу превращаются в руины, все заброшено... Мы знаем, что это демоны: они боятся текущей воды, их можно убить лишь серебром, все до одного колдуны, решившиеся изучить их ближе — точнее, все до единого колдуны, оставшиеся после этого в живых, — уверяют, что это порождение нечистой силы. И пришла она извне. Говорят, сто пятьдесят лет назад все и началось после того, как в Демуре приземлилась потерпевшая крушение вимана ларов, вернувшаяся со звезд. Правда, о Глазах Сатаны чего только не болтают...

— А что же было с людьми? — спросил Сварог.

— Больше всего жертв пришлось на то время, когда люди по глупости кинулись в бой. Даже делая неизбежные поправки на привычку очевидцев привирать и на то, что у страха глаза велики, картина получается жуткая. Эти твари сеяли безумие и болезни, горели поля, бесился скот... Насчет серебра выяснилось чисто случайно. Кто-то из демурских баронов, без всякой пользы сгоряча расстреляв все ядра, велел забить вместо картечи серебряные монеты из сокровищницы. Но было поздно. Они успели расплодиться, а серебра не так уж много, да и новость не успела распространиться... Одним словом, выжил тот, кто вовремя сообразил, что нужно собрать все ценное и бежать подальше. За полторы сотни лет, несмотря на мелкие успехи, три королевства перестали существовать. Ходят слухи, что в нескольких местах, где вовремя догадались рассыпать вокруг домов и поместий серебро, люди уцелели. Даже если правда, судьба у них незавидная — оттуда уже не выбраться...

— Почему же их не пытались остановить всерьез?

Борн задумчиво смотрел на проплывавшие вдали зеленые холмы:

— Лорд Сварог, роду человеческому присущ один крупный недостаток: людям свойственно злорадствовать над страданиями ближнего, они считают, что их самих подобное никогда не коснется... В Хорене радовались постигшей Демур напасти — пока хоренцам не пришлось самим бежать в насмехавшийся и над ними, и над Демуром Коор, от которого теперь только и осталось что принявшие вассальную присягу королю Снольдера беглецы и живущий где-то в глухи потомок последнего коорского короля, имеющий с точки зрения юриспруденции и геральдики все права на престол, но не способный его отвоевать. Король Лорана поступил умнее многих — он еще

сто лет назад, не считаясь с расходами и жертвами, прорыл канал в самом узком месте перешейка, лишился чуть ли не половины королевства, но зато Лоран превратился в остров, защищенный от вторжения демонов, — вернее, так только кажется... А другие... Большая политика, милорд. Понимаете, в мире не так уж много серебра, и большая его часть — в частных руках. Если бы Снольдер собрал все государственное серебро, выкупил частное, собрал войско из всех, способных носить оружие, отлил из серебра картечь, пули, наконечники для стрел и отправил армию на север — вполне возможно, и удалось бы полностью очистить три королевства от этой нечисти. Нельзя сказать, что ее там астрономическое количество, — они не стоят, физически выражаясь, плечом к плечу на всем свободном пространстве, там есть речки, озера, места, занятые городами, деревнями, шахтами... Но те, кто правят в Снольдере, самые обычные люди, отнюдь не горящие желанием обрести сомнительную честь спасителей человечества. И в чем-то они правы. Во-первых, поступить так — означает остаться без казны, оголосить границы, а соседи, можете не сомневаться, моментально увидели бы прекрасную возможность свести старые счеты, отнюдь не пуская в умилении слюни от того, что вся снольдерская армия героически спасает человечество... Во-вторых, пока что неплохой естественной границей служит Ител. Демоны, конечно, могут переправляться через реки — порой достаточно, чтобы поперек реки натянули шелковую нить, для них она — то же самое, что для нас с вами — отличный каменный мост. Но одиночных тварей легко выявлять и уничтожать. Ител представляется отличным рубежом. Продвигаясь вдоль побережья, Глаза Сатаны сметут большую часть Харлана и остановятся на реке — так что ни Снольдер, ни Ронеро не потеряют ни клочка земли. А судьба Харлана его соседей ничуть не волнует. Есть узкий проход меж истоками Итела и побережьем, по которому демоны могли бы выйти к Святой Земле. Но они не пойдут через Хелльстад — еще двадцать лет назад они вышли к его границам и почему-то остановились. То ли наша тамошняя нечисть пострашнее пришлой и способна внушить последней почтительный ужас, то ли ворон ворону глаз не выклюет... Так что на ближайшие десятилетия угроза сводится к уничтожению большей части Пограничья, кусочка Ямурлака и половины Харлана. А там, по мнению иных ученых, демоны перегрызутся меж собой, увидев, что не в состоянии расширять далее

свои владения, и все как-нибудь уладится само собой. В конце-то концов, на континенте тысячи лет существуют Хелльстад и Ямурлак с их нечистью — и обитатели Хелльстада не лезут наружу, а черные маги и чудища Ямурлака и вовсе благополучно вымерли, лишь редкие экземпляры той или иной породы еще скрываются в глухи... И континент вовсе не провалился в тартарары, наоборот. И еще. Единственным из государств Севера, уцелевшим в своих нетронутых границах, так и осталось королевство Шаган. Если вы хорошо помните географию, оно не защищено никакой рекой. Но демоны отчего-то туда так и не вторглись. Это вселяет дополнительные надежды в души государственных мужей. Старые как мир надежды, сводящиеся к простой формуле: «Авось как-нибудь образуется».

— А лары?

— А ларам — в высшей степени наплевать. Их войска могли бы за пару часов смести эту нечисть с лица земли. Но им пока что плевать. По их меркам, все началось совсем недавно — что для лара полторы сотни лет? — и их самих никоим образом не может коснуться. Первое время они еще развлекались, охотясь на тех тварей с воздуха, но потом забава наснула.

— Ах ты, — сказал Сварог. — Дайте мне добраться назад, я возьму свои корабли и такое устрою...

— Если вам разрешат, — сказал Борн, не глядя на него. — А вам, скорее всего, не разрешат. Здесь своя большая политика...

— Но у меня есть личная дружина... Боевые корабли...

Борн медленно повернул голову и посмотрел ему в глаза:

— Эта дружина и эти корабли принадлежали еще вашему предшественнику. Неужели он не догадался бы их использовать? Неужели он в одиночку странствовал по земле, полагаясь только на собственный меч, потому что не догадался?

Сварог замолчал. Он стоял и смотрел, как разворачивается, набухает попутным ветром синий парус. На душе лежала не-понятная тяжесть, оставлявшая мерзкий осадок, как в бутылке с дрянным портвейном. Выходило, что его мнимая свобода на деле снабжена надежными решетками.

— А что гласят на сей счет ваши пророчества? — спросил он угрюмо. — У вас, я заметил, им большое значение придают...

— О пророчествах мы хорошо поговорили в день первой встречи, — сказал Борн. — За последние столетия их нагромоздили столько, что некуда складывать. Сейчас, когда пророкам

уже не грозит костер и другие серьезные неприятности, прорицателей, как легко догадаться, развелось видимо-невидимо... Старые мастера внушают больше доверия, но, во-первых, они грешат невероятно туманным стилем изложения, а во-вторых, немногое уцелело. Существовал некогда Кодекс Таверо, написанный в незапамятные времена. Он считался наилучшим достойным внимания и выгодно отличался ясностью формулировок. Но от него остались лишь разрозненные обрывки, перемешанные с позднейшими подделками. Капитан Зо по праву гордится своим экземпляром — у него двадцать три пророчества из семидесяти семи, а это считается самым полным сводом из сохранившихся. О будущем короле Глана, рыцаре с хельстадским псом, написано именно там. Говорят, до наших дней сохранились лишь четыре полных Кодекса — один затерялся где-то на островах, другой якобы хранится в Храме Ашореми, третий — у гномов, четвертый — у короля Стакора в Горрете. Даже если это правда, островов в океане превеликое множество, гномы, по слухам, давно вымерли и дороги в их подземелья уже не найти, а в Храм Ашореми и библиотеку короля Стакора может сунуться лишь полуумный.

— Между прочим, у меня в подземелье висит череп одного из горротских королей, — сказал Сварог и тут же устыдился столь детской похвальбы.

— Между прочим, даже граф Гэйр и герцог Орк обходили Горрот стороной, — сказал Борн. — Доспехи предков нам не всегда приходятся по плечу.

— Вы знаете Орка?

— Бог ты мой, его знают везде, — сказал с ухмылкой Борн. — Он ухитряется, не нарушая традиций невмешательства в земные дела, развлекаться на земле так, что в одних местах о нем складывают баллады, а в других — пугают им детей. И то и другое — не без оснований... Бойтесь его. И держитесь подальше.

— Почему?

— Потому что есть люди, настолько далеко стоящие и от зла, и от добра, что совершенно невозможно предсказать, куда их приведет судьба. И от таких лучше держаться подальше, ибо отстраненность и от добра, и от зла порой похуже верного служения злу...

Он надолго замолчал. Воспользовавшись паузой, Сварог решил:

— А вы не можете мне сказать, куда мы плывем?

— Нет, — решительно ответил Борн. — И дело отнюдь не в недоверии к вам. Когда мы будем на месте, уже никто из тех, что хотели бы нам помешать, ничего не сможет изменить. Судя по тому, что за нас пока что не брались всерьез, о нашей миссии имеют лишь самое смутное впечатление. А любое сказанное сейчас слово может стать известным...

— Вы опасаетесь ларов? — напрямик спросил Сварог.

Борн взглянул так, что Сварог почувствовал себя несмышленым ребенком. Потом штурман сказал, старательно взвешивая каждое слово:

— Это очень разные вещи — бояться всего на свете и стараться предугадать все возможные опасности...

Сварог промолчал — сработал армейский рефлекс. В предстоящем походе ему отводилась роль новобранца с лысыми погонами, а новобранцы не имеют права соваться с расспросами и к старшине, не говоря уж о командире части. Капитан Зо очень мил и любезен в роли гостеприимного хозяина, но Сварог нутром чувствовал, что в походе это будет командир, способный согнать семь потов и вымотать все жилы. И команда у него наверняка подобралась соответствующая...

...Причаливали на рассвете, когда над рекой еще стоял туман, звезды пропали с неба, предметы не обрели еще четкости очертаний, одна сторона горизонта была уже украшена тоненькой ало-золотой полосочкой, а противоположная — укутана мраком.

«Божий любимчик», на котором были уbraneны все паруса, стукнулся бортом о длинный деревянный причал, сработанный когда-то на века из потемневших бревен лиственницы. Кранцы из толстых канатов смягчили удар. Вдоль причала, если присмотреться, могло разместиться десятка два кораблей, но Сварог, сколько ни напрягал взгляд, нигде не увидел других мачт.

Два человека в коротких плащах ловко приняли канат и сноровисто закрепили его на толстом деревянном столбе. Сварог стоял у борта, поеживаясь от утреннего холода. Поодаль, на берегу, смутно вырисовывались в тумане длинные строения. Он одернул только что выданный кафтан, к которому еще не успел привыкнуть, — его переодели с головы до ног во все новое, в добротную, но простую суконную одежду и кожаные сапоги. И вручили нагрудную бляху Золотой гильдии с лоранским гербом.

Ножны для меча дали другие, деревянные, обтянутые холстиной, с медными скрепами. Вручили еще вязаный колпак с кольчужной подкладкой и кинжал с серебряным лезвием. Получился вылитый купеческий приказчик. В карман, застегивавшийся на роговую пуговицу, он спрятал шаур, о котором все же умолчал (отдавая плотнику звездочки, Сварог при нем, разумеется, не стрелял).

Точно так же были одеты Блай, Борн и три матроса. Боцман перевязал усы простой тесьмой. Только капитан Зо, выступавший в роли купца-хозяина, был экипирован чуточку роскошнее — пуговицы на кафтане у него были не роговые, а серебряные, ножны меча обтянуты кожей, сапоги украшены оловянными бляшками, а на груди висел знак Сословия мер и весов. Свою великолепную серьгу он снял и с нескрываемым сожалением вдел в ухо простецкое серебряное кольцо. Борн вновь вооружился арбалетом, двое матросов взяли мушкеты и короткие копья с широкими наконечниками, третий прихватил пистолеты и топор на длинном топорище. Блай сохранил добрую половину своего арсенала. Видимо, в здешних краях семерка хорошо вооруженных торговых людей выглядела вполне обыденно и подозрений не вызывала.

— Лорд Сварог... — капитан Зо взял его за локоть и отвел в сторону, к мачте. — Слушайте внимательно. Вы были военным — это хорошо. Дело предстоит крайне опасное. Возможно, опасности возникнут в последнюю минуту, возможно, будут сопровождать с самого начала, последуют в любую минуту, с любой стороны и в любом облике. Если встретятся совершенно безопасные места, я вас предупрежу. Следите за остальными и не отставайте от них ни в чем. Если они рубят — рубите, если бегут — бегите следом. И не лезьте ни с какими инициативами. Моим приказам повиноваться беспрекословно. Вот, пожалуй, и все. Только скажите еще: что вы там спрятали в карман? Нет, показывать не обязательно, поверю на слово.

— Вы что, через одежду видите? — удивился Сварог.

— Жизненный опыт. И зоркий глаз.

— Это оружие. Стреляет почти такими же звездочками, которых у Блая целая пригоршня в мешочке. Только серебряными.

— Шума много?

— Совершенно бесшумная штучка.

— Это хорошо. А коли уж стреляет серебром — хорошо вдвойне. Серебра у нас мало, поиздержались... — Он обернулся к остальным, тесной кучкой стоявшим у борта: — Ну, пошли, и да хранят нас Морские Короли... Борн, привязь у собаки надежная?

— Хватит на две недели.

— Ну, нам хватит и недели... при удаче. Трогаемся!

Они спустились по узкому трапу и зашагали меж длинных строений с крохотными оконцами и широкими «двустворчатыми» дверями. Больше всего эти сооружения походили на лабазы.

— Это что, город? — тихо спросил Сварог у шагавшего рядом Борна.

— Когда-то это место называлось Фир Норт. Один из самых крупных торговых портов в верховьях Итела. Раньше здесь были лоранские земли. Потом люди ушли. Кое-кто остался, но корабли сюда перестали приходить...

Вскоре они вышли к зданию, когда-то кипевшему жизнью. На первом этаже располагалась большая таверна. Они распахнули дверь с выломанным замком, прошли по залу меж грубых столов, на палец покрытых пылью, мимо пустой стойки (за ней сиротливо стояла сломанная пустая бочка с проржавевшими обручами), поднялись на второй этаж по рассохшейся скрипучей лестнице. Судя по многочисленным дверям с выведенными облупившейся краской номерами, здесь в старые времена помещалась гостиница.

— Зря сняли вывеску, — сказал Сварогу капитан Зо. — Добрый старый «Приют моряка», сколько здесь было выпито, сколько золота утекло в карманы шлюх, сколько зубов вымели с мусором... Вот тут Блай юнгой и потерял невинность.

— Вот за этой самой дверью, — Блай на миг приостановился. — А вот эту дверь я вышиб лет пять спустя. Но не кулаком, конечно, а шкипером из Волы...

Капитан Зо толкнул кулаком одну из дверей. Человек, сидевший там у окна, ничуть не удивился их появлению. Он молча кивнул и показал на стол, где одиноко чернела пузатая бутылка рома. Оживившиеся моряки стали разбирать со стола оловянные стаканчики, а Блай ловко выковырнул пробку кончиком кинжала.

— Посмотрите в окно, лорд Сварог, — сказал капитан. — Мы уже привыкли, а вам будет интересно...

Сварог выглянул вниз. Туман уже рассеялся, и прямо под окном шагом проезжали семь всадников в плащах с откинутыми на спину капюшонами. В первый миг они показались Сварогу смутно знакомыми, словно он где-то с ними уже встречался. А потом он сообразил: это же они сами, Сварог, капитан и остальные пятеро!

— Басс, несмотря на годы, все еще крепок. — Капитан Зо кивнул в сторону незнакомца. Тот ухмыльнулся, погладил седеющую бородку. — Дня три эти двойнички продержатся, а когда улетучатся подобно дыму, мы будем уже далеко и, что характерно, совсем в другой стороне... Басс, было что-нибудь серьезное? Или кто-нибудь серьезный?

— Пустяки. Мелкие сошки. Они по-прежнему уверены, что вы пойдете к Храму Ашореми. Туда вся банда и отправилась. Конечно, они все равно пустят окрест разъезды и пару-тройку ублюдков на свободную охоту, но с этими вы справитесь. Может, и меня больше не побеспокоют...

— Басс, ты особенно не рискуй, — сказал капитан. — Здесь не Диони, и тебе уже не двадцать...

— Нам не двадцать, Зо. Это ты в основном рискуешь шкурой, а я — выживший из ума чудак, вместе с кучкой таких же дураков никак не собравшийся уйти из запустелого порта... До сих пор подозрений я не вызывал.

— Вами может заняться кто-то сильный, старина, способный прошибить твои миражи и иллюзии...

— Я знаю, — сказал Басс. — А что прикажешь делать? Оставить все на мальчишке? Они ж жить торопятся, и потому получается сплошной звон мечей со световыми эффектами.

Они негромко заговорили о чем-то своем, неизвестных и непонятных Сварогу делах, и он больше не прислушивался. Сидел прямо на полу, как и остальные, прихлебывал ром по глоточку, потому что второй бутылки, похоже, не предвиделось, и сердце чуточку замирало в предчувствии странствий и опасностей. Чувства его были двойственными — он с нешуточной тоской, как дом родной, вспоминал замок и Меони, но в то же время ни о чем не сожалел, он как-никак был в деле, предстояло что-то серьезное, и жизнь его, как ни прикидывай, обретала какой-то смысл — а ведь с ней, признаться, давненько такого не случалось...

Так они просидели с час. Вторая бутылка все-таки появилась, но не было ни шума, ни болтовни — все напряжены до

предела перед броском в неизвестность, и Сварог, пройдя парочку словно бы и не существовавших войн, прекрасно понимал спутников...

Лошадей они нашли уже оседланными. Капитан Зо особо тщательно проверил ремни, крепившие к его седлу какой-то длинный продолговатый сверток, попробовал ногой стремя и ловко вскочил на коня. Басс распахнул ворота конюшни, и семеро один за другим проехали мимо него.

Заброшенные склады и дома, в которых давно никто не жил, тянулись долго. Потом пошла поросшая травой дорога, вившаяся среди невысоких холмов, — одни покрыты редколесьем, другие голые. Пару раз попадались замки — еще не развалившиеся, возведенные прочно, на века, но почему-то с первого взгляда становилось понятно, что и там давным-давно нет ни единой живой души.

Но какая-то жизнь в округе все же теплилась — то в стороне от дороги обнаружится возделанное поле, то замаячит на горизонте стадо из десятка-другого коров. Несколько раз попадались повозки — крестьяне поглядывали на всадников сторожко, с видом наученных горьким опытом, одни держались так, словно готовы были соскочить и припустить в поле, другие держали на виду топоры и громоздкие старинные мушкеты. Видимо, многие еще с понурым фатализмом цеплялись за родные очаги, продолжали сеять на прадедовских пажитях и гонять скот на прадедовские пастища, рассчитывая, что на их век спокойной жизни хватит, а в крайнем случае можно успеть сбежать. Растворенная на полтора столетия, неспешно продвигающаяся опасность незаметно становится привычным злом, сопровождающим с колыбели и оттого обыденным. И все равно это была агония, обездевившие края, когда-то процветающие околицы Лорана, которые Лоран отсек, как загнивший палец. Края, живущие ныне без всякой власти, законов, подданства и управления, где полагаться приходится только на себя. В других местах, как мимоходом просветил боцман, еще сидели сеньоры, но отсюда благородные господа убрались.

Судя по немаленькой ширине дороги, обозначенной с обеих сторон каменными столбиками с лоранским гербом, она в лучшие времена была оживленным торговым трактом.

Солнце уже клонилось к закату, когда они встретили человека, который никуда не спешил и на диковатого крестьянина

ничуть не походил. Он бросался в глаза издали — из-за полосатой желто-красной одежды, щедро разукрашенной нашитыми там и сям маленькими зеркальцами. Сначала, издали, они и увидели одно мелькание солнечных зайчиков на обочине. Капитан Зо вытащил из-под кафтана подзорную трубу — он ее держал за пазухой, как предмет, безусловно неуместный в экипировке бродячего купца, всмотрелся, тщательно запрятал трубу обратно и покачал головой:

— Странствующий циркач. Похоже, один. Публика это обычно приудрковатая — попробуй-ка годами глотать огонь и разбивать кирпичи о темечко, но шляется везде и знает много. В оба смотреть у меня!

Он подстегнул коня, и остальные рысью потянулись за ним, держа руки поближе к оружию. Человек, разбрасывавший вокруг себя солнечные зайчики, мельком глянул на них и вернулся к прежнему занятию — он заботливо перебирал и вытиരал тряпкой разложенные на пустом мешке атрибуты фокусника: ярко раскрашенные палочки, какую-то посуду, блестящие шары и тому подобную чепуховину.

— Эй, если вы грабители, брать у меня нечего, — сказал он, глядя на подъехавших дерзко и весело. — А если честные купцы, ничего у вас купить не могу — не на что, братва...

— Мы в розницу и не торгуем, — сказал капитан Зо с хорошо сыгранным небрежным презрением, приличествующим серьезному купцу. — Идешь из Фиортена или в Фиортен?

— Из, — лаконично ответил тот, ничуть не смущенный холодной отповедью.

— Что там слышно?

— Там суматоха. Нагрянул отряд харланцев, молотит в ворота бревном и требует кого-то им выдать. Отряд большой, сотни три. Сплошь конница, причем гвардейская, — все в черном с белым.

— Интересно, — сказал капитан Зо. — Расскажи-ка поподробнее. Я как раз еду туда за товаром, оставил там повозки и людей, но если такая заварушка...

— Это точно, лучше переждать, — кивнул циркач. — Под шумок почистят вашу милость от лишнего добра и хорошо еще, если душу не вытрясут... А они могут. Законов в этих краях никаких не наблюдается, равно как и властей.

— Это точно, — в тон ему сказал капитан Зо. — Ну совершенно никаких, ты совершенно верно подметил, наблюдатель-

ный ты парень, я смотрю, приятно с таким встретиться на дороге и побеседовать о всяком разном...

Он продолжал плести словесные кружева, небрежно, с застывшей улыбкой, выплескивая этакий шизофренический поток сознания, и это не могло не преследовать какую-то цель. И Сварог наконец понял. Капитан попросту ждал, когда у встречного сдадут нервы, чтобы посмотреть, как он себя поведет. А циркач, слушая идиотскую болтовню, явно занервничал...

— И скажи ты мне, друг любезный... — капитан вдруг замолчал и несколько мучительно долгих мгновений смотрел сверху вниз на собеседника, меряя его взглядом. — А что это у тебя в мешке живое ворочается?

Циркач молниеносно присел на корточки, протянул, не глядя, руку к мешку, но в воздухе свистнуло короткое копье, с противным хрустом вошло ему в шею, отбросило назад, и, пока он падал, в груди у него появились две стрелы. Боцман Блай перекинул ногу через седло, спрыгнул и обрушил на мешок страшный удар топора, принял рубить, так быстро, что топор превратился в туманную полосу. Шипящее мяуканье тут же оборвалось, от мешка плеснули зеленые брызги, он разлетелся под ударами на кучу лохмотьев, перемешанных с кусками кого-то непонятного, истекающими густой зеленой жидкостью: вот вроде бы ящерица лапа, кусок перепончатого крыла, чешуйчатый хвост, еще конвульсивно свивавшийся в кольцо...

Только теперь Сварог догадался выхватить меч. Но вмешательства уже не требовалось. Циркач лежал неподвижно в нелепой позе, подогнув колени к подбородку, а от мешка и неведомого живого существа остались одни ошметки.

— Тыфу ты, — с некоторой даже скучой сказал капитан Зо. — Василиск. Ничего интересного, тем более необычного. А говорили, василиски окончательно перевелись.

— Он что, убивает взглядом? — спросил Сварог.

— Да нет, бабья болтовня. Но парализует качественно. Мы провалиялись бы достаточно долго, чтобы этот скот успел связать всех, как цыплят на продажу, и радостно бежать за подмогой...

— Интересно, правду он болтал насчет Фиортена? — мрачно спросил боцман Блай.

— Врал, конечно. И насчет осады, и насчет трех сотен. Видишь ты где-нибудь следы большого отряда? То-то. И коням,

и людям нужно жрать. Слишком много овса и припасов пришлось бы с собой тащить. А путь из Харлана неблизкий. Нет, я охотно верю, что харланская конница ошивается где-то в Пограничье, но на сотни ей счет не идет. Несколько десятков. А у такого отряда кишака тонка осадить Фиортен. Либо они торчат у Храма Ашореми, либо рыщут ниже по реке. Басс дело знает. А этот был дурак. Сразу нужно было выпускать эту тварь из мешка, а не разговоры разговаривать... Ладно, закопайте все это поодаль от дороги и поторопимся.

Часа полтора они неслись то галопом, то размашистой рысью. Когда по обе стороны дороги появились поля и неблизкие виноградники, солнце уже скрылось за горизонтом, и они еще долго ехали меж бесчисленных рядов увитых лозой подпорок, поднимавшихся в гору. Кони начали стричь ушами и радостно пофыркивать, без понукания ускоряя бег: чуяли близость жилья. Сварог и сам явственно почуял запах дыма.

Капитан Зо остановил коня на перевале, обернулся к своему отряду:

— Вот вам и Фиортен и, что характерно, никаких харланцев вокруг.

Сварог подъехал к нему. Да, чтобы взять деревню, пришлось бы повозиться. Окруженные высокой каменной стеной, в низине меж гор стояли несколько сотен крепких каменных домов под черепичными крышами, от которых поднимались многочисленные дымки. Деревья, сады и огороды, амбары, в середине — круглая большая площадь. На ней горели огромные костры, и на фоне высокого желтого пламени мелькали в танце вереницы взявшихся за руки фигурок.

— Ваш старый капитан снова на высоте, — сказал Зо. — Чтобы совместить приятное с полезным, я рассчитывал подгадать к празднику, так оно и оказалось. Он среди друзей, в полной безопасности, так что можете поразвлечься. Но смотрите у меня, в меру. Неплохое место, лорд Сварог. Деревня богатая, фригольдерская, а при переселении они лишились бы всех вольностей, вот и решили остаться...

Тяжелые дубовые ворота распахнулись для них беспрепятственно, едва караульные перекинулись парой слов с капитаном Зо. Лошадей они оставили в конюшне у ворот, там же сложили и большую часть оружия, но когда Сварог собирался снять меч, капитан перехватил его руку:

— Милорд, в этих краях меч всегда держат при себе. Даже ложась спать в собственном доме, к постели прислоняют...

Позже, когда они всей гурьбой вышли на площадь, Сварог убедился, что с оружием здесь и в самом деле не расстаются — и у плящущих вокруг костров, и у тех, кто стоял вокруг, даже у подростков, мечи висели на поясах, даже женщины в ярких рубашках с широкими рукавами и белых коротких юбках с искусной вышивкой носили длинные широкие кинжалы. Понятно, в здешних местах крепкое хозяйство нужно уметь отстоять от многочисленных охотников до чужого добра, и подтверждать это умение, должно быть, приходится часто...

Сначала они не разделялись, стояли у огромного чана, где шипело и пузырилось в свете факелов и костров черное молодое вино, и его наливали всем желающим, сколько принимала душа. Правда, вино было легкое, по-настоящему праздничное — ниоткуда не торчали ноги упившихся, никто не рвал друг на друге рубахи. Сварог самокритично подумал: у нас, с таким бесплатным чаном, давно бы все опошили до полной похабщины... И отпил из кружки, скрупультно, пару глотков — ему приходилось сиживать в молдавских винных погребах, и он хорошо помнил коварство молодого вина: льется в глотку, как родниковая водичка, но стакана после четвертого вдруг обнаружишь, что блаженно покоишься под столом...

Вскоре компания странствующих купцов как-то незаметно распалась. Сначала где-то в хороводе исчез боцман Блай, потом потерялся один из матросов, туманно объяснив про живущего поблизости кума, потом пропали остальные двое, которых Сварог не знал по именам, а спустя немного времени рядом не оказалось ни капитана Зо, ни Борна, и Сварог остался один, не особенно этому огорчившись. Он стоял, прислонившись к столбу, поддерживавшему навес над чаном, отпивал по глотку из тяжелой глиняной кружки и чувствовал себя прекрасно. Особенно когда с приятностью озирал женщин, благо посмотреть было на что: у легких рубах вырезы глубокие, на обнаженных шеях ожерелья из древних золотых монет, кавалеры, ухарски вскрикивая, кружат дам, волнующе взметываются короткие юбки, грохочут барабаны, свищут дудки, старики невольно выпрямляют спины, подростки, прячась в боковых уложках, подталкивают друг друга в спину, но на площадь выйти не решаются. «Нет, у нас бы давно нажрались и передрались», — подумал Сварог и поежился от странного ощущения:

все, кого он знал и помнил, еще только должны были родиться через долгие тысячелетия, и погибшие еще не погибли... Пропасть, отделявшая его от прежней жизни, оказалась столь широка и бездонна, что рассудком совершенно не воспринималась. Тем более теперь, когда дикая музыка будоражила кровь, и все женщины казались прекрасными. Но та, что стояла поблизости, черноволосая, в красной рубашке и вышитой юбке, красавицей не казалась — она ею была. И юной девочкой она отнюдь не выглядела, так что Сварог, давно не имевший дела с юными, лишь приободрился. Попросту подошел и спросил ни к чему не обязывающим тоном:

— Я тут стою и удивляюсь — вы красивая, но никто вас не зовет танцевать...

И спохватился — быть может, с точки зрения местных обычавов совершил какую-то жуткую бес tactность. Но нет, черноволосая открыто посмотрела ему в лицо, усмехнулась и сказала:

— Я колдунья. Многие меня побаиваются — просто так, без неприязни, по традиции...

— Как-то так получилось, что я колдуний не боюсь, — сказал Сварог. — Я ими даже восхищаюсь иногда. И сегодня тоже.

— А если мне на самом деле сто лет и я только прикидываюсь молодой?

— Быть этого не может, — сказал Сварог. — Я сам умею колдовать, так что...

— Колдовать ты не умеешь, — ответила она. — Ты просто выучил ровно столько, сколько тебе позволили, а это совсем не то... — Она рассмеялась, видя его легкую оторопь. — Теперь понимаешь, что такое — умение колдовать? Вот видишь, и ты испугался...

— Ничего подобного, — сказал Сварог браво. — Я просто огорчился. Раз так, ты прекрасно понимаешь, что у меня на уме, и пошлешь ко всем чертям...

— Чтобы понять, что у тебя на уме, не нужно быть колдуньей.

— И что? — Сварог вопросительно поднял брови.

— И ничего, — засмеялась она. — Любая колдунья — еще и женщина. И если ей не сто лет... — Она протянула руку. — Пошли в круг?

И они вошли в круг, понеслись в хороводе вокруг костра. Сварог выделявал руками и ногами совсем не то, что остальные, но никто не обращал внимания. Главное было — попасть в

ритм, не сводя глаз с ее улыбающегося лица, и это оказалось не так уж трудно. Труднее было уйти с площади незаметно.

До рассвета весь мир был лишь нежным теплом и запахом сена.

...Сварог пошевелился, зашуршало пахучее сено. Узкое горизонтальное окошко под самым потолком давало достаточно света, чтобы он мог рассмотреть ее лицо, ставшее строгим и печальным.

— Вот и все, — сказала она тихо, мягко отстранила Сварога, когда он потянулся к ней. — Вот и все...

— Но... — сказал он и замолчал, совершенно не зная, что еще сказать.

— Вот и все. Ты, конечно, можешь сказать, что безоглядно меня полюбил и непременно вернешься ко мне после ратных трудов... но ведь это будет неправда, верно?

— Верно, — сказал Сварог. — Я и сам не знаю, что со мной будет завтра...

— Вот видишь. Что бы с тобой ни случилось, сюда ты уже не вернешься. А если и вернешься, то только для того, чтобы вновь остановиться на ночь и утром ускакать дальше, на сей раз навсегда. Так что не нужно ничего обещать. Благо оправдываться не за что.

— Неловко как-то...

— Потому что ты еще не освоился в этом мире. Откуда ты, я не знаю, но чувствую — из страшного далека... Ни в чем себя не упрекай и не старайся усмотреть сложности там, где их не должно быть. Нам было хорошо — вот и все. — Она натянула рубашку на плечи, стянула шнурком на груди, ласково провела ладонью по щеке Сварога. — Нам было хорошо... Правда, мне еще и тревожно. Что-то недоброе впереди. Но здесь ничего иного впереди и ждать не может...

— Почему же вы отсюда не уйдете? — спросил Сварог.

— Потому что Фиортену — три тысячи лет. Когда-нибудь мы уйдем, но это будет в предпоследний миг... Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Сварог. — А вы успеете почувствовать, что пришла пора?

— Успеем. Береги себя. Возьми. Не знаю, в какого бога ты веришь, но это всем помогало...

На черном шнурке покачивалась каменная фигурка, вроде бы изображавшая человека, но настолько окатанная, словно бы оплавленная временем и прикосновениями бесчисленных

рук, что не понять уже, кого она в незапамятные годы изображала.

— Повесь на шею.

— Что это?

— Это алар. Дух-покровитель из тех времен, когда здесь еще не было Фиортена, когда лары еще не ушли за облака. Их находили в старых курганах, насыпанных еще до потопа и Шторма.

— До чего? — спросил Сварог.

— Ох, ничего ты не знаешь, я вижу... Штурм — так называется череда катастроф, войн и несчастий, предшествовавших уходу ларов в небеса и упадку на земле. А потоп случился лет за пятьсот до Штурма. Надень на шею. Теплый, правда?

— Теплый...

— Он станет холодным, когда тебе будет грозить опасность большая, нешуточная. Уберечь не сможет, но предостережет...

Сварог надел шнурок через голову. Теплая фигурка скользнула на грудь, пониже креста.

— Спасибо, — сказал он.

— А теперь иди. Тебя уже заждались. Где твой меч?

Сварог растерянно зашарил вокруг, разбрасывая сено, наткнулся на ножны.

— Ну вот, — засмеялась она. — Сразу видно, что ты нездешний. Меч всегда должен лежать под рукой...

В воротах Сварог обернулся к ней, хотел сказать что-то нежное и серьезное, но не нашел слов.

Женщина прижалась к нему, гибкая, сильная, теплая, крепко поцеловала и отстранила, заглянула в глаза:

— Иди и не оглядывайся. Мужчины не должны оглядываться, иначе выйдет не к добру...

Сварог быстро шагал мимо просыпавшихся домов — зевали и лениво ворчали на него кудлатые собаки, в хлевах мычали коровы, в кухнях гремела посуда. Вставало солнце, и он вдруг вспомнил, что так и не узнал ее имени, да и свое не называл, но возвращаться, понятно, не стал — чувствовал, что этого никак нельзя делать. Да и не нашел бы дороги. Он прекрасно помнил ее голос, ее запах, ее тело, но дороги назад не нашел бы, как ни старался, не помнил ворот, мимо которых только что прошел, улочек, в которые только что сворачивал. А ведь забывчивостью он никогда не страдал...

У деревенских ворот его и в самом деле ждали возле оседланных коней все шестеро спутников. Обошлось без мужских шуточек вслух, только боцман Блай хитро подмигнул — левым глазом, правым, левым, правым.

— Ну, приятное позади, — сказал капитан Зо. — Впереди теперь, увы, одно полезное, то есть насквозь опасное. По коням!

Он первым въехал в ворота и приказал:

— Рысью... Между прочим, в окрестностях и в самом деле болтались харланские конники, десятка два. Но очень быстро убрались в сторону Храма Ашореми. Что доказывает: Басс постарался на совесть.

* * *

Капитан Зо остановил коня, протянул руку:

— Ну вот, милорд. Добро пожаловать в Ямурлак. Вон там, где торчит истукан, Ямурлак и начинается.

Покосившийся каменный истукан с полузатершимися древними письменами на груди торчал на обочине дороги, и не было никакого зримого рубежа — одна и та же земля по обе стороны незримой черты, одна просторная долина с синей каемкой гор вдали, лес и дорога. Только мерные столбы оказались другими — не круглые столбики с государственным гербом, а каменные шары. Зловещая слава Ямурлака, страны злых магов, безвозвратно ушла в прошлое уже вскорости после Шторма. В отличие от Хелльстада, местные твари были гораздо менее опасными, и на них с превеликим удовольствием отправлялись охотиться окрестные сорвиголовы. А населяли Ямурлак в основном самые обычные люди, хоть и баловавшиеся нехорошой магией. Так что предпринять против них лихой поход тоже считалось своего рода хорошим тоном, причем никто не собирался на отвоеванных землях селиться, дружины удальцов вторгались сюда, чтобы пожечь и порубить в свое удовольствие, а потом уйти на полном галопе. Такие привычки, а вдобавок и странные, неизвестные за пределами Ямурлака эпидемии, довольно быстро страну обезлюдили, хотя еще лет триста назад, мимоходом упомянул Борн, здесь прозябала парочка городов и несколько деревень. Потом и их извели под корень последние искатели золота и экзотических редкостей, и окрестные короли всерьез задумались: а не поделить ли опу-

ствевший Ямурлак меж собою? Но тут грянуло нашествие Глаз Сатаны, и эту идею моментально отбросили. Ямурлак умер, как и населявшее его в древние времена зло. В земле и в мертвых городах, по достоверным слухам и преувеличенным рассказам, таилось, правда, немало такого, чего и не стоит выкапывать и подбирать, чтобы не пожалеть потом. А по земле хоронились в глухих уголках крайне редко встречавшиеся образцы многочисленных некогда разновидностей нечисти — понастоящему жуткие и грозные твари вымерли или старательно уничтожены, а то, что затаилось, было, конечно, опасным, но никак не подходило под категорию «неодолимое». Примерно так можно подытожить знания на сей счет, вложенные Сварогу в голову под гостеприимной крышей Магистериума. О деталях и частностях тамошние технократы не позабочились. Так что вся надежда была на спутников.

Спутники держались настороженно, но не хватались за оружие при каждом шорохе. Проходил час за часом, долины сменялись перелесками, а те — нависавшими над дорогой скалами и урочищами, но ничего не происходило. Временами то далеко в поле, а то и близ дороги попадались мертвые города в разных стадиях разрушения, города непривычной, диковатой архитектуры, и тогда снова и снова завязывались жаркие споры — стоит ли пошарить в покинутых домах как-нибудь на досуге и все ли, что там может отыскаться, обязательно приносит несчастье. Блай и один из моряков были уверены, что кое-что способно пригодиться, и в доказательство приводили вполне достоверные случаи. Другие двое с тем же пылом и на столь же многочисленных примерах доказывали обратное. Слушать и тех, и других Сварогу было чертовски интересно, но он немного тревожился, до сих пор понятия не имел, куда они едут и что собираются делать. Ясно, что капитан Зо не подряжался собирать виноград или класть печи, и все же опасность, про которую знаешь наперед, придает определенности...

Когда они проезжали мимо черного замка с высокими башнями, увенчанными странными усеченными конусами, обращенными раструбами к небесам и оттого напоминавшими гротескные зенитки, на полу рассыпавшуюся стену моментально взобралось что-то серое, мохнатое, величиной с кошку, зеленоглазое, с пушистым коротким хвостом — и печально заухало, застонало, замахало лапками, закричало что-то вполне членораздельное. Сварог насторожился, но его спутники отнеслись

к серому завывавшему созданию прямо-таки наплевательски, покосились мельком и больше не обращали внимания.

— Да это ихний домовой, — пояснил Блай. — Чуть ли не единственная тут совершенно безобидная скотина. И даже в некоторых смыслах полезная. Можно бы подобрать, да не стоит возиться. Капризный, скот. Моря не выносит совершенно, на корабле быстро дохнет, а зачем он нам такой? Хочешь, забирай. На суша может пригодиться. Слышишь, надсажается? Скучно ему без хозяина, падле.

— У меня уже есть один, — сказал Сварог. — Куда мне два? Еще передерутся.

— Уж это точно, долго шерсть летать будет... Ну, подаришь кому-нибудь.

— Ну его, — сказал Сварог. — Не возвращаться же.

— А на обратном пути можно и пошуровать. — мечтательно сказал Блай. — Поискать бутылки с джиннами. Их тут еще хватает, говорят. Знал я одного капитана. Попалась ему бутылка с джинном, а тот оказался духом земли, знай таскал изумруды, да не какие-нибудь, ронские...

— Я тоже знал одного судового врача, — отмахнулся капитан Зо. — Единственного, кто спасся с «Прекрасной рыбачки», когда на ее борту откупорили бутылку с джинном...

— Джинны, конечно, разные бывают, — согласился Блай. — Духи воздуха — самые ненадежные. Но ведь и рискнуть можно...

— Иди один и потом откупоривай в чистом поле, — сказал капитан. — Это сколько угодно. Когда я буду подальше.

— Когда-нибудь и рискну.

— Ну-ну... — капитан Зо вдруг натянул поводья, достал подзорную трубу, всмотрелся: — С вашими джиннами... Тихо! Одна, две... Три. А говорили, вымерли... Ну, может, и обойдется. В лес, живо!

С захода налетали, плавно, бесшумно взмахивая крыльями, три черные птицы, донесяся их протяжный крик, странно похожий на человеческий, но некогда было приглядываться — Сварог уже мчался вслед за остальными в лес, под раскидистые кроны темных елей. Всадники остановились, держась тесной кучкой. Со всех сторон лезли в лицо колючие ветки. Кони беспокойно приплясывали. Сварог видел, как Борн выстрелил наудачу, но стрела не долетела, запуталась где-то в кронах. Сверху, словно в ответ, раздался хриплый хохот. Сва-

рог встал на стременах, отвел ветку, мешавшую рассмотреть кусочек неба.

Птицы, выставив лапы с кривыми когтями, кружили над самыми верхушками елей, то и дело заслоняя небо и солнце. Они были громадными, крылья не меньше трех уардов в размахе, и на длинных голых шеях сидели самые натуральные старушечьи головы с раскосмаченными седыми волосами, злющими лицами, клыкастыми, почти безгубыми ртами. Сварогу показалось, что он встретился с одной взглядом, и он инстинктивно выпустил ветку, шумно свистнувшую мимо щеки.

Время шло, а странные создания, крича заунывно и зло, кружили над лесом.

— Капитан, они не отвяжутся, — сказал Борн. — Придется драться.

— Может, обойдется, — хмуро ответил капитан.

Но в этот миг сверху раздалось каркающее:

— Оставьте нам коней! Оставьте коней! И убирайтесь! Хотим есть! Будет хуже!

— Ничего не пойму, — сказал капитан. — Мне голову давали на отсечение, что этих поганых ворон ни одной не осталось. Последнюю убили лет восемь назад. Басс не мог ошибиться.

— Значит, ошибся, — сказал Борн и добавил со странной интонацией: — Бойся не бодрствующего, бойся спящего... Да-вайте, капитан. Что, если они подпалят лес?

— Сказки. Если...

Что-то полетело вниз, обрушилось на лес сразу во многих местах, шипя и свистя, и сразу же потянуло удущливым дымом, треск пламени раздался со всех сторон. Сварог услышал команду капитана «За мной!», понесся следом за остальными, низко нагнув голову к конской шее, чтобы не выхлестнуло глаза и не зацепило суком по башке. Спутников он почти не видел — лишь порой, высовывая голову справа или слева, замечал впереди конские зады и людские спины и тут же прятался за гравастую шею, как черепаха в панцирь. Хорошо еще, кони были приучены держаться вместе. Еще два раза на лес обрушился свистящий огненный дождь, пожар разгорался, тянуло жженой смолой. Конь под Сварогом начинал беситься, вот-вот готов был понести. Пылающая ветка с маxу хлестнула по груди, рассыпав жалящие искры. Над головой неотвязно шумели крылья.

Внезапно лес кончился, и конь с разлету вынес Сварога на огромную поляну — посреди стоял каменный дом с низкой крышей и выбитыми окнами, — помчался прямо к покосившимся воротам. Сварог посмотрел через плечо — птица настигала его, заскользившись назад, как атакующая сова, выставив растопыренные когтистые лапы. Обрывая путовицу кармана, он выхватил шаур, подпрыгивая в седле, старался прицелиться поточнее. Палец лег на спуск. Черные крылья трепыхнулись, дернувшись не в лад, раздался яростный вопль — он не промазал. Но птица не отставала. Сварог не снимал палец со спуска, видел уже, как от метких попаданий взметываются на ее груди черные перья, но гарпия-старуха оказалась невероятно живучей, а значит, к нечистой силе отношения не имела. Сварог что есть силы натянул поводья, осаживая разгоряченного гнедого, выхватил меч, бросил коня в сторону. Он видел, что и остальные выскочили из леса, несутся к дому. Кому-то тоже удалось остановить коня, и он отмахивался топором от кружившей над ним птицы. От пронзительных старушечьих воплей ломило в ушах.

Раздалась пулеметная очередь, короткая, гулкая. Еще одна. Абсолютно неожиданные здесь звуки. Тяжелое тело шумно грянулось оземь. И еще одно. Снова очередь, подлиннее.

Сварог оторопело огляделся. Капитан Зо стоял у невысокой каменной ограды, расставив ноги, окутанный дымом, уперев в плечо приклад самого настоящего пулемета — с очень толстым дулом, как у первых «Льюисов», широким диском снизу. Длинная очередь сопровождала последнюю птицу до самой земли. Черная тварь, ломая крылья, грохнулась в высокую траву и неподвижно застыла нелепой кучей, как и остальные две. Капитан опустил дымящийся пулемет, отошел подальше от сизого облака, остро вонявшего дымным порохом, грустно сказал Сварогу и Блаю, оказавшимся ближе всех:

— Ну вот, еще не доехали до места, а патроны тратим во всю. Все из-за вас, обормотов, не хотел, чтобы вам лишний раз дырявили шкуру перед главным делом...

К ним, огибая черные груды перьев, съезжались остальные. Над лесом поднимался дым, вскидывались языки пламени, но опасаться не приходилось — на открытом месте пожар должен был остановиться.

— Посмотрите в доме. На всякий случай, — сказал капитан Сварогу. — Коням — передышка!

Сварог толкнул ногой отчаянно заскрипевшую дверь, вошел, держа шаур наготове. Высокие кресла и стол переверну-

ты — судя по слою пыли, давным-давно. Одно из кресел лежит поперек скелета в истлевших клочьях кожаной одежды — судя по его позе, кресло упало уже на мертвого, и никто потом не позаботился его вытащить. И не забрал меч, теперь совершен-но проржавевший.

Обивка стен висела истлевшими лоскутами, вконец вы- цветшими. На крестьянскую усадьбу дом что-то не походил — скорее на охотничий домик дворянина. Сварог заглянул во все комнаты — пыль, запустение, не видно ничего мало-мальски ценного, а все остальное перевернуто вверх дном. Грабили, по- хоже, в большой спешке. Судя по всему, в самой большой ком-нате и разыгрался последний акт неизвестной драмы — скелеты там лежали навалом, в беспорядке, во множестве, из-под них не видно было пола. Лохмотья одежды, ржавые кольчуги и шлемы, мечи. Все произошло так давно, что смотреть было ничуть не противно — словно стоишь над раскопом, только что сделанным археологами.

Одни скелеты оказались нормального роста, другие словно бы принадлежали детям — но кости толстые, отнюдь не дет-ские. И оружие у этих странных карликов было самое настоя-щее, они и мертвыми стискивали полуистлевшие топорища, ржавые рукояти мечей. Мечи и топоры ничуть не уступали по размеру оружию их противников.

Сварог пошевелил носком сапога ржавый двойной топор странной формы. Поднялась пыль, запершило в горле. Что-то прозвенело совсем даже в стороне от его ноги — чистый, высо-кий звон золотого бокала, ничуть не похожий на хруст трущихся друг о друга двух кусков ржавого железа. Сварог нагнулся, всма-триваясь и особо не приближаясь, — вдруг змея, кто ее знает...

Острый алый лучик блеснул меж желтых костей, истлев-ших лохмотьев и полос ржавчины, сохранивших отдаленное сходство с оружием.

Секунду поколебавшись, Сварог шагнул ближе и решитель-но разбросал сапогами все, что мешало рассмотреть странный предмет. Достал меч, повершил лезвием. Выпрямился, дер-жа в руке красивый и нисколечко не пострадавший от времени боевой топор. Черное древко, словно бы покрытое ничуть не потрескавшейся эмалью, сплошь изукрашено рельефным узо-ром из золотых кружочеков, едва выступавших над топорищем, напоминавших шляпки гвоздей, — должно быть, задумано не ради одной красоты, а еще и затем, чтобы не скользило в руке.

Отливающее синевой лезвие в форме полумесяца с хищно-изящным, выгнутым верхним концом. Большой красный камень в навершии, ограненный пирамидкой со срезанной вершиной, — он-то и сверкнул сквозь вековую пыль. На обушке — глубокая впадина в виде странного рунического знака, никогда Сварогу не встречавшегося.

Сварог взмахнул топором, рассек им воздух крест-накрест — древко удобно лежало в руке, оружие было невероятно красивое и совсем не тяжелое. Никак нельзя было оставить его среди костей и пыли, даже помня все жуткие рассказы о таящих проклятье здешних находках. Мужчины любят оружие нерассуждающей страстью — а этот топор ни у кого не хватило бы духа выбросить.

В соседней комнате громко застучали сапоги, кто-то крикнул:

— Граф, не слопали вас там?

— Я здесь! — откликнулся Сварог.

Вошел боцман Блай, шумно вздохнул:

— Фу ты, мы уж забеспокоились, что-то милорд носу не кажет и голосу не подает. А пылищи... Морские Короли, Лазурная Дева и все сто сорок три морских черта! Якорь мне в задницу, чтоб меня сожрал Великий Кракен, чтоб мне... Топор здесь лежал?

— Да, — забеспокоился Сварог. — А что, бросить от греха подальше?

— Погоди. Погоди-погоди... — Блай схватил его за рукав и потащил наружу. Когда они оказались во дворе, огляделся и подтолкнул Сварога к дереву толщиной с фонарный столб. — А ну-ка, рубани от души!

Сварог размахнулся и едва не полетел носом вперед — сверкающее лезвие, свистнув синей молнией, рассекло ствол так, словно он был картонный и пустой внутри. Дерево постояло секунду, стало заваливаться, обнажив пень с безукоризненной линией среза, гладкой, как стекло. Живое дерево, ничуть не трухлявое, рушилось все быстрее, люди с воплями брызнули во все стороны. Рухнуло. Комель подпрыгнул пару раз и замер.

— Что за фокусы, душу вашу? — взревел капитан Зо за спиной Сварога и Блая. Запнулся на полуслове и тихонечко вымолвил:

— Святая Бригита, Доран-ан-Тег, Топор Дорана... В точности.

— Топор Дорана, — плачущим голосом подтвердил Блай и вдруг взывал так, словно ему прищемили в дверях что-нибудь чувствительное: — Не зря говорят — новичкам везет! Я ж первый мог зайти и увидеть! Я всю жизнь мечтал!

Он что есть мочи, ничуть не играя, трохнул себя кулаком по бритой голове, воя и мыча.

— Господи, да возьми ты его себе, — торопливо сказал Сварог, протягивая топор, хоть и ужасно жалко было расставаться.

Блай отпрыгнул:

— Убери! Теперь твой...

— Да бери... — сказал Сварог упавшим голосом.

Капитан Зо перехватил его руку:

— Теперь вой не вой... Поздно. Если кто-нибудь у вас его попытается взять, украсть или отнять, лорд Сварог, тому, что характерно, топор оттяпает руку. А то и голову — это же Доран-ан-Тег. И нельзя его ни продать, ни подарить, ни отнять, ни забрать у мертвого. Можно только случайно найти, как вы, потому что вы-то никакого отношения к смерти последнего хозяина не имеете. Действительно, новичкам везет... По коням. Пожар все же может подобраться.

Покачиваясь в седле рядом со Сварогом, то и дело бросая на топор печальные, завистливые и жадные взгляды, Блай рассказывал:

— Двадцать тысяч лет назад Доран сделал полный доспех: кольчугу, шлем, щит, меч, лук со стрелами, топор, копье и кинжал. Кольчугу, шлем и щит ничто не могло пробить, даже молнии ларов, когда они позже появились, говорят, отскакивали. Ну а меч с топором, стрелы и копье с кинжалом пробивают все, что угодно. Никто не знает, что это было за железо, и на каком огне Доран все это ковал, и кто был подмастерьем, но железо и огонь, надо полагать, были не простые и меха раздувал не кузнец-деревенщина... Понятное дело, Доран был непобедим. В балладах поется, что он стал королем всего Харума, и я этому очень даже верю...

— И забыл, что нельзя брать в наложницы дочек свергнутых тобой же королей, — хмыкнул капитан Зо. — Одна его и зарезала, ночью, когда он, что характерно, был без доспехов. Так поется в балладах, и я этому верю...

— А что было потом? — спросил Сварог.

— Потом наследники — были там какие-то — развезли все по разным городам. Для пущей надежности, каждый боялся,

как бы другому не удалось подстроить случайность и завладеть всем доспехом сразу. И каждый ломал голову, как бы эту случайность смастерить. Ну, можно же было заманить в сокровищницу любимого сына или там внука, ведать ничего не ведающего, он и нашел бы. Совершенно случайно. А время-то шло, люди умирали, на свете и без Дорановых доспехов происходило немало всякого... Кто-то успевал шепнуть наследникам, кто-то нет, шли войны, сокровищницы горели, их грабили, память стиралась, посвященные хранители понемногу переводились... Кто его знает, как там было во всех подробностях двадцать тысяч лет назад. Словом, настало время, когда Доспех Дорана все-таки пошел по рукам. Сами представляете, какую охапку романов можно написать о судьбе одного-единственного кинжала.

— Ну а в конце-то концов? — спросил Сварог.

— Кольчугу унесли гномы, наверняка сделали из нее несколько маленьких, они единственные, кому такое по силам. А поскольку гномы вымерли, кольчуги и сейчас валяются где-то в их подземельях, куда никто не знает дороги. Лук со стрелами затерялся на Сильване. В шлеме похоронили одного из Морских Королей, и шлем сейчас покоится где-то на дне океана — потому что Морских Королей на суще не хоронили. Щит — у ларов. С копьем когда-то отправился в Хелльстад некий рыцарь, оттуда не вернувшийся. Где сейчас меч и кинжал, не знает никто. Быть может, лежат на дне моря, в чьей-то забытой могиле или висят на стене у любителя старинного оружия, ничего такого не подозревающего. Топор тоже считался пропавшим, но его следы терялись не в Ямурлаке, а в Сегуре...

— А эти скелеты... Гномы?

— Гномы, — кивнул капитан. — Даже если они узнали Доран-ан-Тег, забрать все равно не смогли. Хотите несколько советов, лорд Сварог? Не увлекайтесь чересчур этим топором и никогда не полагайтесь только на него. Можете стать слишком самоуверенным и разучитесь владеть мечом и саблей. А в жизни может подвернуться множество сложностей, когда и Доран-ан-Тег не спасет. К тому же он сделает вас заметным. Точных описаний нет, и помнят их скорее бродяги вроде нас, чем книжники и антиквары, но какой-нибудь книжный червь может опознать топор, и ваша жизнь превратится в сплошную неприятность... Владельцу оружия Дорана из-за множества звидущих глаз самому не помешает охрана — это и называется научным словом «парадокс»...

— Но его же нельзя отнять?

— Зато вас можно угрожать в какой-нибудь глупи, как сделали спрежним хозяином. Извести гуда любими деток-племянников. Кто откажется оставить потомкам такое сокровище?

— Да, верно...

— И еще. Никогда не забывайте, что ан-Мор и ан-Рагт, меч и кинжал, могут оказаться у кого-то на поясе... Все, кто сделал своим ремеслом войну, стараются этого не забывать. Любой меч, который на вас поднимет противник, может оказаться Доран-ан-Мором. И последнее. Доспех Дорана не дает его владельцу никаких преимуществ в схватке с нечистой силой. Прежде было иначе, существовал какой-то секрет, но он канул в небытие вместе с Дораном...

— Зато с нечистой силой, я вижу, можно легко справиться пулеметом. Я о гарпиях.

— Да что вы, пули были самые обычные, — сказал капитан Зо. — Гарпии к нечисти не имеют никакого отношения. Осколок прошлого, вот и все. В незапамятные времена на Таларе обитало множество самых диковинных созданий, каковые, однако же, к нечисти никакого отношения не имели. Правда, и нечисти хватало.

— Черт... — сказал Сварог. — Я и подумать не мог, что тут, на земле, делают пулеметы...

— А их только в Снольдере и делают, — пояснил капитан. — Правда, и там их маловато — ну, ручная работа, дело трудоемкое. Если и продают за границу, то по штучке и, сами понимаете, на вес золота. Так что войну ими не выиграешь по причине малого количества. Воюем по старинке, а в Глане и обычный огненный бой не в большом ходу.

— И давно там делают пулеметы? — спросил Сварог. — Это старый образец или новый?

— Лет двадцать, — сказал капитан чуточку удивленно. — Образец? Они всегда такими и были, сколько себя помню...

Сварог недоуменно пожал плечами, глядя на громоздкое оружие. Странно. Весьма. Там, где войны не редкость, оружие любого рода и вида совершенствуется и модернизируется с невероятной быстротой. За двадцать лет можно бы додуматься до сошек, облегчить кожух да и весь пулемет. Здешние мушкеты и пистолеты исполнены рационального изящества, ни унции лишнего веса...

Глава 3

МАЛЕНЬКАЯ НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Ночевали в какой-то заброшенной избушке, относительно целой — только окна выбиты в незапамятные времена да часть черепичной крыши рухнула внутрь. Когда вечером капитан распределял, кому и в какой очередности стоять на страже, Сварога он не помянул вовсе. Тот принял это за недоверие, ни словом не намекнул, но на лице, видимо, что-то отразилось. Капитан вдруг повернулся к нему и хлопнул по плечу:

— Голуба моя, ну что вы дуетесь, как юная служаночка на деревенском празднике? Пригласят вас еще танцевать, не беспокойтесь. Вы же понятия не имеете о здешних опасностях и сроду их не отличите от чего-нибудь жуткого на вид, но совершенно безобидного. Беда с этими графьями, право...

Поначалу он думал, что не уснет, но незаметно провалился в забытье, на удивление спокойные сновидения с тихими улочками, чинными прогулками и мирными разговорами. И проснулся вполне спокойно — попросту открыл вдруг глаза, тут же вспомнил, где он и с кем он, пошевелился, ощупав рукой топорище Доран-ан-Тега, лежавшего вдоль тела лезвием к ногам, острием наружу. Поднес руку ко рту, чтобы закурить — и оцепенел, уловив краешком глаза какое-то движение неподалеку.

Уже светало, благодаря выбитым окнам и пролому в крыше Сварог хорошо различал спящих спутников. Слышно было, как за окном прохаживается, зевает с хрустом кто-то из матро-

сов. Сварог мог бы поклясться, что не спит, что все окружающее — наяву.

И женщина — тоже. Она стояла совсем рядом, глядя на него сверху вниз спокойно и отрешенно. Тоненькая, в синем балахоне, синий легкий капюшон чуть сдвинут на затылок, из-под него струятся светлые прямые волосы. Красивое, тонкое лицо, словно бы чуть изможденное или невероятно усталое. Огромные глаза, светло-синие, печальные, до чего же печальные, Боже!

Сварог сторожко пошевелился. Незнакомка неспешно, несуетливо, грациозно даже приложила палец к губам:

— Спи, еще не время...

У нее был очень странный голос — он словно бы и не звучал в воздухе, а возникал в мозгу Сварога. Сварог лежал неподвижно, уставясь на загадочную печальную красавицу, не представляя, что делать. Она грустно улыбнулась уголками губ, гибко склонилась над лежавшим рядом со Сварогом Борном, легонько поцеловала его в лоб. Отошла к одному из матросов, нагнулась, коснулась губами его лба. Все это происходило в совершившейся тишине, даже ее странное платье не шелестело по полу.

Потом женщина в синем направилась к двери, оглянулась на Сварога через плечо, бледно улыбнулась.

И вдруг стала таять, растворяться, исчезать, не замедляя шага. Еще миг — и ее уже нет.

И тогда Сварог заорал. Ему было стыдно, но он вопил что было сил, стуча зачем-то обухом топора по полу.

Все подхватились, ошалело хватаясь за оружие, готовые рубить и стрелять. Не усмотрев нигде врага, один за другим оборачивались к Сварогу. В дверь заглянул часовой и тут же скрылся.

— Домовой за уши таскал? — спросил капитан Зо, правда, без такой уж откровенной насмешки, какую Сварог ожидал.

— Здесь была женщина, — уставясь в пол, сказал Сварог. — Светловолосая, в голубой накидке. А потом... потом она пропала. Взяла и растаяла.

Он поднял глаза. Все уставились на него с жуткой серьезностью, от которой брала оторопь. Уж лучше бы смеялись.

— И что? — жадно спросил кто-то. — Что она делала? К кому...

Сварог ответить не успел. Капитан Зо рыкнул:

— Кормить коней, седлать! Живо! Жрать будем на ходу!
Все повалили к дверям. Сварог двинулся было следом, но капитан сгреб его за грудки, быстро оглянулся, убедившись, что они остались наедине, рычащим шепотом бросил в лицо:

— Молчать о подробностях! Никому ни слова! Кого она целовала?

— Только Борна и Шестипалого...

— И все? — пронизывал его взглядом капитан.

— Все, — твердо сказал Сварог.

Капитан Зо чуть ссупутился:

— Вижу, не врете — легко иметь дело с несведущим... Ох, как же это, как мне без Борна... обормота бравого...

— Да кто это был? — спросил Сварог.

— Лазурная Дева, — сказал капитан. — Фея смерти.

— Значит, тот, кого она...

— Вот именно, — капитан смотрел в сторону. — Тот, кого она поцеловала на рассвете, заката, что характерно, уже не увидит. Болтали, бывают исключения, но не верю я что-то.

— А то, что я ее видел...

— Не трясишься, — сказал капитан грубо. — Ну и видели, это еще ничего не значит. Она, бывало, и на балу появлялась, при ярком свете и многолюдстве. Черт, как мне хочется, чтобы исключения случались, не могут же сказители все время врать... Ладно. Возьмите-ка себя в руки и застегнитесь на все пуговицы, чтобы те, кто... чтобы никто по вашей роже ничего не прочел. Понятно?

Сварог кивнул. Капитан стоял, понурив голову.

— Капитан, куда же мы все-таки едем? — спросил Сварог неожиданно для себя самого.

Ему показалось, что капитан откровенно обрадовался возможности сменить тему.

— У нас маленькая война, — сказал Зо. — Совершенно незаметная для большинства людей, такие войны бывают каждый день во всех уголках земли... Вы слышали про навьев? Что, никогда не слышали? Ну да, не успели. Навьи — это мертвые воины. Точнее, мертвецы, которых подняли из могил и сделали солдатами.

— А что, это возможно? — У Сварога поневоле отвисла челюсть.

— Еще как. Достаточно заполучить неповрежденный череп. И знать нужные заклятья. Правда, считалось, что последние

мастера этого искусства давным-давно вымерли, им очень целеустремленно помогали вымирать, как всем магам... но что-то в последнее время многое из считавшегося навсегда исчезнувшим объявляется вновь, вот и гарпии... Получаются великолепные солдаты — нерассуждающие, покорные, проворные, кровь не течет, боли не чувствуют, чтобы покончить с таким, нужно отсечь ему башку, но и тогда осталное еще долго слепо крушит все вокруг. Догадываетесь, какие препятствия стоят на пути владеющего этой поганой наукой? Нет? А это очень просто. Черепа добывают в могилах. Но трудновато было бы обкрадывать могилы, оставаясь незамеченным. Черепов ведь нужно много... Вот кто-то очень хитрый и довольно глупый отыскал выход — потрошил в Ямурлаке и Пограничье заброшенные кладбища. Их много, а присмотра за ними никакого.

— Почему вы считаете его глупым?

— Потому что Пограничье особых неожиданностей не сулит, а вот Ямурлак... Древние обитатели Ямурлака были народом опасным, в них было больше от нечисти, чем от рода человеческого. Понимаете? Тот, кто наберет себе войско из этих молодчиков, рискует головой. На него самого, конечно, плевать с верхушки мачты, но ямурлакские навы, оторвав такому голову, останутся на этом свете... А может оказаться и опаснее.

— Как это?

— Если ямурлакских мертвцев собирает под свои знамена тот, кто способен крепко держать их в узде. А такой искусствник только один... И следует молиться день и ночь, чтобы моя догадка оказалась неверной. Иначе... Я себя не приукрашиваю, лорд Сварог. Я авантюрист и пират. Но есть вещи, против которых сочтет себя обязанным драться бесплатно самый поганый пират — ну, кроме вовсе уж отпетых. Даже Паскуда Даргун... ну, вы же не знаете Паскуду Даргуну...

— Значит, мы...

— Значит, мы уже через час-полтора должны будем прихватить на одном старом кладбище неких любителей древностей. И крайне обстоятельно допросить одного из них. Шансы у нас есть. А вот выбора нет.

— Как будто у меня выбор есть... — невесело усмехнулся Сварог.

Капитан несильно ткнул его кулаком в живот, оскла-бился:

— Вот и прекрасно. Подробности — по ходу дела. И смотрите у меня... Я сейчас погоню ребят галопом, ни у кого не бу-

дет времени думать или приглядываться к вам. Когда начнется заварушка, старайтесь прикрывать Борна. Бывают же чудеса, вдруг обойдется...

Сварог тоже надеялся, что чудеса случаются. Борн ему отчего-то нравился. Да и Шестипалого жаль. И вообще — невероятно тяжело знать заранее...

Едва он вскочил в седло, капитан погнал отряд бешеным галопом, так что остальным некогда было таращиться на Сварога, и ему самому некогда было бросать по сторонам хотя бы мимолетные взгляды. Капитан не щадил коней — значит, цель их путешествия близка. Они скакали заросшими высокой травой лесными дорогами, петляли меж холмами, обернутые грубым полотном копыта коней ударяли оземь глухо, почти беззвучно, и оттого окружающее выглядело чуточку нереальным, они сами были как призраки посреди умершей страны, посреди пронизанного солнечными лучами леса. Сбруя не звякала, даже увешанный оружием Блай ухитрялся не греметь своим арсеналом — и они скакали так, пока впереди не вырос верховой. Он стоял на дороге, спокойно опустив руки на шею коня, и на плече у него сидел бурый ястреб. А может, сокол или беркут — Сварог в них плохо разбирался.

Капитан подъехал, быстро, деловито спросил:

— Как?

— Он там. С ним только пятеро, — так же деловито, резко ответил незнакомец. — Все верхами. Одна повозка. Копают со вчеращеннего дня. Держатся совершенно спокойно.

— Что в окрестностях?

— Харланские конники в двадцати лигах отсюда. Расположились в старом городе. Две полусотни. Одним словом, все в порядке. И все же что-то неладно, Зо. Очень похоже, что с гробокопателями есть еще седьмой и засел где-то на страже, но меня не это беспокоит...

— А что тебя беспокоит? — вкрадчиво спросил капитан.

— Магар волнуется, — незнакомец скосил глаза влево, на ястреба, беспокойно переступившего с лапы на лапу. — Странно как-то волнуется, ничего не понимаю, а я ведь с ними вожусь двадцать лет. Что-то неладно в округе.

— Голуба моя, здесь всюду и всегда неладно, — ответил капитан с обаятельной улыбкой.

— Знаю. Но есть что-то, чего я никак не могу уловить, это и беспокоит.

— Бывает. С каждым, — сказал капитан. — Ладно, ты свое сделал, так что можешь ехать восьмояси и сообщить, что мы начали работать. А мы начинаем без шума и песен...

Незнакомец кивнул и повернулся коня.

— Начали, — сказал капитан, спешиваясь и взваливая пулевет на плечо. — Шестипалый остается с лошадьми. Блай и Чаба верхами заходят слева. Остальные со мной.

Сварт спрыгнул с коня и, держа топор за древко у самого обуха, зашагал за капитаном меж толстенными соснами, покрытыми зеленым кружевом лишайника. Порой на лице липко и невесомо рвалась паутина. Чувства, которые он испытывал, оказались, в общем, давно знакомыми по прежним дракам — чуточку свербило в затылке и время, представлялось, бежит чуть суетливее.

Они остановились на опушке и смотрели вниз, прячась за деревьями. Уардах в ста впереди, там, где кончался пологий склон, виднелось кладбище — аккуратные ряды густо поросших травой бугорков, и большая их часть зияет круглыми ямками с футбольный мяч диаметром, окруженными свежевзрыхленной землей. Вдали скопище полуразрушенных каменных домиков — не деревня, скорее, небольшой городок. Ограда кладбища давно рухнула, но маленький храм с высокой квадратной башенкой еще держался.

Потом Сварт увидел людей, зачем-то торопливо пересчитал их — да, шестеро, одеты неброско и небогато, но вооружены отменно. Двое стояли у повозки, зорко оглядываясь вокруг. Четверо были поглощены делом. От могилы к могиле переходил высокий человек с густыми, черными волосами — в них над левым ухом порой отблескивал на солнце кроваво-красный самоцвет. Остановившись, он простирая руки ладонями вниз, разведя их чуть пошире плеч, замирал, что-то шепча. Земля на могиле взметывалась вдруг, словно выброшенная беззвучным взрывом, и в образовавшуюся круглую дыру, словно подброшенный, вылетал череп. Черноволосый, вмиг потеряв интерес к могиле, переходил к следующей, а кто-нибудь из трех, тенями следовавших за ним, подбирал череп и совал его в свой мешок. Они работали молча, слаженно, деловито, и это странное зрелище выглядело до ужаса обыденным — не мерцали колдовские огни, не сверкали молнии, не гремели леденящие кровь заклинания. Четверо весьма напоминали вышедших в поле крестьян.

— А лошадей все-таки шесть, — сказал Борн.

— Если бы я ими командовал, обязательно посадил бы кого-нибудь в башенку наблюдать за лесом, — сказал Сварог. — Потому что внезапно напасть на них можно только отсюда, из леса.

— Вот именно, — блеснул зубами капитан Зо. — И я бы сунул часового в башенку. А седьмую лошадь спрятал бы в храме. Значит, те из нас, кому метательное оружие не грозит, займутся исключительно башенкой. Лорд Сварог, за этим черным мы и пришли. Точнее, нам нужна его голова. Рубите его в капусту, если столкнетесь, но голову оставьте целой.

Издали, там, где слева кончался лес и начиналось чистое поле, раздался долгий, пронзительный крик, похожий на птичий. Лошади чужаков дернулись, беспокойно приплясывая, но тут же успокоились. Черноволосый и его спутники мельком глянули туда и, пожав плечами, вернулись к работе.

— Ага, — сказал капитан. — Блай с Чабой на месте. — Он положил ствол пулемета на толстый сук, примерился. — Ну, когда моя волынка заиграет, можете вступать.

— Срежьте сначала тех, кто стоит дальше от нас, — сказал Сварог.

— Не учите портовую шлюху брать за щеку, — не оборачиваясь, бросил капитан. — Танцы начались, господа!

Загрохотала длинная очередь, широкая спина капитана затряслась в ритме выстрелов, его понемногу заволакивало сизым дымом. Пули мгновенно срезали тех двух у лошадей, швырнули наземь, скомкали. Лошади забились, пытаясь обрвать поводья. Черноволосый и его люди схватились за мечи. Сварог, упервшись левой ногой в толстый корень, приготовился броском швырнуть тело на открытое пространство... и прямо перед глазами у него полосой взлетели щепа и ветки, по стволам вокруг застучало. Из окна башенки строчил пулемет.

Сварог инстинктивно прижался к стволу, пачкаясь смолой. Он знал, что пули ему ничуть не страшны, но прежний опыт оказался сильнее, и Сварог боролся с ним какие-то секунды. Капитан стрелял по четвертым меж могил, а из башенки стреляли по лесу. Перед глазами у Сварога мелькнула спина Борна — штурман выскоцил на открытое место, и Сварог, опамятовавшись, кинулся следом, обогнал, потом замедлил шаг и направился к бане, не спеша, вразвалочку, отвлекая огонь на себя. Было немного жутко и любопытно. Справа и слева от

него взлетала земля, потом пулеметчик, должно быть, принял лупить прямо по нему, но ни одна пуля Сварога не задевала. Непонятно было, куда они деваются. Если и рикошетили, то беззвучно. Сварог даже вошел во вкус, едва не помахал рукой стрелку, но подумал, что тот опомнится, поймет — и перенесет огонь на Борна. И побежал к башне. Чуть позади объявился Борн, волшебным образом невредимый.

— Ложись, дурак! — бешено заорал Сварог, схватил топорище обеими руками и рубанул что было сил по стене башенки. Лезвие отвалило здоровенный кусок замшелого камня, как будто это был пенопласт. И все равно, подрубать башню было бы слишком долго. Сварог нырнул в дверной проем с ржавыми остатками петель, побежал вверх по выщербленным ступеням. Над головой захлебывался пулемет, следом топотал кто-то, наверное, Борн. Лестница вилась вокруг толстенной каменной колонны, и вдруг навстречу Сварогу выскоцил бледный перепуганный человек, паля в него из пулемета чуть ли не в упор. Сварог, уже вполне освоившийся с собственной неуязвимостью, остановился и ухмыляясь уставился на окутанного дымом стрелка. Тот наконец сообразил, что занимается зряшим трудом, и опустил пулемет.

— Положи, а то голову оторву, — почти ласково сказал ему Сварог. — Бережно положи, не бросай, вещь испортишь.

Тот, не отрывая умоляющего взгляда от Сварога, опустился на корточки, бережно примостили пулемет на широкой ступеньке. Хотел выпрямиться. Над плечом Сварога сверкнуло что-то жужжащее — и пулеметчик опрокинулся навзничь с метательной звездочкой в горле.

— Борн... — укоризненно бросил Сварог, обернувшись. — Это ж пленный.

— Пленных тут не берут, граф, — отмахнулся тот, перепрыгнув через мертвеца, взбежал на самый верх лестницы и тут же вернулся, выглянув в узкое окошечко. — Больше никого. А капитан уже справился.

Тут и Сварог сообразил, что снаружи стоит тишина. Нагнулся за пулеметом. Вот это уже — нечто в другом роде. Легкий, красивый — тонкий дырчатый кожух, пластмассовый приклад с изящной пистолетной рукояткой, компактный магазин в виде усеченного конуса. Даже ремень имеется, можно повесить на плечо. Так и просится в руки.

— А такие где у вас делают? — спросил Сварог.

Борн оглядел пулемет очень внимательно и пожал плечами:

— Таких у нас пока что не делают, граф. Не тот уровень техники. Более чем странная находка... Пойдемте.

Там, снаружи, и в самом деле все было кончено — капитан Зо не потерял ни одного человека, даже раненых не оказалось, а у противника остались в живых одни лошади.

— Даже скучно, — сказал Блай. — Ехали-ехали, и даже податься как следует не вышло.

— Ты сначала выберись отсюда, — обронил капитан, и бравый боцман чуть помрачнел.

Сварог мог голову дать на отсечение, что все сейчас подумали о Лазурной Деве, сулившей кому-то смерть до наступления заката, но он-то знал точно, что паршивее... Ему показалось, что издали слышится музыка, наваждение упорно держалось, и он недоуменно завертел головой, пока не догадался задрать ее вверх.

Высоко в небесах с полночного заката на полуденный заход проплыval величественно огромный остров. Совсем рядом с живыми и убитыми, с лошадьми и разоренным кладбищем скользила по земле овальная темная тень, покрывавшая огромное пространство, перемещаясь по равнине в сторону леса. Напрягши взгляд, Сварог различил на краю яркие башенки, зеленую пену листвы, узнал казавшееся отсюда крохотным здание над самым обрывом — белое, с оранжевой многоярусной крышей. Чайный домик, один из многочисленных павильонов императорского дворца. Совсем недавно он пивал там чай.

Едва слышная музыка стихала, дворец, небесное видение, лениво упывал к полуденному заходу, пока не скрылся за лесом окончательно. Сварог невольно дернулся вслед.

— Летают, гады... — то ли мечтательно, то ли порицающе прокомментировал боцман Блай, оглянулся на Сварога и осекся. — А вообще, красиво — порхай себе над облачками... Только в море лучше.

— И безопаснее, — сказал капитан Зо. — По крайней мере, сейчас нам даже в Море Мрака или у Диори было бы безопаснее, чем торчать здесь. Борн, лучше всего заняться прямо сейчас. Не стоит рисковать.

— Думаешь?

— Так надежнее.

Борн кивнул. Только сейчас Сварог обратил внимание, что штурман держит в руке отрубленную голову чернобородого, и с нее на траву еще тяжело падают алые капли. Сварога легонько замутило, и он поторопился отвести взгляд, сунул в рот сигарету. Капитан Зо, с интересом наблюдавший за ним, сказал без насмешки:

— Выход один, граф, — побыстрее вбить в голову одну нехитрую истину: всякий, кому вы по доброте душевной не выпустите кишкы, тут же выпустит кишкы вам. Честное слово, так все и обстоит.

— Я знаю, — сумрачно сказал Сварог.

— Вот и прекрасно. Пойдемте.

Оказалось, в храме и в самом деле прятали седьмую лошадь. Внутри царило полное запустение — да еще лошадь внесла свой вклад. Если когда-то здесь и был надлежащий инвентарь, его давно растащили. Остались четыре голые стены, пол с толстым слоем вековой пыли да каменный постамент посередине.

— Чей это храм? — спросил Сварог.

— Пожалуй, лучше употребить слово «кашище», — сказал капитан. — Не было в Ямурлаке храмов, одни кашащи... — Он кивнул Борну на постамент: — Вполне подойдет, а? Ягмар был демон крайне пакостный, но ввиду отсутствия почитателей покинул этот мир много веков назад. Или, по другим легендам, надежно где-то заточен предками-умельцами. В любом случае обижаться на нас некому. Давай, Борн.

Борн положил голову щекой на постамент, поставил рядом свой мешок и принялся в нем копаться, глубоко запустив руки. Кровь все еще сочилась на фиолетовый ноздреватый камень, и Сварог отвернулся, рассматривая стены в тщетных попытках углядеть какие-нибудь фрески или резьбу. Все матросы остались снаружи, в кашаще были только он, Борн и Блай. Так ничего и не усмотрев на стенах, Сварог обернулся к постаменту.

Голова уже стояла в глубоком металлическом блюде, вроде бы бронзовом, и Борн подливал в него из разноцветных бутылочек разноцветные жидкости. Смешиваясь, они чуть дымились и постепенно превратились в темно-синее подрагивающее желе, искривившееся тусклыми желтыми искорками. Небрежно бросив опустевшие бутылочки на пол (они не разбились, беззвучно увязнув в толстом слое серой пыли), Борн принял всаживать в желе на равном расстоянии друг от друга серебря-

ные булавки с головками из черного камня в виде трехгранных пирамидок. Вскоре булавки замкнули голову сплошным кольцом. Борн отступил на шаг:

— Готово.

Все, замерев, напряженно уставились на блюдо. Внезапно веки отрубленной головы дрогнули, она медленно открыла глаза, рот задергался, словно бы хватая воздух конвульсивными глотками. Сварог невольно шарахнулся, но остальные стояли спокойно. Медленно оглядев всех стеклянными глазами, мертвец сказал неприятным, шуршащим голосом:

— Как это могло случиться? Вы же были совсем в другой стороне...

— Милейший Гарпаг, — сказал Борн, — эту незатейливую ошибку совершили многие маги — они считали по-настоящему могущественными только себя и напрочь отказывали другим в мастерстве...

— Согласен, — равнодушно, без злобы произнес маг. — Поскольку мне остается одно — смириться с поражением...

— Одно? Ты еще ответишь на вопросы...

— Если мне захочется.

— Гарпаг, — терпеливо начал Борн, — я к тебе испытывал самые разные чувства, но дураком никогда не считал, поверь. Ты прекрасно понимаешь свое положение...

— Понимаю, — сказал Гарпаг, перевел мутный взгляд на Сварога. — И вы здесь, граф Гэйр? Вот уж не ожидал, что вы вернетесь с Инбер Колбта, так прекрасно все было подготовлено, такие силы брошены против одного-единственного корабля. Впрочем, я всегда говорил Еннифу, что следует учитывать...

— Не тяни время, не поможет, — резко сказал Борн.

— Пожалуй, да. Что ж, отвлекающий маневр был выполнен прекрасно. Мои поздравления Бассу. Ну хорошо, — он хрюкало, каркающе рассмеялся. — Сейчас у меня, сами понимаете, нет причин хранить верность известным вам osobам. Жрите. Войско навьев собирает в Харлане герцогиня Мораг, а пружиной всему — наш общий знакомый маг Ногудар. Вот и все. Как говорят сиволапые крестьяне, всего-то и делов. Вот тебе нехитрая истина. Тебе не кажется, Борн, что кое у кого паршиво поставлена разведка?

— Возможно. — Борн поджал губы. — Это уж моя забота.

— А знаешь, в чем наша с тобой беда? — спросил Гарпаг. — И ты и я — мы оба способны на многое, но не умеем предви-

деть будущее. А какая-нибудь деревенская бабка умеет, хотя и не кончала университетов, не набивала шкафы ставинными манускриптами...

— Хватит, — прервал капитан Зо. — Пусть он лучше расскажет кое-какие подробности.

— Подождите, капитан, — не менее решительно ответил Борн. — Я его знаю давно. И всегда, когда он начинал говорить загадками, следовало ждать любой пакости...

— Ну так спроси прямо! Он же не может сейчас лгать!

— Совершенно верно, капитан, — злорадно усмехнулся Гарпаг. — Лгать я не могу, вы можете выпотрошить меня, как зайца... если у вас есть время. А ну как его нет? Мы оба крупно промахнулись, Борн, оба проиграли...

— Спросите лучше... — шагнул вперед капитан Зо, но Борн, вопреки всякой субординации оттолкнув его, склонился над ухмылявшейся головой и крикнул:

— Что происходит вокруг?

— Он рвется на свободу...

И Гарпаг умолк, его лицо исказилось дикими гримасами. Сварог не сразу сообразил, что это не голова тряется — ходуном ходит поверхность фиолетового камня, покрывается волнами, как взбаламученная вода, колышется, вот и пол под ногами закачался, из четырех углов камня с ревом ударило вверх фиолетовое пламя, достигло потолка, то, что звучало в ушах, больше всего напоминало дикий хохот, все бросились в стороны, вздыбившийся пол свалил их с ног, совсем рядом со Сварогом, задев жесткими волосами его лицо, щелпнулась голова мага, и Сварог еще услышал сквозь ревущий хохот, как с синих губ Гарпага сорвалось:

— Значит, это магист...

И все смокло. Больше не было пламени, больше не качался пол, камень замер, только поверху, во всю длину его, протянулась глубокая трещина. Люди поднимались, отряхивая пыль, чихая.

— Боже, ну конечно! — простонал Борн. — Он вырвался — Ягмар или кто там был заключен в камне. Человеческая кровь, трехгранные пирамидки — достаточно, чтобы...

— Ну и пошел он к русалочьей матери, — сказал капитан. — Мало в Ямурлаке шляется умирающих демонов?

— И все равно, все равно... — Борн говорил быстро, горячечно. — Гарпаг не врал о Харлане и герцогине Мораг, но... Нас

подставили, капитан, и Гарпага, и нас, нас с ним свели здесь. Кто-то точно все рассчитал — что мы будем в спешке допрашивать его на месте, и лучше места, чем это, не найдем, голова в ходе приготовлений будет лежать на постаменте, и на камень попадет хотя бы капля. Демона хотели освободить, и подвернулся удобный случай.

— Ладно, я понял, — сказал капитан. — Нужно рвать когти, а все остальное — излишняя риторика. Пошли!

Они выскочили из камища. Но матросы даже не обернулись к ним — они смотрели в поле, а с поля со скоростью идущего рысью всадника наплыvalа стена белесого тумана, и меж деревьев на вершине пологого откоса просачивался туман, заволакивая ветви и кроны. Туман надвигался со всех сторон — быстро, беззвучно, целеустремленно замыкая кольцо. Сварог закинул на плечо ремень трофеиного пулемета и растерянно глянул на капитана.

— Отсидимся в камище? — предложил боцман.

— Чертая лысого мы там отсидимся, — быстро сказал капитан. — И потом, все лошади там не поместятся. Лучше очертя голову кинуться в туман, что бы нас там ни ждало, чем оставаться пешими посреди Ямулака. Год выбираться будем... Борн, можешь что-нибудь сделать?

— Попробую. Если это заклятье Коглума...

— Без риторики!

Борн копался в своем мешке. Туман надвигался, колышась и трепеща.

— Сколько у вас магазинов? — спросил капитан.

— Два, — ответил Сварог.

— У меня и вовсе один. Паршиво. — Он склонился к уху Сварога: — Борна берегите. Если что... В Харлане ищите барона Дальга. Ему и расскажете. Про навьеv, про герцогиню и мага, про все остальное. Борн, ученую твою душу!

Борн достал из мешка зеленую палку длиной с локоть и толщиной в палец:

— Но хватит ненадолго!

— Что делать, — сказал капитан. — Орлы, держаться вместе! Если потеряемся — друг друга не искать, не тратить времени, каждый прорывается на корабль в одиночку! Вперед!

Туман почти сомкнулся вокруг них. Борн чиркнул самой обыкновенной спичкой, поджег конец своей палки, и она занялась подобно бенгальскому огню, только гораздо медлен-

нее, разбрасывая вокруг снопы зеленых искр. Оглянувшись на остальных, Борн поскакал вперед, держа сыплющий искрами факел высоко над головой. Все помчались следом, прямо на сизо-белесую стену тумана, окунулись в него, врезались.

Амулет на груди Сварога леденил кожу. Странный факел Борна чудесным образом рассеивал мглу, словно бы создав пузырь чистого прозрачного воздуха, и этот пузырь несся вместе с всадниками. Казалось, они несутся вскачь в полуокруглом туннеле, а за стенами смутно колышутся, то придвигаясь, то отпрыгивая, дергающиеся тени. Жутко было и представить, кто может такие отбрасывать...

— Вместе держаться! В куче! — орал капитан Зо.

Нервы у Сварога не выдержали, и он выпустил длинную очередь в одну из теней, вот-вот готовую высунуться из тумана наперерез. Тень отшатнулась, исчезла с диким шипением. Стрела свистнула слева направо перед самым его лицом, за ней полетели другие, со всех сторон, и сзади послышался отчаянный вопль. Лошадь без седока обогнала Сварога, потом Борна, рванулась в сторону и утонула в тумане под торжествующий нелюдской визг многих глоток. «Шестипалый, — подумал Сварог отрешенно, — это его арбалет был приторочен к седлу...»

Его немилосердно швыряло в седле — они мчались наугад, и пару раз конь спотыкался. «Это ненадолго», — подумал Сварог. В любой миг можно ухнуть в канаву, налететь на деревья, угодить в заброшенный город, конь сломает шею себе и седоку, а туман все не кончается... Показалось или спасительный туннель в самом деле стал ниже и уже? Из кулака Борна торчит жалкий огрызок... Дерево! Борн ухитрился обогнать его, Сварогу это тоже удалось — но это означает, что начинается лес...

Сварог потянул поводья — деревья, сливаясь в черную масу, на-двинулись со всех сторон. Борн уже остановил коня, и туман поглотил их — правда, он уже не казался столь непроницаемым.

Борн оглянулся:

— И никого больше?

Сварог тоже оглянулся, увидел рядом одного Чабу. Остальных нет. Множество самых разнообразных звуков доносилось со всех сторон, нечего и пытаться различить посреди этой ка-кофонии знакомые голоса, стук копыт.

— Борн... — Сварог смотрел на него, как ребенок на фокусника. Но сердце тут же упало — лицо Борна стало грустно-

отрещенным. Чудеса, похоже, кончились, как это сплошь и рядом случается с чудесами.

— Поехали осторожненько, — сказал Борн, доставая меч.

И поехал вперед, выбирая самые широкие просветы между стволами. Сварог двинулся следом, водя стволом пулемета вправо-влево. Обострившийся до предела слух четко улавливал тихое бормотанье Чабы:

— Ну прямо Море Мрака, погань такая...

— Ничего, — сказал Борн. — Еще поживем. Похоже, они хотели прижать нас на кладбище, но потеряли теперь...

— Потеряли, — кивнул Сварог и выпустил очередь в темную массу, кинувшуюся к нему. Она шарахнулась, взревела, зашипела, завалилась назад, темный предмет отделился от нее, прыгнул вбок, но Сварог достал и его. Словно откликаясь, где-то далеко в стороне вспыхнула заполошная перестрелка. Сварог мгновенно определил — оружие автоматическое, работают несколько стволов. Борн вдруг резко развернулся коня в ту сторону, где лежало подстреленное Сварогом нечто.

— Штурман, ты что? — вытаращился Чаба.

— Понимаешь, сейчас все суетятся и мечутся, — усмехнулся Борн. — Может, выгодней будет как раз постоять на месте? Подержи коней. Посмотрим, граф, кого вы успокоили.

Сварог осторожно зашагал следом, держа пулемет наготове.

Человек был самый обычный — в длинном чешуйчатом панцире, круглом шлеме с коротким султаном и белом плаще с изображением черного солнца. Он упал ничком, и Сварог не видел его лица, чemu ничуть не огорчился.

А в двух шагах, примяв молоденькие деревца, вытянулся диковинный зверь — то ли ящер, похожий на кенгуру, то ли кенгуру, похожий на ящера. Пожалуй, все-таки ящер — безухая голова, зубастая пасть, когтистые лапы. И на спине, укрепленное сложной упряжью, седло странной формы.

— Дела... — сказал Борн.

— Этот плащ — это же знамя Горрота, — сказал Сварог.

— Именно. Но у короля Стакора никогда не было ни таких ящеров, ни таких доспехов, ни привычки таскать плащи в виде собственного флага. Хотя, с другой стороны, штучки с туманом как раз во вкусе Стакора. Пулеметы, каких на земле нигде не делают... Знаете, что меня подбодряет? Очень похоже, здесь рыщут две разные группы.

— Может, отложим головоломки до лучших времен? — спросил Сварог. — А это нам не пригодится?

Он нагнулся и поднял оружие мертвеца — короткое ружье с деревянным изящным прикладом, вместо ствола цилиндр из мутно-синего стекла, в казенной части сдвоенные блестящие шары.

— Осторожно, бережно положите назад, — сквозь зубы сказал Борн. — Я не знаю, что это такое. Даже если Стакор и выдумал что-то новое — все его выдумки не к добру, даже когда с ним умеешь обращаться...

— Вам не кажется, что туман редеет? — спросил Сварог.

— Кажется...

Туман редел, вокруг стало заметнотише, а это уже вселяло кое-какие надежды. От них не так уж и много требовалось — всего-навсего оставаться в живых.

Они выехали на открытое место, лес остался слева, и там уже можно различать отдельные деревья. И холмы прорисовываются в тающей понемногу мгле. Вот только дороги нигде не видно. Однако Борн уверенно ехал впереди, и Сварог с Чабой приободрились.

Под копытами зачавкала вода, отовсюду тянуло сырым холодом. Высокая трава, бурая и жесткая, достигала колен коней.

— Болото? — забеспокоился Сварог. Он терпеть не мог болот. Утонуть в болоте — почему-то смерть хуже этой он себе и представить не мог.

— Речка широко разливается в эту пору, — сказал Борн. — Сырости хватает, но земля твердая. Ямы, правда, попадаются.

— А до дороги далеко?

— Не особенно, — сказал Борн. — Главное, я определился, где мы есть. И чувствую, что из облавы вырвались. Почти. Если...

Он уже целился из арбалета. Сварог сорвал с плеча пулемет. Те шесть темных высоких пятен определенно двигались навстречу.

И тут же, подтверждая это ценное наблюдение, навстречу всадникам ударила пулеметная очередь.

Чаба мешком свалился с седла, даже не охнув. Сварог поскакал вперед, стреляя наудачу, и двое рухнули с коней, потом пулемет замолчал, кончилась последняя лента, и Сварог, не глядя, отшвырнул его, схватил топор. Двое всадников бросились к нему, двое промчались мимо, к Борну. Теперь Сварог

различал гнедых высоких коней, тусклые кирасы, закрывавшие лица шлемы.

Передний оплошал — он выпустил пулемет и схватился за меч, но ремень пулемета захлестнул эфес, и это подарило Сварогу лишние секунды. Широкое лезвие Доран-ан-Тега вошло в кирасу, как в кусок масла. Сварог развернулся коня на месте, хотел отбить меч, но попросту отсек его от рукояти. Срезанный под корень клинок отлетел в сторону, всадник, оставшийся с бесполезным эфесом в руке, прямо-таки застыл аллегорической фигурой Изумления. Топор обрушился на него, снося решетчатое забрало.

Сварог оглянулся. У Борна тоже все в порядке — скачут прочь два коня без всадников, два трупа валяются в мокрой высокой траве. Силен мужик, а на вид — сущий интеллигент...

- Куда вы? — крикнул Борн.
- Подберу его пулемет...
- Некогда. Скачем.
- Но...
- Быстрее за мной. Я убит.

Он дал коню щенкаля, странно выпрямившись в седле, не отнимая правой руки от живота. Обеспокоенный Сварог помчался следом, догнал, заглянул в лицо:

- Вы серьезно?
- Совершенно, — сказал Борн. — Я убит. Рана смертельная. Все остальное — вопрос времени, а я не всемогущ...

Его тряхнуло на ухабе, он поморщился и замолчал. Около часа они молча скакали, переходя с галопа на размашистую рысь и вновь пуская коней галопом, — неслись по залитой водой равнине, меж холмов, мимо каких-то бурых развалин, туман редел и редел, наконец они увидели солнце, выскочили под чистое небо. Сварог ждал, что Борн поскакет по равнине дальше, но тот, оглядевшись, свернулся в лес. Уставшие кони сами перешли на шаг.

- Здесь поблизости есть избушка, — сказал Борн. — Кони должны отдохнуть, иначе им конец. А нам надо поговорить. Ага, вот она. Никого. Хотя все наши знают это место...

- Видимо, поехали другой дорогой, — сказал Сварог без всякой уверенности.

- Возможно... Помогите мне сойти.

Он не отнимал руки от живота. Крови, правда, не видно, но это-то при ране в живот и есть самое скверное... Сварог подстা-

вил руку, помог соскочить. Привязал поводья к покосившейся железной ограде. Каменный домик выглядел вполне прилично, если не считать пустых оконных проемов. Борн, выпрямившись, словно кол проглотил, зашагал в дом, неся свой мешок, бросил через плечо:

— Накормите коней.

Сварог нацепил им на морды торбы с овсом, он уже успел обучиться этому нехитрому делу, но кони не торопились хрупать, тяжело поводя боками, все в мыле. Сварог ощущал, что вся его одежда пропитана липким и вонючим конским потом, — а ведь ни в одном мушкетерском романе про это ни строчки... Он прислушался к окружающей тишине, вошел в дом. Поставил топор у порога, начиная уже привыкать к этому — словно фуражку снимал в прихожей.

Борн сидел на полу, в пыли, привалившись спиной к стене, вынимал одной рукой из мешка какие-то непонятные штуки, одни попросту отбрасывал, другие тщательно разбивал рукостью меча. Сварог закурил и какое-то время молча наблюдал за ним. Теплилась надежда, что все это не всерьез — насчет смерти. Борн выглядел, как обычно, только рука прижата к животу да бледности прибавилось.

— Ну вот и все, — сказал Борн, отбрасывая пустой мешок. — Не обижайтесь, что ничего не оставляю вам, но вы все равно не сумели бы этим пользоваться. Коня, понятное дело, возьмете. Трудно вам будет выбираться отсюда в одиночку, да что поделать.

— Послушайте, я не могу поверить...

— И тем не менее, — сказал Борн. — Никто не может стать полностью неуязвимым. Умения еще хватило, чтобы не умереть там же, в поле, но это лишь отодвинет все на несколько часов. И виной всему — собственная леность и непредусмотрительность. Мог бы научиться лечить такие раны. Показалось долго и сложно, отложил на потом, а случая-то и не представилось...

— А где вы учились — в Магистериуме или Мистериоре? — спросил вдруг Сварог.

— Ого! Когда догадались?

— У капища. Когда вы спокойно шли на пулемет. И там, на поле. Он стрелял в упор, мог срезать одной очередью всех трех, но погиб один Чаба.

— Ну что ж... Вы правы. Лорд Магар, барон Нарт. В отдаленном прошлом.

— Значит, вы не человек Гаудина?

— Я сам по себе, — сказал Борн. — Беглецов оттуда, с благополучных небес, немного, но они есть. Вот только вспоминать о них не любят.

— Но почему же...

— Вы новичок, — сказал Борн. — И прибыли из неуютных, надо полагать, мест. Конечно, в заоблачных замках красиво и привольно, сытно и беззаботно... Но, видите ли, лорд Сварог, это мир без будущего. В первую очередь потому, что лары способны держать земную жизнь под контролем, но не способны разумно ею управлять. Представьте остров, населенный полу-дикими жителями. Посреди — гора, откуда простреливается любой уголок. И вот на этой горе угнездился потерпевший кораблекрушение моряк с пулеметом, заставивший туземцев признать себя королем. Что касается силы — он и в самом деле может в любой момент перестрелять всех поголовно. А вот дальше-то что? Как он будет ими управлять? Он прибыл из более цивилизованных мест, ему невероятно скучно изо дня в день разбирать жалобы на потравившую огород соседскую свинью, мирить двух сплетниц или вводить новые проекты крыш для хижин. Он владыка, но король на горе — сам по себе, а его подданные — сами по себе.

— Но он же может цивилизовать, вести к прогрессу...

— А если ему этого не хочется? Если в этом случае его со временем лишат и пулемета, и власти? Если туземцы, научившись наукам и ремеслам, превзойдут своего короля — в прежней жизни не более чем недалекого боцмана? Конечно, я выбрал не самый удачный пример, и все же он в какой-то мере передает сложившуюся ситуацию. Все сами по себе. Там, наверху, для одних смысл жизни в балах и развлечениях, для других — в удовлетворении любопытства посредством науки. И никому не хочется делиться могуществом с теми, что внизу. А на земле свои проблемы. Вот и получается замкнутый круг. Что до подвижников... Очень уж мало их рождалось во все века. Я, например, не подвижник. Мне просто обрыдло наверху. Но я не чувствовал себя в силах что-то изменить. Знаете, теперь можно признаться — я всегда ощущал себя чуточку виноватым перед капитаном Зо. Для него все это — всерьез, ему некуда отступать. А мой Нарт до сих пор парит где-то там, и дворецкий начищает ручку у парадной двери... Возможно, вам повезет больше. Не хочу вас пугать, но будьте готовы оказаться в

водовороте серьезных дел. Неспроста все это — ваше появление здесь, дальнейшие события, то, что может вам показаться цепочкой совпадений и случайностей. В этом мире, знаете ли, мало случайного. Просто мы не видим всей картины и не улавливаем во всей полноте замыслов ее творца, вот нам и кажется, будто перед нами — цепочка случайностей.

- Но кто-то же знает ответы? Пусть не все?
- Вы знаете, где расположены острова Твергор?
- В Фалейском заливе, у берегов Хелльстада.

— Правильно. Если больше будет некуда, постараитесь добраться туда. На острове Роил живет отшельник. Тоже бывший лорд... и тоже не подвижник. Но он был бы крайне интересным собеседником для вас. Бывший профессор Магистериума, кстати.

- В Магистериуме меня кое-чему научили...

— И это оказались жалкие крохи, верно? Таков порядок вещей. Крохи магии, истории, науки. Самое печальное — что большинству и не нужно ничего, кроме крох... — он грустно улыбнулся. — Хватит. Я охотно бы проговорил с вами дотемна, сил у меня еще хватит, но вам нужно побыстрее выбираться отсюда. Опасно будет идти в Харлан через весь Ямурлак. Возвращайтесь в Пограничье той дорогой, по которой мы сюда шли. «Божий любимчик» будет ждать еще три дня. Но если ни капитан, ни Блай не вернутся — покажите второму штурману этот перстень, принимайте команду и ведите корабль в Харлан.

- А они послушают?

— Они послушают. Перстень имеет одну немаловажную особенность — его можно передать только добровольно, отнять или снять с мертвого нельзя, рассыплется... Кстати, и барон Далг узnaет вас по этому перстню. Вот он и есть человек Гаудина, так что при благополучном исходе дела вы без труда вернетесь к вашей заждавшейся челяди... Если все так и будет, побывайте у меня. Нужно будет выполнить... формальности. Там знают. А вы заберите из моей библиотеки одну старинную книгу. «Об искусстве игры в шакра-чатурандж и связи оной с искусством предсказания». Там очень длинное заглавие, строчки на две, в старину так было принято. И прочитайте о Сером Ферзе. Запомните?

- Запомню.

— И держитесь осторожнее там, наверху. Видите ли, человек добивается больших успехов, когда не лезет на рожон, а присматривается и прислушивается, потихонечку-полегонечку

складывая мозаику из кусочков. Обычно в таких случаях поздно спохватываются, когда пресекать уже поздно.

— Гаудин...

— Гаудин — очень умный человек. Есть и другие. Его начальник, герцог Гленор, например. Или лорд Фронвер. Это он ввел в свое время боевые дружины маноров и боевые машины как непременную принадлежность каждого манора. Вам это наверняка показалось архаичным пережитком?

— Вообще-то да.

— А при нужде эта архаика даст дополнительную армию в полмиллиона и боевой флот из нескольких тысяч кораблей. Одним словом, основная масса обитателей замков — светские бездельники. А большинство придворных — хлам, дурачье. Но есть и острые умы. Они с равным успехом могут и пойти на существенные перемены, и приложить все усилия для консервации существующего порядка. А вы... Вы никогда не задумывались, что представляете собой досадное нарушение установленных порядков?

— Как-то не успел, признаться.

— Зря. Подумайте над этим. На вашем месте я приложил бы все усилия, чтобы побыстрее стать яркой деталью пейзажа, которую не изымешь незаметно... Пока же, простите, меня удивляют два обстоятельства. Первое — почему вас не убрали там, наверху, тихо и незаметно? Второе — почему вас до сих пор не разыскивали?

— А что, они могли?

— Ну, не за час-два, конечно. Но за сутки вас непременно обнаружили бы. Исчезновение вашего яла не могло остаться незамеченным. Система наблюдения и контроля — мощнейшая. Но все же... Я не был там двадцать лет. Кое-что могло измениться в худшую сторону. То, что вы рассказали о докторе Молитори и покушениях на вас, позволяет думать, что Великий Мастер отыскал-таки лазейку. Благо высокомудрый Магистериум в его существование не верит, и все меры предосторожности лишь результат усилий архаичного, безнадежно отставшего от прогресса, но во многом незаменимого Мистериора. Вам во многом предстоит разбираться самому. — Он усмехнулся. — Если захотите, конечно. Можете жить, как большинство: балы, фейерверки, отдых на Сильване...

— Черт его знает, — сказал Сварог. — Я слишком долго воевал за идеи, оказавшиеся дерьмом, и за людей, оказавшихся

дерьмом. И теперь, если честно, вовсе не горю желанием сражаться за идеалы и цели, в которых и не разбираюсь толком.

— Просто вы еще не поняли, что есть силы, против которых непременно нужно драться.

— Возможно, — сказал Сварог. — Пока что мне, простите, наплевать, что Харлан вытаскивает из могил мертвцевов и собирает из них войско против соседей. Может, эти самые соседи еще хуже. И загнали бы в рекруты вдвое больше мертвцевов, если бы только смогли.

— Не исключено, — пожал плечами Борн.

— Вот видите. Нет, разумеется, я выполню ваше поручение, не сомневайтесь. Но в дальнейшем... Вы уж не обижайтесь...

— Ну что вы! На откровенность не обзываются. Кстати, ответьте уж откровенно еще на один вопрос: в каких вы отношениях с Богом? Я имею в виду единого творца всего сущего.

— Вообще-то верю, — сказал Сварог. — Большой частью. Толковее не смогу объяснить.

— Нет, что вы, это хороший ответ. Точно передает ваши мысли. Очень, очень многие не могли бы похвастаться даже таким ответом, потому что не верят вообще. По цивилизованности своей. И образуется брешь, куда же устремляется Князь Тьмы. Поинтересуйтесь как-нибудь историей горротского флага. Поймете, почему череп одного из горротских королей красуется в вашем замке. Право же, лорд Сварог, жаль, что мы не встретились раньше.

— Я...

— Вам нужно спешить. Да, вот что. У меня будет пустячная просьба, совершенно личная. Когда доберетесь до относительно безопасных мест, наймите музыкантов, пусть сыграют как следует «Тенью жизнь промчалась». Лучше бы фогорошей — есть такие бродячие музыканты, лихие ребята, со смычком в руке рождаются. Есть грешок за душой, любил пображничивать по трактирам в годы молодые. — Он улыбнулся и тихонько пропел: — «Гей, сдвинем чары! Трещат пожары, звенят клиники и мчатся скакуны...» Не забудете, если обернется удачно?

— Нет, — сказал Сварог. Ему было горько, такого никогда еще не случалось — чтобы человек, дравшийся бок о бок, уходил подобным образом, спокойно и буднично. Всегда была наложенная суматоха боя, пыль, жара, кишкы наружу... Он понимал, что Борн уходит навсегда, и не мог найти слов — еще и оттого, что война была насквозь чужая, а все чародейство, о

котором столько понаписано с приыханием и поклонением, на деле выглядит будничнее пыльного верблюда у дукана...

Борн достал флакон из темного стекла:

— Буду весьма признателен, если вы пару минут подождете снаружи. Вы уже успели убедиться, что и свои бренные останки не следует оставлять в этом мире — особенно тем, кто много знает. Смените одежду. Путешествующий в этих краях в одиночку приказчик сразу вызовет — а вы ведь, не зная здешней жизни, не сможете убедительно врать. Одежда у меня во вьюке, там и деньги. — Он колебался. — Может, мне все же поехать с вами? Часа три еще продержусь...

— А что решат эти три часа? — глядя в пол, хмуро сказал Сварог.

— Верно... Привет Бассу. Прощайте.

— Прощайте, — неуклюже сказал Сварог.

Часть III

ОДИН БРАВЫЙ

Глава 1

ДВОЕ В СЕДЛЕ

Он вышел из домика, встал спиной к двери. Вокруг царила оглушительная тишина — никаких птиц, белок, бурундуков, ни щебета, ни цоканья, ни жужжания насекомых, ничего живого. Только отдохнувшие кони хрупают овес...

Пора? Он заглянул в дверной проем. Никого. Только одежда, еще повторявшая очертания сидящего человека: кафтан из плотной ткани, прогнувшись в пояссе, опирался на пыльные камни стены. Вот и все. Как не было хорошего человека, стинувшего на маленькой неизвестной войне. И некогда горевать, да и не нужно это, если честно, никого еще не вернули на землю воплями и слезами...

Сварог натянул вместо кафтана приказчика камзол из толстой кожи с нашитыми железными кольцами и пластинками. Разорвал купеческие документы, свои и Борна, сжег клочки. Остался лишь потрепанный лист пергамента с двумя печатями, круглой черной и овальной фиолетовой. Теперь он был ка-прапал Улар Тагобер, уроженец и подданный княжества Горум, Вольный Топор.

Здесь, на земле, давно додумались до удостоверяющих личность документов. Визы, правда, не в ходу. А документы не столь уж надежно удостоверяют личность из-за отсутствия фотографий и отпечатков пальцев. И потому подделывают их давно и с превеликой охотой, и высокий спрос естественным образом влечет за собой высокое качество подделки.

Вольные Топоры стояли вне сословий и гильдий. Собственно, они сами были юридически непризнанным, но де-факто

существовавшим сословием — кондотьеры, личная стража мелких эрлов, купеческая охрана, колониальные войска. Свой социальный статус — пусть и невысокий. И попадал туда самый разный народ — от беглого крепостного крестьянина до дворянского сынка, нагревшего в родных краях. Счастливчики, весьма немногочисленные, выходили в люди — ухватывали богатство, чины, даже дворянство. Другие ограничивались спокойной старостью в собственном трактирчике. Третья служили до могилы — потому что слишком опасно им было возвращаться в нормальный мир. С одной стороны, прикрытие было идеальное — Вольного Топора можно встретить в любом уголке Талара, а то и на Сильване. И если он дезертир, то это волнует не чиновников и полицию, а его собственную роту, имеющую к беглецу претензии, и никого другого. С другой же — обладатель такого документа, выданного в одном из Вольных Майоров, в глазах любого чиновника или полицейского более крупного государства представлял личностью жалкой, ничтожной и совершенно бесправной. И гноить его в участке можно, пока не надоест. К тому же странствующий в одиночку Вольный Топор и в самом деле мог оказаться харланским шпионом, пробиравшимся в Снольдер, снольдерским шпионом, пробиравшимся в Ронеро, ронерским беглым каторжником, решившим податься за моря, морским пиратом, под чужим именем пробиравшимся домой, чтобы купить домик и зажить благонравно на склоне лет... Одно хорошо: даже если нечаянно наткнешься на «земляка», можно со спокойной совестью выдержать любую проверку — знай тверди, что лет двадцать скитался вдали от родины, вообще от твердой земли, а то и сидел безвылазно на Сильване и оттого представления не имеешь, что происходило на Харуме все эти годы...

Сварт как следует перерыл седельную суму Борна — чтобы в случае чего избежать вполне естественного вопроса: «Как же это ты не знаешь, что у тебя во выюке?» Пересыпал в карманы деньги, изучил карту, попытался восстановить в памяти дорогу, насколько удалось.

Он уставился на коней как-то по-новому, словно впервые видел такую диковину. Только сейчас понял, что значила лошадь для людей в эпохи, предшествовавшие пару, бензину и электричеству. Единственная возможность относительно быстро перемещаться по земле и убегать от многих опасностей. Вот только коней нужно кормить, поить, ухитриться не загнать, уберечь

от самых разных неприятностей. Ни его прежняя память, ни новые знания помочь не могли. Он помнил заклинания, с помощью коих графы Гэйры ненадолго оживляли павших лошадей, но эти фамильные фокусы следует приберечь на самый черный день — неизвестно, как выглядит оживленная заклинаниями павшая лошадь и какие эмоции это зрелище вызовет у окружающих. Лошадь может потерять подкову и охрометь. В подкову ей может попасть камешек. Ее нельзя поить разгоряченную. Он добросовестно попытался вспомнить все читанные когда-то романы, где в качестве подсобного инвентаря выступали лошади. Увы... Все герои, каких он помнил, браво скакали на полном галопе, загоняли лошадей десятками и тут же покупали новых или в худшем случае крали. Не подходит. Лошадей тут не купишь да и не украдешь — нужно еще уметь украсть. Что еще? Кажется, лошадям нельзя жрать клевер. Или это коров касается? Атос как-то говорил д'Артаньяну, что лошадь может поесть из яслей после другой, сапной, и околеть. Но как такие ясли распознать, и что такое сап, и есть ли он здесь?

Посмотрев на коней с некоторым уважением, Сварог сел в седло, перекрестился и тихонько сказал:

— Ну, выносите, залетные, что ли...

Часа через два слева показался памятный ориентир — полуразрушенный черный замок. И снова, как в прошлый раз, на стену шустро взобралось что-то серое, мохнатое, красноглазое, величиной с кошку, с коротким пушистым хвостом и круглыми ушами торчком, замахало лапками, запричитало.

Сварог помнил, что тварь эта неопасная, вроде домового. Пожалуй, будучи в компании, он вновь проехал бы мимо, но одиночество казалось невыносимым, а серое создание что-то вопило вполне членораздельно. В столь паршивом месте рад будешь и такому попутчику...

Поколебавшись, он повернул коня к замку, присмотрелся внимательнее. Раstrубы на высоких башнях походили на печные колпаки затейливой ковки, с фигурными прорезями — ничуть не похоже на ограду, зачем их там присобачили? А сам замок... Сварог мог и ошибаться, но стены выглядели так, словно над ними поработала орудийная батарея или звено вертолетов. Чрезвычайно похоже.

Подъехал поближе, так что от стены его отделял лишь обрушившийся, заросший высокой травой ров, задрал голову и спросил:

— Ну, чего орешь?

И рассмотрел странную тварь как следует. Печальная ушастая мордочка, в общем, не отмечена печатью порочных наклонностей, как писали в старинных романах (которые станут старинными много тысячелетий спустя, а пока что и не написаны), и больше всего походит на кошачью. Зубы скорее человеческие. Одежды нет, но на шее висит цепочка с каким-то продолговатым предметом.

— Хозяин, забери меня! — взмолилась тварюшка так жалобно, что Сварогу стало не по себе. — Забери, отдам джинна! — Оно сдернуло с шеи цепочку и отчаянно замахало предметом. — Забирай все, в замке много кладов спрятано! Все умерли, вся страна пустая, одна нечисть, а идти некуда...

— Спокойно, — сказал Сварог. — Ты, значит, вроде домового? (Существо энергично закивало.) А что умеешь?

— Беречь дом, прибирать дом, распознавать нечисть, петь колыбельные, чистить лошадей, чесать собак...

— А хозяева где? — спросил Сварог.

Серого прямо-таки передернуло:

— Сюда пришли токереты, с хозяевами у них были счеты...

— Тогда, конечно... — с видом знатока сказал Сварог, понятия не имевший, что такое токереты, и с большой буквы это пишется или с маленькой. — Тогда уж, верно, ничего не делаешь...

— Милорд лар, хозяин, забери меня отсюда!

— Ты меня еще милым дедушкой назови, — сказал Сварог, и тут до него дошло. — Та-ак, а с чего ты взял, что я лар?

— Я же умею узнавать.

— Та-ак... — повторил Сварог. — Ладно, лезь на лошадку.

Мохнатое создание с невероятной быстротой соскользнуло по иссеченной осколками стене, ухватилось за протянутую Сварогом плетку, в мгновение ока вскарабкалось в седло за его спиной. Конь ничуть не беспокоился. Создание протянуло цепочку с непонятным предметом:

— Возьми джинна, хозяин.

— Тебе, может, самому нужен? — великолдушино спросил Сварог.

— Зачем?

— Вот именно, зачем? — пробурчал Сварог, повертел черный цилиндрический сосудик из непонятного металла, покрытый мелкими выпуклыми иероглифами. — А мне он зачем,

скажи на милость? Я тут слышал краем уха, что такие бутылочки откупоривать — себе дороже выйдет...

— Этот — честный джинн. Выполнит три желания. Если хочешь, пойдем в замок, там много всего спрятано...

— Некогда, — сказал Сварог, трогая коня. — Три желания, говоришь? Слушай, а может твой джинн перенести нас в Харлан?

— Может. Только не стоит. Сейчас не старые времена, люди испугаются. Будет гром, блеск, вихрь...

— Понятно, — сказал Сварог.

Черт бы побрал это колдовство. Куда ни ткнись — ограничения, строго оговоренные условия, регламенты и запреты... Пожалуй, не стоит появляться в Харлане среди грома, блеска и вихря. Скромнее нужно жить... Джинн просидел в бутылке чертову уйму времени, подождет еще пару деньков. Прибережем до лучших времен.

— А кто их рассадил по бутылкам, джиннов? — спросил Сварог. — Случайно, не Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими?

Оказалось, что укупоркой увлекался некий король-маг Шелорис, правивший неизвестно где в незапамятные времена. Из-за чего-то крупно повздорив с джиннами, обитавшими тогда во множестве, злопамятный король принял их уничтожать, а некоторое количество, должно быть про запас, запечатал в сосуды. Иные, как Сварог уже знал от моряков, обнаруживаются по сию пору, хотя редкость это несказанная.

Подробностей домовой не знал. У его древнего, почти на чисто вымершего народа письменности не имелось и летописей не велось, а визиты и обмен новостями становились все реже. Серый оказался мужского пола, имел имя — Карак — и, похоже, был в этих краях чуть ли не последним представителем сгинувшего племени. Насколько Сварог понял, племя это, не лишенное разума, телепатических способностей и зарядов магии, состояло в крайне дальнем и весьма запутанном родстве с гномами и свой расцвет пережило во времена невероятно древние, когда подобные Сварогу люди еще не поселились на Таларе, именовавшемся тогда Грауванн, и здесь обитали какие-то «другие». Карак настаивал, что в старые времена здесь жили именно «другие», не чуравшиеся магии и неизвестно куда сгинувшие под напором пришельцев. Со временем, покинув прежние места обитания (должно быть,

и здесь не обошлось без напора пришельцев), соплеменники Карака перешли на положение домовых, в каковом и оставались многие тысячелетия, пережив даже Шторм (который Карак именовал Великой Тряской). Люди о них, в общем, знали, но особо не притесняли, стараясь даже по мере возможности использовать по хозяйству. Даже в замках хозяев Ямурлака, вовсю баловавшихся черной магией, можно было прожить, если не мозолить глаза. Но постепенно Ямурлак обезлюдел, замки и города один за другим гибли под ударами не жаловавших черной магии соседей, этот держался дольше всех, в основном благодаря тому, что соседи перестали устраивать сюда лихие набеги, но лет пятьдесят назад нарянули сводить счеты с хозяевами некие токереты, разнеся все вдребезги. И Карак остался в полном одиночестве — одни родственники и соплеменники умерли, другие подались искаль лучшей доли. Карак, как понял Сварог, относился скорее к консерваторам, свято чтившим древние обычаи, и потому остался здесь. Со временем он, похоже, убедился, что с консерватизмом чуточку перебрал, но переигрывать оказалось поздно — двинуться в большой мир в одиночку он не решился, а редкие проезжающие, как правило, с большим азартом начинали на него охотиться, и мысли у них были самые гнусные — Карак без труда проникал в них и убеждался, что в лучшем случае его запихнут в клетку в качестве экзотического украшения, а в худшем — запытают до смерти, не веря, что выдал все клады.

Сварог слушал болтовню нежданного спутника, не переставая следить за небом и окрестностями: гарпии были бы очень некстати. Но время шло, а никто не бросался на него ни с неба, ни с земли, и сзади не объявлялось никакой погони. Что гораздо печальнее — Карак клялся, будто никто сегодня по этой дороге до Сварога не проезжал. Сварог часто оглядывался, долго смотрел назад, когда менял коней, временами вынимал подзорную трубу — нет, ни следа капитана Зо и его людей...

Уже смеркалось, когда они миновали покосившегося каменного истукана с полустершимися письменами на груди, отмечавшего границу Ямурлака. Моросил мелкий противный дождик, Сварог накинул плащ, а Карак забрался к нему на плечо, под капюшон. Кони шли рысцой, становилось все темнее. Карак, изнуренный долгим молчанием и одиночеством, что-то тихо болтал — на сей раз про Морских Королей.

— Черт! — сказал Сварог, резко натянув поводья. Карак от неожиданности качнулся у него на плече, впечатался в щеку пушистой мордой.

— Что случилось, хозяин?

Сварог ругался сквозь зубы. Некого винить, кроме себя самого. Он расслабился за эти спокойные часы без погони и встречных опасностей, не подумал о простой вещи: следовало остановиться на ночлег, пока не стемнело и различима была полузаросшая дорога. Он ведь прекрасно знал, что не успеет засветло добраться до Фиортена, но ехал и ехал в сгущавшихся сумерках, целиком положившись на коня. А конь, бессловесный и нерассуждающий, трусил себе рысцой, пока они не очутились в открытом поле, продуваемом ветром, и уже основательно промокшие под мерзким, мелким дождем.

Карак, видевший в темноте как кошка, не мог ничего углядеть. Этих мест он не знал и в проводники никак не годился.

— Положеньице... — сказал Сварог. — Коней давно бы пора напоить. Воду я могу сделать, но во что я им налью, не в ладони же. И костер развести не из чего.

— Там, впереди, лес, — сказал Карак. — А еще дальше, у самого горизонта, вроде бы горы. Вершины.

— Горы — это хорошо, — сказал Сварог. — Там перевал, а с перевала виден Фиортен. Только как нам до перевала добраться, если ты не знаешь, как он выглядит со стороны?

— Но лары же проходят какую-то подготовку, чтобы выбираться из трудных ситуаций? Учат чему-то...

— Меня учили понемногу, чему-нибудь и как-нибудь... — сказал Сварог мрачно. — Вот и не доучили. Последнее дело — бродить в темноте по лесу, совсем заплутаем.

Юпитера на небе не было — должно быть, еще рано. Обычно Юпитер всходил на здешнем небе ближе к рассвету, часа за три. А сейчас еще и полночи не минуло. Ладно, устроимся где-нибудь на опушке, костерчик разведем...

Он тронул коленями конские бока.

— Там дорога, хозяин, — сказал вдруг Карак. — В лес ведет.

— В лес? Тогда это не та дорога, что нам нужна... — Он замолчал, глубоко втянул ноздрями воздух. — Карак, как у тебя с нюхом?

— Превосходно, — скромно признался Карак.

— Кажется мне или дымком потянуло?

— Тянет. Дымком и едой.

— Великолепно, — сказал Сварог. — Вот тебе и решение проблемы. Фиортен близко, вокруг наверняка есть какие-то усадьбы... Эгей, милый!

Но конь и сам, насторожив уши, устремился вперед. Вдруг Карак насторожился, увидев впереди какой-то темный предмет, а там Сварог и сам углядел словно бы расселину в черной стене леса.

— Столб, — сказал Карак. — А к нему доска прибита.

— Сам вижу.

Сварог зажег самый большой огонь, на какой был способен, достал из седельной сумы связку лучин и подпалил.

— Таверна «Бык и подкова», — прочитал он вслух. — Чертовски старая вывеска, сгнила вся, но дымком-то тянет все явственней...

Вскоре показалась поляна у дороги, высокий глухой забор, над которым поднималась высокая крыша. Из трубы шел дым, заслоняя звезды. Широкие ворота заперты, конечно.

Сварог постучал кулаком. Потом сапогом. Никакой реакции. Он подумал, снял висевший у седла топор и принял молотить обухом, валя сплеча. Грохотало на весь лес. Время от времени опускал топор и прислушивался. Собаки здесь определенно нет, ни одна уважающая себя собака не смолчала бы. Ага, наконец-то дверь заскрипела!

— А если это раухи? — спросил Карак.

— Тихо! — цыкнул Сварог. Дождь разошелся не на шутку. — Полезай в суму и сиди там тихонечко, словно тебя и все нету.

Кто знает, как местное население относится к серым мохнатым домовым с ало светящимися в темноте глазами. Возможно, без всякого энтузиазма и решпекта.

— Кого там нелегкая носит? — раздался с той стороны ворот боязливый голос, принадлежавший, похоже, человеку пожилому.

— Проезжающие, — сказал Сварог. — Путники.

— Вот и проезжайте себе.

— Папаша, это таверна или что?

— Таверна-то таверна...

— В чем тогда дело?

— Да время больно уж нехорошее, к полуночи...

— Ты что, так процветаешь, что лишние деньги не нужны?

— Деньги всегда нужны, да кто вас знает...
 — Я один, — сказал Сварог. — Просто привычка у меня такая — говорить во множественном числе. Я один да два коня — это ведь число множественное...

— Ехал бы ты себе.

— Ворота выломаю, — сказал Сварог.

— Ехал бы ты себе.

Сварог не собирался коротать ночь под ливнем.

— Слушай, старый пень, — сказал он возможно убедительнее. — Я еду в Фиортен, сбился с дороги...

— Возвращайся к вывеске и поезжай дальше по дороге. На третьей развилке свернешь вправо, часика два скорой рысью — и будет тебе Фиортен, как на ладони. Только с перевала спуститься — и дома.

— Лошади устали.

— А ты — не спеша, — за воротами хихикнули. — Особо не гони.

— Ну ладно, я тебя долго уговаривал и честью просил, — сказал Сварог.

Он ударил, не особо размахиваясь. Лезвие легко пробило толстую доску, погрузившись в нее до обуха. За воротами шумно охнули.

— Вот теперь прикинь, старче, — сказал Сварог. — Много у меня времени уйдет на твои ворота или не особенно чтобы уж? Это я еще во вкус не вошел...

За воротами, судя по всему, молча смирялись с неизбежным.

— Ладно, — отозвался наконец хозяин. — Только ты мне и за забор заплатишь. Вон, насеквозд прорубил.

— Да заплачу, — сказал Сварог. — Открывай.

Заскрипели несмазанные петли — тягуче, противно. Лошади шарахнулись. Слышино было, как хозяин пробежал по двору и закричал откуда-то сверху, наверное, с крыльца:

— Только лошадь сам в конюшню ставь! Толкай ворота!

Сварог толкнул створку, провел коней во двор, захлопнул ворота, осмотрелся в тусклом свете, падавшем сверху, из распахнутой двери. Ага, вот она, конюшня, в глубине двора. Старик стоит на высоком крыльце, готовый юркнуть внутрь, запереться и держать оборону в доме. И арабалет наготове держит, вояка долбаный. Ну что на него злиться — такая жизнь, такие места...

Сварог поплотнее прижал ногой створку и задвинул тяжелый брус, ухитрившись занозить ладонь. Провел лошадей в конюшню.

— Я их напою, накормлю. — Карах высунул голову из сумы. — Тут есть колодец.

— Только потише, смотри.

— Не нравится мне здесь, хозяин...

— Мне здесь нигде не нравится, откровенно говоря, — сказал Сварог. — Смотри-ка, а конюшня пустая, нет у него живности... Ну ладно, я пошел.

Он с размаху захлопнул за собой хлипкую дверь конюшни, взбежал по ступенькам, протиснулся в дверь мимо опустившего арбалет старика. Скинул плащ, огляделся, не выпуская из рук топора.

Довольно большая комната ярко освещена четырьмя масляными лампами. В глубине — жарко натопленная печь, черная дверца распахнута, и там колышется огонь. От кастрюль на плите вкусно пахнет. Около печи стоит пожилая хозяйка и настороженно смотрит на Сварога, засунув руки под передник по крестьянскому обычаю. За грубо сколоченным столом у окна двое мужчин немногим моложе хозяина отставили высокие глиняные кружки и таращаются столь же опасливо.

Сварог огляделся, повесил плащ на прибитые рядом с дверью потемневшие оленьи рога, поставил рядом топор, взглянула на хозяина. Тот кивнул на сидящих:

— Соседи, заехали вот да и припозднились, остались до утра...

— А что это у них в кружках, не пиво часом?

— Пиво. — хозяин живенько пробежал в угол, к лежащей на козлах бочке, нацедил кружку. — Пиво старое, домашнее, покупного не держим...

Сварог подошел к печи. Глядя на ало-золотистое пламя, отхлебнул из кружки. Его прошиб легонький озноб — то ли озяб под дождем, несмотря на теплый плащ, то ли, что вероятнее, сказалось все пережитое.

— Значит, вот так вы здесь и живете... — не оборачиваясь, произнес он.

— Так и живем, — откликнулся хозяин. — Таверна захирела, по дороге почти никакого движения, разве что соседи заедут...

— Может, вам в комнату поесть принести? — предложила хозяйка. — Комнат много, поедите, поспите...

— А что, мысль, — сказал Сварог. Ему не хотелось сидеть с незнакомыми людьми, отвечать на их вопросы — очень уж устал. Он вяло повторил: — Это мысль. Несите-ка в комнату побольше еды и выпить тоже не забудьте...

Пожалуй, он изрядно продрог. Так и колотит всего. Даже талисман промерз... талисман!

Талисман был ледяным.

Видимо, он все же вздрогнул, потому что хозяин сочувствен-но спросил:

— Уголек стрельнул?

— Уголек, — медленно сказал Сварог. — Прямо на руку...

Интересно, на чем это приехали соседи, если во дворе не видно повозки, а в конюшне не было лошадей?

Он произнес про себя заклинание. Только не торопиться... Опустил левую руку в карман, набрал полную горсть серебряных монет и с маxу швырнул через плечо в сторону сидящих за столом.

За спиной раздался дикий вопль, упал табурет. Тогда только Сварог обернулся, держа шаур наготове. И чуть не заорал сам — вместо хозяина с хозяйкой, вместо заезжих соседей были четыре чудища, клыкастых и когтистых, мохнатых, с собачьими носами, в нелепо сидящей людской одежде. В точности похожие на того, привезенного в императорский дворец по его душу.

Ямурлакские вампиры.

Они шипели, пятились к двери — между ними и Сварогом неодолимой преградой лежали серебряные монеты, и один из «соседей» неуклюже отставил левую лапу, курившуюся зеленоватым дымком.

Серебряная звездочка ударила «хозяину» в грудь, и взлетели клубы зеленого дыма, вампир навзничь рухнул на пол. Сварог давил на спуск, не отнимая пальца, поливая их дождем свистящей серебряной смерти. От нелюдского воя ломило уши. Твари гурьбой, мешая друг другу, пытались прятиснуться в дверь. Но это удалось лишь одному, и выскочивший на крыльце Сварог срезал его посреди двора. Оглянулся внутрь комнаты. Две твари лежали неподвижно, третий пытался ползти, и Сварог выпустил ему звездочку в затылок. Замер. Прислушался. В конюшне бились и ржали лошади.

— Караx! — позвал он во весь голос, перегнувшись за перила.

Скрипнула дверь, Карак осторожно выглянул наружу, побежал к Сварогу, далеко обогнув лежащего вампира.

— Хозяин, я же предупреждал про раухов, а ты не обратил внимания, нужно было сразу попробовать серебром...

— Ладно, ладно, — сказал Сварог виновато. — В следующий раз буду к тебе прислушиваться, честное слово... Есть еще кто в доме, не чуешь?

— Больше никого...

Сварог все же пошел проверить комнаты. Взял с подставки лампу, принял обходить дом. Открывал пинком дверь за дверью, светил внутрь, держа шаур наготове. Карак тенью крался следом, выглядывая из-за его ноги. Везде пусто, пыльно, но не видно следов разгрома — все выглядит так, словно хозяева внезапно ушли.

Только никуда они не уходили — в одной из комнат обнаружились два высохших трупа, прямо-таки мумии. Жуткий оскал, прилипшая к костям желтая кожа...

— Хозяев застали врасплох, — сказал Карак. — Если тут и были животные, они убежали... или их съели.

— Но они же пили пиво, эти...

— Они едят и пьют человеческую еду и питье запросто. Но любят полакомиться. — Серенький домовой содрогнулся. — Они и таких, как я, едят...

— Может, они и в самом деле не особенно-то настроены были лакомиться и не собирались нас впускать? — рассуждал вслух Сварог. — Нет, он же мог показаться в натуральном обличье, любой удрал бы сломя голову, плюнув на ливень. А он, паскуда, нарочно отошел подальше, когда я входил в ворота, чтобы лошади не забеспокоились раньше времени...

Если бы не талисман, он преспокойно улегся бы спать. И его прикончили бы.

— Что будем делать, хозяин? — спросил Карак.

— А что прикажешь делать? — сердито спросил Сварог. — Ворота заперты, до утра перебедуем. Хотя такая скотина может со своими когтями и по забору взобраться... Серебра набросаем вокруг, вот что.

Стараясь не смотреть на недвижно лежащих вампиров, он подошел к бочке и налил кружку до краев. Вы хотели, чтобы я поскорее освоился? Прекрасно, я преспокойно стою посреди комнаты и пью пиво, но меня вывернет, откровенно говоря,

если съем хоть кусочек из аппетитно пахнущих кастрюль. Но пива я выпью и постараюсь удержать его внутри...

Спать он улегся в конюшне, завернувшись в плащ. Вопреки ожиданиям, кошмарные сновидения не посещали, он почти сразу провалился в тяжелое забытье, пару раз просыпался, слушал спокойное пофыркиванье лошадей и вновь засыпал. А потом Карак осторожно потянул его за рукав, и он открыл глаза. Солнечные лучи проникали в конюшню, стояло такое ясное утро, что все вчерашнее показалось дурным сном. Но посреди двора лежал на прежнем месте мертвый вампир, и пришлося, поборов брезгливость, оттащить падаль подальше — иначе лошади ни за что не хотели выходить из конюшни, хранили и птились.

— Я всю ночь караулил, — сказал Карак, когда они выехали за ворота. — Ближе к рассвету поднялось какое-то странное зарево на полнеба. Вон в той стороне.

— Пожар где-нибудь.

— Хозяин, я столько пожаров в夜里 видел... Очень странное было зарево, совсем не похожее на пожар, оно вдруг поднялось к самим звездам, медленно так... — Он застонал, поискал слово: — Равномерно. Поднялось, замерло, потом враз пропало. Нехорошее зарево.

— Нехорошего здесь навалом, я смотрю, — прощедил сквозь зубы Сварог.

Вернувшись в поле, он быстро отыскал место, где они вчера сбились с дороги. Отдохнувшие лошади шли бодрой рысью. Сварог узнавал уроцища, холмы и повороты, испытывал приятное нетерпение при мысли, что, возможно, вновь увидит ее, рассеянно слушал болтовню Карака, прочно зацемлевшегося на ямурлакских вампирах.

И остановил коня на вершине горы, долго всматривался, не веря. Взялся за подзорную трубу и убедился, что все так и есть.

Не было Фиортена. Весь окружающий пейзаж остался прежним, кроме Фиортена. Вот оно, странное зарево. Простой пожар такого натворить не мог. Черный валик угля на месте окружавшей деревню стены, вместо домов и садов, хлевов и амбаров — невысокие кучки пепла. Странная, страшная карта. Никаких развалин, ничего полуобгоревшего — один пепел. И тишина. Дома и постройки в деревне были главным образом каменные, и если уж камень превратился в пепел... Это

не орда налетчиков с горшками горючей смеси. Это оружие, мощное устройство. На них что-то сбросили. Или рвануло на земле. Как бы там ни было, деревня сгорела в один миг. Это бомба — но ни в одном государстве Талара нет столь мощных бомб. Разве что лары... но зачем им расправляться столь страшно с никому не мешавшей и никому не угрожавшей деревней в Пограничье?

— Говорят, в старину случались такие битвы, — сказал Карак. — Камень горел, как сухое дерево, а дерево вспыхивало, как солома...

— А люди? — зачем-то спросил Сварог.

Карак промолчал. Конечно, глупо думать, что кто-то спасся, если рвануло посреди ночи. Это даже не Хиросима — гораздо хуже...

Вспомнив про Хиросиму, Сварог погнал коней галопом. Но вскоре опомнился — во-первых, это не похоже на атомный взрыв, во-вторых, поработай здесь атом, они и так давно склопотали бы смертельную дозу. Бог ты мой, не остановись он поболтать с Караком, не начнись ливень, не сбейся конь с дороги — Сварог вполне мог добраться к ночи до Фиортена и оказаться там в момент взрыва... Вообще-то и такое оружие лару не страшно — но как знать...

Кто-то наносит удары, нервничая, спеша и оттого ошибаясь и опаздывая...

— Карак, это правда, что дьявол никогда не делает ошибок? — спросил он вдруг.

— Говорят, сам дьявол никогда их не делает, — ничуть не удивившись, ответил Карак. — А вот его слуги частенько ошибаются, нет в них того совершенства... Нет, это люди, хозяин, я отчего-то чувствую. Очень плохие люди, очень злые, но все-таки люди.

...Через несколько часов Сварог и сам уверился, что дьявол тут и не пахнет, когда его конь, пугливо выгибая шею и осторожно ставя ноги, шагал посреди обугленных развалин Старой Гавани, Фир Норта. Эти дома спалили самым обычным образом — кое-где еще шипели головешки, лениво поднимались струйки дыма, колеблемые ветром с реки. Каменные стены уцелели, но покрыты копотью снизу доверху. Это уже были злоба и ненависть, не укладывавшиеся в обычные человеческие понятия. Уничтожение Фиортена еще можно как-то понять с военной точки зрения, но Фир Норт...

Сварог искал Басса и нашел в конце концов — израненного, обожженного, распятого на дверях «Приюта моряка» — единственного здания, оставленного нетронутым. Большие ржавые гвозди загнали в лодыжки и запястья по самые шляпки, кровь темными вертикальными полосами засохла на грязной двери, но Басс, казалось, еще жив. Когда спешившийся Сварог остановился перед ним, немилосердно ругаясь про себя, веки Басса дрогнули, медленно приподнялись, стекленеющие глаза раскрылись, и Сварог напрягся, осознав, каких трудов Бассу стоило сфокусировать на нем осмысленный взгляд.

— Граф Гэйр... Где все...

— Не знаю, — почти крикнул Сварог. — Кто это сделал? Где...

— Быстрее уезжайте отсюда, — внятно выговорил Басс и уронил голову на грудь.

— Он умер, хозяин, — сказал Карак. — Он правильно говорил, нужно побыстрее отсюда уезжать. Здесь был кто-то непонятный, страшный, я таких не встречал...

Сварог прыгнул в седло, на ходу подхватил уцепившегося за полу плаща Карака и поскакал к реке. Причал тоже сожгли. Кое-где он обрушился в воду, но много обуглившихся свай торчало над мутными волнами, и в некоторых местах сохранился обгоревший настил. Отовсюду несло гарью, у берега колыхались черные головешки. А уардах в ста от берега торчали из воды, накренясь, верхушки трех мачт, и концы оборванного та-келажа колыхались, протянувшись по течению...

Сердце у Сварога оборвалось. Сомнительно, чтобы в этом безлюдном месте за эти дни бросил якорь второй трехмачтовый корабль. Значит, все они на дне — веселые бесшабашные удальцы, спасшие его из Хелльстада, и Акбар, и загадочный помощник капитана, которого Сварог так и не увидел, и пузатый кок по кличке Мышиный Соус, сбежавший в море от какого-то графа из вольных Майоров и на прощанье подавший хозяину к столу замаскированную в невероятно аппетитном соусе тушеную мышатину, каковую граф почти всю и слопал, пока не узрел наконец на дне блюда хвостики...

— Пусть вода вам, господа, будет пухом... — бездумно повторял он привязавшуюся строку из слышанной на корабле баллады.

«Ладно, — подумал он, не отрывая взгляда от верхушек мачт над мутноватой водой. — Может, меня всего-навсего

и требовалось крепко разозлить. Что ж, разозлили на свой хребет. Я еще долго намерен прожить на этой планете, но не хочу, чтобы рядом по-прежнему обитали виновники всех этих гнусностей. Плевать на неизвестные подробности. Ясно одно: капитан Зо и его ребята, Борн, Басс, Блай, жители Фиортена — все это были хорошие люди, и тот, кто их убил, должен получить сполна. Такие вот мотивы, не лучше иных, но и не хуже многих... Убедили. Теперь это и моя война».

— Карах, тебе не кажется, что я опасный спутник для долгого путешествия? — спросил он.

— Что делать, — сказал Карах. — Хозяев не выбирают, уж какой попался... Ты меня забрал, придется служить.

— Знаешь что? — Сварог повернул коня. — Вообще-то сейчас начинается самое интересное — мы в автономном плавании, наших ходов никак нельзя предугадать наперед, потому что мы сами их не знаем... — Он старательно изучал карту. — Правда, дорога отсюда всего одна. В пятнадцати лигах ниже по реке значится некий Рут, обозначенный как обитаемое место. Некуда нам ехать, кроме как в Рут. А если на дороге...

— Что-то есть в воздухе, хозяин, — прервал Карах. Сварог глянул вверх, но ничего не увидел. Только редкие облачка и черное круглое пятнышко у горизонта — чей-то замок.

— Ты про него, что ли? — спросил он, показав туда.

— Нет, — Карах задрал к небесам озабоченную мордочку. — Это гораздо меньше, подвижнее... а теперь его нету...

— Ладно, исчезаем отсюда. — Сварог подхлестнул коня.

Часа через полтора они без всяких приключений добрались до обитаемого места под названием Рут. С первого взгляда было ясно, что раньше городок был не в пример обитаемее. Сварог долго ехал по пустым улицам, состоявшим исключительно из заброшенных домов — некогда богатых, бедных, средних. Не разрушенных или сожженных при штурме — просто брошенных однажды раз и навсегда. Иные носили следы разграбления в спешке, но по большинству видно было, что в них похозяйничали обстоятельно, не спеша и ничего не опасаясь, аккуратно сняли с петель двери, вынули стекла из окон, забрали все, что могло пригодиться в хозяйстве. Захватчикам такое ни к чему. Значит, постарались земляки и соседи, а дома определенно принадлежали тем, кто подался на полдень за лучшей долей.

Сварог свернул за угол. Там уже начинались обитаемые места — из труб идет дым, на улицах попадаются прохожие, а на

удобном месте, которое не обойти и не объехать, расположился патруль — пятеро в шлемах и кольчугах, с мечами, копьями, арбалетами и единственным мушкетом военного образца. Тут же стояли две оседланные лошади, а на высоком шесте развевался незнакомый флаг — красная, желтая и белая вертикальные полосы, на красной изображен черный меч острием вверх. Странный флаг, не значившийся ни в одном геральдическом справочнике. А уж в здешней геральдике Сварог разбирался больше, чем во всем остальном: эти знания ему запихнули в голову в первую очередь. Согласно здешним правилам и традициям, красный цвет символизировал отвагу, желтый — богатство, достаток, а вот белый был траурным цветом. На белых конях везли хоронить покойников, в белые одежды облачались неутешные близкие. Одни лишь горротские короли, издавна славившиеся весьма своеобразным чувством юмора, сделали свой флаг белым...

Его заметили и взяли на прицел. Сварог спокойно ехал прямо на них — и остановился в трех шагах, отметив, что наконечники стрел серебряные. И наконечники копий — тоже. Он разглядывал их, а они разглядывали его. Чтобы не нагнетать напряжения, Сварог заговорил первым:

— Документ показать, орлы?

— Сам рисовал? — спросил старший, изучив документ.

Остальные хмыкнули невесело.

Сварог сказал чистую правду:

— А откуда я знаю, кто его рисовал?

Орлы хохотнули чуть веселее. Старший бросил:

— Не шевелись. Проверим.

Серебряный наконечник копья медленно поднялся к его груди — Сварог добросовестно замер, — коснулся шеи и отодвинулся гораздо быстрее. Лица у патрулей стали чуточку дружелюбнее, но старший, как ему и полагалось по должности, остался собранным и подозрительным:

— Смотри, если что... Тут у нас адвокаты не водятся. Откуда едешь?

— Из Фиортена, — бухнул Сварог и пожалел, что проговорился. Но что прикажете делать, если других названий он попросту не знал и врать о незнакомых местах опасался?

— Как там?

— Паршиво, — сказал Сварог. — Нет больше Фиортена. Один пепел остался.

— Кто там был?

— Ох, знал бы я кто, — сказал Сварог устало. — Он бы у меня кровью умылся... Кабаки в городе есть, ребята? Типа постоянного двора?

Они молчали. Расступились, правда, и он медленно поехал прочь. Вдогонку все же крикнули:

— Через базарную площадь, налево у зеленого дома — и прямо до самой реки. Постоялый двор тетки Чари.

Карах смирнехонько сидел под плащом. Прохожие, как один, оглядывались на Сварога — кто украдкой, кто открыто. Сварог понял, что приезжие здесь — весть редкостная, что он станет темой для вечерней болтовни, ибо с новостями здесь плоховато...

Трижды ему предлагали продать второго коня, один раз спросили, не ожидается ли какой войны, а однажды поинтересовались, не он ли беспутный племянник мамаши Микоты, лет двадцать назад сбежавший искать приключений и с тех пор не объявлявшийся. Сварог каждый раз молча мотал головой.

Он почувствовал вдруг, что Карах зашевелился под плащом, пробрался к шее. Это могли заметить со стороны, и Сварог, не поворачивая головы, прошипел сквозь зубы:

— Тихо! Что та-м?

— Хозяин, убей его! — зашептал Карах из-под капюшона. — Убей его сейчас же! Это плохой!

Сварог придержал коня, украдкой оглянулся — нет, никто вроде бы не обратил внимания, как приезжий пустился в дискуссию с собственным плащом.

— Вон тот, в черной шапке! — не унимался Карах. — Убей его побыстрее!

Сварог растерянно огляделся. Он как раз проезжал по базарной площади, где не особенно шумно торговали рыбой, старой одеждой, живыми овцами, дровами и пивом. Покупателей было самую малость побольше, чем продавцов. У лотка с рыбой, точно, стоял худой человек в буром кафтане и высокой черной шапке, какую носят на полудне Снольдера — круглой, с плоским донцем и наушниками. Человек этот ничем особым не выделялся. Гильдейской бляхи у него не видно, но здесь их никто не носит.

— Убей его! — чуть ли не крикнул Карах.

Сварог колебался. Вспомнил, что однажды уже пропустил мимо ушей предостережения Карака и кончилось все дракой с вампирами, а могло кончиться и печальнее...

Пробормотал заклинание, и рука сама дернулась к топору. На месте человека в черной шапке колыхалась мгла, черный сгусток тяжелого дыма, то принимавший зыбкие очертания человеческой фигуры, то переливавшийся в знакомый уже образ — шар над прямоугольником.

— Ах, вот это кто... — сквозь зубы пробормотал Сварог. — Карак, держись!

Он отвязал повод заводного коня, накинул его на столбик ближайшего навеса. Еще раз произнес заклинание. Теперь он вновь видел лишь худого человека, отвернувшегося к лотку с рыбой, — видел то, что и все остальные на площади, окружённой невысокими каменными домами с острыми крышами. Сварог развернул коня так, чтобы оставить худого справа, пустил вскочь. Лезвие Доран-ан-Тега щелестяще свистнуло в воздухе, и сразу же вокруг завопили. Сварог оглянулся, натянул поводья.

Отсеченная голова худого еще кувыркалась высоко в воздухе, невесомо выписывая круги вопреки законам природы и тяготения — словно живое существо, выбиравшее, где бы приземлиться на грязный булыжник. Обезглавленное туловище прочно стояло на ногах, из перерубленной шеи не брызнуло и кровинки, руки подняты ладонями вверх, словно готовятся поймать непоседливую голову, которой, дело житейское, захотелось вдруг полетать отдельно.

Голова упала на обрубок шеи и утвердилась на нем левым ухом. Пространство вокруг худого подернулось туманом, пронизанным тусклыми молниями, и вот тут-то началась настоящая паника, продавцы и покупатели брызнули во все стороны, даже овцы, мемекая, припустили прочь. Значит, все видели то же, что и Сварог, — как посреди площади возникает, принимая все более четкие, завершенные очертания, повисший над черным прямоугольником белый шар и с его бока немигающее таращащее глаз — без век и ресниц, с желтой радужкой и белым кошачьим зрачком.

Нечто вроде туманного диска возникло над шаром, рассыпая искры. Змеистые желтые молнии хлестнули по крышам домов, с грохотом расшивывая черепицу и жестяные колпаки труб, опустились ниже, вышибая звонко лопавшиеся оконные

стекла, выворачивая камни из стен, потянулись еще ниже, к людям...

Сварог выхватил шаур. Вереница свистящих серебряных звездочек пронеслась над ушами коня. И повторилось то, что Сварог уже видел однажды с палубы «Божьего любимчика», — спиралью завертелся густой черный дым, пронизанный зелеными вспышками, омерзительный вой, злобный и жалобный, пронесся над площадью и оборвался. Посыпался сухой скрежет, дым кучей пыли осел на грязную булыжную мостовую.

Никто уже не кричал, только овцы блеяли, носясь по площади, а люди застыли неподвижно. Сварог подумал, схватил повод запасного коня и поскакал прочь — не устраивать же пресс-конференцию с митингом?

Постоялый двор под вывеской «Жена боцмана» стоял на отшибе у самой реки — приземистый каменный дом с конюшней и деревянными пристройками, все это обнесено добротным деревянным забором. Посреди двора величественно возлежала свинья и бродили куры.

Сварог проехал в распахнутые ворота и остановил коня у широкого крыльца. Дверь распахнута настежь, но внутри тихо. Из конюшни появился угрюмый высоченный детина. Рукава засучены, за пояс заткнута короткая, тщательно обструганная дубинка. На трактирного слугу он походил не больше, чем Сварог на герцогиню. Но спросил предупредительно, как положено:

— Чего изволите?

— Есть, пить, ночевать, — сказал Сварог. — Все эти удовольствия можете предоставить или только некоторые?

— Все, ваша милость, если есть денежки, — ответил детина. На правом запястье у него Сварог заметил синюю татуировку — русалка с огромной пивной кружкой. Похоже, морская тематика не ограничивалась вывеской.

— Расседлать, ваша милость?

— Расседлай, — сказал Сварог. У него самого это до сих пор получалось довольно неуклюже. Детина, ничуть не удивившись, принялся за работу. Сварог заметил, что и у него получается не лучше. Карак смирнехонько притаился в откинутом капюшоне плаща.

Сварог стоял, прислонившись плечом к столбу, наблюдал с интересом, как детина возится с пряжками и ремнями, беззвучно чертыхаясь под нос.

— Где плавал? — напрямик спросил Сварог.
Детина не стал вздрагивать и цепенеть. Буркнул, не отрываясь от работы:

- Везде помаленьку.
- Фогороши в городе есть?
- Где их нет? Позвать?
- Зови.
- Гулять будете, ваша милость?
- Немножко.

— С радости или с горя?

— А что, есть разница?

— Еще какая, — хмыкнул детина. — Почему-то с радости все спокойно обходится, а как завернет кто с горем, непременно норовит, подлец — уж простите, ваша милость, — запалить таверну. Вы из которых?

— Пожалуй, с горя, — сказал Сварог. — Правда, нет у меня такой привычки — палить таверны.

«И вообще, я в тавerne впервые в жизни», — мысленно добавил он.

— Мне что, — сказал детина. — Мое дело предупредить — хоть воды поблизости и навалом, за баловство с огнем и по башке схлопотать можно. Будь вы хоть харланский герцог.

- Там герцогиня.
- Будь вы хоть сама харланская герцогиня.
- Учту, — сказал Сварог.

В тавerne и в самом деле никого почти не было. За одним столом молча потребляли пиво серьезные люди — четверо гуртовщиков с бычьими головами на бляхах Серебряной гильдии. Судя по гербам, гуртовщики были ронерские. За другим столом тихонько резалась в кости компания — на вид сплошь темные личности непонятного сословия, числом восемь. За третьим, уронив голову в блюдо с кое-как обглоданными копченными ребрышками, мирно похрапывал субъект в довольно приличном камзоле. Остальные столы, десятка полтора, пустовали.

Сварог подошел к стойке. Из задней комнаты, вытирая руки передником, вышла тетка лет сорока, с крепкой, отнюдь не расплывшейся фигуркой, не лишеннаяекс-эпила, но сущая бой-баба на вид. Если это и есть жена боцмана, боцман прочно сидит под каблуком.

— А налейте-ка мне, хозяйка, чего-нибудь для начала, — сказал Сварог, прислоняя к стойке топор.

Хозяйка налила ему из кувшина в большой оловянный стакан. Он попробовал — одна из разновидностей здешнего коньяка, не самая скверная. Выпил до половины, посмотрел на хозяйку, а хозяйка посмотрела на него:

— Это вы гулять собирались?

— Да какая там гульба, — сказал Сварог. — Легкое расслабление тела и души, с должной музыкой. С горя, признаюсь, но таверну поджигать не намерен, не беспокойтесь.

— Перек пошел за фогорошами. Девок поискать? Тут этот промысел не особо процветает, ну да шлюхи везде сыщутся.

— Уж это точно, — философски сказал Сварог и допил остальное. — Только ну их к черту. Не тянет что-то.

— Это Вольного Топора-то?

— Вы меня, хозяйка, нешибко пытливо расспрашивайте, я и врать не буду, — сказал Сварог.

— Тоже верно...

— Вы и в самом деле жена боцмана?

— Вдова, — сказала хозяйка. — Вместе плавали, пока мой дурак не сотворил последнюю в его жизни глупость...

— Это какую?

— Знаете, ваша милость, вы тоже не всюду нос суйте, вот и поладим. Если тетка Чари будет помнить про все глупости, свои и мужнины...

— Понятно, — сказал Сварог. — А на «Божьем любимчике» плавать не доводилось?

Тетка Чари посмотрела на него крайне внимательно и помчала, словно ждала чего-то. Не дождавшись, пожала плечами:

— Так ведь каждый прохиндей про себя думает, что он — божий любимчик...

Но в глазах у нее определенно что-то этакое мелькнуло.

— Бросьте, — сказал Сварог. — Я здесь человек новый, да не вчера родился. Конечно, есть какой-то тайный знак для своих или пароль, но я его не знаю... Вы мне только одно скажите: за последние два дня «Божий любимчик» здесь проходил?

Он поднял руку так, чтобы она увидела перстень Борна. Сам не знал, откуда такая уверенность, но русалку Переку явно наколол тот же умелец, что разрисовал иных моряков капитана Зо.

— Ни слуху ни духу... — мотнула головой тетка Чари.

— Так... — Сварог повесил голову. — Тогда налейте еще, что ли.

Она плеснула в стакан и задумчиво сказала:

— Может, проще будет вас сразу со двора взашей вышибить? Не люблю я загадок и не люблю, когда чего-то не понимаю...

— Да ладно вам, — сказал Сварог. — Переночую и поеду. И никакого от меня беспокойства. Вы мне лучше соберите поесть, я и в самом деле жрать хочу...

— А этот, что в капюшоне у вас сидит?

— Что, видно?

— Ухо торчит. А теперь спряталось.

— Да он безобидный, — сказал Сварог.

— Сама знаю. Когда была маленькой, в деревне, у нас в амбаре целых два жили. Косу мне заплетали. Ну, вон туда садитесь, что ли.

Он забрал топор и уселся за массивный стол. Тетка Чари, сделав несколько рейсов от стойки, понаставила перед ним тарелок и кувшинов.

— Ага, вот и фогороши ваши идут, торопятся, голубчики, с похмелья небось...

Она принесла стопку оловянных стаканчиков, вложенных один в другой, — для фогорошей, рассевшихся за столом и откровенно потирающих руки.

— За знакомство? — Сварог поднял стакан, разглядывая их.

Народ был колоритный — музыканты из снольдерских степей, в синих штанах, желтых рубашках и красных жилетах, все потертое и штопаное, но на шеях сверкают диковинные золотые украшения, а на пальцах — массивные золотые перстни с крупными самоцветами. Этой привилегии — носить кольца с драгоценными камнями — завидовали все сословия и гильдии, ибо подобным правом обладали одни дворяне.

— Как же это вы, ребятки, всей этой красоты с похмелья не спустили? — спросил Сварог.

Старший, черный, как ворон, усач, сверкнул ослепительными зубами:

— С Сильваны, должно быть, ваша милость? Обычаев наших не знаете? Подыхать будем, а не пропьем. Традиция. Фогорош может ходить хоть голым, но если он при сабле и драгоценностях — чести его урона нет. Ваше здоровье! Музыку лучше слушать после пары наперстков, а чтобы играть и петь душевно, потребно этих наперстков не меньшее количество. Посему

поднимем и опростаем, не унижая себя закуской! У вас печаль или вовсе наоборот?

— Хороший человек умер, — сказал Сварог, ощущая уже после чарки конька приятную сдвигнутость сознания. — А потому урежьте-ка «Теню жизнь промчалась», да так, чтобы...

— И никак иначе! — успокаивающе поднял ладонь старший. — Дело знакомое весьма и насквозь. Гей!

Они встали, разобрали инструменты — две явные скрипки, нечто похожее на гитару, только прямоугольное, обвешанный колокольчиками бубен, — переглянулись, кивнули друг другу и действительно урезали так, что все кабацкие шумы и все пепчили отодвинулись невероятно далеко, осталась только мелодия, удивительным образом и лихая, и горестная:

Гей, сдвинем чары!
 Трещат пожары,
 звенят клинки и мчатся скакуны.
 Милорды, где вы?
 Заждались девы,
 хоть мы бывали девам неверны...
 Теню жизнь промчалась!
 Теню жизнь промчалась!
 Теню жизнь промчалась!
 Не плачьте обо мне.
 Теню жизнь промчалась!
 Теню жизнь промчалась!
 Бешено умчалась
 на белом скакуне...
 И уже не наши
 и мечи, и чаши,
 под тобою пляшет
 белый аргамак,
 знающий дорогу
 к черту или к богу.
 Конь мой белый, трогай...

Скрипка рыдала над самой его головой, потом фогороши разомкнули кольцо, кружили меж столиков, то приближаясь к Сварогу, то отдаляясь, полузакрыв глаза, ничего не видя вокруг, ни на миг не прекращая игры.

Сварог поднял глаза — трое из числа темных личностей сидели напротив и выразительно поглядывали на свои пустые стаканы, прихваченные со стола. Сварог налил им, приглядевшись внимательно — рожи были самые продувные.

— Внесем ясность, — сказал он, полез в карман, вытащил пригоршню серебра и аккуратно высыпал на стол. — Вот это все, что у меня есть. И я могу по-мужски угостить винцом кого-нибудь, но ужасно злюсь, когда меня, сиротиночку, хотят обидеть... Усекли?

У него оставалось еще десятка три монет в потайном кармане, но об этом он не стал распространяться.

— Нет, такого даже грабить жалко, — сказал один, не отрывая, как и остальные, завороженного взгляда от серебряных кружочеков. — Как дите малое...

— Не понял, — сказал Сварог.

— Мы, ваша милость, не записные душегубы и не святые, — сказал собеседник. — Так, посередке где-то болтаемся. Потому что тут, в Пограничье, не любят чересчур уж сволочного люда, но и святым здесь никак не житье. Мой папа — умнейший был человек, хоть и сплясал в конце концов с Пеньковой Старушкой — всегда меня учил, что не стоит грабить того, кто тебе непонятен, а то боком может выйти... Вы что, сударь мой, никогда не слышали, что в Пограничье, в противоположность всему остальному миру, серебро не в пример дороже золота?

— Слышал, — сказал Сварог.

— Но не слышали, на сколько дороже. Иначе не стали бы все это на стол вываливать. Вечереет, в кабаке народа скопляется, и не все такие осмотрительные, как мы, не у всех был такой мудрый папа, как у меня, так что вы от греха подальше все это спрячьте... — Он придинул Сварогу деньги, ухитрившись при этом ловким движением мизинца отправить две монеты себе в рукав. И тут же поднял руку, подперев щеку ладонью, чтобы монеты провалились поглубже к локти. — Значит, что? Значит, в здешних делах вы совершенно не разбираетесь, и вам, сдается мне, ох как пригодятся люди, которые за десяток серебрушек дадут дальний совет насчет чего угодно. А то и поручение выполнят за умеренную плату. Другие за вас и больше бы дали.

— Это кто? — тихо спросил Сварог, перегнувшись к нему.

— Да ездят тут всякие...

Сварог сгреб монеты, отсчитал десять и положил перед ним, а остальные спрятал.

— Это за советы или за ответы на вопросы?

— За ответы, — сказал Сварог.

— Ваша милость, тут четвертый день крутятся харланские шпики с полными карманами серебряных и ищут, кто бы согласился для них хватать всех едущих из Ямурлака.

— Значит, вы настолько честные, что предпочитаете десяток серебряных полному карману?

— Расклад такой, что именно так и выходит. Потому что — гораздо безопаснее. Парочка из тех шпиков уже пляшет с Конопляной Тетушкой. Не любят у нас харланцев. А молодой князь, хоть и сопляк, себя поставить сумел. Словом, мы вас предупредили. Народ здесь разный, так что я бы на вашем месте долго в Руте не задерживался. У тетки Чари вам будет безопасно, но разговоры пойдут. Уже по всему городу болтают, как вы этого черта на базаре замочили, только что наши ребята пришли, рассказали. А когда все, кто здесь пьет, по дому разойдутся, все будут знать, где вы на постое имеете честь обретаться.

— Тогда перейдем к советам, — сказал Сварог, сделал знак фогорошам, чтобы продолжали. — Вот еще восемь.

— До десяти двух не хватает...

— Восемь, да две в рукаве — десять, нет?

Прохвост рассмеялся и, сложив ладонь ковшиком, смел монеты со стола себе в пригоршню:

— Верно, десять... Что вам посоветовать?

— Как мне побыстрее попасть в Харлан.

Вот теперь темные личности по-настоящему удивились:

— Но ведь они вас ищут...

— И тем не менее, — сказал Сварог.

— Ну, вам виднее. Может, они просто не хотят, чтобы вы в Харлан добрались, а может, прятаться и в самом деле лучше там, где светлее. Мой папа тоже, бывало, краденое прятал в лавочке аккурат напротив резиденции квартального полицмейстера... Утревчиком садитесь на коня и скачите вниз по реке, в Адарн. У нас здесь одни рыбакские лодки да два княжеских корабля, а в Адари — приличный по меркам Пограничья порт. За два десятка серебряных вам шикарную посудину продадут — с палубой, трюмом, каютой, капитаном и тремя корабельными патентами на три разных названия... А если

отыщете в кабаке «Петух и пивная кружка» такого Брюхана Тубо и сложите пальцы вот так, — он показал, — да отсыплете ему еще пяток, он сам для вас и разыщет, что нужно, пока пиво пьете, вам и бегать не придется.

— Ладно, — сказал Сварог. — Но если что...

— Под землей найдете, дело ясное, — кивнул тот. — Не сомневайтесь, все честно. Только с князем не связывайтесь, он у нас романтик, голову задурит, и пропадете...

— А ну-ка, брысь отсюда! — цыкнула неизвестно когда подкравшаяся хозяйка.

— Тетка Чари, да мы вполне мирно беседуем... — собеседник Сварога вскочил и примирительно развел руками.

— Соколик мой, я таких на нок-рее вешала... — тихонько сообщила тетка Чари.

Вряд ли она шутила — темные личности сразу поскучнели и, учтиво раскланявшись со Сварогом, заторопились прочь, однако тетка Чари мгновенно извлекла из-под передника нечто напоминавшее деревянные грушевидные нунчаки, сгребла самого разговорчивого за запястье и крутанула так, что тот взвыл.

— Стоять, выползок черепахий! Ваша милость, деньги у них забирать будете?

— Не надо, они их честно заработали, — сказал Сварог.

— Ну-ну... Все равно — брысь! — Она присела рядом со Сварогом. — Надоели, не клиенты, а сплошная шпана. Нет, пора закрывать все к русалочьей матери и перебираться в Ронеро, полузабытую милую отчизну. Благо про нас там все и забыли, все сроки давности вышли, гончие листы давно не кружат...

Сварог вежливо помолчал. Хозяйка посидела, слушая музыку, вздохнула и сказала, как показалось Сварогу, со значением:

— Знала я одного штурмана, ужасно любил, когда ему играли «Тенью жизнь промчалась». И все говорил, что закажет ее по себе вместо заупокойной...

Сварог выдохнул:

— Может, мы и разных штурманов имеем в виду, но мне отчего-то кажется, что одного.

— Вы не из Старой Гавани едете?

— От Старой Гавани остались одни головешки, — сказал Сварог. — И три мачты из воды торчат. «Божий любимчик» должен был нас ждать...

— А Зо? С ним что?

— Мы... ну, в общем, мы прорвались поодиночке, — сказал Сварог. — Может, Зо просто припозднился. Может, там на дне вовсе и не «Божий любимчик»...

— Ну да, — горько усмехнулась тетка Чари. — В таких делах, голубчик мой, обходится без всяких «может». Говорила я своему дураку. И Вентрасу говорила...

— Вентрас в Винете, — вырвалось у Сварога.

Тетка Чари нисколечко не удивилась:

— То-то и оно...

— А что такое эта Винета?

— Как вам еще до сих пор голову не оторвали? Ведь ничего-шеньки не знаете... А интересно, знаете хоть, на кого вы жутко похожи?

— Знаю, — сказал Сварог. — До чего мир тесен...

— Мир-то большой, только вы бродите по старым дорогам вашего двойника, вот и нарываетесь. Вы, часом, не сын?

— Вот уж нет, — сказал Сварог. — Долго объяснять, вам наскучит. Я и сам еще не разобрался до конца в иных странностях.

— Понятно. Может, вам чем помочь? Вы, конечно, не наш, но явно как-то с нашими повязаны...

— Спасибо, сам справлюсь. Скажите, если эти прохвосты что-то посоветовали, на них можно полагаться?

— Можно. И рады бы положить грех на душу, да помнят, где живут. Если что, я им устрою грустную жизнь на фоне сплошных неприятностей... Утром уедете?

— Скорее всего.

— А выскочить из этого дела никак не можете?

— Не хочу.

— Ох, беда с вами, с идеинными, — вздохнула тетка Чари. — Не умеете вовремя остановиться. Правда, мой дурень был не из идеиных, да тоже не сумел остановиться вовремя. Вот и крутись теперь слабая женщина со всем хозяйством...

— А Перек?

— Перек хорошо умеет махать абордажным топором да лазить по мачтам. А для хозяйства нужна смекалка. Ничего, вскорости начну собираться в Ронеро, подожду пару дней, вдруг Зо на горизонте все же обозначится...

— Если появится, скажите ему, что я ушел в Харлан.

— Тоже, нашли место. Сплошные колдуны. Одно меня утешает: если эти твари, шары чертовы, пойдут дальше, от Харлана половинка останется...

— А вас не беспокоит, что они пойдут еще дальше?

— Они ж не могут переходить реки. Разве что найдется сволочь, устроит им мост. Достаточно натянуть шелковинку по перек реки, иной нечисти это, что мост каменный...

— Боюсь, сволочь отыскалась, — сказал Сварог. — Один сегодня был на базаре. В человеческом виде.

— А я решила, брехня.

— Я сам видел.

— Нет, пора отсюда сматываться. Уж если стали людьми обворачиваться... Значит, его и в самом деле угрожали?

— Да как раз я его и... — сказал Сварог.

— Идите вы! Я-то думала, брехня, пришел старый Шовер, а этот, не сбрехнувши, чарку ко рту не поднесет... — осеклась, уставилась через плечо Сварога. — Вот сюрприз! Князь!

Сварог обернулся. Гомон приутих, даже фогороши заиграли потише. В дверях стоял светловолосый юноша, почти мальчишка. Вокруг высокой тульи шляпы поблескивает княжеская корона, на груди серебряная цепь (хотя согласно законам геральдики князю полагается носить золотую, строго определенного фасона).

Двоев в кирасах и рокантонах* вошли следом, встали по сторонам двери. Тот, что проверял сегодня на окраине документы Сварога, кивком показал на него князю. Князь направился к столу. Солдаты остались у двери. Тетка Чари проворно вскочила:

— Ваше сиятельство, честь какая... соизвольте снизойти, чем богаты...

На них таращились со всех сторон. Вспомнив, в какой он личине обретается, Сварог встал и низко поклонился, приложив обе руки к груди.

— Я Велем, князь Рута, — сказал юноша. — Где мы можем поговорить?

Тетка Чари побежала впереди:

— Сюда, ваше сиятельство, тут ни одна живая душа... — Она распахнула дверь в просторную заднюю комнату, выскочила, вернулась с огромным подносом. — Чем богаты...

— Поставьте и уходите, — бросил князь. — Станете подслушивать — повешу.

Тетка Чари, пятясь, вывалилась за порог и тщательно прикрыла тяжелую дверь, схваченную поперек коваными железными полосами. Князь нервно прошелся по комнате, сел на скамью, посмотрел на Сварога:

— Садитесь. Кто вы?

— Путешественник, — сказал Сварог.

— Куда направляетесь?

— Вниз по реке.

Сварог задумался — отчего это князь так вежлив? Обычно любой, обладающий гербом, «тыкает» Вольному Топору без зазрения совести — если только чувствует силу на своей стороне. Странное поведение для полновластного хозяина, привыкшего походя грозить виселицей встречным-поперечным...

Князь смотрел на него напряженно и беспомощно. Сварог ждал, скрестив руки на груди. Снаружи не долетало ни звука, дверь была сработана на совесть.

— Что у вас за странный флаг? — спросил наконец Сварог.

— Это флаг Пограничья. — Князь задрал подбородок с видом гордым и непреклонным.

— А зачем там белая полоса?

— Потому что на нашей земле — беда.

— Зачем там меч, я уже понемногу догадываюсь, — сказал Сварог. — Интересно, а Пограничье знает, что у него такой флаг?

Князь понял иронию, к тому же спохватился наконец, что инициатива ушла у него из рук. И рассердился:

— Я вас могу и повесить...

— А смысл какой? — поднял брови Сварог.

Князь показал ему согнутую серебряную звездочку, должно быть угодившую в стену:

— Ваша?

— Да, я обронил несколько на площади... — сказал Сварог.

Звездочка вдруг полетела в него. Сварог не шелохнулся, и звездочка отскочила от его груди, словно отброшенная ударом невидимой теннисной ракетки.

— Ну конечно, — сказал князь. — Следовало ожидать. Снизили к нам поразвлечься?

В его голосе прозвучали такое презрение и ярость, что Сварогу стало не по себе.

— Не совсем, — сказал Сварог. — Верить или нет, дело ваше, но у меня серьезное дело. И я не ищу ссор... если мне их не навязывают.

— Я вам не собираюсь навязывать ссору.

— Тогда зачем же вы на меня вызверились? — тихо, даже ласково спросил Сварог. — Никого не трогаю, пью вино, честно сказать, по весьма печальному поводу...

— Простите, — сказал князь. — Я понимаю, что лично вы ни в чем не виноваты...

— А кто виноват и в чем?

Князь прошел к столу, налил себе черной «драконьей крови». Постоял с чаркой в руке, резко задрав голову, осушил до дна. Повернулся к Сварогу:

— Все хуже и хуже. Они уже начали оборачиваться людьми, и кто-то помогает им пересекать реку... Думаете, не найдутся люди, которые станут им помогать?

— Ну, не столь уж я хорошего и высокого мнения о человечестве, — сказал Сварог. — Конечно, найдутся, уже нашлись... Чего вы от меня-то хотите?

Князь схватил его за рукав, приблизил яростное и упрямое, совершенно мальчишеское лицо:

— Я сам не знаю, чего хочу. Но их нужно остановить. Вам уютно и спокойно там, наверху, вас все это не касается. А мы живем здесь. И отступаем, отступаем... Они уже расхаживают по эту сторону реки...

— Я понимаю, — мягко сказал Сварог. — Но я, честное слово, не могу побивать их всех. Одному такое не по силам.

— Я просил аудиенции у императрицы, — сказал князь. — Здесь, понятное дело, нет имперского наместника, пришлось ехать в Ронеро. Мне ответили, что ее величество удостаивает аудиенции лишь правителей юридически признанных государств. Понимаете? Мы, здешние властители, имеем все права вольных ярлов, можем возводить в дворянство, но нас как бы не существует. Имеющие глупость здесь обитать — словно бы призраки. С юридической точки зрения.

— Ну, она же наверняка и не знала о вашей просьбе, — сказал Сварог. — В таких случаях наместник сам решает...

— Разве нам от этого легче? Конечно, мы всегда можем перебраться в какое-нибудь из соседних государств, принять подданство, многие так и поступили. Я, несомненно, останусь при прежнем титуле... Но здесь — наша родина. Мы хотим жить на

родине. Однако не в силах отстоять ее сами. А для вас смести их с лица земли было бы детской забавой...

«Положеньице, — подумал Сварог. — Кто бы мог представить, что придется принимать упреки за всех, благоденствующих сейчас в небесах? Не рассказывать же ему свою историю? Даже если поверит, то чем ему это поможет?»

Князь ему нравился — из таких сопляков, бывало, получались отличные солдаты. Если только их не убивало в первом же бою.

— Иногда кажется, я сойду с ума, — сказал князь. — Или соберу людей, мы переправимся через реку и постараемся перебить их, сколько сможем...

— И много вы соберете людей на такое предприятие?

— Мало. Но нет сил сидеть и смотреть. Нет терпения ждать, когда сбудется пророчество. В него уже и не верят...

— Какое пророчество? — заинтересовался Сварог.

— Из Кодекса Таверо.

— А что там сказано?

— Неужели не знаете? Говорят, у вас там, наверху, богатейшие библиотеки.

— Я, вертопрах такой, редко навещал библиотеки, в чем сейчас искренне каюсь...

— «Когда Сатана пошлет глаза свои на землю, и они, пятерясь и десятерясь, нечистыми ордами заполонят многие области из ныне цветущих, сея зло, рухнут могучие государства, а иные, отделенные от угрозы землями, не имеющими королей, в слепоте своей и гордыне будут полагать, что избавлены от напасти, но это — ненадолго. И единственным путем к избавлению станет пришествие отмеченного Богом Серого Рыцаря, во многом схожего с фигурой шакра-чатуранджа, именуемой Серый Ферзь, ибо тому рыцарю суждено пройти долгий путь по дороге неведения меж Добром и Злом. И предсказанное мною не есть преднарочтанье — ибо кому ведомы помыслы Господни? Лишь самому Господу. Но если миру суждено спастись от Глаз Сатаны, его спасет Серый Рыцарь, отыскавший Златовласую Привратницу, единственную, кому под силу запереть замок на двери, которой нет; о которой все будут думать, что она есть, а о призраке станут полагать, что он жив и обладает горячей кровью; принцессу, дочь короля, жестокого короля Длинной Земли».

— Чертовски внятно, признаться, — сказал Сварог. — Изложено простым и ясным языком, понятным каждому дураку...

— С пророчествами так и обстоит. Предсказатели не всегда могут облечь в простые и ясные слова то смутное, что им открылось... Но за девятьсот лет сбылись многие из пророчеств Таверо.

— Да, я слышал.

— Конкретные указания здесь все же есть, — сказал князь. — Девятьсот лет назад, когда жил Таверо, никто не мог понять, что подразумевается под Длинной Землей. Но триста лет спустя Конхобар разделился на два королевства — Ронеро и Глан. На одном из древних языков, употреблявшихся книжниками и алхимиками, Ронеро как раз и означает — «Длинная Земля». Нынешний король носит прозвище Ужасный, а принцесса Делия — светловолосая...

— Только вот в конце — полная невнатаца.

— Да, согласен... — князь поднял серебряную звездочку. — Как вы это делаете?

— Есть у меня метатель... — Сварог следил, как меняется лицо князя, и легко угадал его мысли. — И не просите, не отдам. В чужих руках эта вещь все равно не станет работать. Я попробую что-нибудь для вас сделать... — Фразочка получилась пошлая, но другой Сварог не нашел.

— Дайте нам серебра. Побольше. Вам это ничего не стоит. Хотите стать королем? Земли, захваченные Глазами Сатаны, сейчас по всем законам бесхозны, любой, кто их очистит от нечисти, имеет полное право провозгласить себя королем, даже королем королей — там ведь три королевства, три патримона... — Увидев усмешку Сварога, он стиснул кулаки, но опомнился. — Или хотя бы добейтесь для меня аудиенции...

— Попробую, — сказал Сварог. — Но это будет нелегко...

Если лары до сих пор ничего не предприняли против Глаз Сатаны, значит, у них есть свои причины и мотивы. А от коронованной особы порой очень мало зависит, особенно если она столь юная. Но мальчишка, должно быть, привыкнув распоряжаться здесь самовластно, свято верит, что так же обстоит и в других державах...

— Быть может, от императрицы скрывают правду, — продолжал князь. — Она такая юная... — В его устах это утверждение прозвучало довольно комично. — И чересчур полагается на придворных.

«Ну да, конечно, — вздохнул про себя Сварог. — Везде одно и то же — царь не знает, президенту не докладывают... Но высшие сановники и в самом деле — сила. Значит, идти нужно не к императрице».

— Честное слово, я сделаю все, что в моих силах, — сказал он. Прозвучало это казенно и сухо, и он хотел было ободряющее похлопать князя по плечу, но вовремя спохватился. — Только учтите, князь, — я добираюсь домой кружным путем, мне предстоит трудное дело и неблизкая дорога... Так что наберитесь терпения.

— Я все равно буду занят ближайшие дни, — признался князь. — Соберу дружины и поеду вразумлять барона Готара. Редкостная скотина. Решил, что отведет беду, если примется жечь колдунов — только вот в колдуны у него попадают по малейшему подозрению, а то и за малейшие провинности.

— Вы уж себя поберегите для великих дел, — сказал Сварог.

Князь огромным усилием воли сдержался, чтобы не разгневаться, но попрощался все же молча, кивком.

Сварог вернулся в зал.

— Гуляем дальше, ваша милость? — подошел к нему старшина фогорошей. — Их сиятельство вышел гневен, мы уж подумали, что вас потащат на другую пляску, попечальнее...

— Обошлось, — сказал Сварог, протянул старшине десяток серебряных монет. — Хватит на сегодня, пожалуй.

Тетка Чари, сразу видно, сгорала от желания хоть что-нибудь выведать о только что закончившейся встрече на высшем уровне, но таверна была набита битком, гуляки засыпали ее заказами, и она порхала по залу, как пчелка, успевая и перешучиваться со знакомыми, и отпускать мимолетные, но полновесные плюхи, когда чья-нибудь нахальная ладонь устремлялась к наиболее притягательным абрисам ее фигуры.

Сварог сел за свой стол, налил вина и вороватым движением переправил кусок мяса в капюшон — Караху. Спиной ощутил легкое шевеление — домовой аппетитно зачавкал.

— Баллады послушать не желаете, ваша милость? — предложил возникший у стола потрепанный старишка с громоздким струнным инструментом под мышкой. — На любой вкус, печальные и веселящие душу, трогательные и бравурные... «Баллада о принцессе и мельнике», «Баллада о битве при Тагор-Муре», «Баллада о графе Гэйре и Великом Кракене»...

Сварог собрался было одарить старика грошиком и отправить восьяси, но, услышав последнее название, встрепенулся:

— Ну-ка, давай про Кракена...

Старик, опасаясь, что заказчик передумает, плюхнулся на табурет, водрузил на колени свою бандуру и с маху ударил по струнам, не тряся времени на настройку. Похоже, его агрегат после любой настройки звучал бы гнусаво, и Сварог примирялся с неизбежным. Услышав пение старца, Шаляпин с Ка-рузо наверняка удавились бы, предварительно придушив дряхлого менестреля, но дребезжащий голос старика обладал одним-единственным достоинством — он вонзился в кабацкий гомон, как шпага в бисквит, и Сварог, несмотря на шум вокруг, легко разбирал каждое слово:

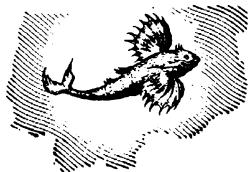
Удачи императоры,
бродяги ста морей,
кто вице-губернаторы,
а кто и на нок-рей.
Э лон аллэ, э лон аллэ,
а кто и на нок-рей...

Баллада оказалась длиннейшей, изобиловала каноническими повторами и надоедливыми припевами, но Сварог героически слушал и постепенно убеждался: несмотря на горы словесного мусора, кое-что попало в балладу из реальности. Несколько раз упоминалась баркентина «Беспутная русалка», имена моряков, весьма настойчиво — Море Мрака и Ферейские острова с названиями портов и даже улочек, селений, скал и отмелей. Описание Великого Кракена и жаркого сражения даже несведущему казалось нагромождением древних ходячих штампов, но финал выдался неожиданным. В противоположность подавляющему большинству баллад, вешавших о достижении конкретных целей — или, наоборот, о конкретном проигрыше, — эта гласила, что «дальнейшее знают лишь немые волны». Которые, понятное дело, никому не могут поведать ничего определенного о судьбе схватившихся в поединке смертельных врагов. Это было весьма нетипично. Что-то попало туда прямиком из реальности, от тех, кто знал что-то, видел, встречался... Или от тех, кто знал знавших, что в принципе одно и то же. Откуда, скажите на милость, в балладу попала строфа «не ищите его среди мертвых, не найдете его средь живых»? Та-

кое можно было услышать только от того, кто прекрасно знал, что так все и обстоит...

Когда дряхлый бард умолк наконец, с размаху вдарив всей пятерней по струнам и с закинутой головой испустив печальный вопль, Сварог налил ему вина и принялся допрашивать с пристрастием. Но ничегошеньки не узнал. Баллады, как повелось исстари, странствовали от одного певца к другому, разгуливали в списках, и барды, если не были авторами исполнявшихся ими творений, знали о их истории не больше, чем граммофон — о биографии Шопена. След обрывался, его попросту не было.

Глава 2

ДВОЕ НА ПАЛУБЕ

Когда до заката оставалось совсем немного, он стоял у фальшпорта, достигавшего ему до пояса, и смотрел, как упливают назад обветшавшие каменные дома Адари, облицованный каменными плитами причал с зиявшими многочисленными проплещинами, в которые энергично перла высокая сорная трава. И на полном серьезе пытался догадаться, о чем думал Колумб, отплывая в свой исторический рейс. После долгих раздумий Сварог пришел к выводу, что Колумб столь же пытливо озирал свою команду и задавался тем же вопросом: «Интересно, как эта сволочь себя поведет, когда порт скроется за горизонтом?»

...Проснувшись назавтра не столь уж рано, не с таким уж тягостным похмельем, но все же с хворой головой, он подлечился парой чарок «медвежьей», «драконьей» и прочих кровей, велел оседлать коня и поехал к мосту, где стоял караул. Часа три проторчал там. Часа два, уже пешком, слонялся по берегу, смоля сигарету за сигаретой и тоскливо поглядывая на широкую реку. Но трехмачтовый парусник с конской головой под форштевнем так и не появился на серой, неспешно текущей воде. Лишь однажды показался парус — но это крохотное одномачтовое суденышко натужно тащилось против течения со стороны Харлана, влекомое слабеньким попутным ветерком.

В конце концов он смирился с неизбежным и сказал себе: «Ты остался один, парень. Тянуть нельзя, даже новичкам не может везти до бесконечности». Криво усмехнулся, тихо пропел под нос:

— Ну не подведи, ты теперь один... бравый, — сплюнул, в последний раз глянув на реку — ничего утешительного, конечно, — и зашагал к таверне.

До Адари он добрался без всяких приключений. И дальше пошло как по маслу — легко отыскался и кабак «Петух и пивная кружка», и Брюхан Тубо, чей стан был прямой противоположностью кипарису. Пузан с продувной рожей ничуть не удивился ни условному знаку, ни поручению. Через полчаса Сварог стал полновластным и единоличным владельцем «Гордости Адари» — надежного на вид одномачтового кораблика с командой, абсолютно ненадежной на вид. Первая и единственная реформа, какую Сварог с удовольствием провел бы в роли судовладельца, — это на всякий случай повесил бы на мачте своего капитана и двух матросов, можно даже в художественном беспорядке, без всяких икебан. Но выбирать было не из чего, клиентура и дружки Брюхана Тубо в ангелах не числились. К тому же Брюхан постарался не на шутку — он явно посчитал Сварога не последним среди гангстеров Пограничья авторитетом и потому подобрал команду, на его взгляд, надежнейшую — чтобы не ударила в грязь лицом, если клиенту вздумается попиратствовать или устроить иное мокре дело.

Сварогу не пришлось особенно стараться, чтобы поддержать свой авторитет среди экипажа «Гордости Адари». За него все сделал случай — и порочные наклонности, присущие отдельным представителям сословия речных моряков.

Сварог оглянулся и хмыкнул. Обладатель самой продувной из трех рож сидел у мачты и, тихонько поскрипывая сквозь зубы, баюкал правую руку, замотанную лоскутом какой-то тряпки. Когда корабль готовился отдать якорь, именно этот субъект забрался в кормовую надстройку, где в единственной на суденышке каюте Сварог сложил свои пожитки. Потом, хныкая и стеная, он клялся, что хотел лишь из любопытства осмотреть багаж нового хозяина, и не более того. Как бы там ни было, свидетелей не оказалось (Карак притаился в капюшоне плаща, а плащ был на Свароге), одно можно утверждать с уверенностью — этот болван полез рассматривать топор. И Доран-ан-Тег, не терпевший таких вольностей от посторонних, смахнул ему четыре пальца, оставив один большой. Теперь вся троица таращилась на Сварога с нескрываемым ужасом, и все его распоряжения исполнялись бегом, насколько это было возможно на крохотной посудине.

Он глянул на капитана, и тот проворно подбежал, вынул изо рта глиняную трубку, даже пристукнул каблуками латанных сапог.

— Ваша милость?

— Когда войдем в Ямурлак?

— Затемно, — сказал капитан и, поколебавшись, решился: — А вы там, часом, прикаливать не собираетесь?

— Не собираюсь. Что, боишься? Столько лет тут плаваешь, мог бы и привыкнуть...

— Всякое бывает. В Ямурлаке с незапамятных времен было тихо, да вот с недавних пор опять зашевелились. Болтают, плавает здесь какой-то, души скапает или попросту нанимает корабль, вроде вашей милости, не в обиду будь сказано, и командует плыть в Харлан. А по дороге велит прикаличить в Ямурлаке — и поминай как звали... Никто не возвращается.

— Откуда же это известно, если никто не возвращается?

— Болтают...

— Что же ты не отказался?

— Откажешься Брюхану, как же... Не знаю, что там насчет ловца душ, но в последние дни на реке определенно что-то происходит.

— Что?

— Кто его знает... Сначала в низовья прошел «Божий любимчик», а это корабль капитана Зо, доводилось слышать? Потом — «Призрак удачи» Джагеддина. А три дня назад объявился душегуб Гронт на «Трех козырных розах». Название, правда, заменил, повесил другое, ну да у нас попадается народ бывалый, они ж его по рангоуту вмиг опознали. Все трое — люди крайне известные на всех морях, головы их в иных местах оценены в крайне солидные суммы, а в других они, наоборот, чуть ли не почетные граждане. И Гронт, что странно, шел под горротским флагом.

— Замаскировался, — сказал Сварог. — Дело житейское.

— Да ведь самая забубенная головушка сто раз подумает, прежде чем поднимать горротскую «кляксу»! Не любит король Стакор, когда без разрешения пользуются его флагом, и, если изловит... Значит, Гронт и в самом деле пошел на службу к Стакору. Была в нем, конечно, гнильца, но чтоб идти под «кляксу»... — Он перехватил иронический взгляд Сварога и словно бы даже обиделся: — Что, ваша милость, думаете: «чья бы корова...»? Но тут, понимаете ли, есть большая разница: грешить

людям меж людьми или душу загубить на службе у Стакора... Так вот, я и говорю: три капитана, люди знаменитые и, добавим, друг друга на дух не терпевшие, вдруг объявились в одном месте, причем не в море, на реке. Не драться же они здесь собирались, для таких дел море не в пример просторнее...

— А что, по Ителу любой может плавать свободно? Заходи из моря — и плыви?

— Конечно, ваша милость. Исстари заведено — середина реки свободна для плаванья, без всяких таможен и разрешений. Ведь если кто-то пришлый станет разбойничать по берегам, уйти в море ему будет трудновато — быстро перехватят, — тут он спохватился, словно сообразил что-то. — Как это вы, ваша милость, таких простых вещей не знаете?

И перепугался, не распустил ли язык больше дозволенного.

— Память отшибло, — сказал Сварог. — Кирпич, знаешь ли, с крыши упал. Прямо на темечко.

— Это, понятно, неприятность... Ну, наше дело маленькое, я в ваши дела не лезу, не подумайте. — Он оглянулся на увечно-го. — Сколько учили дурака — не лезь, даже если незаперто... Так про что это ты?

— Про свободу плавания.

— Ага. Тут, ясное дело, есть нюансы. Середина реки свободна, но если у берегов сильной державы захотят изобидеть мелкую сошку вроде нас, придется нам туго, потому что заступаться некому... Доказывай потом соседям по камере, что взяли тебя в свободных водах. Они поверят, да толку — чуть. Ну и соседи по сухопутью, понятно, при случае пакостят друг другу со всем возможным усердием, и в мирное время тоже. А нам, в Пограничье, приходится и вовсе несладко — люди мы бездержавные, обидеть всякий норовит. Между прочим, коли уж зашла речь о пиратстве — скоро будем проплывать мимо исторического места. На весь Ител славилось когда-то при предках. Старики болтают, будто бы там прямо из скалы появились пираты. Налетят, мечами поsekут, ограбят — и назад в скалу. Может, и врут. А может, в старые времена там и вправду были ворота.

— Куда?

— Черт их знает. В неизвестные места. Вроде бы в древности хватало таких ворот, только потом их то ли лары запечатали, то ли они сгинули сами по себе. Но сейчас-то их точно нет. Сами посудите, ваша милость: откроися сейчас ворота в неизвестные

места, оттуда незамедлительно поналезло бы всякого неизвестного народа. Да и здешний люд шлялся бы на ту сторону за милую душу, народ у нас такой — хлебом не корми, дай пролезть в любую щелку, особенно если там нет охраны, но есть подозрения, что можно спереть что-то полезное в хозяйстве.

— Ну, насчет этого — народ везде одинаковый, — сказал Сварог.

— Вот я и говорю... Видите холм? Еще развалины на вершине? Говорят, там похоронен стародавний барон. Упырь. С баронами такое тоже случается — Ямурулак под боком, вредно влияет даже на титулованных. Ходят слухи, что в полночь барон вылезает наверх, ищет, кого бы неосторожного сцепать. Что же до русалок...

— Да ты, я смотрю, книгу написать можешь о здешних диковинах, — сказал Сварог.

— Эх, умел бы я писать, читать-то с грехом пополам выучился... А что вы думаете? Был у нас такой Одноухий Пакрен, ходил на посудине вроде этой. Вышла у него в Снольдере небольшая неприятность по поводу контрабанды, определили ему пару лет, и сидел он в одной камере с каким-то ученым типом, которого туда упекли из-за превратностей судьбы, — политика, интриги, кто-то из фаворитов загремел в немилость, а с ним, как водится, на всякий случай подмели всех его дворецких-библиотекарей и прочих конюших. А Пакрен у нас был повернутый на сказках про Ител и от скучки рассказывал их этому библиотекарю целыми днями. Того возьми да и выпусти — политика перевернулась, фаворит опять в фаворе... Недельки через две приходят и за Пакреном — которому, между прочим, еще полтора года досиживать — и волокут прямиком к тому ученному типу. Тип тоже весь из себя в милости и процветании, пишет как раз учений труд о сказках и преданиях. И Пакрен два месяца живет, как король, жрет-пьет самое лучшее и вспоминает сказки, каковые записывать к нему специальный канцелярист приставлен. А когда выжали его досуха, библиотекарь или кто он там похлопотал у фаворита, и вернули Пакрену его корыто, велели убираться к такой-то матери и больше не попадаться. А этот учений тип вдобавок от радости Пакрену полный карман денег насыпал — они ж деньгам цену не знают, очкастые, да еще состоя при таком вельможе... Пакрен, не будь дурак, в Адари уже не вернулся, завел канатную мастерскую в Ронеро, в гильдию пролез, даром что одноу-

хий... От книг тоже иногда бывает польза народу вроде нас. Вы, ваша милость, книги часом не пишете?

— Бог миловал, — сказал Сварог.

— Жаль. А то бы я вам столько порассказал про древние дела да исторические места... Вон там будто бы и появлялись из скалы пираты... Ваша милость, накликали! Чтоб они пропалились, исторические места!

Сварог посмотрел туда. Похоже, и в самом деле нарвались. Из узкой расщелины в заросших лесом скалах выплыли две длинные галеры, двухмачтовые, хищно-изящные, с зариблёнными парусами, без флагов и вымпелов. Весла взмыли, слаженно ударили по воде — и галеры целеустремленно понеслись поперек реки, настигая «Гордость Адари». Слышно было, как ритмично звенят гонги, задавая темп гребцам. На палубах толпились люди в кожаных штанах, ярких, разноцветных рубашках, и лучи заката десятками солнечных зайчиков разбрзгивались на длинных, сверкающих клинках.

— А ведь исчезали корабли! — охнул капитан. — Грешили на того, что скапает души, да вот что оказалось...

— Не уйдем? — спросил Сварог без всякой надежды.

— Куда там, полное безветрие... Ваша милость, бегите за топором! Очень он напоминает один легендарный топорик, глядишь, и отобьетесь...

Сварог метнулся в каюту и выскочил с Доран-ан-Тегом.

Капитан вооружился мушкетом, рулевой — громадным тесаком. Только покалеченный в дело не годился и бесполково тыкался от борта к борту.

— Это обыкновенные люди, — шепнул Сварогу на ухо вдруг высунувшийся из капюшона Карак.

Капитан покосился на него и разинул рот.

— А ты скройся! — цыкнул Сварог на верного домового. — Капитан, да там ведь...

— Сплошь бабы, ваша милость, — поддакнул капитан. — Даже без доспехов, форс держат, стервы...

Действительно, у форштевней обеих галер теснились женщины — рослые, красивые девахи в высоких сапогах, кожаных штанах и ярких рубашках. Золотые ожерелья, широкие запястья с самоцветами — но мечи самые настоящие, и лица исполнены нешуточной азартной решимости.

Галеры настигали, они вдруг разминулись и зашли с обоих бортов. Раздался звонкий, властный девичий голос:

— Спускайте парус!

Корабли шли нос в нос, галеры были повыше, и Сварог задрал голову, отыскал взглядом кричавшую — черноволосую красавицу в сиреневой рубашке, с особенно богатым ожерельем на шее. Несмотря на суровость ситуации, он невольно смерил ее оценивающим взглядом и пожалел, что их встреча случилась при столь уголовных обстоятельствах. Но пора было настроиться на серьезный лад — спортивные девочки, ловкие, мечи держат умело, и их, скажем честно, многовато для бравого экипажа «Гордости Адари». И в военно-стратегическом плане, и во всех остальных смыслах. Вот случай, когда остается лишь пожалеть, что выбор столь богатый...

— Я сказала — парус! — совсем сердито крикнула черноволосая.

— Девочки, шли бы вы домой, — громко сказал Сварог, перекрикивая плеск весел. — Честное слово, мы спешим, у нас срочные дела... Что вы такие задиристые? Мамы хоть знают, куда вы пошли гулять?

Раздался взрыв смеха — веселого и явно издевательского. Амазонки звонко хохотали, уверенные в себе, — для чего имелись все основания. Потом в воздухе засвистели широкие ножи, почти сразу же перерубившие трос, и треугольный парус, сминаясь, соскользнул на палубу, его концы свисали с обоих бортов, бороздя воду. Голая мачта отчего-то показалась невероятно жалкой.

Корабль вдруг рыскнул носом. Сварог оглянулся. На рулевого наведены несколько луков, высоких, сложных, рулевой уже бросил и штурвал, и тесак, всем видом показывая, что он человек мирный. Капитан, однако, крепился из чистой амбиции, с надеждой косясь на Сварога. Сварог пожал плечами:

— Ладно, бросайте мушкет...

Капитан тут же с превеликим облегчением последовал его совету. Сам Сварог топора не выпустил — он только отступил к кормовой надстройке, чтобы не зашли со спины. Черт, спиной к доскам не прижаться — Карак в капюшоне, задавиши... А они уже развернули галеры носом к бортам беспомощно дрейфующей по течению «Псевдогордости Адари», опустили принятованные к мачтам абордажные мостики-корвузы, тяжелые крюки с треском впились в палубу, с обеих сторон стучат подкованные сапоги...

Вскоре на него нацелились десятка два клинков и вдвое больше азартных сердитых глаз. Сварог усиленно пытался настроиться на боевой лад и не мог, хоть тресни. Все понимал, но не мог.

— Бросай топор, — приказала черноволосая, оказавшаяся вблизи соблазнительной до жути. Видя, что Сварог никак не реагирует, она раздраженно дернула подбородком в его сторону. Длинная стрела сорвалась с тетивы, вжикнула — и отскочила, еще в воздухе разваливаясь на куски. Девицы удивленно захали, только черноволосая удержалась, но глазища поневоле расширились:

— Колдун? Или... — И она улыбнулась дерзко, весело. — Кажется, нам повезло больше, чем я рассчитывала. Посудина никудышная, вся добыча — два будущих гребца, но я, похоже, первая, кому удалось взять в плен лара...

Рыжая, стоявшая с ней рядом, вдруг вытянула меч к самой груди Сварога, и он автоматически взмахнул топором, снеся конец клинка, словно головку одуванчика.

Вот тут их достало по-настоящему, даже черноволосую нахалку. Так и разинули рты. И шансы у него были серьезные — крушить направо-налево, пока не опомнились, в толчее их длинные мечи будут только мешать друг другу, и луки в ход не пустишь, они без доспехов, а на нем — кольчуга, выдержит кучу слабых колючих ударов — слабых, потому что в свалке таким мечом для рубящего просто не размахнешься, пойдут главным образом колющие тычки. И получится резня.

Если бы он смог. А он не мог. Он смотрел, представляя, что останется от этого надменного личика, от этой черноволосой головки после свистящего неотразимого удара Доран-ан-Тега, — и не мог поднять руку. Они не ассоциировались для него с врагом, которого следовало победить любой ценой, — и это все губило.

Сварог оглянулся на левый берег, оказавшийся гораздо ближе. Место было заметное — прямо напротив сцепленных корпусами кораблей чернела среди деревьев высокая скала, похожая на восклицательный знак, а если пошелее — на фаллос. Тем лучше. Он бочком, бочком отступил к борту, прежде чем кто-то догадался в чем дело, и успел что-то предпринять, вытянул руку с топором над бортом, не без внутренней борьбы разжал пальцы. За бортом шумно плеснуло. Топор Дорана отправил-

ся на дно, откуда извлечь его мог только сам Сварог — или любой после его смерти, но никак не раньше.

— Это нужно понимать так, что ты сдаешься? — насмешливо спросила черноволосая.

— Это надо понимать так, что мне вас стало жалко и нехватило духу порубить в капусту к чертовой матери, — сказал Сварог сердито. — Живи уж, красотка.

Она сузила глаза:

— Может, ты и не врешь, что смог бы нас изрубить... Но это лишь доказывает, что боевого духа у тебя маловато. Значит, ты побежденный, с какой стороны ни смотри.

— А тебя розгой никогда не драли? — с любопытством спросил Сварог.

Она так и вскинулась, от нее прямо-таки искры полетели. Сварог ответил ей невиннейшей улыбкой, и она, взяв себя в руки, глянула свысока:

— Ну что ж, безоружный пленник может резвиться, как ему угодно... — Обернулась к своим: — Осмотрите корабль. Этому наглецу на всякий случай свяжите руки и ведите их всех на галеру.

Сварог испугался было, что его станут обыскивать дотошно и обнаружат Карака, но Карак сидел тихонечко, как мышь под метлой, а Сварога лишь бегло охлопали, проверили, нет ли кинжала за голенищем, скрутили руки за спиной и молча показали на мостик. Он зашагал на галеру. Там его втолкнули в кормовую каюту, привязали за руки к поддерживавшему потолок резному столбу и оставили одного. Он пошевелил запястья — веревки держали крепко, не причиняя, однако, боли. Опыт у этих очаровательных чертовок был богатый.

— Ну что, Карак, влипли? — спросил он тихо.

— Выберемся, хозяин. Осмотримся. Угроза не смертельная.

— По-моему, угроза как раз смертельная, когда вокруг столько кошек, — проворчал Сварог. — Хроническое разбегание глаз заработать можно. Ладно, сиди тихо, запоминай дорогу по мере возможности, а там посмотрим, как тебя легализовать, и вообще...

С трех сторон каюты были высокие окна, и он глянул назад. Корвусы вновь подняли, вертикально прикрепили к мачтам, а «Гордость Адари» уже погружалась в воду, заваливаясь на корму. «Называется, побыл судовладельцем, — печально констатировал Сварог. — Интересно, колебался бы капитан Зо

или без всяких сентиментальных метаний души шарахнулся бы по красоткам картечью со всего борта? У них самих, кстати, ни одной пушки не видно...»

Стукнула резная дверь — вошла черноволосая. Стянула перевязь с мечом, повесила на затейливый крюк, по-хозяйски стучала каблуками, подошла и остановилась перед ним:

— Стоишь?

— Стою, — сказал Сварог. — Постою, не беспокойся.

— Ты правда, лар?

— Правда, — сказал Сварог. — Так что можешь плясать от радости — непременно попадешь в летописи.

Она фыркнула, щуря карие глаза:

— В летописи я и так попаду, не беспокойся. Есть за что. Как твое имя?

— Лорд Сварог, граф Гэйр, — сказал он, искренне радуясь, что наконец нашелся кто-то, у кого это имя не вызвало никакой реакции, будучи абсолютно неизвестным.

— Ого... — сказала она. — Впрочем, у нас и графы найдутся... Я — Грайне, царица Коргала.

— Понятно, — сказал Сварог, хотя ничегошеньки не понял.

Никакого Коргала на континенте нет. А на Таларе нет царских титулов — только короли. Откуда же она тогда? И почему оба говорят на одном и том же языке? Вот только произношение у нее незнакомое — нигде вроде бы так не растягивают гласные в конце слова и не двоят «р»...

— Говорят, вы могучие колдуны, — сказала она с ноткой осторожности. — Почему же ты так легко поддался?

— А может, я просто развлекаюсь, — сказал Сварог. — До поры до времени. Потом как начну молниями швыряться...

Она чуточку отодвинулась:

— В самом деле, странно, что хозяин небесного замка путешествовал на таком корыте... — и упрямо задрала подбородок. — Все равно, я не из пугливых. Если уж на что-то решилась... Вот что. Скорее всего, ты не лар. Ты — незаконный сын лара от земной женщины, говорят, такие числятся рангом пониже...

— Эй, полегче на поворотах, — сказал Сварог. — Я тебе не кто-нибудь, а законный сын.

— Все равно, постой пока...

Она вышла. Ритмично звенели диски, галеры гуськом вошли в узкий проход меж скал, где бок о бок ни за что не уместились

бы, перепутались веслами. «Бедный мой экипаж, — подумал Сварог, — ведь определят за эти самые весла...»

Проход загибался вправо. Весла слаженно ударяли по воде, не поднимая брызг. Вокруг словно бы потемнело — нет, скорее поголубело, синяя, цвета ясного неба мгла сгущалась, пока совершенно не скрыла проплывавшие совсем рядом шершавые, выветрившиеся скалы. Голубизна превратилась в угольно-черную тьму. Сварогу показалось вначале, что он ослеп. Но, едва глаза немного привыкли, он увидел за окнами россыпь ярких, крупных звезд.

Там, на Ителе, солнце еще не зашло. А здесь — где, хотелось бы знать? — уже стояла глубокая ночь. Выходит, речные слухи о таинственных воротах в иные миры оказались правдой?

Щеку Сварогу защекотал пушистый мех. Он спросил:

— Ты чего высунулся?

— Запоминаю дорогу, — сказал Карах.

Сварог не успел найти ответ — скрипнула дверь. Вошла Грайне со светильником, укрепила его в торчавшем из стены железном кольце. Стянула сапоги, швырнула в угол, закинула руки за голову, выгнулась, потянулась:

— Ну вот мы и дома...

— Это что, Сильвана? — наугад спросил Сварог.

— Это Сильвана... Удивительно удачный набег получился.

Посудина попалась жалкая, зато я взяла в плен лара. В последний раз здесь за нами погнался какой-то странный корабль: парусов на нем не было совсем, весел тоже, но он плыл против течения. И дымил трубой, как кухня в праздничный день, по бокам крутились колеса... Но ворота были недалеко, темнело, мы ушли.

«Повезло вам, что они не начали стрелять, — мысленно добавил Сварог. — Вам, дурехи, попался военный паровой фрегат или купеческий корабль — в эти места и купцы не ходят без пары пушек на борту. Судя по всему, вы пиратствуете на Ителе совсем недавно — иначе смутные слухи давно стали бы конкретными и подробными донесениями, на охоту вышли бы военные пароходы».

— Что ты молчишь?

— Думаю, — сказал Сварог. — О том, что от вас останется, если за вас всерьез возьмется такой корабль.

— И что останется?

— Мусор на воде.

— Догадываюсь, — кивнула она. — У многих есть то, чего нет у нас. Они не полагаются на добрые мечи, трусы этакие, выдумали всякие штуки... Но мы все равно будем ходить в набеги — сколько сможем.

— Традиции славных предков, а?

— Не смей смеяться над такими вещами!

— И не думаю. Я сразу понял, что ты девушка решительная.

— Я — царица. А ты — военная добыча, поэтому помалкивай.

Она подошла вплотную, закинула голову и всматривалась в его лицо, загадочно поблескивая глазами.

— Только подумать — живой лар, подарок для летописцев. — Она мечтательно прищурилась. — Грайне, царица Коргала, первая из воительниц, пленившая лара в Год Высокой Воды...

— Ох, какие ж вы ребенки еще... — сказал Сварог.

— Молчать. Военной добыче язвить не полагается.

— А что сделаешь?

— Что хочу, то и сделаю, — пообещала она. — А в первую очередь мне хочется себя потешить после столь славного набега.

— Она обеими руками взялась за литую пряжку его пояса, глядя в глаза. — Благо вы мне нравитесь, лорд и граф...

— Эй! — забеспокоился Сварог.

Поздно. Она уже опускалась на колени, и вскоре мужская гордость Сварога оказалась в плена умелых губ — обстоятельно и надолго. Вскоре он признал, что в участии пленного есть свои приятные стороны и никак не протестовал против дальнейшего развития событий, принимая в них активное участие. События переместились на ковер, где все дальнейшее и происходило. Одно лишь чуточку портило Сварогу все удовольствие — он никак не мог забыть поначалу, что в капюшоне небрежно отброшенного Грайне в угол плаща третьим лишним обитает Карак. Но потом забыл, примирился как-то, сосредоточившись на том, чтобы заставить это буйное дитя природы, оказавшееся в мирных условиях столь нежной и пылкой, сдаться первой. И малость позлорадствовал про себя, когда шальная девчонка — царица, говоришь? — в конце концов стала легонько отталкивать его ладонями, не открывая глаз. Он усмехнулся во мраке, извлек из воздуха сигарету, зажег огонь на кончике пальца.

Грайне встрепенулась, изо всех сил стараясь не выглядеть испуганной:

— Эти ваши колдовские штучки...

Сварог медленно выпустил дым, намотал на указательный палец прядь ее шелковистых волос:

— Знаешь, а ты — очаровательное дитя природы...

— Вот только не надо с места в карьер себя ставить, — сказала она упрямо. — С тобой хорошо, но не забывай, кто ты и кто я, — и соизволила улыбнуться. — Но с тобой и правда хорошо. И ведь доволен до ужаса, что заставил меня сдаться первой? Что ж, признаешься, по ночам вы, мужчины, можете иногда одерживать победы, но это еще не значит, что днем ты можешь забывать об устоявшихся традициях...

— Понял, — сказал Сварог. — И давно вы живете по этаким обычаям?

— Испокон веков, — гордо ответила Грайне. — Женщины правили всегда. Пусть в других местах и не так, у нас нынешний порядок сохранится навсегда. Послушай, а зачем ты пускаешь дым?

— Устоявшаяся традиция, — сказал Сварог. — Вещь нерушимая, сама понимаешь.

«Нет, в будущем следует помалкивать насчет всего прошедшего», — подумал он. — Чтобы майора, лорда и графа изнасиловала, привязав к столбу, такая вот нахалка, пусть и очаровательная... Как ни крути, плюха по репутации. Допутешествовался».

Правда, он не чувствовал себя таким уж оскорблённым. Во-первых — ничего противоестественного не произошло. Во-вторых — все же не на глазах общественности... Он глянул поверх обнаженного плеча Грайне — Кара, паршивец, нагло торчал у окна, запомниая дорогу. Сообразил, стервец, что присутствующим не до него. Хорошо, хоть задом повернулся...

— У меня с собой домашняя зверушка, — сказал он. — Так что не удивляйся. Вон стоит.

Грайне ничуть не удивилась:

— Так это же не зверушка — домовой. У нас они тоже есть. Ночью косу заплетает — и не почувствуешь.

— Всю жизнь мечтал — косы заплетать, — сказал Кара, не оборачиваясь.

— А если за хвост — и в воду? — рассердилась Грайне.

— Тогда, конечно, умолкаю, — сказал Карак. — Убедили. Трепещу.

— Ох, я бы тебя и в самом деле искупала, — фыркнула Грайне. — Но ведь убьешь тебя — везения лишишься...

— Потому и спокоен, — сказал Карак. — Жутко вы, люди, боитесь удачи лишиться...

— Вот и помалкивай, — и обернулась к Сварогу: — И ты тоже привыкай к нашим порядкам. Кстати, ведь и у вас, ларов, не мужчина правит — императрица. Мы не такие уж дикие, тоже про нее слышали.

«Значит, я на Земле сейчас, — подумал Сварог. — Интересно, в каких местах? Где же это в незапамятные времена обитали этакие амазонки?»

— А географические карты у вас есть? — спросил он.

— Что? — недоуменно уставилась на него Грайне.

— Ну, где имеет честь располагаться твой Коргал?

— На Араосе. По Араосу мы сейчас и плывем. Араос впадает в Дугар, а Дугар где-то далеко, очень далеко впадает в океан. Но до океана мы еще не доплывали.

«Значит, континент, — подумал Сварог. — И бессмысленно спрашивать его название — наверняка континенты сейчас зовутся совершенно по-другому».

— Ты привыкнешь, — безмятежно сказала Грайне. — Приживешься. Если у меня от тебя родится девочка, положение твое в обществе станет выше, а когда она достигнет совершенолетия, еще повысится. А там и Отцом Царицы станешь.

— Ты что, хочешь сказать, мне у вас придется поселиться насовсем?!

— А как же иначе? — искренне удивилась она. — Жизнь у нас не такая уж легкая, врагов хватает, и без мужчин не обойтись, если они знают свое место и служат существующему порядку. Лар нам весьма пригодится. Мне пора иметь ребенка, а это дело серьезное, нужно семь раз отмерить, это те, кто пониже, могут подбирать, что придется, а я царица, я отвечаю за Коргал... — Она уставилась в потолок, прикрыла глаза, любуясь мысленно грядущим процветанием своей державы. — Так что ты как нельзя более кстати подвернулся. Можно строить далеко идущие планы.

«Ну, это мы еще посмотрим, — подумал Сварог. — Барон Далыг не может ждать до бесконечности, завариваются серьезные дела, так что некогда в роли принца-консорта — так, ка-

жется, эта должность зовется? — создавать из неведомого Коргала сверхдержаву».

— А если убегу? — спросил он.

— Попробуй, — прищурилась Грайне. — Про вас, ларов, точно известно, что летать просто так, безо всего, сами по себе, вы не умеете. Если тебя не стали спасать сразу, значит, не знают ни о чем. А по земле от нас сбежать трудновато. Даже если твой домовой запомнит дорогу.

— Да я из деликатности к вам спиной повернулся, — сказал Карак. — Чтобы не смущать.

— Рассказывай, — фыркнула Грайне. — Хитрец нашелся... Пожалуйста, запоминай дорогу сколько угодно. Очень это тебе поможет...

Очень уж уверенно она говорила — что-то за такой уверенностью должно было крыться, и Сварог чуточку обеспокоился. Он погасил сигарету и положил руку на плечо девушки, но она отстранилась:

— Нет, одевайся. Скоро Коргал.

Сварог следом за ней вышел на палубу, в ночную прохладу. Бесла застыли, поднятые над водой, словно вздыбленная щетина исполинского кабана. Галеры шли под парусами, река оказалась гораздо уже Итела, по обе стороны, насколько можно рассмотреть, темные холмы, поросшие лесом, а в небе ярко светят звезды и широким искристым поясом протянулся Млечный Путь. Далеко впереди по левому борту виднеются огни.

При их появлении столпившиеся у левого борта амазонки оживились, украдкой подталкивая друг друга локтями, послышались шепотки, смешки и фырканье. Грайне окинула суровым взглядом свое моментально присмиревшее воинство и шепнула Сварогу на ухо:

— Если что замечу — тут же отрежу под корень...

«Эта может», — подумал Сварог и шепнул в ответ:

— Милая, да я ж очарован и околдован тобою одной, неужели не заметила? Твоя застенчивость и скромность...

Охнул, чувствительно получив локтем под вздох, сердито замолчал.

По узкому проходу, охранявшемуся двумя квадратными каменными башнями, галеры вошли на веслах в большую бухту, где стояли десятка два кораблей, — такие же галеры и разномастные парусники, большие и маленькие. Даже невежествен-

ный в морском деле Сварог сразу определил, что это — военная добыча, собранная с бору по сосенке в самых разных местах. Поодаль, на холме, там и сям светились огоньки — судя по их расположению, Коргал — город не столь уж маленький. Вот и соседний холм усыпан огнями, и еще один, и еще... «А не Рим ли это часом? — подумал Сварог. — Не город ли, что некогда стоял на месте Рима?»

Амазонки группами расходились в разные стороны — из порта вело несколько дорог. Грайне, отдав какие-то распоряжения, покинула галеру одной из первых. Своего незадачливого экипажа Сварог так и не увидел. Он шагал следом за девушкой мимо каких-то каменных пакгаузов, удивляясь полному отсутствию часовых. Хотел было спросить Грайне, в чем причина такой беспечности, но Карах внезапно высунулся из капюшона, шепнул на ухо:

— Очень плохая тварь, хозяин.

— Ага, заметил? — обернулась Грайне. — Тем лучше. И вы полюбопытствуйте, милорд...

Она свернула с утоптанной дороги, остановилась у лежавшего поблизости камня — высотой ей до пояса, уарда два в диаметре, почти правильный, разве что чуточку бугристый шар со срезанным основанием. В Ямурлаке попадаются очень похожие.

Девушка положила ладонь на макушку валуна, наклонилась, что-то сказала, хотя прозвучали эти слова сущей бессмыслицей. Сварог отшатнулся — камень вдруг ожила, тяжело шевельнулся, раскрылись две горизонтальные щели, освещенные тусклым Табагровым сиянием, словно пробивался свет пылающего внутри костра. И тут же закрылись — будто сильный свирепый зверь вновь задремал.

— Значит, они живые? — вслух подумал Сварог.

— Плохие твари, хозяин, — обеспокоенно подтвердил Карах. — В Ямурлаке они тоже водятся, правда, их мало осталось. Одни спят много лет, и их не добудиться, но есть и такие, что просыпаются ночью, рыскают по дорогам... И у них есть пасть...

— И еще какая, — кивнула Грайне. — Двигаются они очень быстро, если возникнет такая нужда. И только в Коргале помнят, как их приручать.

— Кольцо вокруг Коргала? — спросил Сварог небрежно.

— Даже два, — улыбнулась ему Грайне. — Они и в воду могут спускаться. Говорят, в стародавние времена они в морях и обитали, но отчего-то ушли на сушу.

«Понятно, почему нет часовых, — подумал Сварог. — Такая тварь проломит днище любому кораблю, а пешего или конного с размаху расшибет в лепешку. Влипли».

Они поднимались по нешироким улицам, косо вившимся вокруг холма. Невысокие каменные дома, чистая мостовая, вымощенная тесаным камнем. Из-под ворот вслед им лениво побрехивали собаки.

— Я-то думал, тебе устроят триумфальную встречу, — сказал Сварог. — С цветами и трубами.

— Глупость какая, — отмахнулась Грайне. — Дела говорят сами за себя. Завтра все и так будут знать.

— Даже без свиты ходишь...

— Если царица ходит ночью одна по своему городу — это кое-что о городе говорит...

— Логично, — сказал Сварог. — Буду где-нибудь королем — учту.

— Ты-то? — фыркнула Грайне.

— А что? Есть, знаешь ли, любопытное пророчество. Как на меня скроено и шито.

— Ну-ну...

Она потянула тяжелое кованое кольцо, открыла калитку рядом с высокими воротами. Сварог вошел следом за ней на широкий мощеный двор, освещенный несколькими факелами. Со всех сторон выскочили поджарые мохнатые собаки, узнали хозяйку и отчаянно замахали хвостами, набежали слуги со служанками, низко кланяясь. Грайне прошла меж ними с неизвестно откуда взявшейся величавостью. Сварог поспешил следом, косясь на любопытных собак, взявшихся его обнюхивать, чувствуя себя весьма неволко и глупо.

Это, конечно, оказался не Версаль, где Сварог и не бывал, признаться, но сомневаться, что он попал во дворец, не приходилось — гобелены на стенах, сплошь батальные, мозаичные полы, даже высокие зеркала кое-где попадались. Коридоры, правда, узковаты, а потолки в вековой копоти из-за многочисленных светильников.

— Ну? — спросил Сварог, когда она остановилась перед дверью с полукруглым верхом, украшенной то ли золотыми, то ли

позолоченными бляшками и полосами. — Где тут мое законное место? На коврике у порога?

— Здесь твое место. — Грайне, взял его за рукав, втолкнула внутрь. — На коврике у порога будет жить твой мохнатый нахал. А для тебя найдется занятие и внутри.

Она за шиворот вытащила Карака из капюшона, бесцеремонно кинула на коврик и захлопнула дверь у него перед носом. Повернулась к Сварогу, уже не величавая, а откровенно веселая и нетерпеливая:

— Значит, решил, что я всегда сдаюсь первой?

Глава 3

ГРАФЬЕВ ПРИБАВЛЯЕТСЯ

Конечно, это был не Рим. Хотя бы потому, что холмов оказалось не семь, а всего четыре, сплошь застроенных каменными домами, окруженными ухоженными садиками, — и множество домиков, уже деревянных, разбросано вокруг холмов. На холмах жили амазонки с челядью и самые уважаемые ремесленники — корабельщики и оружейных дел мастера. В домах на равнине обитали пастухи, пахари и ремесленники рангом пониже. Гребцы, самые бесправные в здешней иерархии, обитали в портовых казармах.

Прошло четыре дня. Сварог, предельно занятый лишь ночами, в светлое время суток только и делал, что слонялся по Коргалу да выспрашивал дворцовую прислугу о порядках, деталях и установлениях. Порядки особой сложностью не отличались — пастухи пасли, пахари пахали, ремесленники мастерили. Все они были мужчины. На долю женщин из знатных семей выпало занятие благороднее — война и оружейное ремесло (был, правда, и мужской военный отряд, но к нему амазонки относились примерно так, как спецназовцы к стройбату). Новорожденных мальчиков здесь, вопреки Гомеру, со скалы не бросали, но они автоматически становились людьми второго сорта, лишенными всех прав, кроме обязанностей. Даже имуществом они могли владеть, лишь пока обитали одни. Едва в домике последнего гончара появлялась женщина — пусть пришедшая из материнского дома в одной рогожке, а все нажитое мужик сколотил своим горбом, — она автоматически станови-

лась полновластной хозяйкой. Ничего похожего на религию Сварог не заметил. Рядом с дворцом царицы стоял небольшой храм, но та, кому там поклонялись, была не богиней, а какой-то древней владычицей, прославленной выдающимися деяниями в незапамятные времена.

Сварог задумчиво смотрел вниз с верхнего балкона дворца. Холм, где стоял дворец, был самым высоким из четырех, а дворец — самым высоким зданием. Так что открывался живописнейший вид на много лиг вокруг — зеленые леса, желтые поля, порт, река, дороги. И двойное кольцо маргов. Сотни три недвижных буро-коричневых округлых валунов словно бы опоясали магическим кругом холмы и поселения, порт и пашни. Только пастбища оказались снаружи — но и там появлялись марги, патрулируя по одному или по двое. Должно быть, такие предосторожности приняты против какого-то внешнего врага.

«А я ведь в Ямулаке мимо них несколько раз проезжал, — с запоздалой злостью подумал Сварог. — Мог и врезать топором по темечку, знать бы раньше...» Что им не сиделось в море? Служанки рассказали, что марги, выйдя некогда на сушу, господствовали в былые времена, но теперь вымирали, сохранившись в отдаленных уголках Сильваны. Что самое интересное — эти загадочные создания обладали разумом и своим языком, но только в Коргале сохранилось древнее умение беседовать с ними, приручать и дрессировать. Да и здесь обладали таким даром немногие посвященные вроде Грайне.

У Сварога остался один путь к освобождению — рискнуть и выпустить из бутылки джинна. Но для этого, понятно, требовалось уединение — чтобы хватило времени найти с джинном общий язык, пока не поднялся всеобщий переполох. А уединиться не удавалось. В любой миг могли ввалиться слуги, во дворце не было запирающихся изнутри комнат и чердаков. Оставалось дожидаться, когда Грайне отправится в очередной набег, а ее покой останутся в полном распоряжении Сварога. Можно бы рискнуть и откупорить джинна прямо на балконе — но Сварогу отчего-то ужасно хотелось уйти эффектно и не спеша, продемонстрировав во всей красе пресловутое мужское превосходство. Как-никак джинн тоже мужского рода...

В общем, жилось Сварогу здесь неплохо. Поначалу он решил, что каждая здешняя юбка будет хихикать ему вслед, но то, что ему самому казалось издевкой над привычным патриархатом, для местных баб было привычным старозаветным укладом.

Королевские слуги не фыркают вслед очередной фаворитке, от которой можно схлопотать даже больше неприятностей, чем от самого короля. Так и здесь. К Сварогу относились даже с некоторым почтением — насколько можно испытывать почтение к индивидууму второго сорта, будь он хоть трижды лар.

Карах, напротив, ныл, скулил и плакался — домовые чужаков не жаловали, яростно защищая обжитое местечко, так что пришельцу в первую же ночь крепко досталось от местных, и Грайне пришлось поселить его в шкафу в своей спальне, с помощью какого-то ритуала обезопасив шкаф от законных обитателей дворца. Однако те, разобидевшись, всячески пакостили, дразнили по ночам собак, ухали под дверью, прятали вещи Сварога. Карах, коего мало заботило эффектное утверждение извечного мужского превосходства, слезно умолял Сварога побыстрее выпустить джинна и почти уже уговорил. Вот и сейчас Сварог убрался на балкон, спасаясь от очередной порции жалоб и уговоров. Грайне спозаранку ушла к оружейницам, она втихомолку готовила что-то грандиозное, пообещав Сварогу обязательно посоветоваться с ним, когда все будет готово. Насколько он понял из туманных недомолвок, она собиралась немножко завоевать соседей, а тех трудно было запугать маргами — потому что у них имеется что-то свое, столь же мощное и эффективное, чего у Грайне не имелось.

За спиной деликатно кашлянули. Он обернулся — у перил стояла хорошенъкая служаночка, уже не раз опалявшая его довольно откровенными взглядами. Но с Грайне, увы, шутить было опасно. Сварог решил поначалу, что настырная девчонка вновь взялась за свое, нахмурился, но она заторопилась:

— К вам гость пришел, в голубой комнате сидит...

— Что еще за гость? — искренне удивился Сварог. — Ты пуговки-то верхние застегни, звезда моя, а то обоим влетит...

Егоза засмеялась:

— Ох и трусы же вы, мужчины...

— Помолчи, отчаянная, — сказал Сварог. — Так что там за гость?

— Друг одной благородной воительницы. Между прочим, будет посмелее некоторых... В голубой комнате сидят. Вина попросил и вас дожидается. Пока вас искали, кувшин допил.

— Наш человек... — сказал Сварог, уворачиваясь от нее в узком коридоре — так и норовила задеть бедром.

Голубая комната была прозвана так за старинную голубую обивку в бело-золотых узорах и высоченные, белые с синим фарфоровые вазы, взятые в качестве трофея бабушкой Грайне в каких-то отдаленных краях. Про себя Сварог из-за сочетания колеров окрестил горницу Израилем и не раз попивал там винцо, глубокомысленно размышляя: «Если это Израиль, то я, стало быть... Лэ хайм, бояре!»

За столом в Израиле сидел худощавый молодой человек лет двадцати пяти. Длинные светлые волосы, каким позавидовала бы не одна красотка, падали ниже плеч, но лицо было отнюдь не женственное — узкое, ястребиное, обветренное. Стоя в полу-мраке глубокого дверного проема, Сварог приглядывался к незнакомцу. Наряд определенно таларского покроя, дворянский, на пальцах поблескивают два самоцветных перстня.

— Начал второй кувшин, — жизнерадостно сообщил молодой человек. — Давно мечтал дорваться до дворцовых подвалов, там лучшее во всем Коргале вино. — Сварог вышел на свет, незнакомец даже привстал от удивления: — Граф Гэйр?! Вы, значит, здесь?

— Да, мать вашу! — невольно взвыл Сварог. — И здесь до-стали... И не он, понятно? Я — граф Гэйр, только другой. Когда-нибудь я вам объясню этот курьез природы... Вы с Талара, надо полагать?

— Да. Леверлин, граф Грелор. А может, уже и не граф — видите ли, батюшка порой грозится лишить меня титула и наследства. Когда мы с ним виделись последний раз, он собирался послать верхового за нотариусом... Так что, вполне возможно, я уже простой дворянин без графской короны в гербе.

— Вы из каких мест?

— Из Ронера. Ремиденум.

— Это что такое? Город?

— Странно вы шутите, — пожал плечами Леверлин. — Нет, серьезно не знаете? Неужели образование на небесах столь плохо поставлено? Ремиденум, о собрат мой по несчастью, — это университет в Равене, старейшее на Харуме учебное заведение. Прославленное не только своей древностью и научными достижениями, но еще, замечу с гордостью, и благодаря подвигам его студентов в тех областях, что мало общего имеют с изучением премудрых наук... Если попадете в Ремиденум, не заикайтесь, что сроду о нем не слыхивали, — из дуэлей не выпутаетесь...

— Учту, — сказал Сварог. — Значит, вас тоже...

— Вроде того. Когда несколько дней назад стали гулять упорные слухи о распахнувшихся Воротах и странных пиратах, я по непоседливости своей решил проверить все самолично. Нанял кораблик — и поймал приключение на свою голову. Кто же знал, что отсюда невозможно бежать... Мне эта идиллия уже начинает надоедать. Дважды приходилось бежать из тюрьм, но отсюда не убежать. Я с ужасом обнаружил, что tolsteo! Сидячая жизнь...

— Это ужасно, — согласился Сварог. — Но я как раз обдумываю побег, и есть определенные шансы...

— Подождите, — сказал Леверлин гораздо серьезнее, без тени прежнего балагурства. — Побег — это прекрасно. Но давайте уж откровенно. Быть может, мне следовало бы молча примкнуть к вам... Но я, простите, становлюсь злым, осторожным и крайне недоверчивым, когда чего-то не понимаю. Я не возьму в толк, откуда взялся второй граф Гэйр, столь похожий на первого.

— Ладно... — сказал Сварог, безнадежно вздохнув. Он вкратце рассказал свою историю, но представил дело так, будто не бывал ни в каких Хелльстаде и Ямурлаке, а потерпел аварию в Пограничье и пробирался оттуда в Харлан, к тамошнему имперскому наместнику, чтобы вернуться к себе на небеса. И не было ни капитана Зо, ни «Божьего любимчика», ни всего остального.

— Хорошо врете, — резюмировал Леверлин. — Убедительно... Лорд Сварог, в Ронеро, как и везде, хватает глупцов, но среди питомцев Ремиденума вы не найдете ни дураков, ни легковерных. Что это вас вдруг потянуло в Харлан? Сразу чувствуется, что в земных делах вы мало что смыслите, но тот граф Гэйр исколесил Пограничье вдоль и поперек. Вас там очень быстро заставили бы выложить вашу историю — и непременно предупредили бы, что из-за сходства с вашим предшественником вам в Харлане будет небезопасно. Да и не любят в Пограничье Харлан. Вас непременно отговорили бы от посещения сего осененного черной магией герцогства. Народ в Пограничье, в общем, неплохой. И новоиспеченный лар вроде вас, оказавшись там, обязательно стал бы пробираться не в Харлан, а в Ронеро или в Лоран, где тоже есть имперские наместники, а страны эти не в пример для вас безопаснее... Жители Пограничья именно это и посоветовали бы, непременно воспользовавшись удобным

случаем лишний раз пожаловаться императрице при вашем посредстве на свое тяжкое житье-бытье. Они, чудаки, еще верят, что императрица им поможет... Вы же скитались где-то несколько дней, объявились в платье Вольного Топора на плывущем в Харлан корабле, причем при вас был загадочный топор, судя по описанию моей воинственной подружки-хозяйки, весьма напоминающий Доран-ан-Тег...

— Ну ладно, — сказал Сварог. — Рискну и буду с вами откровенным. В конце концов, я вас в случае чего всегда успею прикончить, предупреждаю честно... Так вот, в Харлане собирают войско из ямурлакских мертвецов, и я, боюсь, остался единственным, кто об этом знает, кроме, конечно, самих заговорщиков...

Леверлин, словно бы ничуть не удивившись, произнес медленно:

— Какого же рожна вы здесь торчите?

— Получилось вот...

— Получилось! — зло бросил студент. — Вы что, должны были найти в Харлане кого-то, кто способен все это сорвать?

— Вроде того.

— Нужно выбираться отсюда. Немедленно.

— Вы тоже каким-то боком причастны к этим играм?

— Ни к чему я не причастен, — сказал Леверлин. — Я не святой подвижник. Но иногда люблю подраться, есть вещи, против которых необходимо драться... Нынешний случай — как раз из таких.

Почему-то Сварог сразу ему поверил. И сказал:

— Видите ли, у меня есть джинн. Тот, кто мне его отдал, клянется и божится, что с этим джинном можно договориться...

— Отлично. Если так и случится, лучшего нечего и желать. А если джинн окажется духом переменчивых стихий, начнется столь буйное безобразие, что мы, если уцелеем сразу, вполне сумеем сбежать, когда он примется разносить Коргал вдребезги и пополам... Маргам будет не до нас. Приступим?

— Прямо сейчас?

— А что?

Сварог пожал плечами:

— Глупо, конечно, но я хотел уйти красиво...

— Кто мешает?

— Нас могут подслушать, начнется суматоха...

— Святая Бригита! А винные подвалы? — Он показал пальцем вниз. — Ручаюсь, никто из челяди не решится протестовать, когда вы поведете туда своего гостя. Вы ж тут — ночной король...

— А в морду? — угрюмо поинтересовался Сварог.

— Бросьте я и сам в таком же положении, не забыли? Ну, пойдемте. — Он поднялся, забрал прислоненный к ножке стола виолон — инструмент вроде гитары, только прямоугольный. — Все мое ношу с собой. Имею слабость сочинять посредственные вирши и распевать таковые под собственное бренчанье. А наши милые хозяйки обладают-таки еще одним исконно женским качеством, кроме известного нам по ночной поре, — обожают слушать любовные баллады, и я имею здесь успех, какого на родной планете ожидать не мог...

План стал претворяться в действие молниеносно. Никто и в самом деле не решился препятствовать Сварогу — пожилая ключница, ведьма старая, имела на сей счет свое мнение, но безропотно выдала светильник и ключи. Конечно, ворча вслед насчет молодости и неопытности иных благородных особ, давших чересчур много воли разным прохвостам. И с тоской поминала добрые старые времена, когда прохвосты таковые знали свое место. Сварог не стал связываться, но Леверлин, уже ступив на верхнюю площадку ведущей во мрак лестницы, обернулся:

— Хочешь, харя, наябедничаю царице, что ты тайком главного кухаря принимаешь и хозяйкиным вином потчуешь?

И захлопнул дверь погреба. Они осторожно спустились вниз. Леверлин огляделся, высоко держа светильник:

— Вот в таком месте я и хотел бы покоиться после смерти, можно и в уголке...

Под сводчатыми потолками в шесть длинных рядов выстроились огромные бочки, лежавшие на мощных козлах и каменных подставках. На стеллажах из неоструганных досок поблескивали из песка горлышки бутылок.

— Я не выдержу, даже сознавая серьезность минуты, — признался Леверлин. — Иначе в Ремиденуме меня проклянут.

Он огляделся, подхватил с крючка оловянный ковшик и направился к ближайшей бочке. Открыл кран, налил, осушил до дна, пошел к другой, причмокивая и ухая. Сварог сам не удержался при виде такой роскоши — снял другой ковшик, поменьше, продегустировал. О кликнул нежданного напарника:

— Бросьте. Всех все равно не успеете обойти.

— Но какое богатство...

— Лучше объясните, как мне извлечь из узилища нашу единственную надежду?

— Просто сорвите пробку. Только учтите — если верить авторитетам, джинн выполняет лишь три желания, потому формулируйте четко и семь раз отмерьте...

— А если он разбушуется?

— Выбора нет. — Леверлин огляделся. — Коли уж он начнет все крушить, есть утешение: нас завалит этими великолепными бочками, а если особенно повезет, мы успеем захлебнуться в вине.

Сварог достал кинжал и принялся ковырять пробку, маленькую, покрытую толстым слоем чего-то вроде смолы, почти окаменевшей. Порезал палец, выругался.

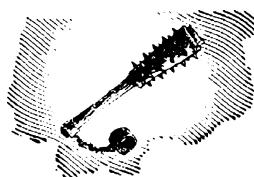
— Осторожно, — прошептал за его спиной Леверлин.

— Соскользнуло лезвие, черт... Ну!

Он поддел пробку острием, надавил, и она, чмокнув, вылетела, описала дугу, укатилась за бочки. Из горлышка сосуда неспешно пополз то ли дым, то ли туман удивительно чистого алого цвета. Сварог едва удержался, чтобы не закинуть сосудик подальше в угол. Дым ширился, но не расплывался, не таял, края его оставались четко очерченными, он взмыл к потолку и постепенно принял облик полупрозрачной человеческой фигуры — понятно, лишенной всякого восточного колорита вроде чалмы или халата. По ней непрестанно пробегали словно бы волны зыбкого холодного огня, она светилась изнутри, мерцала, рдела, как угли в прогоревшей печи, то темнея, то наливаясь алым пламенем. Лицо походило на человеческое, только уши были острые, а подбородок раздвоен, как коровье копыто.

Джинн, колыхаясь под сводами, смотрел на них, а они таращились на него, задрав головы. Леверлин опомнился первым:

— Кто ты?

Глава 4

ПОБЕГ ПО-ГРАФСКИ, С УЧАСТИЕМ ДЖИННА

— Я — Урак-Омтар, дух огня, — ответил джинн не столь уж и оглушительным, но странно рокочущим голосом, казалось заставившимibriровать и барабанные перепонки, и череп Сварога. — Это вы меня освободили?

— Мы, — опомнился и Сварог. — Надеялись, что и ты нам поможешь, мы и сами в беде...

— Я знаю закон, — пророкотал джинн. — Его нарушают духи воздуха и воды, они непостоянны, изменчивы, как ветер и вода, но огонь благороден и чист. Если не знаете, кому верить, верьте духам огня... ну и земли, пожалуй. Жив ли еще Шелорис, самый могучий из подлейших и самый подлый из могучих?

— Боюсь, никто у нас не помнит ни его, ни названия страны, где он правил, — сказал Леверлин.

И тут же в головах у них взорвался гремящим эхом хохот джинна.

— Так ему и надо, собаке в черной короне! Его забыли, а я жив! Значит, и Шангара больше нет?

— А где был этот Шангар? — спросил Леверлин.

— На полуденном восходе континента, — сказал джинн. — Небольшая страна, почти сплошь взятая в кольцо горами и по суще, и по морю, кроме трех мест на побережье, примыкавшая к заливу, где ревели вулканы...

— Вам это о чем-нибудь говорит? — спросил Сварог.

— Это чрезвычайно напоминает Горрот. Правда, вулканы давно потухли, веков сорок назад... Ну да, все знали, что Горрот вырос, как на фундаменте, на каких-то остатках древней злой магии...

— Вулканы погасли? — забеспокоился джинн. — Я не могу без вулканов, я дух огня...

— Не паникуй, — успокоил Леверлин. — На островах еще найдется пяток вулканов, без жилья и купанья не останешься... Ах, лорд Сварог, как бы мне хотелось подольше с ним потолковать. Ценнейшие для историков сведения...

— Я соскучился, — сказал джинн. — Хочу на свободу.

— Мы тоже, — сказал Сварог. — Но дело в том, что мы даже не на Таларе...

— И вас сюда посадили, как это у людей принято? — Джинн огляделся. — Дверь без заклятий. Сейчас дуну...

— Стой! — заорал Сварог. — Подожди ты! Нам не из подвала нужно выбраться, а из города...

Джинн снисходительно усмехнулся, деловито присмотрелся к стенам подвала:

— Город сровнять с землей, сжечь или просто развалить? Как желаешь?

— Не спиши, — сказал Сварог. — Я хочу, чтобы, когда я тебя попрошу, все в городе уснули. Все живое, кроме меня, его, здешней царицы и трех моих матросов. Пусть и марги уснут... Можешь сделать?

— Что еще за марги? — не понял джинн. Выслушав Сварога, кивнул: — Пойду посмотрю.

Он сжался в крохотную алою точку, микроскопический огонек метнулся вверх, к двери.

— Довольно мирное создание, — сказал Сварог.

— Пока ему не приказали развалить город... Судя по старым книгам, дух огня свято соблюдает договоры, но врагам его приходится несладко. Однако у меня, я вижу, хватит времени...

Он проворно налил себе еще ковшик и принялся смаковать. Вниз пронеслась огненная полоска толщиной с иглу, разрослась в джинна.

— Ничего трудного, — пророкотал он. — Это живые существа, не владеющие магией. Смешно, но они чем-то сродни духам огня — внутри у них горит свой огонь... Они уснут. Все уснут, кроме тех, кого ты назвал. Это первое желание?

— Да, — сказал Сварог. — Теперь второе — ты быстренько домчиши корабль, на который мы сядем, до места, которое я тебе укажу.

— Третье желание?

— А вот с третьим придется несколько дней подождать. Идет? Ты просидел пару тысяч лет, что тебе пара дней?

— Я знаю закон, — проворчал джинн. — Что поделать, придется ждать...

Он съежился в искорку, искорка скрылась в сосуде. Сварог спрятал его в карман, испугавшись в первый миг, что одежда вспыхнет, но никакого жара не почувствовал.

— Ну, пошли, — сказал он. — Начнем представление, как только Грайне вернется...

— А какое у тебя третье желание?

— Сам пока не знаю, — сказал Сварог. — Я подумал, что оно нам пригодится в Харлане...

— Толково. Пошли... нет, погоди-ка. — Леверлин осмотрелся, прошел в угол и вышел оттуда, волоча на плече бочонок квортров в тридцать. — Тяжеленько, но доволоку. В дороге пригодится.

— Хотите, я набью корабль этими бочками? — раздался приглушенный голос джинна.

— Э, нет, — прокряхтел Леверлин. — Это выйдет третье желание. У меня душа разрывается от тоски по этим бочкам, но постараюсь пережить...

Ключница наверху воззрилась на них ледяным взглядом, но промолчала. Леверлин кряхтел, согнувшись, держа в другой руке за гриф покрытый золотистым лаком виолон, однако героически пер бочонок по длинным коридорам. Попадавшиеся навстречу служанки хохотали, а та, что преследовала Сварога жаркими взглядами и намеренно расстегнутыми верхними пуговками, даже пошла следом, приговаривая:

— Кому-то может и влететь за такое самоуправство...

Сварог повернулся к ней:

— Как жаль, синеглазая звезда моя, что мы больше никогда не увидимся...

— То же самое я сказал милым бочкам... — пропыхтел Леверлин.

— Ну вы и набрались, — расхохоталась служаночка. — Сварог, царица может и задержаться у оружейниц...

Ойкнула и шарахнулась к стене. В коридоре стояла Грайне, с любопытством разглядывая процессию. Покрутила головой, нахмурясь:

— Великолепное зрелище...

— То ли еще будет, милая, — сказал Сварог. — Урак-Омтар, давай.

— Ты не сказал, сколько им спать, — раздался где-то рядом рокочущий голос.

— До темноты, — решил Сварог.

— Выполнено.

Глаза Грайне расширились, взгляд скользнул мимо Сварога. Он оглянулся — синеглазая служаночка медленно сползла по стене на пол. Поодаль виднелась еще одна, прикорнувшая посреди коридора.

— Что такое? — вскрикнула Грайне.

Леверлин поставил бочонок, перевел дух, подошел и выдернул у нее из ножен меч. Подумав, выкинул в окно. Далеко внизу клинок зазвенел на камнях. Она остолбенела от изумления, даже не успела помешать. Только повторила:

— Что такое?

— Все спят, — сказал Сварог. — И марги тоже. А мы уходим, извини...

Леверлин деловито оторвал от портьеры золототканый шнур, быстро и ловко скрутил девушке руки за спиной, пока она не успела опомниться. Сварог поморщился.

— Ничего, — сказал Леверлин. — Я их успел изучить. На минутку отвернешься — и получишь в спину чем-нибудь острым. Правда, прекрасная царица? Да ты посмотри на нее. Ее в жизни так не оскорбляли, она в тебе сейчас бездонными своими глазищами дыру прожжет... Как ты еще не задымился?

В самом деле, глаза Грайне метали молнии — к счастью для беглецов, в переносном смысле.

— Не сердись, что поделаешь... — сказал Сварог примирительно.

— Значит, ты с самого начала притворялся, будто мы тебя победили, а на самом деле... Развлекался?

Сварог покачал головой:

— Ничего подобного, веришь ты или нет...

Она подошла к окну, зорко, с надеждой огляделась. Сварог смотрел через ее плечо. Во дворе, склоненные молниеносным сном, лежали где попало слуги и собаки, и на улицах видне-

лись спящие, вдали, у подножия холма, замерли повозки — возницы сползли с козел, лошади легли, опустив оглобли к земле. Сонное царство. Сварог хмыкнул. Вспомнив о верном домовом, бросился в комнату, позвал:

— Карах!

Никакого ответа. «Тыфу ты, мы ж и тебя сосчитали по забывчивости», — спохватился Сварог. Рванул дверцу шкафа. Карап посапывал, свернувшись клубочком, — ему вместе со всеми предстояло проснуться лишь с темнотой. Сварог взял его под мышку, вышел в коридор, растерянно пожал плечами:

— Я про него забыл, и он тоже... Он знал дорогу...

— Ну, дорогу я тоже знаю, — сказал Леверлин. — Они меня везли днем. Пошли, граф? Только прекрасную царицу обязательно следует прихватить с собой, чтобы проводила нас до причала. Если не захочет нежно махать нам вслед платочком, ее дело. Но пусть непременно проводит. Иначе она быстро освободит руки, едва мы выйдем из дворца, а там уж что-нибудь придумает. Тебе метательное оружие не страшно, а вот мне не хочется получить стрелу в спину на пороге вновь обретенной свободы...

Он нагнулся и, кряхтя, взвалил на плечо бочонок. Сварог мог бы заклинанием сделать его ношу невесомой, но не стал рисковать — боялся, что в этом случае бесшабашный студент непременно захочет прихватить еще парочку бочек, и получится лишняя траты времени.

Сам он быстренько заскочил в оружейную комнату и выбрал два меча получше. Взял Грайне за локоть:

— Пошли?

Она с вызовом уперлась каблуками в пол, напряглась, всем видом показывая, что с места не сдвинется.

— Унизительно будет для царицы, если ее поволокут, как мешок, два существа низшего порядка... — сказал Сварог.

Подействовало. Грайне пошла впереди, гордо воздев голову, выпятив грудь. Под пыхтение плетущегося следом Леверлина они спускались по улицам, огибая спящих людей и животных. Возможно, Сварогу и показалось, но раза два он явственно услышал гулкое хихиканье джинна. Он смотрел на чудную фигурку Грайне и никак не мог поверить, что видит девушку в последний раз. Все так и следовало сделать, понятно, но расставаться с ней было нелегко. Она слишком уж ярко и внезапно вошла в его жизнь, очень уж неожиданно пришлося прощаться. Конечно, любые расставания — это одновременно и новые надежды, но...

Он остановился и постучал рукояткой меча по макушке марга. Получился именно такой звук, какой и бывает, если постучать железом по камню.

— Ты мне еще попадешься, — сказала Грайне, не оборачиваясь. — Жизнь положу, но поймаю. Что я тогда с тобой сделаю, ты бы знал...

— Мечты, мечты, где ваша сладость... — сказал Сварог. — Знаешь, меня устраивало и то, что ты со мной до этого делала, к чему разнообразить?

— Я тебя буду искать днем и ночью...

— Хочешь хороший совет? Не нужно больше плавать за Ворота. Есть оружие, против которого не поможет вся ваша храбрость. Даже если ты не боишься смерти, подумай — можешь остаток жизни провести пленницей, живой диковинкой при каком-нибудь королевском дворе...

Они ступили на мощенный камнем причал, и Сварог, к превеликому удивлению, увидел на небольшом одномачтовом кораблике какое-то шевеление. Три человека, суетясь и сталкиваясь, ставили парус — двое работали во всю силу, а третий неловко тыкался боком, помогая им одной рукой, потому что вторая была перевязана до локтя. Сварог, усмехнувшись, набрал побольше воздуха и гаркнул:

— Хозяина бросаете, прохвосты?

— Ваша милость! — радостно завопил капитан. — А мы вот видим, все дрыхнуть завалились, ну и рискнули, благо терять нечего! Вас искать не стали, уж извините.

Леверлин перевалил через борт бочонок, прыгнул на палубу следом за ним. Сварог осторожно уложил Караха у низкого борта, повернулся к девушке:

— Будем прощаться?

Грайне смотрела на него с бессильной ненавистью и явно не собиралась ронять слезы. Вздохнув, Сварог сказал:

— Мне с тобой было чертовски хорошо, но нельзя же держать живого человека вроде игрушки, пойми ты, чудачка...

Он обнял ее, наклонился и крепко поцеловал в губы, чувствуя себя ужасно виноватым — из-за пощечины, нанесенной по самолюбию юной царицы. Но все равно не получилось и тени трогательного прощения — вопреки иным авторам чувствительных романов. Грайне ничуть не разнежилась и не прильнула к Сварогу с прерывистым вздохом. Она просто-напросто попыталась двинуть ему коленом в то место, к кото-

рому раньше относилась не в пример нежнее. Хорошо еще, он вовремя сообразил, когда она резко отодвинулась, успел увернуться, но все равно по бедру прилетело крепко.

— А еще царица... — покачал он головой.

— Ты ко мне еще придешь, — сказала она, охваченная страстью надеждой, что когда-нибудь так и случится. — Приползешь, когда окажется, что та жизнь не дала тебе счастья...

В уголке глаза Сварог заметил у нее крохотную слезинку, но не сомневался, что это — признак бессильной ненависти, не имеющий к лирике никакого отношения. Совершенно не зная, что еще сказать и нужно ли что-то говорить, он помялся и спросил:

— Сколько тебе лет, воительница?

— Девятнадцать. Развяжи руки. Не могу же я остаться вот так... и убираясь, видеть не хочу!

— На свете всегда найдется кто-то, кто сильнее нас... — шепнул ей Сварог на ухо. Разрезал кинжалом шнур, из предосторожности повернув девушку к себе спиной, прыгнул на палубу и громко сказал: — Урак-Омтар, двигай посудину. Место укажем.

— С какой скоростью? — не преминул уточнить педантичный дух огня.

— С обычной. Словно мы идем под хорошим попутным ветром.

С треском оборвался причальный канат, но кораблик не тронулся с места.

— Хочешь, я сделаю так, что она станет думать по-другому и уплывет с тобой? — пророкотал джинн.

— Дурак ты, а еще дух огня, — сказал Сварог. — Трогай. Корабль отвалил от причала и, невзирая на мертвый штиль, поплыл к выходу из бухты, задрав нос и пеня воду, словно торпедный катер. Сварог смотрел за корму. Грайне неподвижно стояла у самой кромки причала, смотрела вслед, ее фигурка становилась все меньше и меньше, потом девушку заслонила башня. Сварог ее больше не видел и подозревал, что не увидит уже никогда. Это оказалось больно, так думать. Он обернулся, хотел распорядиться, но Леверлинн уже возлежал у бочки с невесть откуда раздобытым ковшиком, и тут же стояла пустая оловянная чарка. Сварог опустился на колени, повернул медный кранник, и полилось благоухающее черное вино.

— Ну, за пьянящее дыхание свободы? — спросил Леверлинн.

Прозвучало это как-то уныло. Сварог молча выпил, резко дернув рукой, пролил немного на грудь и смахнул капли ладонью.

— Странно, — сказал Леверлин. — Меня вроде бы ничем не удивить, исколесил мир и не был обделен вниманием нежного пола, но вспомнил вдруг свою рыжеволосую пантеру и подумал — может, другой такой у меня никогда не будет?

— Это тебе просто хочется посмаковать счастливое избавление, — сказал Сварог хмуро.

Корабль резво бежал по широкой реке — с зарифленным парусом, против течения. Капитан и матросы так и не отошли от этаких чудес — сидели кучкой у мачты, с почтительным ужасом таращились на Сварога, надолго забыв о своих полных чарках. Леверлин лежал, грустно глядя в небо, тренькал на виолоне на три такта и с нарочитым пафосом напевал:

А он скакал домой с войны,
вез подарки для жены —
самоцветы из чужой стороны...
Он безжалостно загнал
пять коней,
он не ел, он не пил, он не спал —
мчался к ней.
Он шагнул через порог,
он был молод и высок —
но увидел, что другой был у ней...
Он достал свой верный меч,
повидавший столько сеч,
он смахнул головку с плеч —
эх, златовласую...

— По сторонам зорче смотри, — сказал Сварог. — Как бы не проехали, я-то дороги не знаю...

— Я могу вас довезти, куда только скажете, и сам найти дорогу, — сказал джинн, которому чертовски не терпелось на волю. — Это будет третье желание.

— Ну потерпи, ладно? — сказал Сварог. — Ты мне еще понадобишься в Харлане...

Когда они отыскали Ворота — перемычку неподвижного синего тумана в узкой расселине, все повторилось, как в прошлый раз: корабль нырнул в синюю мглу, мгла сгустилась до

полной непроглядности, вскоре рассеялась, посудина выплыла на Ител.

— Ну вот и все, — сказал Сварог.

Неуправляемый корабль тут же развернуло кормой вперед и в столь постыдной позиции понесло течением — джинн, въедливый, словно стряпчий, счел, что строго выполнил свои обязанности согласно договору о втором желании. Моряки, не дожидаясь приказа Сварога, бросились к мачте. Быстро развернули кораблик в нормальное положение, капитан встал за штурвал и повел суденышко к высокой скале. Сварог, свесившись над бортом, громко позвал (вспомнив поучения Блая):

— Доран-ан-Тег!

Взметнулся фонтан брызг — топор взлетел над волнами и, описав дугу, оказался в руке Сварога, больно ударив древком по ладони — Сварог не успел разжать пальцы пошире.

— Впечатляюще, — присвистнул Леверлин. — Где ты раздобыл этот славный топорик?

— Потом расскажу, когда будет время, — сказал Сварог. — Интересно, чья это конница там нарисовалась?

Он достал подзорную трубу, всмотрелся. Десятка два верховых, желтые с черным кафтаны. Один как раз смотрел на кораблик в подзорную трубу. Показалось, они встретились глазами, Сварог вздрогнул, опомнился, с видом скучающего зеваки медленно опустил трубу и спросил:

— Харланцы?

— Они, — поддакнул капитан. — Гвардейцы. Наверное, людей с «Божьего любимчика» до сих пор сторожили по дорогам.

— Интересно, что они о нас подумали? — спросил Сварог.

— А что им думать? — хмыкнул капитан. — Один в наряде Вольного Топора, один в дворянском и мы, местные... И нас, всех пятерых, для экипажа такого кораблика маловато. Кораблик ронерской постройки. Они наверняка решили, что речные пираты захватили ронерскую посудину. На что им глубоко наплевать.

— Леверлин, у тебя есть документы? — спросил Сварог.

— Ну разумеется.

— А у вас, капитан?

— Аж три, ваша милость. И все, каюсь, на разные фамилии и подданства. Вот только на кораблик у нас патента нет... ну да

у меня в голенище два чистых защиты. Впишем, что захотим, дело знакомое. Название на борту есть, «Морская жемчужница», порт приписки сочиним из головы...

— Весело будет, если нападем на того, кому этот корабль знаком.

— А мы его в Риуме купили, ваша милость.

— Ну и что? — не понял Сварог.

— Риуме — первое в Пограничье место по продаже ворованного и прочего неправедно доставшегося. Кораблей в первую очередь. Кого ни спросят насчет чего подозрительного — купил в Риуме у хромого да чернявого, еще один зуб у него со свистом... Все понимают, в чем дело, а доказать нельзя. Главное — как следует осмотреть кораблик, и если попадется что лишнее, выкинуть за борт.

Так они и сделали, но не нашли ничего, кроме кое-какой посуды. Никакого груза в трюме не оказалось. Видимо, амазонки успели похозяйничать.

Что гораздо хуже, не оказалось ни еды, ни воды. Бочонок вина к тому времени был объединенными усилиями опустошен и вышвырнут за борт. Создавать заклинаниями еду и питье Сварог не хотел, чтобы не выдавать себя как лара. Капитан и так узнал много такого, чего ему не следовало бы знать. По этой же причине Сварог героически отказался от своих сигарет, извлекаемых из воздуха, довольствуясь одной из трубок капитана и его скверным горлодером. А есть и пить хотелось не на шутку. Один Карак безмятежно дрых у борта, ничуть не встревоженный наступившим на корабле голодом, поскольку не знал ни о голоде, ни о побеге. Джинн был начеку и настойчиво предлагал завалить корабль изысканнейшими яствами вкупе с лучшими винами — очень ему не терпелось поскорее развязаться с избавителями и отправиться восвояси. Но Сварог, твердо решивший поберечь третье желание для серьезного дела, потребовал карту и, обнаружив, что ближайшим населенным пунктом является уже знакомый ему понаслышке Готар, решительно приказал:

— Курс на Готар!

Одного он боялся: что с тамошним бароном, пристрастившимся жечь людей на кострах, уже прискакала разбираться рать молодого князя. Тогда всем будет не до проезжих корабельщиков.

Глава 5

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАК ИМПРОВИЗАЦИЯ

Подплывши к Готару, они обнаружили, что городишко выглядит крайне убого — дома ветхие, прямо-таки готовые рухнуть. Причал был вымощен камнем в незапамятные времена, и половина плит давно вывалилась. Дыры кое-где залатали досками, но особого старания при этом не проявили. На волнах покачиваются три лодки и большой одномачтовый баркас без палубы — судя по груде сетей на корме, рыбакский. На фоне всего этого «Морская жемчужница» выглядела роскошным океанским лайнером,бросившим по случайности якорь в захолустном райцентре. Экипаж Сварога представления не имел, что такое океанский лайнер и райцентр, но оценил ситуацию верно — несмотря на полное отсутствие свидетелей-абorigенов, моряки приосанились и гордо поплевывали за борт — даже покалеченный, чьи раны уже начали подживать.

— Ну, пошли? — сказал Сварог Леверлину.

— А топор ты не берешь? Здешний хозяин — скотина редкая, к нему лучше приходить в гости вооруженным до зубов...

Сварог прихватил топор, они осторожно прошагали по дряхлому причалу и направились к ближайшим домишкам. В первом никого не оказалось. Во втором тоже. Из домов воняло, вокруг валялся всякий хлам, бродили бесприютно худые свиньи. Только у третьего домика, на лавочке, обнаружилась

старуха — ветхая, под стать причалу и городку. Она молча выслушала Сварога, ничего не поняла, и они еще долго добросовестно орали ей в ухо. Из ее шамканья только и дознались, что жрать самим нечего, а весь народ на площади. Сварог сунул в иссохшую ладонь монетку (при виде которой старуха едва не лишилась чувств), и они быстрым шагом направились дальше, держа курс на видневшуюся над крышами каменную башенку с развевавшимся вымпелом — баронский замок и, следовательно, центр города. Должна же в центре отыскаться хоть одна лавочонка со съестным?

На площади перед баронским замком они обнаружили целых три лавочонки — но все оказались заперты. В угрюмом молчании стояло сотни три народа, должно быть все городское население, способное передвигаться, и над головами толпы виднелись верхушки двух столбов, вокруг которых что-то происходило: оттуда слышались шум и ругань, но ни дыма, ни огня пока что не видно.

Они быстро протолкались в первый ряд, весьма невежливо работая рукоятями мечей и древком топора. Видя их хорошую одежду и оружие, те, кто стоял поближе, торопились дать дорогу, но толпа была очень уж спрессована, и повозиться пришлось.

Они переглянулись. Леверлин побелел от злости.

— Ну, так, — сказал Сварог. — Слухи ничуть не преувеличены...

По краю пустого пространства вокруг столбов прохаживались воины, человек двадцать, в кольчугах старинного фасона, но добротных, вооруженные мечами и топорами. Огнестрельного оружия Сварог не заметил. Еще несколько человек складывали кучи хвороста вокруг столбов с привязанными к ним людьми, и на них покрикивал красовавшийся на черном коне субъект в кольчуге с серебряными накладными украшениями и баронской короне на лысоватой башке.

Сварог приглядился к тем, у столбов. Девушка в бедном домотканом платье, довольно красивая. Скорее всего местная. А вот мужчина определенно не отсюда — высокий, темноволосый, с аккуратной бородкой, в изодранной, но совсем недавно роскошной одежде, синей с вышивкой золотом.

На шее у барона красовалось изящной работы золотое ожерелье с синими самоцветами — оно никак не вязалось с хозяином Готара, а вот на человеке в синем смотрелось бы весьма

естественно — как и висевший при бедре барона меч в дорогих ножнах, с усыпанной рубинами рукоятью...

— Ну, с кого начнем? — спросил Леверлин сквозь зубы.

— Ты что, хочешь...

— А ты до конца досмотреть собираешься? — На узком лице студента не осталось ни бесшабашности, ни благодушия.

— Да нет, — сказал Сварог. — Просто...

— Не знал, можно ли на меня рассчитывать?

— Ну... в общем, да.

— Ну, в общем, я на тебя не обижаюсь, — передразнил Леверлин. — Знакомы без году неделя... Ладно. Забыли. Но если ты еще когда-нибудь решишь, что на меня нельзя полагаться, — не посмотрю, что ты милорд, Его небесное великолепие... — Студент огляделся. — Так. Время есть, они еще повозятся, только начали... Знаешь, этот, с бородкой, определенно моряк. Одежда у него стагарского пошива. Но не колдун, мочки ушей на месте. Стагарский волшебник им уже давно устроил бы стихийное бедствие. Колдовство у них специфическое, сугубо морское, но неплохо работает и возле реки, впадающей в море. Проливной дождь или ветер, такой, чтобы крыши срывало, — это и здесь пригодилось бы...

— Я делаю барона, — сказал Сварог. — Во-первых, он здесь главный и без него начнется сумятица, во-вторых, лошадь, оставшись без седока, начнет метаться, прибавит паники. Держи мне спину, только смотри, сам не подвернись...

Они говорили тихонько, но стоявшие рядом все же кое-что расслышали, стали потихоньку отодвигаться, насколько удалось.

— Вся загвоздка в этих, — кивнул Леверлин на толпу. — Если кинутся на подмогу хозяину — задавят массой...

— Живи ты в таком деръме, ты бы его любил и защищал?

— Люди — существа непредсказуемые... Вдруг они не захотят лишаться ни такого зрелища, ни хозяина? Ну как, начнем сразу или с разговором?

— С разговором, — сказал Сварог. — Вот что, диспозиция меняется. Как только я начну, кидайся и режь на парне веревки. Уж он-то за барона драться не станет.

— Не стоит. Если его сначала пытали, а вполне могли, он весь ломаный, и толку от него будет чуть. Только время потеряю.

— Тоже верно... Идем?

Они прошли мимо воинов и направились прямо к барону. Теперь их видели все. Кто-то охнул. Они шагали легко, размашисто под взглядами сотен глаз. Сварог ощутил легкость во всем теле и почувствовал, что движется, как некая машина, без единого лишнего движения. Люди у костров перестали складывать хворост и таращились на них. Барон — тоже. «Сейчас он рявкнет, — подумал Сварог, — не может не рявкнуть... А этот вот белобрысый совсем мальчишка, жалко...»

— Эт-то что за франты? — раздалось наконец рявканье барона. — Что нужно?

Ощущив прилив веселой ярости, Сварог посмотрел снизу вверх в одутловатую харю. Его голос звучал невыносимо надменно:

— Я — лорд Сварог, граф Гэйр. Что здесь происходит?

— Я — Леверлин, граф Грелор, и хочу задать тот же вопрос.

Сварог убедился, что его имя барону незнакомо. Но вот титул — самый захудалый барон Пограничья не мог не знать, что «лордами» титулюют только ларов.

— Что я хочу, то здесь и происходит, — рявкнул барон. И добавил тише, чтобы не слышали его вояки: — Милорд, если Его Небесное Великолепие нарушает традиции и без должного почета разгуливает по нашей убогой земле, с ним по скрудумио нашему могут и бесчестно обойтись...

«А он не трус, — отметил Сварог. — Подонок, но не трус. И неплохо осведомлен о традициях...»

Барон гнусно усмехнулся:

— Ваше Небесное Великолепие, тридцать топоров — это тридцать топоров, как ни крути. Если вы соблаговолите дождаться окончания церемонии, я приму вас в своем замке с почетом, какой только способен оказать. Мы люди темные, но понимаем: иногда и высоким господам неба хочется развлечься на земле без лишней пышности...

Пожалуй, он готов был покончить дело миром. Вот только Сварог никак на это не мог согласиться. Он быстро огляделся. Воины, сбитые с толку вполне мирным разговором, содержания которого они не слышали, поступили, как все солдаты в подобных случаях: опустили оружие, расслабились, тупо ожидали, пока дело вернется к какой-то определенности.

Леверлин крикнул человеку у стола:

— У вас, слушаем, не будет к нам просьбы?

Человек ответил быстро, но с достоинством:

— Господа, я никогда и ни у кого не просил помощи, но иногда приходится отбрасывать прежние привычки. Не могли бы вы развязать эти веревки и одолжить меч? Остальное я сделаю сам...

— Боюсь, церемонию придется отменить, барон, — сказал Сварог.

Шаур он держал в левой руке, нацелился сначала в конскую грудь. Однако, когда рука барона дернулась к мечу, передумал — живи, лошадка, ты одна ни в чем не виновата, — шагнул вперед и размахнулся топором, не особенно и широко.

Лезвие вошло в обтянутый кольчугой жирный бок — косо и глубоко. Барон еще ваился с седла, брызгая кровью, а Сварог уже развернулся на каблуках к кучке воинов, выстрелил в ближайшего, пустил очередь звездочек в группу стоявших подаль. К его радости, моментально начался вполне приличный переполох. Конь рванулся вперед, но Леверлин, ловкий и проворный, как кошка, схватил повод и одним махом взмыл в седло. Зрители шарахнулись кто куда, разноголосо вопя. Воины тоже не являли собой образец единства и боевой стойкости — кто остался на месте, кто откровенно пятился, лишь человек пять неуверенно двинулись к Сварогу.

Передний размахнулся топором для хорошего броска. Сварог, осклабясь, ждал. Топор тяжело полетел в его сторону — и срикошетил от невидимой преграды, отлетел вбок. На того, кто его бросал, это произвело неизгладимое впечатление, да и остальных потрясло. Сварог сделал выпад и обрубил половину клинка белобрысого сопляка, оказавшегося ближе всех. Леверлин волчком вертелся с конем, ожидая атаки, но никто на него пока не бросался. Со стороны немногочисленных зрителей, рискнувших оставаться на месте, послышались крики:

— Лар! Лар!

Наступил самый интересный момент. Либо солдатня, пре-возмогши страх, навалится всем скопом, и тогда все завернется по-настоящему, либо они выиграли. Стало тихо, только раненые стонали и охали. И в этой тишине вдруг завопил Леверлин, во всю мочь, словно хотел докричаться до летучих замков:

— Ваганум! Ваганум!

Он кричал что-то еще, про клятву, кажется. И все вдруг изменилось самым решительным образом. Воины, собравшись в кучку на почтительном расстоянии от Сварога, аккуратно стали складывать все свое оружие наземь. Это было настолько

неожиданно, что Сварог оглянулся — не въезжают ли на площадь конники князя Велема?

Ничего подобного.

Воины, покончив с разоружением, выстроились неровной шеренгой. Леверлин шел к нему, ведя коня в поводу, улыбаясь во весь рот:

— В Ремиденуме еще и прилежно зубрят науки...

— Детали, — только и сказал Сварог, все еще удивляясь.

— Бывает набег ради грабежа, бывает война, а в земном праве есть еще и ваганум. Когда пришлый дворянин побеждает в схватке владельца манора, чтобы самому сесть на его место. Конечно, тут свои условия: владелец вправе использовать всю свою вооруженную силу, а пришелец обязан иметь, самое большее, одного спутника. Потому, хоть для ваганума теоретически открыт даже Снольдер, на деле успеха можно добиться лишь в такой вот глупши. Особенно когда подданные не хотят защищать хозяина.

— Значит, теперь барон — ты?

— Не было у меня хлопот... — усмехнулся Леверлин. — Ты. Быстроенько начинай командовать, время не ждет... Ну!

Сварог приосанился, принял позу, показавшуюся ему самой величественной, оперся на рукоять топора, указал на столбы и рявкнул:

— Отвязать!

Воины, не очень и удивившись, побрали к столбам. Сварог неуверенно оглянулся на молчавшую толпу и крикнул:

— Все прекрасно, ребята, вольности последуют!

— Идиот! — поморщился Леверлин. — Они ж к тебе сейчас с просьбами и нуждами кинутся, затопчут...

Толпа и в самом деле колыхнулась вперед, лица из тупых стали вполне человеческими, охваченными надеждой. Но воины по жесту Леверлина уже выстроились меж Сварогом и толпой, а Леверлин уже кричал, воздев руки:

— Спокойствие! Барону нужно время, чтобы разобраться с вашими нуждами! Вольности вам обещаны, и они будут! Стоять!

Подействовало. Толпа замерла в прежней позиции.

— Обрати-ка внимание на эти рожи...

Сварог обратил. Пятеро с нагло-угодливыми рожами холуев-любимчиков и одетый еще богаче пожилой субъект

с лицом до того добродетельным и праведным, что мог оказаться лишь вором и сатрапом.

— Ага, — сказал Сварог понимающе. — Ну-ну... Он направился к приближенным покойного барона, махнул на ходу воинам, и они, уже успев подобрать оружие, заторопились следом.

— Управитель? — спросил Сварог.

Субъект с лицом праведника часто-часто закивал.

— А повесьте-ка его, пожалуй, — сказал Сварог. — Что это за управитель, если довел город до такого похабства?

Воины сграбастали управителя, но он с неожиданной резвостью вывернулся и пал в ноги, цепляясь за сапоги:

— Ваша светлость, я ж вам пригожусь...

— Ладно, оставьте его пока, — сказал Сварог. — Остальных вешайте.

Он плохо представлял, как именно следует управлять государством, пусть и крохотным, но по наитию решил: в таких случаях не мешает громогласно пообещать вольности и немедленно повесить наиболее запачканных деятелей прежнего режима. Для укрепления своего авторитета в массах и в целях борьбы с коррупцией. Народу такое поведение всегда нравилось. Особенно когда вешают самых упитанных.

Пятерку холуев до виселицы, торчавшей в уголке площади, так и не довели — толпа, оттеснив воинов, захлестнула и смяла бывших фаворитов. Началась шумная, азартная толчея. Управитель глянул в ту сторону, затрясся.

— Ну, поговорим о государственных делах, — сказал ему Сварог. — Здесь люди от природы такие бедные или барон все мало-мальски ценное сгреб в закрома родины?

— Барон, ваша светлость, барон, подлец, негодяй, мерзавец, скотина...

— Без лирики, — сказал Сварог. — Где же в таком случае баронские закрома?

— В Ронеро, ваша светлость, в банках Равены, барон собирался перебираться туда... Я знаю, где лежат все бумаги и счета... — Он вдруг кинулся к бездыханному телу недавнего хозяина и тут же вернулся, обеими руками протягивая Сварогу баронскую корону.

Сварог повертел ее, напялил на голову, подумал и кивнул:

— Ладно, поживешь пока. Скройся в замок и сиди там тихонечко. Холуев дотопчут, непременно про тебя вспомнят... —

Он жестом отправил одного из воинов следом за управителем, а второго спросил: — Винный погреб в замке есть?

— Как же без него, ваша светлость?

— Выкатите-ка народу пару бочек, — милостиво распорядился Сварог. — Не больше. Так, чтобы пришлось по хорошему ковшу на рыло. Самим пока не брать в рот ни капли, а то повешу. Дома у тех холуев были хорошие?

— Лучшие в городе, ваша светлость.

— Разграбить, — сказал Сварог. — Но аккуратно. Чад и дочери чадцев на время этой веселой забавы увести в замок.

— А управителев дом? — с деловым интересом спросил служивый.

— Управителев дом дарю вам всем, моей верной дружине, — сказал Сварог.

— Выходит, мне теперь на управителевой дочке жениться можно? Она не против, да папаша рыло воротил...

— Женись, — сказал Сварог. — Но чтобы по всем правилам у меня, без блуда!

Судя по лицу вояки, дружина отныне готова была за нового барона в огонь и в воду.

— Ваша светлость, а какие будут распоряжения насчет девок!

— Которых? — не понял Сварог.

— У барона в замке — десять девок, как бы для рукоделия и кухонной работы...

— По домам всех.

— Да ведь прижились, стервы, нравится им...

— По домам, — сказал Сварог, повернулся к Леверлину: — Как у меня получается?

— Неплохо для начала. А дальше?

— Увидишь, — хмыкнул Сварог. — Я тут кое-что предпринял. Так, а где наш спасенный?

Человек в синем наряде стоял поблизости — уже со своим ожерельем на шее и мечом на поясе. Он с достоинством раскланялся:

— Милорд, я ваш неоплатный должник. Вас не обидело столь скучное изъявление благодарности?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Коли это не секрет — как вас занесло на костер?

— Больно признаваться, милорда, но причина в излишней самонадеянности. Когда твое имя заслужит определенную ре-

путацию на морях, забываешь, что на суше обстоит несколько иначе. Я неосмотрительно отправился на берег, взяв с собой лишь троих матросов. Увы, этот дикий уголок оказался одним из тех мест, где славное имя капитана Джагеддина совершенно неизвестно...

— Чем я могу вам помочь? Ваш корабль где-то поблизости?

— Милорд, если вы дадите мне оседланного коня, это будет с вашей стороны столь же неоценимой услугой... Поверьте, я очень спешу.

Он упорно избегал подробностей. Должно быть, имел на то веские причины. Что ж, не стоит лезть в чужую жизнь...

— Джагеддин, — припомнил Сварог. — Капитан «Призрака удачи»?

Капитан поклонился:

— Для меня большая честь, что милорду известно название моей ничтожной лохани...

— Не слышали ли вы в последние дни что-нибудь о капитане Зо?

Вопрос, видимо, нетактичный — Джагеддин слегка поморщился.

— Милорд, мы с капитаном Зо не интересуемся делами друг друга. Наши сложные отношения принимают порой самые разнообразные формы и выражения... Мы старые соперники. Во многом.

— Ну, в таком случае можете поздравить, — сказал Сварог сухо. — Похоже, выиграли вы — потому что оказались тем, кто просто-напросто пережил соперника...

И отвернулся. Он не обязан был вести галантные беседы с этим совершенно чужим удальцом, случайным встречным.

Джагеддин столь же сухо произнес за его спиной:

— Несмотря на всю сложность наших с Зо отношений, я никогда не стал бы мелко злорадствовать, узнав о его смерти. Как и он, узнав о моей. Хотя каждому из нас было бы приятно, пади соперник именно от его руки...

— Я вас и не подозреваю в мелочности чувств, — сказал Сварог. — Насчет коня сейчас распоряжусь. Удачи.

— И вам. Повторяю, я ваш должник.

Он коротко поклонился и отошел к спасенной от костра девушке.

— Провалиться мне на этом месте, он собирается взять ее с собой, — сказал Леверлин. — Ну, его дело. Знаменитый морской волк... Интересно, что он потерял в этой дыре?

— Не знаю, — сказал Сварог. — И знать не хочу. Хватит с меня загадок, со своим бы делом справиться... Ага, вон их ведут, голубчиков...

— Кого?

— Понимаешь ли... — сказал Сварог. — Я велел солдатам доставить того местного лавочника, у которого в городе самая лучшая репутация. И нашего беспалого. В мое отсутствие они тут будут распоряжаться втроем — прежний управитель, лавочник и беспалый. Три прохвоста будут бдительно следить друг за другом. Возможно, когда-нибудь они и сговорятся воровать в добром согласии, но такое случится не скоро. Как тебе реформы и преобразования? Распоряжусь ослабить налоги и тому подобное...

— Боюсь, жизнь не особенно улучшится. Так, самую чуточку.

— А что делать? — пожал плечами Сварог.

Через час он поднимался на корабль полноправным бароном, вольным ярлом, имевшим право возводить в дворянство подобно королям, унося с собой в мешке корону, половину казны (остальное оставил на хозяйство троице управителей) и пергаменты с печатями, которые ему в качестве новоявленного владельца предстояло еще заверить у ближайшего императорского наместника. Как он узнал, в его полном и безраздельном владении отныне находились городок Готар, три десятка деревень, земли площадью четыреста пятьдесят три квадратных лиги и тысячи четыре народу. Что ему со всем этим делать, он решительно не представлял и надеялся, что в будущем все как-нибудь утрясется само собой...

Глава 6

МИЛОРД, КОТОРОГО НЕТ

Если Харлан и был заповедником злых колдунов и черных магов, на его внешнем облике это никак не отражалось. Попав в его пределы, Сварог видел по обоим берегам Итела самые обыкновенные селения, городки, пашни, пастбища, замки и храмы. На реке попадалось множество пузатых купеческих коггов и влекомых лошадьми барж, иногда величественно проплывали большие океанские корабли с иностранными флагами. Раза три встречались парусные военные фрегаты под харланскими вымпелами, а однажды пропыхтел колесный пароход с высокой черной трубой и пушками на палубе, но «Морская жемчужница» ничьего внимания не привлекала, словно стала невидимкой.

Столица Харлана Аран оказалась самым обычным городом — не блеставшим умопомрачительной роскошью, но и не убогим. Она была разделена рекой пополам, берега повсюду забраны в камень, но ни одного моста Сварог не увидел — Ител здесь был в лигу шириной, и столь длинные мосты, возможно, просто не умели строить.

Сварог самонадеянно велел было капитану править к первому же попавшемуся причалу, но оказалось, что порядки здесь (как и в других державах, впрочем) жесткие: все, кто прибывал из-за границы водным путем, должны были причаливать в особой гавани, где их ждали таможенный досмотр, проверка бумаг и прочие прелести гостеприимства. Пришлось плыть дальше, соблюдая все предосторожности: наперерез в обоих

направлениях сновали лодки, иные простенькие, иные с роскошными балдахинами, множеством гребцов, раскрашенные и покрытые резьбой.

— Одного я не пойму, — сказал Сварог Леверлину. — Какого черта они построили город по обоим берегам? Река-то широченная...

— Старинная традиция, — пожал плечами Леверлин. — Есть древнее поверье — только та столица благополучно про существует до скончания времен, что стоит на обоих берегах реки. С военной точки зрения это приносит лишние хлопоты — такой город не окружить крепостной стеной. Но традиция, несмотря на все неудобства, держится стойко. Подозреваю, в прошлом, до Шторма, существовал какой-то великий город, расположенный на обоих берегах, воспоминания о его славе в такой вот форме запечателились...

У нас в Равене есть великолепные мосты. И в Ноле тоже. А у харланцев нет ни денег, ни мастеров. Словом, богатый человек всегда заведет собственную лодку, а если у тебя и на перевозчика нет — сиди себе на своем берегу...

Встретили их сугубо по-деловому — на борт поднялся десяток солдат в темно-голубых мундирах со светло-синим шитьем, тут же разбежавшихся обшаривать корабль сверху донизу. За ними появился ужасно важный чиновник в коричневом кафтане, перепоясанном серебряным поясом с серебряной чернильницей — знаками Сословия Чернильницы — и нашивками канцеляриста. Чин был невеликий, третий от конца, но пыжился его носитель неимоверно, в продолжение досмотра расхаживал вдоль борта, заложив руки за спину, выпятив хилую грудь, украшенную из отличий лишь квадратной медалькой Бронзовое Перо и пряжкой за выслугу лет, не удостаивая прибывших на «Морской жемчужнице» и мимолетным взглядом. Хорошо еще, до личного обыска здесь не додумались, и Карак пересидел весь шмон в своем обычном укрытии, капюшоне плаща Сварога.

Обыск, впрочем, был недолгим. Чиновник проверил их документы с таким видом, словно заранее знал, что все это чистейшей воды подделка (хотя поддельных там была ровно половина), а новоприбывшие — воры, аферисты и убийцы. Закончив, он смерил всех проницательным взглядом — снизу вверх, сверху вниз, снизу вверх. Вообще-то с дворянами пола-

галось бы вести себя и почтительнее, но в пору очередных обострений с Ронеро ронерский граф был здесь персоной неавторитетной, а барон из Пограничья, к тому же еще не утвержденный имперским наместником, и вовсе презренной личностью. Пожевав губами, чиновник задумчиво сказал:

— Конечно, ничего подозрительного... да ведь и вообще ничего, ни постелей, ни вещичек, пара чарок да узел с едой... Вы откуда свалились, благородные лауры и бравые морячки? Где-то я кой-кого из вас видел, уж не в Монторской ли тюрьме годика два назад, когда вас пятый раз выпускали после очередной отсидки?

Он играл столь фальшиво и бездарно, что не получил бы ангажемента и в странствующем балаганчике — разве что на роль колонны без речей. Но Сварог, прекрасно понимая, в чем тут намек, сказал лениво:

— Ну что вы, сударь, просто превратности жизни таковы, что иногда плывешь на чем придется...

И опустил в широкий коричневый карман пяток кругленьких золотых аргументов, чего чиновник словно бы и не заметил, но подобрел моментально:

— Да нет, насчет Менторской тюрьмы — это я перепутал. Столько людей мелькает... Ваши превратности жизни меня не касаются, лишь бы у нас вели себя благонравно.

Он хотел спуститься по трапу вслед за солдатами, злыми от того, что лично им ничем не удалось поживиться. Сварог догнал его, сунул в карман еще одну монету.

— Не подскажете ли, где и как нам разыскать барона Дальга?

Чиновник удивился без всякого наигрыша:

— Но, лаур, его же похоронили позавчера... Несчастный случай на охоте.

Постоял, но, видя, что ничего больше не получит, сошел по трапу. Сварог с Леверлином переглянулись.

— Вот так, — хмуро сказал Сварог. — Несчастный случай...

— Думаешь?

— А какая нам разница? Нет больше барона, — он лихорадочно искал выход. — Мы не привлечем внимания, если сразу двинемся к имперскому наместнику?

— Ни малейшего. В любой приемной наместника тьма народу с прошениями. От непризнанных изобретателей до нищих вдов.

— И никого не гонят?

— Зачем? — пожал плечами Леверлин. — Кому-то могут и подкинуть парочку монет, кого одарят красивой бумагой с красивыми печатями — читано со вниманием, благодарят за рвение, лорд и камергер такой-то...

— Пошли. Караж, как тебе это место?

— Плохое место, — не высываясь, ответил домовой. — Не знаю, как и объяснить. Явного ничего не чувствуется, но словно бы в воздухе есть примесь... Как скверный запах, только это не запах...

— В общем, неуютно, — кивнул Сварог. На улицах за ними вроде бы не следили. Резиденция имперского наместника представляла собой роскошный дворец какой-то странной архитектуры — в небесах Сварог не видел ничего подобного. Видимо, здание специально так задумали, чтобы оно отличалось от любых других земных построек. Ограда была и вовсе уж необычной — затейливая решетка в два человеческих роста из лучей густо-алого цвета, временами мерцающих золотыми искрами.

— Прикоснешься — без руки останешься? — спросил Сварог.

— Или без головы, если головой, — кивнул Леверлин. — Странно, что приходится объяснять такие вещи лару. Ты посмотри, сколько ходатаев, долго придется торчать...

Очередь человек из пятидесяти — в основном с гильдейскими бляхами, но попадались и представители Семи Сословий, и дворяне — тянулась к небольшому, но богатому на архитектурные излишества домику, пурпурному с золотым, стоявшему вне решетки, у ворот, исполненных из переплетения того же алого цвета. Вдоль очереди прохаживались четверо полицейских в коричневом, и порядок стоял образцовый — едва выходил очередной проситель, следующий скрывался за пурпурной дверью с золотым гербом наместника. Кто-то почти сразу же оказывался снаружи, кто-то задерживался надолго, кто-то покидал канцелярию радостным, кто-то унылым, а один вылетел, словно его вытолкнули пинком, упал, вскочил,

отряхнулся и под тихие смешки захромал прочь. На Сварога повеяло родным, полу забытым...

Он сунулся было к полицейским, представившись бароном и предъявляя золотые аргументы; но они, о диво, не оказали обычного своего волшебного действия — полицейский молча выдвинул меч на третью и бросил назад в ножны. Пришлось встать в очередь и проскучать часа три. Сварогу, как бывшему советскому человеку, это занятие было насквозь знакомо, и он особо не нервничал, но Леверлин, поджидавший его в сторонке, извелся вконец.

Когда подошла очередь Сварога, уже смеркалось.

За дверью оказалась не столь уж большая, но с невероятной роскошью отделанная комната без окон — узорчатый мрамор, яшма, малахит, драгоценные камни, золото, серебро, ковры, затейливая люстра с электрическими лампочками, висящая под потолком без всякой видимой опоры. Большой портрет Яны на стене, исполненный прямо-таки в лучших традициях соцреализма: она на троне, фигура едва видна из-за самоцветов, сплошь покрывающих пышнейшее платье. Что до платья, Сварог в жизни не видел на юной императрице столь идиотского сооружения, никогда не видел ее столь величавой и надменной, а столь огромную корону она удержала бы на голове лишь с помощью магии. И все равно Сварог обрадовался ей как живой. Показалось даже, будто он уже дома.

Раззолоченный чиновник сидел за золотым столом, усыпаным драгоценными камнями во всевозможных узорах и сочетаниях. Оба блестали, и стол, и чиновник, свет люстры окутывал их мириадами крохотных радуг. Любой земной житель себя не помнил бы от благоговения, но Сварог, осмотревшийся довольно откровенно, решил, что странное золотое украшение на горле чиновника — скорее всего ларингофон. А золотая серьга в левой мочке, закрывавшая всю ушную раковину, — приемник.

Из чистого любопытства он сначала пошел окольным путем: показал баронские документы и объяснил, каким образом вступил во владение ими. Чиновник, ничуть не удивившись, сунул их куда-то в стол, вскоре вынул, глянул на что-то невидимое Сварогу (должно быть, экран, укрытый от посетителя затейливыми украшениями по кромке стола), вернул:

— Бумаги Вольного Топора у вас поддельные. Ронерской работы, — выдержал театральную паузу. — Но грамоты барона Готара настоящие. Поздравляю вас, барон, — изобразил он улыбку. — Ваши права признаны Высокой Короной. Что бы там ни было в прошлом, баронскую корону вы получили вполне законным образом, а всевозможные старые счеты, могущие возникнуть, — это отныне ваша собственная забота...

«Интересные порядочки... и интересная система учета, — подумал Сварог. — За пару секунд он ухитрился как-то проверить и подлинность бумаг, и подлинность рассказа, любопытно...»

Чиновник глянул вопросительно-нетерпеливо — очевидно, осчастливленному новоявленному барону следовало убираться восвояси, вознеся должную благодарность Высокой Короне. Однако Сварог, развалившись в раззолоченном кресле алого бархата, сказал небрежно:

— А теперь — настоящее дело. Я — лорд Сварог, граф Гэйр. Быстро сожгите меня с кем-нибудь из восьмого департамента.

Чиновник от изумления растерял всю величавость:

— Я вас правильно...

— Правильно, — сказал Сварог. — Мне немедленно нужно связаться с лордом Гаудином.

Некогда было разводить церемонии — вряд ли на такую должность согласится уважающий себя лар, этот тип явно из Антлана... Удивленно на него таращась, чиновник беззвучно зашевелил губами. Продолжалось это недолго. А вот ответ он выслушивал гораздо дольше. И, когда дослушал, отчего-то удивился еще сильнее, его взгляд стал словно бы виноватым.

— Ну? — нетерпеливо спросил Сварог.

Чиновник немного опомнился и четко выговорил:

— Канцелярии Его Небесного Великолепия, имперского наместника графа Оглера неизвестно лицо, именующее себя титулом, на который имеют право лишь Господа Неба. Канцелярии неизвестны названный вами лорд и названный вами департамент.

— Вы что, все здесь с ума посходили? — теперь уже Сварог себя не помнил от изумления.

— Прошу вас удалиться. — Чиновник смотрел удивленно и виновато, но голос его отливал металлом.

— Но...

— Если я коснусь этого шара... — он поднял ладонь над золотым шаром, покоявшимся на львиных лапах из цельного топаза, — вы очень быстро покинете помещение. И не забудьте бумаги, барон.

Бесполезно было продолжать разговор, нечего и пытаться прорваться к наместнику силой — здесь непременно установлена надежная защита от наглецов и посеребрене... Все бессмысленно. Чувствуя себя побитой собакой, не пытаясь строить догадки, Сварог что есть мочи хлопнул дверью, выходя — полицейские и очередь воззрились на него с ужасом, — спустился по мраморным ступеням, окаймленным полосами дымчато-зеленого нефрита, бездумно зашагал вдоль улицы. Вскоре его догнал Леверлин:

— Что там? Тебя с такой физиономией можно продать вместо аллегорической фигуры вселенской печали...

Сварог сказал медленно:

— Оказывается, меня нет. Не существует на свете. Никто в жизни не слыхивал ни обо мне, ни, что удивительнее, об имперской разведке и одном из ее начальников...

Он огляделся, присел на невысокую каменную тумбу, хотел достать из воздуха сигарету, но вовремя спохватился, сказал, не поднимая головы:

— Так не бывает. Передумай они и реши вышвырнуть меня за дверь, это было бы обставлено как-нибудь иначе, голову даю. Тот, кто мне все это передал, сам понимал, что его начальники брешут мне в глаза... Что там, наверху, переворот какой-нибудь? Или наместник — или тот, кто все решал на подступах к наместнику, — чей-нибудь агент?

— Чей? — осторожно спросил Леверлин.

— Откуда я знаю? Чепуха всякая в голову лезет... Спасибо, хоть бароном благодаря тебе стал, хватит на пропитание.

— Может во всем этом сыграть роль смерть барона Дальга?

— Может, — сказал Сварог. — Или не может... Или может? Или все же не может?

— Успокойся. — Леверлин положил ему руку на плечо.

— Да я спокоен. Просто не понимаю ничего...

Леверлин ничего не сказал, и они долго сидели молча. Давно стемнело, но неподалеку сияла озаренная электрическим

светом резиденция наместника, и их фигуры отбрасывали влево длинные тени.

Наконец Леверлин сказал немного неуверенно:

— Даже если ты и сумеешь управлять самолетом, в Снольдер, чтобы добыть самолет, ехать не следует. И самолетам, и воздушным шарам к замкам ларов не приблизиться, достоверно известно. Однако... В Шагане есть волшебники, способные летать по воздуху. Очень трудно их отыскать, но они есть, верно тебе говорю... Найдем корабль побольше, поплыем морем в Шаган...

— Недели две плыть?

— Даже меньше. Ветра благоприятные, сезон... Постараемся найти такого волшебника и уговорить его...

— Нет, — сказал Сварог. — Видишь ли, те, кто считал, что здешнее дохлое войско следует остановить, были отличными парнями. Они все погибли, а я остался — это, знаешь ли, должок. Отрабатывать надо.

— Будем отрабатывать, — сказал Леверлин. — Так... Ручаться можно, что барон Дальг был человеком имперской разведки, но суть не в том. Как у всякого харланского сеньора, у него была дружина. В Харлане такие порядки еще в ходу. Дружина и верные люди. Кто-то из них может оказаться особо доверенным. Имперская разведка легко и быстро помогла бы барону проверить всех его людей — с ее-то возможностями. Ну что, это шанс?

— Это шанс, — сказал Сварог. — Хлипкий, правда, но другого у нас и нет.

— Пошли на корабль?

— Может, сразу отправимся искать дом барона?

— Нужно забрать топор и Карака, — сказал Леверлин. — Купим в порту коней — в любом порту в любое время можно купить что угодно.

— Вот на коней, боюсь, у меня уже не хватит...

— Видишь ли... — замялся Леверлин. — Когда мы бежали из Коргала и ты ходил за мечами, я, каюсь, запустил руку в шкатулку с драгоценностями твоей царицы и сунул в карман, сколько уместилось в пригоршне. На дорожные расходы. Как чувствовал.

Сварог покачал головой:

— Граф, а как быть с дворянской честью?

— Дворянская честь не понесла ни малейшего урона, — серьезно заверил Леверлин. — Мы там были пленными, не дававшими слова чести. В этом случае, убегая из плена, можно угадить хоть весь замок...

— Бог ты мой, — сказал Сварог. — Мало того что нас там поимели, так мы еще, выходит, драгоценности сперли, словно шлюха у клиента? Хороши же граф и барон...

И они жизнерадостно заржали, сидя ча тумбе, — невольно оттягивали момент, жет уже и не выпаст

 Глава 7

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

По дороге в порт они все трезво взвесили и решили, что предприятие следует отложить до утра. Во-первых, не следует ломиться в дом к покойному барону посреди ночи. Во-вторых, покупка коней посреди ночи, спешные расспросы о доме барона могли привлечь лишнее внимание, в том числе и тех, кому внимательным быть положено по долгам службы. А это совершенно ни к чему, учитывая, что играть предстояло против герцогини харланской, того еще цветочка. Больше всего Сварога беспокоили здешние маги. Леверлин успел рассказать: хотя колдунов и магов всех разновидностей согласно строжайшему, заведенному ларами порядку полагается выявлять и сдавать в канцелярию наместника, полиция и секретные службы всех стран втихомолку пытаются утаивать часть добычи и использовать отловленных колдунов в своих узкопрофессиональных целях. Караах, правда, клялся и божился, что не чувствует обращенного на них внимания колдуна, а Сварог с некоторых пор стал безоговорочно верить своему серому Санчо Пансо. На военном совете из двух человек и одного домового постановлено было следующее: людям — до утра спать, не забивая себе голову излишними страхами, домовому — до утра бдить, благо дело привычное ввиду изначально присущего ему ночного образа жизни, пусть и нарушенного в последние годы дневным высматриванием подходящего хозяина. Решения совета были немедленно претворены в жизнь.

— Сделаем так, — сказал Сварог капитану, уже сидя в седле. — Ждите трое суток. Если на четвертые нас не будет, это означает, что вам более незачем испытывать судьбу. Поднимайте паруса и исчезайте.

— Куда?

— Куда хотите, — сказал Сварог. — Корабль в этом случае ваш. Будет желание, оседайте в Готаре. Что-то непонятно?

Капитан почесал в затылке, посмотрел на безоблачное небо, на усеянную разноцветными парусами и лодками реку, махнул рукой:

— Да что там непонятного... Только б лучше вам живыми вернуться. Хоть я, ваша светлость, простите, так и не соображу, кто вы такой есть, из вас хороший атаман получился бы, большие дела проворачивать...

— Мне самому что-то захотелось живым вернуться, — сказал Сварог. — Есть такое стремление...

И тронул коня, не в силах избавиться от глупого наваждения — будто где-то уже видел что-то подобное, будто в его жизни такое уже случалось. Сначала он грешил на пресловутую «ложную память», но вскоре, не успели они еще выехать из порта, доискался до истины и сути.

Точно так покидал корабль капитан Зо. И не вернулся. Да и некуда ему стало возвращаться. Ассоциации эти бодрости духа не прибавляли. Но что если эти совпадения и есть залог успеха? Он повернулся к Леверлину:

— Как ты думаешь, почему барон Дальг стал работать на имперскую разведку?

— А это имеет значение?

— Возможно, — сказал Сварог. — Если ради примитивного золота или чистого холуиства — один расклад. Но если тут присутствовала некая идея... или нечто, с натяжкой именуемое идеей, наши отношения с его вассалами могут сложиться совершенно иначе...

Леверлин думал, покачиваясь в седле и даже, о чудо, не обращая внимания на девиц, вполне достойных внимания. Наконец спросил:

— Можно ли считать идеей стремление стать великим герцогом?

— Почему бы и нет?

— Ради чего мертвое войско понадобилось герцогине Мораг, любому дураку ясно, — сказал Леверлин. — Ты знаешь, почему Харлан — всего лишь великое герцогство?

— Нет.

— Харлан — всего лишь часть бывшего королевства Улад.

Сто двадцать лет назад большую часть королевства захватил Снольдер, захватил как раз те земли, что являются «рекс патримон». И снольдерские правители с тех пор носят титул «король королей», потому что...

— Ну, это я знаю.

— Прекрасно. Так вот, когда сто двадцать лет назад из окраинных провинций Улана возник Харлан, его великие герцоги поклялись однажды отвоевать утраченное. Что стало причиной доброй полусотни войн. Но силы слишком неравны. А вот с войском из навьев Мораг может и рискнуть...

— Хорошо, но при чем здесь стремление Дальга стать великим герцогом?

— Не торопи. Предки Мораг, сто двадцать лет назад приведшие к власти в Харлане, не имели никакого отношения к королевской династии Улана — вся фамилия погибла при штурме столицы. Предки Мораг были всего лишь влиятельными в этих местах баронами...

— Стоп! — сказал Сварог. — Начинаю соображать. Никаких освященных веками династических прав? Тот, кому удастся спихнуть Мораг и удержаться на троне, будет, цинично говоря, столь же законным властелином, как она сама?

— Именно. Главное здесь — удержаться... Мне рассказали, барон Дальг был немногим старше меня. Вполне может быть, ему показалось скучным всю жизнь просидеть в баронах. А поддержка ларов в столь деликатном деле кое-что да значит. Особенно если Мораг балуется черной магией...

— Так, — сказал Сварог. — А вассалы-дворяне у него были?

— Несомненно. Барон из старого и богатого рода с обширными владениями не мог не иметь дворян-вассалов.

— Это великолепно, — сказал Сварог.

...Пригородный дом покойного барона Дальга был окружен цветниками, аккуратными лужайками и легкими павильонами современной постройки, но сам он оказался старинным — возведен глухим квадратом, виднеется лишь один-единственный ряд узеньких окон, и то под самой крышей. Старинный замок, отлично приспособленный, чтобы выдержать долгую осаду. Леверлин тут же подтвердил эту догадку Сварога, указав на едва заметные углубления — остатки рва.

Ворота выглядели под стать — из-под полос железной оковки дерева и не видно. Сварог постучал обухом топора в закрытое изнутри узенькое окошечко. Подождал, загромыхал сильнее.

Окошечко открылось внутрь, в щели показались подозрительно зыркающие глаза. Сварог молча приблизил к ним указательный палец с перстнем Борна. Окошечко тут же захлопнулось, зато заскрипел засов, и в воротах распахнулась узкая высокая калитка — как раз проехать всаднику.

Засов заскряжал за их спинами. Они оказались в мощеном внутреннем дворе. Несколько человек в кирасах и робарах,* вооруженные мечами и топорами, стояли близко к воротам, а еще несколько с арбалетами — подальше. Сварог оценил такую диспозицию — если въехавшие во двор гости и зарубят привратников, те, кто стоит далеко, успеют утыкать их стрелами, прежде чем они распахнут ворота для нападающих.

— Кто здесь распоряжается после смерти барона? — громко спросил Сварог, ни на кого не глядя. — Есть командир или доверенное лицо?

— Капитан Хартог, ваша милость, — ответил кто-то. «Неплохо», — подумал Сварог. На «г» здесь оканчиваются исключительно дворянские фамилии. А капитан в данном случае — не морской офицер и не пехотный чин, а начальник дружины владетельного сеньора.

— Он здесь?

— Здесь, ваша милость. Как доложить?

— Лорд Сварог, граф Гэйр.

Один тут же сорвался с места и побежал в замок, бухая сапогами, гремя доспехами. Они направились следом.

Внутри замок оказался перестроенным и обставленным на более современный лад. Но приняли их не в одной из роскошных гостиных, а в огромной оружейной, где было положенное число фамильных доспехов и целые залежи новехонького оружия. Из-за тяжелого дубового стола встал мужчина лет пятидесяти с длинными седыми волосами и жутким ветвистым шрамом на левой щеке и с ходу спросил:

— Разрешите взглянуть на перстень?

Сварог молча снял с пальца и подал. Хартог молча изучил. Кивнул:

— Садитесь, Ваше Небесное Великолепие, — и вопросительно покосился на Леверлина, ожидая разъяснений по поводу его статуса.

— Леверлин, граф Грелор, — сказал Сварог.

— Садитесь, ваше сиятельство, — сказал капитан Леверлину. — Итак, вы от Борна, господа, хотя я вас и не знаю... Раз перстень у вас, это означает, что Борна и его людей нет в живых. Как и бедняги барона...

— Это в самом деле был несчастный случай? — спросил Сварог.

Хартог пожал плечами:

— Когда человеку пускают стрелу в спину, это никак не назовешь счастливым случаем, не так ли?

— Понятно, — сказал Сварог. — И когда, по вашим расчетам, за всеми за вами придут?

Капитан тут же ответил:

— Думаю, дня через два. Как только она поймет, что с Гарпагом кончено. Надеюсь, ваше появление означает, что с ним кончено?

— Кончено, — кивнул Сварог. — Что вы теперь намерены делать?

— Что тут делать? Забрать все, что удастся, и нынче же ночью уходить на рысях к ближайшей границе. Всем. Она не станет доискиваться, кто из нас был посвящен в секреты, а кто ничего не знал... Или вы, милорд, можете предложить что-то другое?

Сварог вынул из воздуха сигарету, зажег, задумчиво выпустил дым. Капитан и бровью не повел.

«Разговор начался блестяще, — подумал Сварог не без гордости. — Хартог ни на миг не заподозрил, что гости — случайные в игре люди и никого не представляют. Но дальше... Ке фер? Фер-то ке?

Каков он, капитан Хартог? Он неглуп. Старый солдат. И если дворянин к пятидесяти годам не смог вскарабкаться выше поста капитана при молодом бароне, означает это одно: выше-названный дворянин беден, как церковная мышь, и нет у него ни связей, ни влиятельных родственников. Слишком далеко еще до времен, когда поручики из захудальных провинциальных фамилий смогут становиться генералами и императорами. Даже здешний военный гений, если он беден и лишен связей, обречен на прозябанье в безымянном полку*, разве что произойдет вовсе уж фантастическое стечние обстоятельств — король узрит посреди битвы или генеральская дочка ни за кого иного идти не пожелает... Кстати, в его годы тяжко становиться

ищущим подданства бродягой, даже если в шкатулке кое-что и припасено. На седле много не увезешь».

— Капитан, только не сердитесь, душевно вас прошу... — сказал Сварог. — Ведь случались минуты, когда вам казалось весьма несправедливым, что трон великих герцогов займет мальчишка Дальг, а не, скажем, опытный, поживший, неглупый человек в летах? Обреченный на третью роли оттого только, что по воле судьбы беден и лишен влиятельной родни?

Он замолчал, поднял голову и глянул капитану в глаза. В этих глазах, помимо всего прочего, теплилась и надежда — нешуточная, безумная. Капитан и в самом деле так думал — и не единожды. Очень уж спокойно он выслушал...

«Мать вашу так, — подумал Сварог, — как же случилось, что я с этакими дипломатическими талантами выше майора в провинциальном гарнизоне не долез? Да по тем же причинам, что и Хартог...

Если Хартог умен, скажет что-нибудь вроде: „Соблаговолите выразиться яснее, милорд“. Если он очень умен, он вообще не раскроет рта...»

Время шло. Капитан Хартог молчал. Как рыба, которая проглотила жирную муху и теперь прислушивалась к своим ощущениям: настоящая ли муха и нет ли в ней крючка?

— Хорошо, — сказал Сварог. — Вы прекрасно понимаете, что я не мог с первого взгляда воспылать к вам симпатией, вы же не юная служаночка с тугой попкой... Мне нужна ваша помощь. А вам нужен я. Сколько у вас конных и оружных? Готовых выступить немедленно?

— Двести.

— Где сейчас Мораг и сколько у нее людей, способных носить оружие?

Вот тут капитан впервые глянул удивленно. Гася его сомнения в зародыше, Сварог быстро сказал:

— Не нужно. Некогда удивляться. И думать некогда. Да, так получилось, что я чего-то важного не знаю. Не успел узнать. Бывает. Подумайте лучше о том, что второго такого случая вам не представится никогда. Пойдете за мной — станете великим герцогом. — Он извлек из воздуха новую сигарету и зажег на кончике пальца самый большой огонь, на какой был способен. — И наплевать, что о новом герцоге подумаю богатые бароны. Главное, что станут думать там. — Он показал большим пальцем в потолок.

— Это у вас не Доран-ан-Тег?

— Представьте, он, — нетерпеливо сказал Сварог. — Где Мораг?

— В загородном поместье. Двадцать миль отсюда.

— Там крепость? Замок?

— Нет, обычный особняк.

— Охрана?

— Ч е л о в е к двадцать.

— И все? — искренне удивился Сварог.

Хартог впервые улыбнулся, и шрам на щеке искривился во все уж жутко.

— При ней два мага, милорд. Официальных, дозволенных Высокой Короной. Достаточно, чтобы вовремя поднять тревогу.

— Магов я беру на себя, — сказал Сварог. — Но с остальными мне возиться лень, и ими займитесь вы.

— Милорд, вы не поняли! Там и размещено все войско наьев, в старых казармах!

— Навьев я тоже беру на себя, — сказал Сварог.

И все-таки в глазах старого вояки дотлевала искорка сомнения.

— Милорд, я вам верю, но...

— Урак-Омтар, сможешь спалить казармы? — спросил Сварог.

— Обижаете, милорд... — раздался рокочущий бас.

— Ну? — спросил Сварог. — Или будете доживать остаток дней в скромном домике где-нибудь в Ронеро?

— Пожалуй, милорд, я все же попробую дожить остаток дней великим герцогом Харланским... — тихо сказал Хартог и ударил в гонг. Вбежал солдат. — Пошли кого-нибудь в Дорт. Пусть садятся на коней и скачут сюда. Мы выступаем.

— Это далеко — Дорт? — спросил Сварог.

— Три лиги отсюда. Деревня барона, — он спохватился: — Приказать, чтобы подали поесть?

— Вина разве что, — сказал Сварог, ощущая приятную расслабленность от выигранного поединка. — Скажите, а вы не боитесь, что ваш отряд перехватят на пути к границе?

Хартог скруто улыбнулся:

— Собственно, Мораг сейчас осталась без конницы. Даже те бароны, что не любили Дальга, не послали бы нам наперехват свои конные дружины — баронам не по вкусу пришлось, что

одного из них убили так. Смерть от стрелы в спину — подлая смерть. У Мораг сейчас осталась только пехота. Видите ли, в отличие от держав покрупнее, у нас не так уж много коронных войск... Половина коронной конницы рассыпалась по Ямурлаку и Пограничью, все еще ловит вас. Другая половина спешно выступила на закат — там, меж морем и Ителом, рыскает какое-то чудище: то ли гатуран, то ли хелльстадский пес. Давненько такого не случалось. Из деревень толпы бегут в города, несутся курьеры с паническими донесениями. Оно и в города врывалось уже.

— Дела, — равнодушно сказал Сварог. Грустно усмехнулся. — Был один хелльстадский пес, вернее, щенок, который так и не вырос... Ну, это мои печали. Поговорим о деталях...

...Нет, положительно у страха глаза велики. Рассказни о харланских черных магах, бродящих табунами повсеместно, были беззастенчиво раздуты моловой — до поместья Мораг оставалось лиг пять, а Карак, сидевший на плече Сварога в качестве живого магоотметчика, все не подавал голоса. Сварог вспомнил, что и Гарпаг не чуял их присутствия, хотя они подобрались уардов на двадцать. Видимо, маги хороши в ближнем бою, но бесполезны в роли радаров дальнего обнаружения. Сильных повыбили и переловили, осталась мелочь...

Мысли упрямо возвращались к Гарпагу и его последним словам.

— Леверлин, подумай хорошенько, — сказал Сварог. — Кто на Таларе официально именуется магистром?

— Магистр — глава факультета в университете.

— Еще?

— Так, ну... В Снольдере магистром именуется председатель коллегии столичных адвокатов. Правитель Святой Земли — великий магистр.

Скакавший рядом Хартог добавил:

— В Лоране магистром называют главного королевского врача.

— Да, верно, — кивнул Леверлин. — Вот и все.

— Ничего себе — все...

— А кто тебе нужен?

— Среди всех этих магистров нужно отыскать одного-единственного. Но известно о нем только, что его называли «магистр».

— А полегче у тебя поручений нет? — спросил Леверлин — Море ложкой вычерпать, веревку из песка свить...

— Да это не поручение, — сказал Сварог. — Еще одна загадка. Однажды...

Карах заорал ему в ухо что-то непонятное, и времени переспросить не оказалось — лошади шарахнулись, унимая свою, крутнувшуюся волчком, Сварог заметил, что весь отряд сбился с аллюра, смешался в беспорядочную толпу, среди которой то и дело взвивались на дыбы истошно ржущие кони.

Темная полупрозрачная полоса неясных, туманных очертаний мельтешила впереди, метаясь по дороге, то и дело вылетая на обочины. Сварог вспомнил о славе предков-лошадников, заорал должностные заклинания, какие-то чудом всплывшие в памяти, — и кони замерли смирнехонько. Но веселее от этого не стало.

Черный мохнатый зверь высотой в рост человека загородил дорогу, широко расставив передние лапы, встопорщив шерсть на холке. В раскрытый пасти блеснули такие клыки, что по спине у Сварога забегали мурашки.

— Что, начались штучки магов? — прокричал он Хартогу, оказавшемуся уardaх в двадцати.

— Хуже, милорд, хуже! Гарм, хельстадский пес! Все прошло! Половину отряда положим!

Сварог швырнул кому-то поводья, перекинул ногу через седло, спрыгнул наземь, схватил за шкирку Карака, сорвал с плеча, сунул в протянутую руку Леверлина. Сделал два шага вперед, сжимая древко Доран-ан-Тега. Либо все решит один хороший удар, либо половина конников ляжет здесь, время будет потерянно, а уж боевой дух...

— Ну... — хрюпал сказал он то ли топору, то ли самому себе, сделал еще два шага, невероятно осторожных, словно ступал босиком по битому стеклу.

Черный зверь стоял, не сводя с него глаз. Глухо рыкнул. Сварог примерился.

Еще два шага.

Зверь вдруг бешено замахал хвостом, подпрыгнул, покатился по земле, вскочил, попытался встать на задние лапы.

Из Сварога словно выдернули какую-то жилочку, на которой все и держалось.

— Боже мой, — сказал он. — Малыш. Да как же ты вымахал...

Он отшвырнул топор и бросился вперед. Увидел, как ближний всадник поднимает арбалет, заорал:

— Не стрелять, повешу!

Черная молния сбила его с ног и катала по земле, то наваливаясь так, что трещали ребра под кирасой, то облизывая лицо горячим мокрым языком. Он отпихивался ладонями, орал, не в силах унять щенка, беспомощно барабатаясь посреди вихря восторга и обожания. И когда наконец смог встать, унимая прыгавшего вокруг Акбара, чувствовал себя так, словно его долго молотили цепями.

— Ну конечно, малыш, — сказал он, пытаясь привыкнуть к зубастой пасти, жарко дышавшей на уровне его лица. — Следовало сообразить, что у тебя-то был шанс спастись... Это ты меня искал тут? Или просто безобразничал?

Порядок удалось восстановить быстро, послушные фамильным заклинаниям Гэйров кони шагали в строю, но в глазах у них стоял ужас, и Сварог думал, что они непременно заработают стойкую шизофрению. Всадники тоже чувствовали себя не лучшим образом, хорошо еще, что истосковавшийся по хозяину пес держался возле его коня, не отставая ни на шаг. Один Караҳ, сидевший высоко, был беспечен, прилежно сообщая через равные промежутки времени, что внимания магов к отряду пока что не ощущает. От джинна Урак-Омтара комментариев не поступило — но временами Сварог явственно слышал тихий рокочущий хохоток.

Примерно в лиге от поместья, в редком сосновом лесу, Сварог слез с коня, прошел вперед по дороге с Леверлином и Хартогом. Они то и дело косились на неотступно сопровождавшего Акбара — пес не то чтобы замышлял против них что-то, но показывал всем видом, что терпит их присутствие только изуважения к хозяину и готов по малейшему жесту поотрывать головы. Вряд ли во время своих странствий он проникся любовью и уважением к двуногим...

— Мы едем туда вдвоем, — сказал Сварог Хартогу. — Когда начнется заварушка, вы врываетесь в поместье на полном галопе и аккуратно вырубаете под корень все, что сопротивляется. Примитивная диспозиция, но другой, по-моему, и не требуется.

— А как я узнаю, что заварушка началась? — невозмутимо спросил Хартог.

— Вы непременно увидите, — пообещал Сварог. — Урак-Омтар, ты меня понял? Когда прикажу поджечь эти чертовы

казармы, постараися, чтобы пламя увидели даже здесь. И можешь быть свободен.

— Почему бы не спалить все поместье, прямо сейчас? — пророкотал джинн. — Что мне стоит?

— А ты сможешь предварительно вытащить оттуда герцогиню?

— Прости, но это было бы четвертым желанием, — сказал джинн. — А уговор есть уговор.

— Зачем нам герцогиня? — спросил Лаверлин. — Даже если только половина из того, что о ней рассказывают, правда, лучше бы пустить ее с дымом без всяких разговоров...

— Извините, граф, но лорд Сварог прав, — сказал Хартог. — Она много знает.

Лаверлин молча отдал честь по-ронерски — приложил к сердцу вытянутую дощечкой правую ладонь — и направился к лошадям.

— Карак, в сумку, — сказал Сварог.

— Хозяин, мне бы с тобой. Вдруг я почувствую что-то.

— Куда ж я тебя дену? Плащ надевать не буду, драться помешает.

— А я просто сяду к тебе на плечо, — упрямился Карак. — Ты же берешь этого зверя?

— Ему не объяснишь...

— Зато я выгляжу гораздо безобиднее.

«И в самом-то деле, — подумал Сварог. — Когда в одном помещении окажутся балующаяся черной магией хозяйка войска из мертвцевов и громадный хелльстадский пес — в этой честной компании маленький серенький домовой будет выглядеть безобидно, словно канарейка в клетке...»

Лесок кончался уардах в двухстах от границ поместья. Ухоженный парк с фонтанами и статуями, белыми каменными лестницами, спускавшимися к пруду. Подстриженные в виде шаров и конусов деревья, длинные зеленые полосы густой живой изгороди, посыпанные желтым песком дорожки. В глубине парка виднелось большое светло-коричневое здание с высокими стрельчатыми окнами, террасами, балконами, изящными декоративными башенками цвета осенних листьев, усеянными крышу из желтой черепицы. Райский уголок. Представить трудно, что неподалеку — угрюмый каменный ящик, набитая навьими старинная казарма.

— Ну вот, а ты хотел спалить такую красоту, — сказал Сварог.

— Все равно, когда здесь промчится конница, красоты побавится, — Леверлин вздохнул. — И потом будет уйма работы. Нам же мало этого вояжу на трон посадить — ему еще удержаться надо, чтобы ты мог спокойно обитать при нем в почете и сытости... А на небесную помошь рассчитывать нечего. Придется нам поработать...

— Н а м?

— Не бросать же тебя одного? Придется помочь первое время. Должен же ты наконец увериться, что я не лоботряс, а серьезный человек. И потом, здесь, по слухам, такие вина...

«Салага ты, а не серьезный человек, — подумал Сварог. — Отличный друг, настоящий рыцарь, готовый прикрыть спину, но при всем при том — пацан пацаном. И все же хорошо, что такие живут на свете. Серьезности у него прибавится, если не сложит голову в первом же бою...»

Кони уже шагали по дорожке. Вблизи статуи оказались весьма омерзительными. Обнаженные девушки с прекрасными, но хищными лицами, ниже пояса — змеи. Звери вроде гиен, но с огромными ушами летучих мышей. Волки с почти человеческими головами.

— Интересно, — сказал Леверлин. — Хороши вкусы хозяюшки... Вот эти — предмет поклонения сатанинских культов, разгромленных лет пятьсот назад, но в глухих уголках еще существующих. Эти вроде бы обитали в седой древности у отроков Харгофера. А эти, если не считать иных рассказчиков жертвами белой горячки, и посейчас живут в Хелльстаде.

— Живут, — поддакнул Карак. — Правда, могли уже и вымереть...

— Надеюсь, вымерли, — проворчал Сварог, косясь на упомянутую кошмарную тварь. — Очень надеюсь...

— А вот эта паскуда, единственная из всех, мне совершенно незнакома, — сказал Леверлин.

— Я бы на твоем месте этому только радовался, — плюнул Сварог, глядя на пузатое создание с короткими ручками-ножками, лицом дебила и огромной лысой головой с кривыми рожками.

— Интересно... — задумчиво произнес Леверлин, словно не слышал. — Все эти извояния изображают либо мифических, либо реально обитавших существ. У всех есть прототипы в

жизни или мифологии. Но этот рогатый пузан мне решительно неизвестен, и это странно...

— Отложи-ка ученые загадки на потом, — сказал Сварог. — Нет, остановят нас когда-нибудь или они так в себе уверены?

— Нас видят, — вдруг сказал Карак. — Нас не глазами видят. Это бы ничего, обычная магия, но здесь что-то плохое...

— Не трясишься, — хохотнул джинн. — Я не обязан давать вам советы или что-то растолковывать, но духи огня помнят добро, мы благородные существа... Так вот, я не чую здесь никого могучего или особенно опасного. То, что здесь обитает, вам вполне по силам.

— Ты прав. Только не совсем, — сказал Карак. — Еще здесь пахнет кем-то... или чем-то... Его здесь нет, но остались следы. И я их боюсь.

— Кто боится следов? — фыркнул джинн. — Только такие крохи... Ну да, смердит какой-то нечистью, но ее здесь нет. Не описайся, крохотуля.

— А кто тебя не выбросил в подвал? — обиделся Карак. — Не подари я тебя хозяину, скучал бы еще сто лет...

— Тихо вы, оба, — сказал Сварог. — Вон, живая душа нарисовалась.

На крыльце вышел почтенный дворецкий в светлокоричневой с желтым, в тон зданию, ливрее, украшенной золотым галуном и гербами герцогини. По вышколенности и невозмутимости он не уступал Макреду — смотрел на визитеров так, словно сюда что ни день заявлялись всадники в доспехах, домовые и хельстадские псы, так часто, что успели примелькаться и надоест. Акбар рыкнул на него, с надеждой покосившись на Сварога. Сварог погрозил ему кулаком. Дворецкий и бровью не повел:

— Как прикажете доложить, господа?

— Барон Готар и граф Грелор. Прибыли из Пограничья.

— У вас дело к высокой герцогине?

— Передайте ей, что мы прибыли от Гарпага.

— О, в таком случае я проведу вас без доклада. Можно ли попросить вас оставить собаку снаружи?

— Боюсь, он не послушается, — сказал Сварог. — Молод еще, ни сладу, ни удержу...

— В таком случае прошу вас пройти, ваша светлость. О лошадях не беспокойтесь, за ними присмотрят. Надеюсь, и собака, и зверюшка у вас на плече будут вести себя в доме

пристойно? Не хотелось бы применять к ним... меры убеждения.

— Они хорошо воспитаны, — сказал Сварог. Он боялся, что оскорбившийся Карак и тут ввязется в спор, демонстрируя умение владеть членораздельной речью и разумность, но домовой благоразумно помалкивал.

Внутри обнаружилось то же несоответствие, что в парке: изящная мебель, подобранные в тон драпировки, золото и хрусталь и тут же статуи монстров, только поменьше тех, что в аллеях. Акбар настороженно сопровождал Сварога шаг в шаг, напрягшись, чуть ощетинившись. Они шли за бесшумно ступавшим дворецким, не встретив ни единой живой души, пущистые ковры гасили все звуки, и они сами себе казались призраками.

Дворецкий подвел их к высокой двустворчатой двери. По обе ее стороны стояли какие-то странные воины — не шевелились, словно бы и не дышали, и лица у них были совершенно серые, как мышиная шерсть. Сварог догадался, кто это, и ему стало не по себе.

Дворецкий коснулся створок, и они бесшумно распахнулись. Встав у левой, спиной к ней, он торжественно возгласил:

— Ее высочество великая герцогиня харланская!

Открылся огромный зал, совершенно не гармонировавший с анфиладой великолепных покоев, по которым они только что прошли. Противоположная двери стена закрыта гигантской черной портьерой, на ее фоне особенно ярко сверкают золотой трон и золотая статуя козла с отвратительной мордой — он поднял левую переднюю ногу, словно сделавший стойку сеттер, голова угрожающе наклонена вперед. Боковые стены — алые. Потолок и пол — черные, покрытые мириадами золотых каббалистических знаков. Окон только два, узких, высоких, с крохотными фиолетовыми и зелеными стеклами в массивных, затейливых свинцовых переплетах, но в зале тем ни менее светло, как снаружи.

Они шли вперед, пока уардах в десяти от трона их не остановил повелительный голос:

— Стойте!

И они остановились. Сварогу так и не выпадало доселе случая поинтересоваться возрастом герцогини, почему-то она представлялась костлявой седой мегерой. Но Мораг оказалась довольно красивой женщиной лет тридцати, разве что в тем-

ных глазах и уголках рта таилось нечто то ли истеричное, то ли злобное. Судя по открытому палевому платью и темным косам, уложенным в затейливую прическу и перевитым алмазными бусами, ничто человеческое ей не чуждо. О том же свидетельствовал и стоявший у трона молодой красавец с холеным надменным лицом, одетый с пошлой роскошью преуспевающего фаворита. Сварога он занимал меньше всего. Гораздо меньше, чем двое в темно-алых мантиях: у каждого в волосах над левым ухом поблескивал кроваво-красный самоцвет — как у Гарпага. Правда, эти были гораздо моложе Гарпага.

— Итак, вы из Пограничья, — сказала Мораг. Голос оказался приятным, звучным. — Вы принесли какие-то известия от Гарпага? От нашего дорогого Гарпага? Как благородно с вашей стороны было пренебречь собственными делами ради нашей скромной персоны...

В ее голосе звучала неприкрыта ирония. Один из магов провел в воздухе ладонями. Меж вошедшиими и троном возникла едва заметная глазу пелена, невесомый занавес, словно бы вышитый загадочными знаками — трепетными, искристыми, как пылинки, попавшие в солнечный лучик.

Сварог выхватил шаур, выстрелил дважды и с огромным облегчением увидел, что завеса исчезла, а маги сломанными куклами опускаются на испещренный каббалистическими знаками пол. Он слышал, как сзади визгнул выхваченный Леверлином меч, как с рыком вскочил усевшийся было Акбар, но не оглянулся — смотрел, как удивление на лице Мораг сменяется страхом, а страх — злобой. Красавчик тоже оказался не из трусов — выхватил меч и шагнул вперед, заслоняя герцогиню. Сварог сказал:

— Будете умницей — останетесь жить. Будете умницей?

Красавчик кинулся на него с мечом. Сварог, ухмыльнувшись, небрежным взмахом снес клинок по самую рукоять, оставил фаворита ошеломленно таращиться на эфес с косым обрубком лезвия. Вновь обернулся к Мораг:

— Прикажите вашему мальчику стоять тихо. Зашибу ведь.

— Отойди! — резко бросила Мораг красавцу, и тот повиновался, зло ворча, отошел на прежнее место. — Что вам нужно? Кто вы такие?

Она невероятно быстро овладела собой, чертова баба. И Сварог догадывался о причинах — поблизости, в старых казармах, полным-полно этих причин...

— Я — лорд Сварог, граф Гэйр...
— Врете, — спокойно перебила она. — Лорд Сварог, граф Гэйр, должна вас огорчить, а себя лишний раз порадовать, давно получил сполна...

— Ну хорошо, — сказал Сварог. — Какая разница, кто я такой? Гораздо интереснее узнать, что мне нужно, правда?

— И что же вам нужно?

— Хочу сообщить, что вы низложены.

— Кто же это меня низложил? — обольстительно улыбнулась Мораг. — Впервые слышу...

— Я, — сказал Сварог. — Простите, но пришлось...

— Любезный незнакомец, вы мне нравитесь. Обожаю наглецов. В постели они обычно великолепны, но с вами, боюсь, придется расстаться слишком быстро, чтобы мы успели...

Конечно, она полагалась на свое мертвое войско. И все равно не должно бы ей оставаться столь спокойной. Пока ворвется стражи, ее десять раз успеют убить. И все же она совершенно спокойна. Что-то тут не так...

— Ладно, хватит, — сказал Сварог. — Урак-Омтар, начинай.

— Выполняю, — раздался рокочущий голос. — И прощайтесь.

Алая лента огня рванулась из накаленного кармана Сварога, ширясь и разбухая, стрелой мелькнула к окну. Со звоном посыпались наружу осколки витража. Все обернулись туда, даже Мораг и ее красавчик. Вдали, над деревьями, взметнулись к небу ало-золотые языки пламени, сопровождаемые раскатистым грохотом и гулом, а мигом позже жаркий вихрь встряхнул зеленые кроны так, что листья брызнули во все стороны, ливнем посыпались на чистеные аллеи и газоны.

— Вот и нет у вас больше навьев, — сказал Сварог. — Сейчас тут будут две сотни конников. Вопросы есть?

Пламя, взлетевшее едва ли не к облакам и продолжавшее бушевать, было весьма наглядным аргументом. И Сварог с любопытством ждал, что же она теперь предпримет.

Она с исказившимся лицом дернула одно из золотых украшений подлокотника. И еще раз. И еще. Нет, эта штуковина, явно не сработавшая, служила не для вызова стражи — двое серолицых влетели в зал, застыли у двери, а Мораг все еще держала золотую шишечку.

— Что там такое? — спросил Сварог, стоя вполоборота к двери и краем глаза наблюдая за навьами. — Мы должны были провалиться под пол или она вместе с троном?

— Она, — сказал Карак. — Там, под троном, колодец, а под вами ничего такого нет...

— Назад! — отчаянно завопила Мораг. — Заприте дверь снаружи!

Навьи выскользнули в дверь и захлопнули ее за собой. Раздался грохот засова. Сварогу это не понравилось — тем более что Мораг вновь исполнилась уверенности в себе. И злобно, торжествующе расхохоталась:

— Даже если ты — Серый Рыцарь, ты дурак. Сейчас придет Он и сыграет по своим правилам...

Она обернулась к гигантской черной портьере. И почти сразу же произошло невероятное: Акбар поджал хвост, прижал уши и с диким воем бросился в угол, сжался там, пытаясь прикрыть голову лапами. По полу прокатился серый клубок — кубарем скатившийся с плеча Сварога Карак помчался к запертой двери, в слепом ужасе колотясь о дубовые панели. Словно бы горсть ледяного крошева соскользнула по телу Сварога от шеи к животу. Амулет рассыпался?!

Что-то сверкающее, длинное, заостренное вылетело прямо из портьеры, словно из стены черного тумана, пробило Мораг насквозь. Запрокидываясь, оседая, она оказалась лицом к Сварогу, и он увидел на прекрасном, злобном, гаснущем лице лишь безграничное удивление. Окровавленное острие, торчавшее из ее груди, больше всего напоминало кусок льда. Так и есть — когда Мораг рухнула ничком, разбросав руки, острие сломалось с глухим хрустом.

Красавчик бросился к ней, опустился на колени. Из-за разбитого окна донесся грохот множества копыт и азартный по-свист, крики и лязг стали.

Сварог оглянулся через плечо — Акбар осторожно выходил из угла, ставя лапы так, словно шагал по тонкому льду. Карак перестал биться о дверь. Что бы там ни таилось за портьерой, ОНО ушло.

— Ну вот и все, а я-то думал... — сказал Сварог.

И тогда упала портьера.

И за ней открылся другой зал, в половину меньше этого: весь черный, без окон, с кучей пепла посередине, огороженной кругом из обломков неотесанных камней.

И там стояли навьи, штук пятьдесят.

Они приближались, надвигались беззвучно мягким кошачьим шагом, чуть пошевеливая клинками, их лица ничего не выражали, и они до ужаса походили друг на друга.

«Хартог ошибся, — оторопело подумал Сварог. — Не знал всего. Они еще и в доме, и в парке несомненно, иначе почему там до сих пор продолжается сеча? Будь охранников всего двадцать, как говорил Хартог, две сотни конников стоптали бы их, едва заметив...»

Навьи надвигались, обтекая двумя потоками тело Мораг и застывшего над ней красавчика, вновь смыкая строй. Отступая к двери, Сварог вырвал из кармана шаур, выстрелил в ближайшего. Попал. Но тот, с глубоким разрезом на груди, все также надвигался, и из раны не показалось ни капли крови.

Бесполезно, понял Сварог. Правы те, кто их описывал. Их нужно разрубить в куски, иначе не остановишь... Рубить двери бессмысленно, не успеешь, не дадут...

Черная полоса, едва напоминавшая очертаниями исполинскую собаку, ворвалась на правый фланг навьев и ополоумевшей молнией замелькала среди них, сбивая с ног, расшвыривая, во мгновение ока произведя среди стройных рядов жуткий беспорядок. Началась свалка — но отвлекла она лишь половину наступавших.

Сварог, держа древко обеими руками, бросился вперед. Он рычал, как зверь, и в самом деле перестав быть человеком, молотил направо и налево, рассекая, рубил, уворачивался, окраиной сознания отмечая сыпавшиеся на него удары, но в горячке не чувствовал боли. Старался не ослепнуть от ярости, дрался расчетливо, насколько мог, в первую очередь обрубая руки с мечами и снося головы.

Навьи отхлынули вдруг, оставив меж собой и Сварогом широкое пространство, усеянное жутко изрубленными телами, — и все эти обрубки шевелились... Безголовая фигура, лишившаяся правой руки, левой, шаря неуверенно, слепо, пыталась вцепиться Сварогу в горло. Доран-ан-Тег, свистя, рассек ее пополам, и она рухнула. Акбар еще дрался, с ним ничего не могли поделать даже эти верткие дьяволы — мечи рассказали пустоту, мешая друг другу. Сварог, обнаружив, что с него сбили рокантон, отер лоб тыльной стороной ладони, глянул на руку — кровь... Леверлин стоял рядом, они обменялись бы-

стрymi взглядами. Студент тоже был окровавлен, но крепко стоял на ногах.

Навы вновь двинулись на них.

— Отойдите от двери, — услышал Сварог сзади четкий, громкий, спокойный голос. Леверлин вздрогнул — он тоже слышал.

— Отойдите от двери, живо! В стороны!

Сварог, не рассуждая, отпрыгнул. Леверлин сделал то же самое.

С дверью произошло нечто странное — цельные створки вдруг превратились в ряды висящих в воздухе резных квадратиков, в просветы меж ними виднелся коридор и непонятные синие силуэты. Потом исчезли и эти висевшие без опоры кусочки, остатки резных панелей. В зал хлынули синие фигуры — комбинезоны в обтяжку из отливающей металлом ткани, головы и лица закрыты глухими капюшонами, в руках странные ружья.

Синие вытянулись густой цепочкой от стены до стены, встали локоть к локтю, вскинули свои странные трехстволки со стволами словно бы из пронизанного золотистыми нитями стекла — и, похоже, повели беглый огонь. Не было вспышек, не слышалось ни звука, но навы один за другим цепенели вдруг, чернели, как головешки, и на пол падали, уже окончательно почти рассыпаясь пеплом. Сварог рванулся к Акбару, оказавшемуся на линии огня, но его схватила за локоть неслышно возникшая рядом синяя фигура, и раздался спокойный голос:

— Для живой материи это не опасно. Впрочем, постарайтесь успокоить собаку. И не суетитесь.

Раздвинув двух синих, Сварог увидел в противоположной стене аккуратный квадратный проем, и перед ним — такую же шеренгу, ведущую огонь. Беззвучная мясорубка работала — они методично целились, нажимали на спуск, и вскоре в промежутке меж двумя синими шеренгами замерло всякое шевеление, только Акбар стоял над кучами пепла и недоуменно озирался, не понимая, куда девались враги. Зарычал на синих.

Сварог с трудом успокоил его. Ныло все тело, но кираса с кольчужными рукавами из запасов барона Дальга оказалась прочной. По виску ползла теплая струйка. Возле трупа Мораг все так же, уперев локти в колени и зажав ладонями голову, сидел роскошно одетый красавчик, казавшийся сейчас самой нелепой деталью картины.

Синие разбрелись по залу, осматривая все углы. Один направился к Сварогу. Акбар, рыча, прыгнул наперевес. В руке синего что-то негромко хлопнуло с ярко-оранжевой вспышкой, и пес, окостенев подобно изваянию, медленно повалился набок.

Сварог поднял топор. Синий провел справа налево по горлу большим пальцем правой руки, поддел край капюшона и стянул его, откинув на спину. Сварог увидел лицо Гаудина — спокойное, вялое, меланхолическое.

— Сноторное, — сказал Гаудин. — И только-то. Чтобы не путался под ногами. У вас кровь, стойте спокойно... — Он сложил ладонь ковшиком, провел надо лбом Сварога, беззвучно шевеля губами. — Вот так... Поздравляю, лорд Сварог. Порой, наблюдая за вами, я испытывал неподдельное восхищение. А со мной такое редко случается, я склон на чувства. Для чужака в этом мире вы держались прекрасно...

Сварог долго смотрел на него. Потом медленно протянул руку к его груди. Пальцы непонятным образом соскальзывали с синей ткани.

— Не старайтесь, не получится, — сказал Гаудин. — Неужели вам станет легче, если вы схватите меня за глотку и встряхнете как следует? Глупости... Милый мой, я не нянюшка. И не сентиментальная девица. Я разведчик. Я второе лицо в секретной службе империи. И обязан помнить: тот, кто строит козни против вас, угрожает не одной вашей драгоценной персоне, а кое-чему большему. И когда представилась столь великолепная возможность, когда вы оказались в роли живца, я обязан был выжать из ситуации максимальную выгоду. Вам не кажется, что за вами числился небольшой должок? За столь радушный прием нужно было и заплатить самую чуточку... Кстати, если вас интересует. Есть несколько непроясненных моментов, но в целом ситуация ясна: тот, кто сбросил ваш ял на землю, этим и ограничился. Не без оснований рассчитывал, что в Хельстаде вам придет конец. Мы ведь отыскали вас, когда вы уже плыли на «Божьем любимчике»... На дуэль вызывать будете?

— Подите вы, — зло сказал Сварог. — Непременно нужен был еще и спектакль в канцелярии наместника?

— Признаться по совести, можно было обойтись и без него, — усмехнулся Гаудин. — Но хотелось посмотреть, на что вы способны. Что вас больше всего злит — то, что вы оказались

не таким уж одиноким героем, или то, что вас не вытащили вовремя? Я уже говорил в свое время, что имею на вас виды... Поймите, я не дал бы вам погибнуть. В Старой Гавани ваш домовой однажды почуял-таки один из моих драккаров, спустившийся слишком низко. Мы бы вмешались, возникли поистине смертельная угроза.

— Не буду я на вас работать, — сказал Сварог.

— Да будете, куда вы денетесь, — махнул рукой Гаудин.

— Вы замечательно бережете ваших людей, — зло бросил Сварог. — Капитана Зо и барона Дальга уже уберегли...

— О, эти дилетанты... — вздохнул Гаудин. — Они работали оба на Снольдер, поймите вы. Конкретнее — на Морское Бюро, есть там такая контора. Ну с чего вы взяли, что это мои люди? Они вам говорили? Нет? Вот видите. Вы просто сделали неверные выводы. Мы за ними наблюдали, верно, чтобы облегчить себе работу. Но на меня они никогда не работали. Хотя капитан Зо в плане возможного сотрудничества меня интересует...

— Опоздали.

Гаудин рассмеялся:

— Ах, вы решили... Лорд Сварог, на дне у Старой Гавани по-коится трехмачтовый корабль под названием «Три козырных розы».

«Божий любимчик» потопил его, сам изрядно пострадал, но прорвался в низовья реки. А ваша собачка сбежала в суматохе. Уверен, Зо предусмотрел, что на корабль у пристани могут напасть. Он, выйдя к Старой Гавани днем позже вас, сразу определил, что это чужие мачты. И сущей направился к Великому Каналу. А «Божий любимчик» вышел в море через Снольдер, плывет за капитаном... Вот так. Что до барона Дальга... Юноша был честолюбив и прекрасно понимал, на что идет. Будь он моим человеком... Моих людей так примитивно, стрелой в спину, не уберешь.

— Значит, люди Дальга вовсе не рассчитывали на вас...

— Естественно. С чего бы им на меня рассчитывать? Снольдер послал бы сюда все имеющиеся у него самолеты, попытался бы поджечь казармы прежде, чем войско навьев выйдет к его границам. Или подал бы жалобу наместнику, что вероятнее. В таких случаях мы вмешиваемся немедленно. Кстати, чем это вы ухитрились поджечь казарму? Удивили вы меня жутко этим фейерверком...

— Джинн, — сказал Сварог. — Дух огня.

— Неужели они еще остались? Занимательно... Герцогиню убили вы или ваш спутник?

— Она... С ней произошло что-то странное.

— Хорошо, потом расскажете подробно. — Он обернулся, поманил одного из своих людей: — Передайте на виману императрицы, что они могут спускаться. Опасности нет. Только сначала приберите там... самое неприглядное. И ведите сюда новоявленного великого герцога. — Он хитро глянул на Сварога. — Вот вам прекрасный случай страшно мне отплатить. Императрица считает, что я обнаружил вас всего час назад. Стоит вам рассказать ей, как обстояло на самом деле, и я кану в бездну опалы...

— Вы же прекрасно понимаете, что я этого не сделаю, — сказал Сварог зло.

— Понимаю, — ухмыльнулся Гаудин. — Я сразу понял, что душа у вас добрая, нежная, трепетная... Потому и уделяю вам столько времени... — он оглянулся. — Граф, можно попросить вас подойти?

Леверлин приблизился с видом гордым и независимым. Крови на нем не было — успели поработать люди Гаудина, но кираса носила следы жестоких ударов. На плече у него примостился Карак. «Отсиделся где-то в уголке, — обрадовался Сварог, — а я уж думал, растоптали в свалке мохнатого...»

— Поздравляю, молодой человек, — сказал Гаудин. — Вы с лордом Сварогом прекрасно справились.

— Старались, знаете ли, — Леверлин смотрел на него без особого пietета. — Спасибо, что помогли... в самом конце.

— Ну, без нашей помощи конец для вас мог оказаться и печальнее... Любезный граф, я прекрасно понимаю, что такое питомцы Ремиденума, коим свойственны бравада и удаль в любых обстоятельствах. Но сейчас сюда войдет императрица, и постарайтесь вспомнить все, что вам известно об этикете.

— Я дворянин, милорд.

— Вот и отлично. Лаур великий герцог... — Он слегка поклонился подошедшему Хартогу и бросил торчавшему за его плечом синему комбинезону: — Снимите корону с бедной дамы и принесите сюда. Размер, думаю, не тот, да потом подгонят...

Кираса на Хартоге была в длинных вмятинах, и держался он чуточку виновато. Понутив голову, сказал Сварогу:

— Милорд, я и не подозревал, что полсотни этих тварей были и во дворце. Прорывался к вам, как черт.

— Много потеряли? — спросил Сварог вяло.

— Человек сорок. Потом появились...

— Тише, господа, — сказал Гаудин. — Императрица. Визит совершенно неофициальный, но об этикете забывать не следует. — Он за шкирку снял Карака с плеча Леверлина и поставил на пол. — Любезный мой, посидите где-нибудь в уголке, домовые церемониалом, даже малым, не предусмотрены...

Сварог молча поднял верного домового на руки — из мальчишеского желания досадить. Гаудин промолчал.

Синие комбинезоны, так и не откинувшие капюшонов, построились в две шеренги, взяли оружие на караул. Вошли несколько камергеров и блестящих гвардейцев — кое-кто был Сварогу уже знаком, а за ними появилась Яна в черном мужском костюме с сиреневым кружевным воротником и такими же манжетами. На голове красовался лихо заломленный черный берет с пышным белым пером, приколотым алмазной брошью, а на боку — невыносимо изящная шпага. «Мерлезонский балет, — зло подумал Сварог. — Зеленый охотничий костюм из тончайшего бархата. Черный батальный костюм для посещения царственной особой поля боя, когда там уже успели присыпать опилками красные лужи, подмести и пинками откатить в канавы неэстетично отрубленные головы...»

Но, несмотря на тупую боль то ли от ударов, то ли от сознания, насколько жестоко его провели... Несмотря на роль дурацкой марионетки, несмотря... Черный берет подчеркивал золото волос и синеву глаз, она была прекрасна и ни в чем не виновата, искренне обрадовалась ему. А с Леверлина можно ваять аллегорическую статую «Поэт, пораженный красотой юной королевы».

Хартог, брякнув доспехами, рухнул на левое колено, как и предписывал этикет. Интересно, а с этого какую аллегорию ваять? Только сейчас до Сварога дошло, как лихо и беззастенчиво старый вояка его использовал с превеликой выгодой для себя. Рисковал капитан головой. Но игра того стоила. Хартог вовсе не рассчитывал увидеть лара, но, когда таковой воспоследовал и Сварог с ходу предложил капитану трон великих герцогов, тот, мысленно махнув рукой на все несообразности и неясности, сделал самую большую в своей жизни ставку. И получил самый крупный в жизни выигрыш. Ну и черт с ним... Сварог слушал вполуха, как Гаудин называет имена и описывает подробности. Потом увидел обращенные к нему сияющие

глаза Яны, наивные до глупости, растерянно поклонился, стыдясь сжигающей его злости.

— Вы герой, граф Гэйр, — сказала Яна. — Я безумно рада вас видеть. Какое счастье, что вас отыскали наконец...

— Заслуги лорда Гаудина на этом поприще неоценимы, — сказал Сварог. — Оставить его без должной награды было бы вопиющей несправедливостью.

Яна повернула руку ладонью вверх, мигом позже ладонь чуть опустилась под тяжестью затейливого ордена, многолучевой золотой звезды. Приложила орден к синему комбинезону Гаудина, и регалия волшебным образом прилипла, осталась на груди, когда Яна отняла руку. Вторая, в точности такая же, оказалась на груди Сварога, потом настал черед Леверлина и Хартога. Сварог скосил глаза вниз. Звезда была величиной с тарелку, лучей там насчитывалось не меньше дюжины, подлиннее и покороче, по ним блистающими пунктами протянулись бриллианты, сапфиры и рубины, да вдобавок орден был украшен ажурным золотым плетением, причудливыми арабесками, выглядел пышным до нелепости. Во рту у Сварога стоял вкус дешевого мыла.

Она уже обнажила шпагу, блестевшую, как зеркало, а камергеры и гвардейцы завистливо таращились глупыми глазами на новенькие ордена. Она слегка ударила по левому плечу оцепеневшего от торжественности момента Хартога и звонко, старательно произнесла:

— Данной мне властью и в силу традиций Империи Четырех Миров посвящаю вас, рыцарь, в великие герцоги Харланские со всеми правами и обязанностями, кои влечет за собой сей титул!

Видно было, что она впервые участвует в подобной церемонии и ей это страшно нравится. Сварогу захотелось взять ее за руку, подвести к трупу Мораг, все еще лежавшему на прежнем месте (и заслоненному спинами синих), сказать: «А вот это труп, ваше величество. Когда убивают живого человека, получается труп».

Он сдержался, конечно. Ни к чему расстраивать лишними трупами юных девочек, в данный момент мнявших себя персонажами древних рыцарских романов. Чем меньше человек увидит в жизни трупов, тем лучше. Тем более что самим трупам все равно, служат они в воспитательных целях или нет.

Воспользовавшись тем, что Яна захотела осмотреть зал, Сварог тихонько вышел в коридор. Повсюду следы жестокой схватки: кое-где лежат трупы — но остались только выглядевшие наиболее пристойно и эстетично, те, что вполне могли сойти за бутафорию к съемкам лихого боевика. Как и следовало ожидать. Казармы еще дрогорали — над кронами висел вертикальный столб грязно-бурого дыма, слабо колыхался, понемногу истаивая. Одни газоны изрыты конскими копытами, на других стоят боевые драккары и пурпурная с золотом вимана Яны. Повсюду в картичных позах застыли Бриллиантовые Пикинеры — лейб-гвардия, усачи в черных мундирах, обильно украшенных алыми кружевами и густыми рядами бриллиантовых пуговиц, нашитых где только возможно. Пики с фигурными наконечниками, на которые они небрежно опирались, были, понятно, не пики, а излучатели чего-то впечатляющего и крайне эффективного, Сварог толком так и не узнал. Поодаль, держа под уздцы коней, почтительно косясь на заоблачную гвардию, выстроились уцелевшие солдаты Хартога. Вот и все. Итог как итог, не хуже и не лучше многих. И Сварог, глядя на разгромленный парк, печально подумал: неужели и здешняя жизнь станет лишь повторением прошедшего?

Он подергал разлапистую звезду, но звезда сидела прочно, как пришитая.

— Смешно, — сказал неслышно подошедший Гаудин. — Сколько служу по департаменту, награждали исключительно к торжественным дням, и моя скромная персона помещалась обычно в конце длинного списка. И вдруг на грудь мою порхнул один из высших орденов. Не без вашей помощи.

— Не стоит благодарностей, — сказал Сварог, отвернувшись.

— Канцлер будет в растерянности и ярости. Из-за удостоившихся столь же высокого отличия ваших сподвижников. По старой традиции для земных обитателей отведена парочка вполне пристойных, но третъеразрядных орденов, но императрица, не подумав, одарила ваших соратников Полярной Звездой, которой удостаивались и немногие короли. Занятный казус.

— Должно быть, — вяло согласился Сварог.

— Конечно, личная канцелярия ее величества обязана будет отправить награжденным патенты, ибо решение императри-

цы отменено быть не может, дабы не компрометировать перед обитателями земли принципа непогрешимости трона...

— Бросьте, — сказал Сварог. — Что случилось?

— Крайне любопытная арифметика имеет место быть, — меланхолично сказал Гаудин. — Здесь уничтожено около шести сотен навьев — но экстренно предпринятое обследование выявило в последние дни в Ямурлаке и Пограничье около семи тысяч относительно недавно вскрытых могил...

— Что? Значит, остальные где-то в Харлане?

— Нет.

— А где?

— Не знаю, — сказал Гаудин. — К этому можно добавить, что моей службе неизвестны ни всадники на ящерах, атаковавшие вас возле храма, ни виновники гибели Фиортена, я просто не представляю, кто это может быть, их не должно существовать, и тем не менее... Ну что, не будете со мной работать?

— Буду, — сказал Сварог. — Но исключительно оттого, что у меня появились свои счеты. Но если вы думаете...

— Ничего я не думаю. Я решаю, подходит мне человек или нет. Вы мне подходите, лорд Сварог. Вам не приходило в голову, что все это время вам самим диким, фантастическим образом везло?

— Приходило.

— Если верить иным ученым, везение — физическая категория. Как время, гравитация или электромагнитное поле. Словом, вам следовало бы доискаться до сути своего предназначения в этом мире. Есть одна старинная книга...

— «Об искусстве игры в шакра-чатурандж»?

— Уже знаете? Ах да, Борн... Не смотрите на меня так. Никто его не заставлял выбирать именно эту дорогу.

— Что это за очаг там, в доме?

— Это жертвенник. Капище сатанистов, воссозданное с превеликим тщанием согласно старинным «черным трактатам». И пусть вас не удивляет, что портъера, сквозь которую пролетело убившее Мораг ледяное копье, при тщательном осмотре оказалась совершенно целой. Она, как и многие, излишне полагалась на хозяина, преспокойно пожертвовавшего ею, как только он понял, что больше она никакой пользы не принесет. Вы не обратили внимания на отсутствие в особняке зеркал?

— Как-то не приглядывался. Не было времени.

— Там нет ни единого зеркала. Очень странно для дома, где обитала молодая, красивая женщина, имевшая в услужении десяток юных красавиц... Видите ли, свой истинный облик порой можно скрыть так надежно, что не помогут и предназначенные для выявления такого заклинания, но зеркало нельзя ни обмануть, ни зачаровать. Очевидно, в доме обитал еще и некто, имевший веские поводы опасаться зеркал. Если вам доведется когда-нибудь попасть в дом, где нет ни единого зеркала, постарайтесь покинуть его побыстрее. — На его лице появилась жестокая усмешка. — Как только улетит императрица и ускакет новоявленный великий герцог, я выжгу это гнездо на лигу вокруг. Коли уж все можно спisать на штурм, бой... Вы знаете, как для того, кто умеет видеть, выглядят одержимые присутствием нечистой силы города? Они закутаны мглой, акварельно-серой, полупрозрачной, устойчивой... Пойдемте. Вашу собаку уже перенесли в виману, делать нам здесь больше нечего...

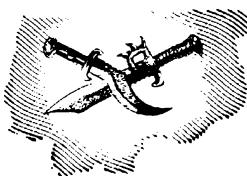
Навстречу им шел Леверлин. Сварог остановился, не зная, что сказать. Любые слова были бы не теми.

И Леверлин заговорил первым:

— Ну что, все у тебя отлично?

— Боюсь, что да, — сказал Сварог, мучительно подыскивая слова. — А ты?

— Опустошу винные подвалы герцога, насколько удастся, потом поплыту домой. Любезный батюш카, увидев беспутного сына с Полярной Звездой на груди, будет в умилении. Если подвернутся приключения — заходи. Равена, Ремиденум. Там меня знают даже кошки на крышах, только не нужно спрашивать дорогу у пожарных — студенты Ремиденума с их цехом в традиционной вражде... Удачи, дружище!

ИТОГ

В зеркале, занимавшем весь простенок, отражался спесивого вида субъект в мундире Яшмовых Мушкетеров — янтарного цвета, с рядами пуговиц из желтых опалов и золотым лейтенантским шитьем в виде виноградных листьев, а также — блиставшей слева Полярной Звездой. Сварог отвернулся от своего отражения, ни в чем, собственно, не виноватого.

— Вас интересует какая-то определенная книга, милорд? — спросил дворецкий.

— «Об искусстве игры в шакра-чатурандж».

— Сию минуту, милорд.

Сварог усился в высокое старинное кресло и смотрел, как дворецкий в белой с сиреневым ливрее поводит рукой, и прямо в ладонь ему, описав плавную дугу, спускается с одной из верхних полок толстый том в черном кожаном переплете.

— Прошу вас, милорд.

— Благодарю. Скажите... что теперь будет с замком?

— Вероятнее всего, во владение вступит один из дальних родственников, которому перейдет титул и манор лорда Магара — дабы род не пресекся. Вы разрешите задать вопрос?

— Разрешаю, — сказал Сварог.

— Обстоятельства кончины последнего лорда Магара покрыты тайной... Я надеюсь, лорд Магар не посрамил чести своего благородного рода?

«Это тоже итог, — подумал Сварог хмуро. — Неужели отважные поступки должны завершаться тем, что пустой замок достанется препустому наследнику, а напыщенный холуй в барабандах будет задавать идиотские вопросы?»

— Я полагаю, сам лорд Магар именно так и считал, — сказал он. — И имел на то все основания.

— Благодарю вас, милорд...

Он легко нашел нужное место — наугад открыв книгу там, где лежала чуть выцветшая закладка из плотной белой бумаги, покрытая небрежно нарисованными от руки парусными кораблями.

«Правило двадцать второе: Серый Ферзь может вводиться в игру лишь однажды, любым из игроков, кто решится на это первым. Поскольку неизвестно заранее, на чьей стороне будет сражаться ферзь, он именуется серым, каковое наименование

носит и в дальнейшем. На чьей бы стороне ни вводился в игру Серый Ферзь, его боевые качества, перечисленные выше, не изменяются.

Правило двадцать третье: после ввода в игру Серого Ферзя противная сторона вправе вместо своего следующего хода ввести в игру на своей стороне фигуру, именуемую Гремилькар, чьей главной задачей является охота за Серым Ферзем ради возможного его уничтожения».

— Прекрасно, — произнес вслух Сварог, охваченный нехорошими предчувствиями. Конечно, жизнь не повторяет игру автоматически и бездумно, но в одном игра и жизнь абсолютно схожи: на каждого охотника всегда найдется кто-то, для кого именно этот охотник станет дичью...

— Простите, милорд, вы что-то сказали?

Со двора доносилась тихая и печальная церемониальная музыка. Оркестр был замковый, а вот мелодия — заимствованной у кого-то из земных композиторов. Трам-пара-пам, та-та-та-парам... гроб на лафет, он ушел в лихой поход, гроб на лафет, пушка медленно ползет...

Сварог, заложив руки за спину, прошелся по залу. Обернулся к выжидательно застывшему дворецкому:

— Как вы думаете, изобретатель игры в шакра-чатурандж был умным человеком?

— Согласно легендам, ученый, коему в древности приписывалось изобретение этой игры, слыл великим мудрецом.

— Будь он не столь мудрым, меня это, возможно, устроило бы больше, — сказал Сварог.

Когда совершенно не представляешь, что тебе делать и откуда ждать удара, изреки пустую, но эффектную фразу, и это создаст удобную иллюзию, будто последнее слово остается за тобой...

И всерьез сможешь притворяться, что тебе полегчало.

Нет, в самом деле помогает, говорят.

1996 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Над самой клеткой льва	5
ЧАСТЬ I. МИЛОРД	27
Глава 1. Он идет	28
Глава 2. Он пришел	37
Глава 3. ...И охотник вернулся с холмов	54
Глава 4. Милорд принимает гостей	73
Глава 5. Развлечения и открытия	96
Глава 6. Открытия и опасности	118
ЧАСТЬ II. БРОДЯГА	141
Глава 1. Земля, вода и их обитатели	142
Глава 2. Вторая кавалькада	191
Глава 3. Маленькая неизвестная война	222

ЧАСТЬ III. ОДИН БРАВЫЙ 245

Глава 1. Двоё в седле	246
Глава 2. Двоё на палубе	282
Глава 3. Графьев прибавляется	300
Глава 4. Побег по-графски, с участием джинна	308
Глава 5. Государственный переворот как импровизация	318
Глава 6. Милорд, которого нет	328
Глава 7. Это есть наш последний...	337
Итог	366

Авторы стихов, приведенных в романе: Джон Китс, Николай Еремин, Олегерд Довмонт

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

РЫЦАРЬ ИЗ НИОТКУДА

Роман

Ведущий редактор В. В. Кузьмин

Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой

Компьютерная верстка Е. Э. Алексеевой

Корректор Л. А. Пруткова

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 22.05.2017.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура SchoolBook.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 11,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3205.

По вопросам приобретения продукции просим обращаться
по следующим адресам:

г. Москва и регионы РФ

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения про-
дукции:

Интернет-магазин: tdabris.ru

8(495) 981-10-39; 8(926) 611-98-46

zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения про-
дукции: 8(495) 615-29-01 (многоканальный)

г. Санкт-Петербург

ООО «Абрис СПб»

По вопросам розничного приобретения про-
дукции:

Железнодорожный пр., д. 20 (м.

«Ломоносовская»)

8 (812) 612-11-03, 8 (812) 327-04-50 (51),

факс: 8 (812) 560-24-17

Книжная ярмарка ДК им. Крупской, пави-
льон № 43

пр. Обуховской Обороны, дом 105

(м. «Елизаровская») 8 (812) 335-01-61

Интернет-магазин: spb-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения про-
дукции: 8(812)560-92-73

info@prosv-spb.ru

г. Симферополь, Республика Крым

ООО «Торговый дом «Абрис»

По вопросам розничного приобретения про-
дукции: 8(3652)78-83-65; 8(3652) 78-84-07;

kimea-zakaz@tdabris.ru

По вопросам оптового приобретения
продукции: 8 (978) 091-05-91

znamie@textbook.ru

г. Калуга

ООО «Школьный МИР»

По вопросам розничного приобретения
продукции:

ул. Достоевского, д.29 п.66

8 (4842) 57-58-51

zakazmir40@mail.ru

По вопросам оптового приобретения
продукции: тел./факс. 8 (4842) 57-58-51;

8(4842)53-89-26; 8 (910) 866-51-81

ooomir40@yandex.ru

г. Киров

ООО «Абрис Вятка»

По вопросам розничного приобретения
продукции: ул. Комсомольская, 63

8 (8332) 705-805, 705-787, 705-788

AbbrisVTK@textbook.ru

По вопросам оптового приобретения
продукции: тел. 8 (8332) 705-805

Интернет-магазин: tdabris.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»
127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 1

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru. E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

РЫЦАРЬ
ИЗ НИТИКУДА

20 лет
приключениям
СВАРОГА

Скучающий в провинциальной
воинской части майор ВДВ
Станислав Сварог жаждет битв.
Старый монгольский шаман
помогает ему обрести желаемое —
в один прекрасный день
• Сварога засасывает
страшная воронка
и он попадает на планету Талар,
в мир, где живут лары —
могучие колдуны...
Сварог — один из них.

ISBN 978-5-00111-172-6

9 785001 111726